

ISSN 2410-0765

Научный ежегодник

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Отдел новой истории

**ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

**FROM HISTORY AND CULTURE OF PEOPLES
OF THE MIDDLE VOLGA REGION**

№5 2015

Казань – 2015

Научный ежегодник «**Из истории и культуры народов
Среднего Поволжья**». 2015. №5. 352 с.

Редакционная коллегия:

Рафаиль Хакимов, председатель (Казань),
Ильдус Загидуллин, ответственный редактор (Казань), Ананий Иванов
(Йошкар-Ола), Вадим Тrepавлов (Москва), Галина Никитина (Ижевск),
Гаяз Самигулов (Челябинск), Геннадий Николаев (Чебоксары),
Иштван Вашари (Венгрия, Будапешт), Михаэль Кемпер (Голландия,
Амстердам), Олег Марискин (Саранск), Петр Кабытов (Самара),
Пол Верт (США, Лас Вегас)

Адрес редакции:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

На обложке: Лубочное изображение Симбирска. Начало XVIII в.
(Красовский В.Э. Столетие города Сенгиля. – Симбирск:
Типография А. и М. Дмитриевых, 1902. – С. 1).

Research Annual «**From History and Culture of Peoples
of the Middle Volga Region**». 2015. №5. 352 p.

Editorial board:

Rafail Khakimov, chairman (Kazan), Ildus Zagidullin, editor-in-chief (Kazan),
Ananiy Ivanov (Yoshkar-Ola), Vadim Trepavlov (Moscow), Galina Nikitina
(Izhevsk), Gayaz Samigulov (Chelyabinsk), Gennadiy Nikolaev (Cheboksary),
István Vásáry (Hungary, Budapest), Michael Kemper (Holland, Amsterdam),
Oleg Mariskin (Saransk), Pyotr Kabytov (Samara), Paul Vert (USA, Las Vegas)

Editorial Office Address:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

Ежегодник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52839

- © ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2015
- © Отдел новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015
- © «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отделом средневековой истории (в марте 2015 г. переименован в отдел новой истории) в пятый раз подготовлен научный ежегодник «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья». Примечателен тот факт, что авторами 5-го выпуска выступают аспиранты и соискатели отдела, что свидетельствует как о преемственности в развитии исторической науки в Татарстане, так и о том, что сборник становится дискуссионной площадкой для апробации и презентации научных идей и концепций молодого поколения исследователей.

Публикации аспиранта И.З.Ахметзянова и соискателя А.П.Моисеевой направлены на изучение новых аспектов истории первой русской крепости в Среднем Поволжье и одного из малых городов Казанского края – Свияжска. Тема малого города-крепости XVII – начала XVIII вв. находит продолжение в статье соискателя отдела Е.В.Пашиной, посвященной служилым людям «пушкарского чина» и казенным мастеровым Тетюш.

Аспирант Б.Р.Хисматуллин обращается к одной из малоизученных проблем истории Казанского ханства – фискальной политики данного средневекового государства Восточной Европы. Разрабатывающая тему торгово-промышленной деятельности татарских купцов Н.А.Кореева выносит на суд читателя свои новые изыскания о деятельности словесных судов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Изучение проблем национальной истории молодыми исследователями не ограничивается Казанским регионом. Специализирующийся на истории одной из этнословных групп татарского населения – истории оренбургских казаков – Р.Р.Аминов представил итоги своей работы по изучению формирования поселенческой структуры мусульман и нагайбаков в кантонный период, в 1798–1840 гг. Первая публикация соискателя И.М.Шарафеева посвящена характеристике примагистральных поселений Казанско-Пермского участка Сибирского почтового тракта по путевым заметкам А.Н.Радищева 1790 и 1797 гг. По протоколам Особого Совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г. и делопроизводственным материалам Министерства

внутренних дел аспирант Г.Р.Хасаншин анализирует подходы имперской власти к пониманию понятий «панисламизм» и «пантюркизм».

В хронологическом плане публикации историков можно разделить на несколько исторических периодов. Несколько интересных сюжетов по средневековой истории тюрко-татар представлены в статьях наших коллег. Ю.В.Зеленский исследует механизм передачи власти по наследству у кипчаков (донских половцев), И.А.Мустакимов, анализируя текст уникального письменного источника по истории Казанского ханства «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» (1550 г.) и сопоставляя его со средневековыми образцами мусульманской литературы, выявляет в нем заимствования из среднеазиатских произведений. Р.Г.Галлям объектом изучения выбирает особенности формирования селений «старокрещеных» в Среднем Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. – новой конфессиональной группы татарского населения региона. Астраханский исследователь И.В.Торопицын посвятил свою статью малоизвестным страницам социально-политической истории юртовских татар, а именно – их участию в борьбе правительственных сил с набегами донских казаков на реки Волгу и Яик в 1660-х гг.

Историк архитектуры И.В.Назарова, рассматривая генезис Симбирской засечной черты середины XVII столетия, приходит к выводу о том, что при строительстве засечной черты Московское государство использовало региональную систему размещения болгаро-татарских городов-крепостей и поселений.

Чебоксарский историк А.А.Чибис в своей статье повествует о внутреннем устройстве и быте православных монастырей в городах и уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – первой половине XVIII веков.

Этнограф, профессор Г.А.Корнишина рассматривает этнокультурные параллели в традиционных обрядах детского цикла татаро-мишарского и мордовского населения Республики Мордовия и причины этого явления.

Крупный специалист по истории казанского купечества Л.М.Свердлова, оставаясь верной данной тематике, обращается к новым страницам его деятельности: на основе фактов вексельных сделок татарских и русских предпринимателей губернского города освещает вопросы правового регулирования долговых отношений, вексельной несостоятельности на рубеже XVIII–XIX вв.

Авторами ряда статей по социокультурной истории Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. являются казанские историки. Н.С.Хамитбаева, обращаясь к социальным изменениям в период модернизации, исследует сословный состав населения региона, его занятость, определяет социально-классовую структуру общества в конце XIX века. Ч.Х.Саматова анализирует разработку и содержание основных нормативных актов по организации татарских учительских школ в Симферополе, Уфе, Казани. Совместная статья И.К.Загидуллина и Н.С.Хамитбаевой посвящена анализу факторов, приведших к подаче доверенными татарской мещанской общины г.Чистополя Казанской губернии петиций в адрес Комитета министров о своих духовно-религиозных и гражданских нуждах, и содержанию «докладных записок». На основе опубликованных и архивных источников А.В.Ахтямова исследует становление и начальный этап деятельности партий консервативного, либерального и социалистического направлений в Казанской губернии.

Впервые в научный ежегодник вводится раздел «*Рецензии*», в котором представлены отзывы специалистов на новые издания по истории и культуре народов Среднего Поволжья и истории региона. Речь идет о новом сборнике «История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга V: Культурная жизнь города» (Казань, 2014), составленном И.К.Загидуллиным, Л.М.Свердловой, Н.С.Хамитбаевой, Л.Ф.Байбулатовой и Х.З.Багаутдиновой (отзыв Н.В.Гарзавиной), сборнике документов «Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.)» (Казань, Чебоксары, 2014), составленном Р.Р.Исхаковым, Г.А.Николаевым (рецензия И.К.Загидуллина) и монографии И.З.Файзрахманова «Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в.» (Казань, 2013) (рецензия И.Р.Валиуллина).

И.К.Загидуллин

СТАТЬИ

УДК 94(470.4/.5)'18'

Р.Р. АМИНОВ

Формирование и расширение поселенческой структуры оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840 гг.)

В данной статье приводится динамика численности татар-казаков по материалам VII (1816 г.) и VIII (1834 г.) ревизий, выясняется, что наибольшая группа татар-мусульман в 1816 г. была сосредоточена в Каргалинской станице, которая просуществовала до 1821 г. В начале XIX в. властями проводилась политика перевода большей части населения посёлков татар-мусульман в «башкирское сословие», в 9-й башкирский кантон, при этом казаки оставались на прежнем месте жительства, в связи с этим удельный вес татар-мусульман, в отличие от нагайбаков, значительно сократился. Между VII и VIII ревизиями татары-казаки появляются во вновь образованных населённых пунктах, таких как Донской отряд, Линевский форпост, а также в Алабайтальском отряде, в первых двух татары-мусульмане составляли этноконфессиональное меньшинство. В целом в исследуемый период уместно говорить о расширении ареала расселения татар-казаков.

Ключевые слова: Кантоны, нагайбаки, татары-казаки, Каргалинская станица, Оренбургское казачье войско.

10 апреля 1798 г. было объявлено об учреждении кантонной системы управления, согласно которой Оренбургское казачье войско делилось на 5 кантонов¹, также учреждались 11 башкирских² и 5 мешьякских кантонов, и 2 кантона Уральского казачьего войска³.

¹ ПСЗ–1. – Т. XXV. – № 18477. – С. 189–190, 194.

² Заслуживает внимания, что башкиры сами изъявили желание введения у себя управления наподобие казачьего, во время правления Павла I старшина Абдул Чопдаев обращался с такой просьбой к правительству. (Апрелков А.В., Попов Л.А. Судьбы казакии. – Челябинск, 2002. – С. 18).

³ Шаяхметов Ф.Ф. Мишари и мишарские полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. // Вклад Башкирии в

Основная группа казаков-мусульман была сосредоточена в 4-м кантоне Оренбургского казачьего войска, поселения нагайбаков, казаков православного вероисповедания, вошли в 3-й, татары-мусульмане Мочинской станицы – в 5-й кантон⁴.

25 июля 1798 года оренбургский генерал-губернатор О.А. Игельстром сообщил войсковой канцелярии, что татары Сеитова посада остаются «доныне не только без отправления должной по званию их службы, но и безо всякого им положения и назначения числа, служащих и чтобы не оставались они и далее праздными, учинил я им разбор и определив по примеру прочих Оренбургских войск производить и решать все казачьи дела и словесные их жалобы предлагая, причислив их в число Оренбургских казаков»⁵.

Создание в 1798 г. Каргалинской станицы способствовало преобладанию численности татар-мусульман над нагайбаками. Всего в Каргалинскую станицу было приписано 2948 человек, из них 1737 чел. неспособных к службе и малолетних или 58,9% от общего числа приписанных – 2948 чел., 1211 человек же были годными к службе (41,1%)⁶.

В состав Каргалинской станицы вошли 17 населенных пунктов, близко расположенных (до 200 вёрст) к Сеитову посаду: Айдаралиево (Айдаралино), Арасланово, Балыклы, Бегеняш, Булгаково⁷, Верхние Кузлы, Нижние Кузлы, Зяково, Кундирово (Кундрякбашево), Стерлибашево, Тятерево, Тятерь-Арсланово, Тятерь-Ибраева, Услы (Услы-Тамак), Верхние Чебеньки, Нижние Чебеньки, Яширово (Яширганово) и другие. Их жители, в том числе выходцы из Сеитовой слободы, как правило, обосновывали свои поселения во второй половине XVIII в. в качестве припущенников башкир-вотчинников⁸. Из 17 поселений, входивших в Каргалинскую станицу, 13 находи-

победу России в Отечественной войне 1812 года: сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8 – 10 июня 2012 года / глав. ред. профессор А.Г. Мустафин. – Уфа, 2012. – С. 279.

⁴ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1907. – Вып. 8. – С. 228–229.

⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1907. – Вып. 7. – С. 441.

⁶ Там же. – С. 445.

⁷ Неустановлен этнический состав д. Булгаково в в указанный период. В 1877 г. здесь проживали русские. (Населённые пункты Башкортостана. – Ч. 1. Уфимская губерния, 1877. – Уфа, 2002. – С. 346).

⁸ Там же. – С. 446.

лись в Стерлитамакском уезде, д. Верхние и Нижние Кузлы⁹ а также д. Верхние и Нижние Чебеньки – к Оренбургскому уезду¹⁰. Согласно нашим сведениям, из их числа лишь жители посёлков Верхние и Нижние Чебеньки были ранее приписаны к казакам, жители остальных населенных пунктов представляли разные сословные группы: ясачные чуваша (пос. Бегеняш) и ясачные татары, сеитовские купцы, мещане-татары, башкиры¹¹.

В конце XVIII века оренбургскими военными властями был произведён ряд мероприятий по увеличению численности ОКВ. Так, 12 октября 1799 г. Сенат удовлетворил просьбу ясачных татар Пречистенской крепости, Жёлтого и Никитинского редутов о причислении в ОКВ¹², в архивном источнике мы находим сведения об их численности: в Пречистенской крепости – 82 ясачных крестьян, новокрещённых из мордвы и чуваш, в редутах Никитинском – 17 татар ясачных, 35 служилых татар; в Жёлтом – 15 ясачных татар и 14 служилых татар¹³, всего 163 души¹⁴. Отметим, что данные населённые пункты, так же как и Татарская Каргала, находились на берегу реки Сакмара. Таким образом, ясачные и служилые татары улучшили тем самым своё экономическое положение, а оренбургские военные власти укрепили Сакмарскую линию от набегов со стороны степи¹⁵.

1782-м годом датируется основание посёлка Чесноковка, состав жителей которого был смешанным, русско-татарским. В 1782 г. здесь поселилось 10 татар из Казанской, Пензенской, Самарской губерний,

⁹ Неизвестен этнический состав д. Верхние и Нижние Кузлы на момент включения их в состав Каргалинской станицы, в 1866 г. здесь проживала мордва (Список населённых мест. Ч. II. Оренбургская губерния, 1866, Уфа, 2006. – С. 93–94, 136).

¹⁰ ГАОО. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 122 об.; Искандаров Р.Ш., Искандаров А.Р. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. – Казань, 2005. – С. 82; Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 228; Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. – С. 56, 61, 79–80, 134–136, 139.

¹¹ Асфандияров А.З. Указ. соч. – С. 61, 79, 134–136, 139.

¹² ПСЗ–1. – Т. XXV. – № 19150. – С. 810.

¹³ В Жёлтом редуте по данным IV ревизии числилось 25 душ м.п. и 14 душ ж.п. служилых татар (всего 39 душ об. пола). ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 386–388.

¹⁴ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 353. – Л. 7–7об.

¹⁵ Киргизы (киргиз-кайсаки) – распространённое в дореволюционной литературе название казахов. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд-е. 3-е. – М.: «Советская Энциклопедия», 1973. – С. 156).

в 1798 г. – 12 из Касимовского уезда Рязанской губернии¹⁶. Важно отметить, что в пос. Чесноковка в 1788 г. зафиксировано 22 души м.п. мурз (князей) Дашкиных, находящихся в то время на подушном окладе¹⁷. В 1800 г. из Каргалы в пос. Чесноковку¹⁸ было переведено 70 семей¹⁹. Жители Зубочистенки²⁰ и Чесноковки из-за «киргизских набегов вынуждены были проживать в крепости Нижнеозёрной»²¹.

Примерно в 1788 г. возникает посёлок Зубочистенка–1²², основанный ясачными и служилыми татарами, уроженцами Мухранова хутора (ныне село Мухраново Илекского района). В 1795 г. в Зубочистке во главе с ясачным татаринцом Султы Асановым насчитывалось 35 душ ясачных и 68 служилых татар об. пола (всего 103 чел.). В том же году сюда были приписаны ещё 19 душ татар²³.

Татарские крестьяне деревень Чесноковка и Старая Зубочистенка (Зубочистенка – 1) несли тяжёлую повинность, ежегодно наряжаясь по требованию Казанской адмиралтейской конторы, на вырубку и вывозку лесов для кораблестроения. Указом от 14 апреля 1799 г. на имя Н.Н. Бахметева император Павел I удовлетворил ходатайство жителей деревень Чесноковка и Старая Зубочистенка о приписке в ОКВ, освободив их от лашманской повинности²⁴.

11 июня 1800 г. Сенат рассмотрел прошение ясачного татарина Биккина Тимяшева из д. Сеитовой Бузулуцкого округа Оренбургской губернии о переселении его «с товарищами» в пос. Чесноковка с причислением в ОКВ, 27 душ из д. Сеитовой, 35 душ из д. Белогорской и

¹⁶ Ахмаметов Р. Были Белых гор. 220 летию Чесноковки посвящается. – Переволецкий, 2002. – С. 4.

¹⁷ ГАПО. – Ф. 196. – Оп. 1. – Д. 3071. – Л. 4.

¹⁸ Название посёлку дано не случайно, а именно из-за большого присутствия в долине реки Чесноковки и по склонам Белых гор дикого лука – чеснока (Ахмаметов Р. Указ. соч. – С. 4).

¹⁹ Аминов Р.Р. Каргала – Татарская казачья станица Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – №4. (42). – 2014. – Ч. II. – С. 15.

²⁰ Попов С.А. Старинные соседи (Из блокнота краеведа) // Южный Урал. – 1985. – 21 ноября.

²¹ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 7. – Д. 800. – Л. 4 об.

²² Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург, 2006. С. 100.

²³ Попов С.А. Старинные соседи (Из блокнота краеведа) // Южный Урал. – 1985. – 21 ноября.

²⁴ Попов С.А. Село Чесноковка // Южный Урал. – 1985. – 23 октября.

97 душ из д. Новой Иштеряковой (из того же Бузулуцкого округа)²⁵. 4 марта 1801 г. просителям было объявлено об отказе. Оренбургские власти посчитали, что Биккин Тимяшев и его поверенные просятся в казачье сословие с явным намерением «избегнуть узаконенных повинностей». Причиной также явился факт перевода по предписанию бывшего Оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома татар Чесноковки на жительство в Нижнеозёрную крепость, потому что эта местность являлась удобнейшей для набегов степняков. Следует также добавить, что к началу XIX века, после причисления уже упомянутых жителей Зубочистенки, а также создания Каргалинской станицы, оренбургскими властями была решена проблема укрепления Сакмарской линии. В ГАОО нами найдено дело, из материалов которого видно, что всего изъявили желание стать казаками и переселиться в пос. Чесноковку 155 душ м.п. из Бузулуцкого уезда, однако оренбургские власти посчитали годными к казачьей службе лишь 50 человек²⁶.

В 1810 г. в Каргале проживало до 20 000 человек разного сословия (мещане, купцы, крестьяне, казаки)²⁷, которые остро нуждались в земельных наделах. Между тем свободных земель в регионе было предостаточно. Расселения казаков являлись единственным путём решения земельного вопроса. После сильнейшего пожара в Сеитовом посаде в 1800 г., лишившего крова 220 семей²⁸, каргалинцам-погорельцам оренбургские власти стали выделять наделы в других, имеющих свободные земли казачьих посёлках.

Пострадавшие каргалинцы были переселены на основании ордера оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева от 17 мая 1801 г. в редуты Никольский и Гирьяльский²⁹. В Никольский редут, на урочище «Верблюжья гора» (в 20-ти километрах от современного села Никольское), было поселено 105 семей (298 душ м.п.), среди которых значились: 3 полковника, 5 полковых писарей, 3 первых сотника, пятидесятники, хорунжие и 28 отставных нижних чинов в

²⁵ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 7. – Д. 800. – Л. 1–6.

²⁶ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 8/3. – Л. 2–2 об.

²⁷ НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 367. – Л. 1.

²⁸ Искандаров Р.Ш. Искандаров А.Р. Указ соч. – С. 79.

²⁹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1906. – Вып. 5. – С. 55–56.

возрасте от 29 до 70 лет»³⁰. Остальные 50 дворов (250 душ м.п.)³¹ в том числе 47 семей или 166 душ м.п. из княжеского рода Арслановых) на основании прошения в феврале 1800 г. отставного сотника Гумера Москвина Арсланова были размещены в Гирьяльском реду-те³². Гумер Москвин указал следующие причины переселения: недостаток хлебопахотных и сенокосных угодий, дровяного леса, «отягощения, причиняемые им чиновными людьми посада при выполнении ямской повинности»³³. Переселенцам было разрешено построить мечети, предоставлена на три года льгота от службы, кроме выполнения ямской повинности³⁴. Важно отметить, что до переселения в 1801 г. каргалинцев-казаков в Гирьяльском и Никольском реду-тах татары-казаки отсутствовали.

Кроме Гирьяльского и Никольского редутов, а также пос. Чесноковка, 50 дворов каргалинских татар в 1805 г. были переселены на постоянное жительство в посёлок Рычковка³⁵. Само поселение берёт начало с 1746 г., когда П.И. Рычкову³⁶ было отведено 25 десятин пахотной земли для заведения хутора между крепостями Чернореченской и Татищевой. В 1769 г. здесь существовал «господский дом» с крестьянскими дворами³⁷.

Очевидно, что каргалинцы переселяясь на новые населённые пункты ОКВ вначале XIX в. способствовали расширению географии расселения татар в войске, а оренбургские власти тем самым укрепляли слабые участки линии.

17 июля 1801 г. было удовлетворено ходатайство татар Стерлитамакского округа (уезда): д. Бузатово (88 душ м.п.), Ерыклы-Илгиной (28), Киргиз-Мияковой (19), Мендяковой (2), Тятербашевой

³⁰ О переселении Сеитовских казаков при реду-тах Николаевском (Никольском) и Гирьяльском // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург, 1900. – Вып. 6. – С. 55.

³¹ Там же. – С. 55–56.

³² Материалы по историко-статистическому... – Вып. 7. – С. 46.

³³ Искандаров Р.Ш., Искандаров А.Р. Указ. соч. – С. 80.

³⁴ Материалы по историко-статистическому... – Вып. 5. – С. 56.

³⁵ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С. 115.

³⁶ П.И. Рычков (1712–1777 гг.) – Географ, натуралист, историк, экономист, первый член корреспондент Петербургской Академии наук, член Вольного экономического общества и Вольного российского собрания при Московском университете (Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Пётр Иванович Рычков. 1712–1777. / Отв. ред. Г.Е. Павлова. – М., 1991. – С. 5.

³⁷ Попов С.А. Село Рычковка // Южный Урал. – 1985. – 22 декабря.

(33), Чёрный ключ (5) о приписке в ОКВ. Они были переселены на Оренбургскую линию, где основали пос. Зубочистенка–2 (Новая Зубочистенка), также к ним был причислен один служилый татарин из д. Старое Мансурово Бузулукского уезда, в общей сложности казаками стали 176 душ м.п., Д.Н. Денисов приводит несколько иную сумму – 181 душа м.п.³⁸

В первой четверти XIX в. татары-крестьяне подавали прошения о причислении в татарские казачьи поселения. Например, 8 сентября 1811 г. ясачный татарин д. Ишкурмы Мамадышевской округи Казанской губернии Мухамет Мусалимов просился с детьми во 2-ую Зубочистенскую станицу³⁹. Кажется, он получил отказ: в материалах VII ревизии (1816 г.) по 2-й Зубочистенской станице отсутствует его фамилия⁴⁰.

В 1810 г. строился новый тракт для перевозки соли из Илецкого соляного промысла в Самару, для его охраны было решено образовать так называемую Ново-Илецкую линию⁴¹. В 1811 г. создавались новые форпосты: Изобильный, Затонный, Озёрный и Новоилецкий⁴², чуть позднее, в 1818–1826 гг., появились и другие поселения, в частности Линецкий форпост, где проживали татары-казаки. В Новоилецком форпосте во второй половине XIX в. фиксируются татары-мусульмане⁴³. Что касается Озёрного форпоста, то татары тут также присутствовали, но он относился к Уральскому казачьему войску⁴⁴.

В начале XIX в. наблюдается причисление представителей других групп мусульманских этносов в поселения татар-казаков, в частности 26 августа 1804 г. в Орскую крепость были приписаны 2 башкира и ссыльный чеченец, позднее, в 1806 г., небольшая группа нагайбаков по собственному желанию переселилась из Белебеевского уезда в поселения на Оренбургской пограничной линии, на Орскую дистанцию. В отряд Подгорный было определено 40 чел., также 3

³⁸ Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 11–12; Денисов Д.Н. Указ. соч. – С. 107.

³⁹ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3324. – Л. 1–1 об.

⁴⁰ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 273–282.

⁴¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. – Т. XI. – Ч. IV. Землеустройство казачьих войск: Исторический очерк. Сост. Н.А. Чернощёков. – СПб., 1911. С. 238.

⁴² По материалам VIII ревизии в Ново-Илецком форпосте татар нами не обнаружено (ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 408–436).

⁴³ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С. 116.

⁴⁴ Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. – Казань, 1985. – С. 13.

человека в крепость Ильинскую, 86 нагайбакам-переселенцам было приказано избрать другие местности⁴⁵. В результате Ильинская крепость превратилась в поликонфессиональное поселение⁴⁶.

В первой половине XIX в. несколько десятков семей нагайбаков были подселены вместо украинцев (они попросили оренбургских властей о переселении на историческую родину) в пос. Нежинка (возник как редут в 1742 г. на Оренбургской пограничной линии, проходившей по реке Яик). Сюда переселились казаки и солдаты с Поволжья и Новой Закамской линии⁴⁷.

Таблица №1

Численность нагайбаков-казаков Белобеевского уезда по материалам VII ревизии (1816 г.)⁴⁸

№	Название поселения	кол-во семей	душ м.п.	душ ж.п.	душ об. пола
1	Ахманово	27	68	79	147
2	Бакалы	67	119	113	232
3	Балыклы	20	59	58	117
4	(Старое) Зияшево	69	181	228	409
5	(Старое) Иликово	49	122	163	285
6	(Старое) Кастеево	34	78	97	175
7	(Старое) Килеево	41	96	106	202
8	(Старые) Маты	41	89	118	207
9	Мушуга	6	9	13	22
10	Нагайбакская крепость	65	116	108	224
11	Новая Юзеева	28	59	97	156
12	(Старое) Умирово	31	92	94	186
13	(Старые) Усы	17	40	52	92
14	Шерашли	60	146	205	351
	Итого	555	1274	1531	2805

Как видно из таблицы №1, в 1816 г. наибольшая группа нагайбаков расселялась в д. (Старое) Зияшево – 409 душ обоего пола (14,6%), самая малочисленная группа – в д. Мушуга (22 души обоего

⁴⁵ Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 64–65, 85–86.

⁴⁶ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 26–50.

⁴⁷ Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. – Оренбург, 2013. – С. 176–177.

⁴⁸ ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 173–315.

пола). В связи с отбытием 116 нагайбаков на военную службу, численность женщин стала преобладать над мужской частью населения (54,6% и 45,4% соответственно). Население д. (Старые) Усы увеличилось на 35 душ об. пола (61,4%), а численность нагайбаков в Нагайбакской крепости, напротив, уменьшилась на 103 души об. пола (31,5%) и составила 224 души об. пола.

Среднестатистическая нагайбакская семья состояла из 5,05 душ.

В 1816 г. среди 555 семей нагайбаков насчитывалось 24 семьи чиновников (25 душ м.п. и 44 души ж.п.)⁴⁹.

Нами выявлен факт включения в состав Нагайбакской станицы в 1815 г. смоленских шляхтичей Письмянской (10 семей – 12 душ м.п. и 5 душ ж.п.) и Кувацкой слобод (11 семей – 13 душ м.п. и 10 душ ж.п.) из Бугульминского уезда. Всего в совокупности в Нагайбакскую станицу была приписана 21 семья шляхтичей (или 40 душ об. пола)⁵⁰. Шляхтичи входили в состав ОКВ. Известно также, что в ведомстве Нагайбакской станицы в 1816 г. состояли казаки пригорода Заинск и города Мензелинск⁵¹, этнический состав которых неизвестен.

Исследуя материалы VII ревизии, мы установили, что в 1812–1815 гг. в село Бакалы были переселены татарские князья (мурзы). Так, в 1815 г. сюда были переведены мурзы Чанышевы. Всего в Бакалах поселилось 7 семей (8 душ м.п. из рода Чанышевых)⁵². В 1812 г. в с. Бакалы был переведён мурза Асфандияр Максютов который в 1816 г. служил в чине есаула⁵³. По сведениям VIII ревизии (1834 г.) установлено, что в 1819–1829 гг. татарские князья из с. Бакалы были переведены в д. Кузеево Белебеевского уезда. Асфандияр Максютов, в 1817 г. был приписан во 2-й тептярский полк⁵⁴. Интересно, что кроме мурз, в с. Бакалы причисляли людей из тептярского сословия. К примеру, в 1830 г. сюда был переведён из Тептярского полка Василий Ермолаев⁵⁵. Мурзы присутствовали и в д. Маты – две

⁴⁹ Там же. – Л. 173–175 об.

⁵⁰ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 609–613.

⁵¹ Всего в Нагайбакской станице по данным VII ревизии насчитывалось 1446 душ м.п. и 1559 душ ж.п. (всего 3005 душ об. пола). Из которых по нашим подсчётам в пригороде Заинск и в г. Мензелинск числилось 147 душ м.п. и 13 душ ж.п. (всего 160 душ об. пола). (Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 229).

⁵² ЦИА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. – Д. 305. – Л. 297 об., 298 об.

⁵³ Там же. – Л. 175.

⁵⁴ ЦИА РБ. Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 518. – Л. 144 об., 146 об., 147 об., 149 об.

⁵⁵ Там же. – Л. 149 об.

семьи князей Кудашевых (4 души м.п.), переселённых сюда в 1813 г.⁵⁶ По данным VIII ревизии выясняется, что Кудашевых (3 души м.п.), также как и Чанышевых, перевели в д. Кузеево, а Араслангарея Кудашева в 1826 г. – в Воздвиженскую станицу⁵⁷.

В поселения нагайбаков подселяли представителей различных сословных групп из русских. Так, в 6-ти из 14-ти поселений были расселены русские казаки⁵⁸. В 1815 г. в д. Зияшево были причислены 2 души м.п. солдатских детей, а в д. Шерашли – русская семья из 1-й Зубочистенской станицы (1 душа м.п. и 1 душа ж.п.), в д. Маты подселена в 1813 г. русская семья (3 души м.п. и 5 душ ж.п.) из Оренбурга, а также 1 душа м.п. из солдатских детей. 15 семей (22 души м.п. и 13 душ ж.п.) причислили в Нагайбакскую крепость, в том числе 4 семьи дворян⁵⁹ (9 душ об. пола). Атаман Нагайбакской станицы Ефим Никитин с женой также был переведён в Нагайбакскую крепость из 4-го кантона, из штатской службы хорунжий Василий Медведев в 1815 г. – в д. Усы⁶⁰.

Татарские мурзы-казаки числились не только в нагайбакских поселениях. К примеру, в 1816 г. в Нижнеозёрной станице проживали Хусейн Дашкин, Салих Дашкин (прибыли в 1815 г.), Яхья Дашкин (прибыл в 1812 г.)⁶¹; Хусейн и Салих Дашкины в 1823 г. были переведены в д. Яушево⁶². Теперь рассмотрим численность татар-мусульман по данным VII ревизии (1816 г.).

⁵⁶ ЦИА РБ. – Ф. И-138. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 308 об.

⁵⁷ ЦИА РБ. – Ф. И-138. – Оп. 2. – Д. 518. – Л. 163 об.

⁵⁸ Особо следует отметить с. Бакалы, к примеру, сюда в 1813 г. был переведён из духовного звания Галактион Сидельников с женой также между VI и VII ревизиями сюда были подселены 7 семей из солдатских детей (8 душ м.п. и 5 душ ж.п.), 1 русская семья из Каргалинской станицы (1 душа м.п. и 1 душа ж.п.), 1 душа м.п. из плена, 1 семья (1 душа м.п. и 1 душа ж.п.) из Оренбургской линии, а также 1 мужчина «не помнящий родства», и неизвестно откуда Степан Петров, 3 семьи (3 души м.п.) чиновников из Уфимской станицы, и наконец, вышеупомянутые 7 семей мурз (8 душ м.п.). Всего получается – 23 семьи (25 душ м.п. и 8 душ ж.п.). Все эти поселенцы составляли от общей суммы, приписанных в казаки в поселениях – 14,2% (ЦИА РБ. – Ф. И-138. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 298 об.–299.

⁵⁹ В одной семье (2 души м.п.) наблюдаются мусульмане. (Там же. – Л. 178 об.).

⁶⁰ Там же. – Л. 175, 224 об. – 225, 284 об. – 285, 310 об. – 311, 314 об. – 315.

⁶¹ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 260 об.

⁶² ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 299 об.

**Численность казаков татар-мусульман и русских ОКВ
по данным VII ревизии (1816 г.)⁶³**

	Название поселения	Татары			Русские			Всего		
		м.п.	ж.п.	об. пола	м.п.	ж.п.	об. пола	м.п.	ж.п.	об. пола
1	Крепость Воздвиженская	35	30	65	–	–	–	35	30	65
2	Станица Гирьяльская	31	22	53	3	1	4	34	23	57
3	Редут Жёлтый	6	7	13	–	–	–	6	7	13
4	Станица 1-я Зубочистенская	156	145	301	18	16	34	174	161	335
5	Станица 2-я Зубочистенская	135	115	250	23	23	46	158	138	296
6	Станица Ильинская ⁶⁴	5	5	10	40	35	75	45	40	85
7	Станица Каргалинская ⁶⁵	649	305 ⁶⁶	954	2	2	4	651	307	958
8	Слобода (деревня) Кондуrowsкая	13	6	19	–	–	–	13	6	19
9	Станица Мочинская ⁶⁷	326	362	688	3	2	5	329	364	693

⁶³ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 105 а – 156, 167 а – 282, 334 об. – 365, 383–388, 399–404, 575–597.

⁶⁴ В Ильинской станице по данным VII ревизии татар-мусульман нами не обнаружено, 10 душ об. пола являются нагайбаками.

⁶⁵ По нашим подсчётам 702 души об. пола проживало в Оренбургском уезде, из них 4 души об. пола являлись русскими (2 души м.п. и 2 души ж.п.), в Стерлитамакском уезде насчитывалось 256 душ об. пола (205 душ м.п. и 51 душа ж.п.). По нашему мнению, все они являлись татарами-мусульманами.

⁶⁶ Неполные данные, в ревизской сказке численность женского пола Каргалинской станицы Оренбургского уезда не соответствует приведённым в ней сведениям, в конце текста документа указано, что душ ж.п. – 249, определение их численности в Каргалинской станице усложняется отсутствием одного листа с данными о численности м.п. и ж.п. Всего нами подсчитано – 256 душ ж.п. Такая же ситуация и с численностью мужского пола, в конце ревизской сказки указано – 461 душа м.п., а по нашим подсчётам – 446 душ м.п.

10	Крепость Нижнеозёрная	240	242	482	539	556	1095	779	798	1577
11	Редут Ники- тинский	17	18	35	–	–	–	17	18	35
12	Станица Никольская	64	57	121	2	1	3	66	58	124
13	Деревня Новочеркас- ская	30	34	64	–	–	–	30	34	64
14	Станица Орская	114	74	188	67	60	127	181	134	315
15	Станица Рычковская	16	12	28	6	4	10	22	16	38
16	Станица Чесноковская	66	56	122	184	151	335	250	207	457
	Итого	1903	1490	3393	887	851	1738	2790	2341	5131

В таблице №2 отсутствуют Верхнеозёрная и Красногорская крепости, а также д. Верхние и Нижние Чебеньки, жители последних были переведены в «башкирское сословие»⁶⁸. Татары-казаки Красногорской крепости в 1810 г. были переселены в д. Новочеркасскую⁶⁹. В Верхнеозёрной станице (крепости) татар-казаков по материалам VII ревизии не зафиксировано⁷⁰.

Таким образом, наименьшее количество татар-мусульман наблюдалось в Жёлтом редуте – 13 душ об. пола (0,4%) наибольшая группа усматривается в Каргалинской станице – 954 души об. пола. (28,1%). Соотношение полов среди мусульман составляло: 56,1% м.п. и 43,9% ж.п. Интересными представляются данные о количестве русских в поселениях татар-казаков, среди 5131 человек они составляли 1738 душ об. пола или 33,9%, доля татар-казаков определялась цифрами – 3393 человек (66,1%). Если прибавить нагайбаков-казаков – 2805 человек, получим 6198 душ об. пола. Доля нагайбаков

⁶⁷ В Мочинской слободе проживали также чуваша, они носили в основном тюркские имена и фамилии, поэтому в числе татар-казаков нами подсчитаны и чуваша-казаки. (Севастьянов С.Н. К вопросу об образовании Оренбургского казачьего войска // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. XXX. – Оренбург, 1914. – С. 89–90).

⁶⁸ ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 169–197.

⁶⁹ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С. 115.

⁷⁰ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 92–105.

Белебеевского уезда составляла 45,2%. Напомним, что татар-казаков по данным V ревизии насчитывалось не менее 5633 душ об. пола, таким образом, несмотря на перевод татар-мусульман в 9 башкирский кантон, который рассмотрим ниже, численность татар-мусульман увеличилась на 565 душ об. пола (10%). В 1816 г. в ОКВ насчитывалось 24963 мужчин⁷¹, среди них татары 3177 души м.п. составляли не менее 12,7% военно-служилого сословия.

Из 16 приведённых в таблице №2 поселений лишь в трёх татары составляли этноконфессиональное меньшинство: в станицах Ильинская (11,8%), Нижнеозёрная (30,6%) и Чесноковка (26,7%).

Демографический состав поселений татар-мусульман позволяет нам утверждать, что власти подселяли к ним русских казаков. Это отчётливо видно на примере пос. Чесноковка, если в 1801 г. здесь усматривается появление 70 семей каргалинцев-казаков, то уже к 1816 г. доля русских казаков составляла 73,3%. Столь весомое преобладание русских объясняется тем, что большая часть татар-казаков пос. Чесноковка была приписана в 9-й башкирский кантон.

Отличительной особенностью семей татар-мусульман являлось многожёнство. К примеру, в 1-й Зубочистенской станице по материалам VII ревизии (1816 г.) наблюдается 7 полигамных семей, в 1834 г. их количество возросло до 12⁷², в Каргалинской станице, в поселениях Оренбургского уезда по данным VII ревизии нами подсчитано 9 полигамных семей⁷³. Похожая ситуация усматривается и в других поселениях татар-мусульман. Для вступления во второй брак мусульманам-казакам ОКВ в 1840-е гг. требовалось разрешение начальства, а также выдача удостоверения, которое подтверждало, что жених имеет веские причины для второго брака и в состоянии содержать обеих жён⁷⁴.

⁷¹ Неполные данные. (Материалы по историко-статистическому описанию... – Вып. 8. – С. 230–231).

⁷² Годовова Е.В. Социографическая характеристика семьи оренбургских казаков // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI «Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган, 2012. – С. 223.

⁷³ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 170, 182, 191, 201, 205, 209.

⁷⁴ Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... к.и.н. – Казань, 2010. – С. 88.

В 1812–1816 гг.⁷⁵ оренбургскими властями проводилась политика причисления ряда поселений казаков–мусульман в состав 9-го башкирского кантона⁷⁶. При этом они оставались жить в своих поселениях.

В 9-й башкирский кантон были записаны татары-казаки следующих поселений: пос. Верхние и Нижние Чебеньки, Орская крепость, Гирьяльская, Никольская, Каргалинская, Рычковская, Чесноковская станицы, ногайцы Воздвиженской крепости, Кондуровской слободы, Жёлтого и Никитинского редутов⁷⁷. В 9-й башкирский кантон не было переведено население Алабайтальского отряда, Донского отряда, 1-й Зубочистенской станицы, 2-й Зубочистенской станицы, Ильинской станицы, Мочинской станицы, Нижнеозёрной крепости⁷⁸.

Интересно, что не только татар переводили в «башкирское сословие». Согласно данным Г.С. Султангалиевой в 1799–1815 гг. в «башкирское сословие» было зачислено 1226 киргиз (казахов) (863 души м.п. и 363 души ж.п.)⁷⁹. Заметим что «башкиры» из казахов усматриваются в небольшом количестве и в поселениях татар мусульман.

⁷⁵ Верхнюю границу начала перевода татар в «башкирское сословие» установить довольно сложно возможно перевод начался раньше 1812 г.

⁷⁶ Хронологические рамки перевода татар-мусульман Гирьяльской, Никольской и Рычковской станиц в 9-й башкирский кантон установить не удалось, но мы считаем, что они также были переведены в начале XIX в. (точнее до 1816 г.). Заслуживает внимания, что жители посёлков переведённых в 9-й башкирский кантон в архивных документах с тех пор указывались как «башкиры» данный термин носил чисто сословный характер. С введением «Положения» об ОКВ 12 декабря 1840 г. большая часть татар-казаков вернулась в состав, окончательно же все так называемые «башкиры» вернулись в состав ОКВ после упразднения Башкирского войска в 1865 г. По ведомости 1842 г. поселения ногайцев входили в 9-й кантон Башкиро-Мещеряевского войска. Никитинский редут (15-й юрт), Воздвиженская крепость, Жёлтый редут, Кондуровская слобода (37-й юрт). Также в 9-м кантоне частично продолжало находиться население: д. Новочеркасская (11-й юрт) и д. Верхние и Нижние Чебеньки (38-й юрт). (Гатиятуллин З. Башкиры 9-го и 10-го кантонов в Отечественной войне 1812 года. // Ватандаш. – 2013. – Апрель. С. 112–113).

⁷⁷ ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 169–197, 665–747; Д. 161. – Л. 121 об.–196, 288 об., 308–312; ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 111 об., 129 об., 130 об., 131 об., 132 об., 133 об., 141 об., 213 об. – 231, 357 об., 358 об., 359 об., 360 об., 361 об., 362 об., 363 об., 364 об., 403 об.; ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 33. – Л. 1 об. – 2, 21 об., 34 об., 35 об., 40 об., 43 об., 44 об.

⁷⁸ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 105 а – 109, 232–282, 575–597; д. 57. – Л. 107–133, 242–265, 481–493; д. 58. – Л. 1–24, 190–302.

⁷⁹ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа, 2002. – С. 48.

Уместно будет привести сведения о татарах-казаках переведённых в 9-й башкирский кантон.

Таблица №3

Список поселений по VII ревизии и количество переведённых татар-мусульман и ногайцев в 9-й башкирский кантон⁸⁰

№	Название поселения	Семей	душ м.п.	душ ж.п.	душ об. пола
1	Деревня Верхние Чебеньки	87 ⁸¹	232	227	459
2	Крепость Воздвиженская	77	380	402	782
3	Станица Гирьяльская	21	88	73	161 ⁸²
4	Редут Жёлтый	59	199	202	401
5	Станица Каргалинская	437 ⁸³	1048	1029	2077
6	Слобода Кондуровская	47 ⁸⁴	248	223	471
7	Деревня Нижние Чебеньки	68	165	178	343
8	Редут Никитинский	48	203	198	401
9	Станица Никольская	56	242	215	457
10	Деревня Новочеркасская	29 ⁸⁵	100	101	201
11	Крепость Орская	41	178	128	306
12	Станица Рычковская	39	156	163	319
13	Станица Чесноковская	33	174	180	354
	Итого	1042	3413	3319	6732

Важно отметить то, что некоторые татарские-казачьи поселения были основаны бывшими ясачными и служилыми людьми. К приме-

⁸⁰ ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 169–197, 665–747; д. 161. – Л. 121 об. – 196, 280–296, 307 об.–312; Д. 170. – Л. 423 об.–425.

⁸¹ Из 87 семей в Верхних Чебеньках по VII ревизии, имелись 3 казахские семьи (3 души м.п.), 1 семья из бухарских детей (3 души м.п. и 3 души ж.п.) которая была поселена в 1813 г., и 3 семьи причисленные из-за границы (3 души м.п.) в 1815 г. (ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 181 об. – 184).

⁸² Неполные данные.

⁸³ В 1813 г. в Каргалинскую станицу были подселены 19 семей из бухарских детей они учтены в числе 437 семей (ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 738 об. – 741, 742 об. – 743).

⁸⁴ Важно отметить, что в Кондуровской слободе по данным VII-й ревизии нами выявлено присутствие казахов (17 душ м.п. и 12 душ ж.п.). (ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 161. – Л. 149 об. – 151).

⁸⁵ В д. Новочеркасская усматривается одна семья казахов (1 душа м.п. и 2 души ж.п.) (ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 161. – Л. 311 об. – 312).

ру, посёлок Алабайтал был основан в 1818 г. ясачными и служилыми татарами, уроженцами д. Новогумерово и д. Ускальцкая⁸⁶, переселёнными сюда против своей воли⁸⁷. Татары д. Новогумерово и Ускальцкая были приписаны в ОКВ высочайшим указом императора Александра I от 2 августа 1817 г. Деревня Новогумерово находилась недалеко от границы, подвергалась частым набегам казахов, перейдя в казаки, новогумеровцы предполагали остаться на прежнем месте жительства прежде всего для охраны Старой Сакмарской линии⁸⁸. Однако оренбургские военные власти решили использовать их для усиления границы по правобережью реки Урал⁸⁹.

Татары-казаки в 1-м и 2-м кантонах отсутствовали. Согласно выявленным статистическим сведениям, в 1816 г. наибольшее количество поселений находилось в 4-м кантоне (станции Гирьяльская, Зубочистенская–1, Зубочистенская–2, Ильинская, Каргалинская⁹⁰, Никольская, Орская, Рычковская, Чесноковская, крепости: Воздвиженская, Нижнеозёрная, редуты: Жёлтый, Нежинский, Никитинский, Подгорный, деревня Новочеркасская, слобода Кондуровская). Нагайбакская станица, в которую кроме Нагайбакской крепости, входили ещё 13 поселений, а также частично жители Письмянской и Кувацкой слобод, г. Мензелинск и пригород Заинск, относилась к 3-

⁸⁶ Потапова А.Н. Село Алабайтал: Страницы истории. // История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105 – летию со дня рождения М. Джалиля, 120 – летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): Материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. – Оренбург, 2011. – С. 110–111.

⁸⁷ Среди алабайталцев сохранилась легенда о том, что Вагап с 9-ю сыновьями был переселён на новое место в кандалах (Садыкова З.Р. Указ соч. – С. 11).

⁸⁸ Хасанова Р.Г. Алабайтал. Страницы истории. – Оренбург, 2012. – С. 15.

⁸⁹ Аминов Р.Р. Из истории образования посёлка Алабайтал Оренбургского казачьего войска. // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. №10 (19): сборник статей по материалам XIX международной заочной научно-практической конференции. – М, 2013. – С. 7–8.

⁹⁰ К сожалению, нет точных сведений о количестве поселений входивших в 1816 г. в Каргалинскую станицу, известно лишь что д. Верхние и Нижние Чепеньки уже не входили в состав ОКВ, касаясь других 15 поселений: Айдаралиево, Арасланово, Балыклы, Бегеняш, Булгаково, Верхние Кузлы, Нижние Кузлы, Ярково, Кундирово, Стерлибашево, Тятерево, Тятерь-Арсланово, Тятерь-Ибраева, Услы, Яширово (Яширганово) нет сведений какое количество из них находилось в составе ОКВ в исследуемый период.

му кантону ОКВ. Мочинская станица, в которой проживали татары-мусульмане, входила в 5-й кантон⁹¹.

Таким, образом, основной ареал расселения татар приходился на 4-й кантон, важно отметить, что нагайбаки присутствовали и в 3-м и в 4-м кантонах (Ильинская станица, Нежинский и Подгорный редуты).

Таблица №4

**Численность нагайбаков-казаков
по материалам VIII ревизии (1834 г.)⁹²**

№	Название поселения	Семей	душ м.п.	душ ж.п.	душ об. пола
1	Ахманово	29	92	97	189
2	Бакалы	64	121	136	257
3	Балыклы	26	77	85	162
4	(Старое) Зияшево	83	240	284	524
5	(Старое) Иликово	54	157	176	333
6	(Старое) Кастеево	27	86	96	182
7	(Старое) Килеево	44	140	145	285
8	(Старые) Маты	50	130	161	291
9	Мушуга	6	12	18	30
10	Нагайбакская крепость	68	142	173	315
11	Новая Юзеева	28	81	92	173
12	(Старое) Умирово	43	110	143	253
13	(Старые) Усы	14	54	64	118
14	Шерашли	70	185	232	417
	Итого	606	1627	1902	3529

Если сопоставить статистические сведения 1816 г. и 1834 г., очевидно что численность нагайбаков возросла с 2805 до 3529 душ об. пола, то есть увеличилась на 724 человек или же 25,8%, наибольший прирост наблюдается в д. Килеево – 41,1%, наименьший в д. Кастеево – 4,0%. Самым крупным поселением оставалась д. Зияшево – 524 душ об. пола (14,8%), наименьшее число нагайбаков зафиксировано в д. Мушуга – 30 душ об. пола.

Власти также продолжали политику переселения русских и других этнические групп в поселки нагайбаков. Особо отметим переселение 1

⁹¹ Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 86, 181, 228–229.

⁹² ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 518. – Л. 2–219.

киргиза в с. Бакалы, 1 душу м.п. из Уланского полка в д. Зияшево. В д.Иликово в 1822 г. перевели 1 семью из «башкирцов» (4 души м.п. и 2 души ж.п.), одну семью (2 души м.п.) в д. Кастеево⁹³. Наибольшее количество поселенцев сосредоточилось в с. Бакалы и Нагайбакской крепости, в последней зафиксирована одна мешерякская семья (3 души м.п. и 2 души ж.п.)⁹⁴. Нельзя обойти вниманием и перевод в 1830 г. из Тептярских полков 19 душ об. пола, из которых 10 мужчин (в с. Бакалы – 3 чел., Балыклы – 3, Маты – 2, Нагайбакская крепость – 2)⁹⁵.

Таблица №5

Численность казаков татар-мусульман и русских ОКВ по данным VIII ревизии (1834 г.)⁹⁶

	Название поселения	Татары			Русские			Всего		
		м.п.	ж.п.	об. пола	м.п.	ж.п.	об. пола	м.п.	ж.п.	об. пола
1	Отряд Алабайтальский	195	175	370	14	16	30	209	191	400
2	Станица Воздвиженская	124	126	250	–	5	5	124	131	255
	Отряд Донской	62	78	140	78	70	148	140	148	288
3	Отряд 1-й Зубочистенский	259	265	524	9	8	17	268	273	541
4	Отряд 2-й Зубочистенский ⁹⁷	227	190	417	24	16	40	251	206	457
5	Крепость Ильинская ⁹⁸	93	65	158	78	64	142	171	129	300

⁹³ ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 518. – Л. 7 об. – 8, 67 об. – 68, 127 об. – 128, 148 об. – 149,

⁹⁴ Там же. – Л. 199 об. – 200.

⁹⁵ Там же. – Л. 39 об. – 40, 45 об. – 46, 148 об. – 150, 178 об. – 179, 193 об. – 194, 201 об. – 202.

⁹⁶ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 57. – Л. 14 – 34, 107 – 133, 209 – 265, 481 – 493; д. 58. – Л. 1 – 55, 61 – 125, 190 – 302, 389 – 407, 518 – 560.

⁹⁷ По материалам VIII ревизии во 2-м Зубочистенском отряде усматриваются 4 семьи «башкир» 9-го башкирского кантона из Сеитова посада (15 душ м.п. и 16 душ ж.п.) (ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 57. – Л. 115 об. – 116, 122 об. – 124, 131 об. – 132).

6	Станица Красногорская	33	32	65	126	153	279	159	185	344
7	Форпост Линеvский	21	17	38	105	90	195	126	107	233
8	Крепость Нижнеозёрная	183	177	360	615	718	133 3	798	895	1693
9	Отряд Никольский	256	188	444	6	5	11	262	193	455
10	Крепость Орская	173	176	349	120	130	250	293	306	599
11	Отряд Рычковский	38	27	65	128	105	233	166	132	298
12	Отряд Чесноковский	152	101	253	154	129	283	306	230	536
	Итого	1816	1617	3433	1457	1509	2966	3273	3126	6399

⁹⁸ Если говорить о трёх семьях нагайбаков по VII ревизии, то Савелий Андреев в 1831 г. умер, а его сын Ефим сослан в Сибирь, несмотря на это жена Савелия Андреева – Авдотья осталась проживать в Ильинской крепости, что касается семьи Егора Алексеева то в 1823 г. он умер а его сын Василий в 1830 г. переведён в Подгорный редут. Семья нагайбака Филимона Иштерякова продолжала числиться в Ильинской крепости (1 душа м.п. 1 душа ж.п.). (ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 30 об. – 31, 32 об, 33). Возможно, среди русских семей Ильинской крепости присутствовали нагайбакские, однозначно ответить на этот вопрос сложно, в связи с тем что нагайбаки как известно по именам и фамилиям порой ничем не отличались от русских. Стоит отметить, что в Ильинскую крепость в 1823–1829 гг. было переведено 16 семей «башкир» (Там же. – Л. 27 об. – 28, 34 об. – 35, 36 об. – 38, 39 об. – 40, 41 об. – 43, 45 об. – 46, 48 об. – 49). Ясачные татары Ильинской крепости в 1818 г. были причислены в казачье сословие, по материалам VIII ревизии их насчитывалось – 42 души м.п. и 29 душ ж.п. (Там же. – Л. 32 об. – 35, 38 об. – 41, 45 об. – 46, 47 об. – 48) неизвестно откуда в 1818 г. был зачислен в казаки Ильяс Мулласалимов, возможно он был приписан из ясачных татар (Там же. – Л. 45 об.). В другом архивном источнике мы находим информацию, что согласно указу от 2 августа 1817 г. в Ильинскую крепость причислялась 41 душа м.п. служилых татар Ильинской крепости (ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 1. – Д. 1773. – Л. 27 об.), очевидно, что под 41-ой душой служилых татар понимаются вышеупомянутые нами 42 души м.п. ясачных татар. По материалам VI ревизии в Ильинской крепости насчитывалось 46 душ м.п. служилых татар (Там же. Л. 4.), по данным VII ревизии – 41 душа м.п. (ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3539. – Л. 159 об. – 160.).

Из таблицы №5 видно, что наибольшее количество татар-казаков в 1834 г. было сосредоточено в 1-м Зубочистенском отряде – 524 души об. пола, или 15,3% от общего количества татар-мусульман⁹⁹, наименьшее количество – в Линевском форпосте (38 душ об. пола). Если суммировать численность нагайбаков (3529 душ об. пола) и татар-мусульман (3433 душа об. пола), то получается 6962 чел. В период с 1816 по 1834 г. численность татар-казаков увеличилась на 12,3%.

Общая численность Оренбургского казачьего войска по данным VIII ревизии (1834 г.) исчислялась 70050 душами об. пола¹⁰⁰, следовательно удельный вес татар и нагайбаков составлял около 9,9%¹⁰¹. Отсутствие данных о численности следующих поселений татар-казаков: Гирьяльская станица, Жёлтый редут, Кондуровская слобода (деревня), Мочинская станица (слобода)¹⁰², пос. Нежинка, Никитинский и Подгорный редуты¹⁰³ не позволяет уточнить эти цифры. Следует отметить, что проживание нагайбаков в Ильинской крепости (станция) способствовал их ассимиляции с татарами-мусульманами¹⁰⁴.

В таблице №5 отсутствует Каргалинская станица. 5 января 1819 г. был издан высочайший именной указ, данный Сенату, об исключении из Каргалинской станицы Оренбургского войска казаков числе 467 человек с обращением их в прежнее состояние (по выбору). Причиной послужило мнение Оренбургского военного губернатора П.К. Эссена о том, что «каргалинцы вовсе неспособны к службе, и, не занимаясь ею, увеличивают лишь число оренбургского войска без какой либо

⁹⁹ В эту сумму включены 3 души об. пола нагайбаков Ильинской крепости.

¹⁰⁰ Годовова Е.В. Оренбургские и уральские казаки // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. – Казань, 2013. – С. 163.

¹⁰¹ Доля нагайбаков составляла 5% от численности ОКВ по данным 1834 г. – 70050 душ об. пола.

¹⁰² Известно лишь что в Мочинской слобода в 1840 г. проживало 1138 душ об. пола казаков (529 м.п. и 609 ж.п.), и 28 душ об. пола (10 душ м.п. и 18 душ ж.п.), доля казачьего населения составляла 97,6% (Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. – 1999. – №1 (3). – С. 28).

¹⁰³ Есть предположение полагать, что и в 1834 г. в Воздвиженскую станицу по прежнему входили татары-казаки Жёлтого и Никитинского редутов, а также Кондуровской слободы (деревни). Тогда сведения по данным поселениям нами учтены в таблице №5.

¹⁰⁴ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 26–55.

пользы для него»¹⁰⁵. Однако, согласно сведениям краеведа Б. Андреева, часть каргалинцев ещё оставалась в составе ОКВ, так, в мае 1821 г. их числилось 53 души м.п.¹⁰⁶ Таким образом, в 1821 г. Каргалинское казачье станичное управление перестало существовать¹⁰⁷.

В период между VII и VIII ревизиями татары-казаки появились в Донском отряде, в Линевском форпосте, а также в пос. Алабайтал.

В 1830 г. в Донской отряд переехали 16 семей татар-казаков из Никольского отряда¹⁰⁸, возможно все 140 душ об. пола татар Донского отряда, учтённых VIII ревизией, были переселены из Никольского отряда. В Линевский форпост татары переехали в 1832 г. из деревни Спиридоновка Самарской губернии (4 семьи – 17 душ м.п. и 13 душ ж.п.), и д. Мулловка – 1 семья (4 м.п. и 4 ж.п.)¹⁰⁹. Все поселения татар-мусульман были поликонфессиональными. В Донском отряде (48,6%), Красногорской станице (18,9%), Линевском форпосте (16,3%), Нижнеозёрной крепости (21,3%), Рычковском отряде (21,8%), Чесноковском отряде (47,2%) татары-мусульмане составляли этноконфессиональное меньшинство.

4 февраля 1835 г. Департамент военных поселений Военного министерства по иррегулярным войскам секретным предписанием запретил селить татар разных губерний на территорию Оренбургской военной линии¹¹⁰. В промежутке с 1835 по 1840 гг. до введения в действие «Положения 12 декабря 1840 г.» нами не найдено данных, которые свидетельствовали бы о приписке татар в ОКВ в указанный период. Данную пятилетку стоит рассматривать как закрытый период для вхождения татар в состав ОКВ.

Татарам также запрещалось водворяться на территорию Астраханской губернии, взамен им предлагалось по желанию переселяться в Саратовскую и Сибирские губернии на общих основаниях, а также

¹⁰⁵ ПСЗ–1. – Т. XXXVI. – №. 27624. – С. 13.

¹⁰⁶ Андреев Б. Каргалинское казачество // Ленинец. 1972. 18 января; Служащих казаков насчитывалось – 43, чиновников – 1, малолеток – 8. Итого получается – 52 души м.п. но в ведомости чинам и казакам состоящим в станицах Оренбургского войска в мае 1821 г. записано – 53 души м.п. (Материалы по историко-статистическому... – Вып. 8. – С. 422 – 423).

¹⁰⁷ Искандаров Р.Ш., Искандаров А.Р. Указ. соч. – С. 84.

¹⁰⁸ По ревизской сказке нами установлено лишь количество переведённых семей.

¹⁰⁹ ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58. – Л. 389–407.

¹¹⁰ ГАОО. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1–1 об.

на свободные земли Кавказской области, не занятые поселениями казаков¹¹¹.

С течением времени этноконфессиональный состав поселений татар-казаков менялся, власти подселяли различные этносы, такая политика проводилась в Жёлтом редуте, в который в 1830-е годы перевели из под г. Самары около тридцати мордовских семей¹¹².

С целью повышения обороноспособности Оренбургской пограничной линии¹¹³ власти в 1835 г. приступили к сооружению так называемой Новой линии, напрямую от Орска до станицы Берёзовской¹¹⁴, что значительно сократило её протяжённость, в связи с этим содержание гарнизонов линии требовало меньших затрат¹¹⁵.

В связи со строительством Новой линии оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский решил упразднить казачьи станицы внутренних кантонов¹¹⁶, жителей которых планировалось переселить на новое место службы¹¹⁷.

1830–40-е годы отдельные семьи и группы татар-мусульман обращались к руководству о причислении их в ОКВ, например, 11 марта 1831 г. на имя Оренбургского военного губернатора поступило прошение о причислении в ОКВ в Никитинский редут татарина выходца из-за границы Сеитбурхана Мухамедьярова. В ходе разбирательства дела проситель был заподозрен «в бродяжничестве». 10 августа 1831 г. Мухамедьярову было предложено обратиться со своей просьбой в уездный суд¹¹⁸.

¹¹¹ Там же. – Л. 1–1 об.

¹¹² Потапова А.Н. Редут Жёлтый Сакмарской пограничной линии. // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург, 2014. – С. 213.

¹¹³ Кобзов В.С. Новая линия // Вестник ЧелГУ. – Серия 1. История. – 1992. – №1. – С. 13.

¹¹⁴ Злобин Ю.П. Численность и состав татарского этноса Оренбургской губернии в XIX веке (По данным официальной статистики) // История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): Материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. – Оренбург, 2011. – С. 56.

¹¹⁵ Кобзов В.С. Указ. соч. – С. 14.

¹¹⁶ Под внутренними кантонами понимаются 3-й и 5-й кантоны ОКВ.

¹¹⁷ Русов Г.И. Заселение новой пограничной линии. // Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. – Оренбург, 1996. – С. 25.

¹¹⁸ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 418. – Л. 1–2, 6–7.

Большой интерес представляют прошения мещеряков Башкирско-мещеряцкого войска о причислении в ОКВ. Так, урядник Абдулминой Абдулмезитов и Зейняш Абдулсаламов из д. Каратековой из 3-го мещеряцкого кантона (Уфимский уезд) просились в 1831–1832 гг. «с товарищами» в казаки на новое место жительства, на реку Илек. Переселиться им разрешили, а в ОКВ не причислили¹¹⁹.

В 1833 г. безуспешно подавали аналогичное прошение ясачные татары д. Тутаево Шенгутовской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии Рафик Резяпов и Назмитдин Зейнутдинов, которые, ожидая решения, временно проживали в Магнитной крепости. 4 ноября 1833 г., ссылаясь на запрет перехода из одного сословия в другое, татарам было отказано в их просьбе¹²⁰.

Поверенные ясачные татары Абдулхалик Валитов (д. Иртекские вершины), и Хайбулла Хамитов (д. Старая Беломорская) Пронкинской волости Бузулуцкого уезда в связи с недостатком земельных угодий в 1839 г. также обращались о включении в ОКВ, однако их планам не суждено было сбыться¹²¹.

12 декабря 1840 г. было высочайше утверждено «Положение об Оренбургском казачьем войске, которое упраздняло кантоны, и ввело, полковой принцип управления в рамках двух военных округов. Первый включал в себя округа полков №1, 2, 3, 4, 5, второй – округа полков №6, 7, 8, 9, 10¹²². Таким образом, ОКВ распределялось в 10 полковых округах.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Введённая в 1798 г. военно-административная система управления привела к формированию в рамках созданных кантонов сплочённой территории ОКВ: было образовано 5 кантонов, татары-мусульмане в основном были расселены в 4-м кантоне, нагайбаки в 3-м, татары-мусульмане Мочинской станицы в 5-м. В это же время на кантоны были разделены башкиры (10) и мещеряки (5) кантоны которых состояли главным образом из мусульман, Уральское казачье войско было разделено на два кантона.

2. Первая половина XIX в. характеризуется расширением ареала расселения нагайбаков: из Белебеевского уезда (3-й кантон ОКВ)

¹¹⁹ Картунов А.И. Прошения мещеряков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска как исторический источник // Казанская наука. – №5. – 2013. – С. 43.

¹²⁰ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 495. – Л. 1 – 1 об., 2 об. – 3 об.

¹²¹ ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 723. – Л. 1, 8–8 об.

¹²² ПСЗ–2. – Т. XV. – № 14041. – С. 797–799.

они были переселены непосредственно на Оренбургскую военную линию (пос. Ильинка, Нежинка и Подгорный редут), позднее в 1840-х гг. нагайбаков подселили к татарам-мусульманам в поселки Алабайтал и Гирьял.

3. Новым явлением стало учреждение Каргалинской станицы (1798–1821 гг.) состоящей главным образом из мусульман, вчерашних крестьян, всего в станицу входило 18 поселений, включая Каргалу. В 1821 г. Каргалинская станица окончательно была причислена в 9-й кантон Башкирского войска, а её население, было приписано в «башкирское сословие».

4. В Башкирское войско в 1812–1816 гг. была переведена большая часть 13 поселений татар-мусульман – 6732 души об. пола (3413 душ м.п. и 3319 душ ж.п.). Население поселений татар-мусульман было возвращено в ОКВ частично в промежутке между VII и VIII ревизиями (1816 и 1834 гг.), но окончательно «башкиры» вернулись в состав ОКВ после введения «Положения» об ОКВ 1840 г. и упразднения Башкирского войска¹²³ в 1865 г.

5. С 1835 г. власти запрещали татарам разных губерний переселяться на территорию линии.

6. К 1840 году в составе ОКВ находилось 16 поселений, в которых проживали нагайбаки¹²⁴, и 20 поселений татар-мусульман¹²⁵.

Источники и литература

1. Аминов Р.Р. Из истории образования посёлка Алабайтал Оренбургского казачьего войска // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. №10 (19): сборник статей по материалам XIX международной заочной научно-практической конференции. – М.: 2013. – С. 7–12.

2. Аминов Р.Р. Каргала – Татарская казачья станица Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – №4. (42) – 2014. Ч. II. – С. 13–17.

3. Андреев Б. Каргалинское казачество // Ленинец. – 1972. – 18 января.

4. Апрельков А.В., Попов Л.А. Судьбы казацкие. – Челябинск: Изд-во «Книга», 2002. – 380 с.

¹²³ 31 октября 1855 г. Башкиро-Мещерякское войско было переименовано в Башкирское войско. (ПСЗ–1. – Т. XXX. – №29769. – С. 641).

¹²⁴ Включены пос. Нежинка, Ильинская крепость, Подгорный редут.

¹²⁵ Всего к 1840 г. насчитывалось 35 поселений, в Ильинской крепости наблюдается наличие нагайбаков и татар-мусульман.

5. Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.
6. Ахметов Р. Были Белых гор: 220-летию Чесноковки посвящается. – Переволоцкий: Б. и., 2002. – 194 с.
7. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд-е. 3-е. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. Т. 12. Кварнер – Конгур. – 624 с. с илл.
8. Гатиятуллин З. Башкиры 9-го и 10-го кантонов в Отечественной войне 1812 года // Ватандаш. – 2013. – Апрель. – С. 110–133.
9. Годовова Е.В. Оренбургские и Уральские казаки // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. – Казань: «ПИК «Идел-Пресс», 2013. – С. 163–167.
10. Годовова Е.В. Социографическая характеристика семьи оренбургских казаков // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI «Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – С. 222–223.
11. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 353.
12. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3324.
13. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3539.
14. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 7. – Д. 800.
15. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 8/3.
16. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 418.
17. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 495.
18. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 15. – Д. 723.
19. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 3.
20. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 25.
21. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 33.
22. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 57.
23. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 58.
24. ГАОО. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 25.
25. ГАПО. – Ф. 196. – Оп. 1. – Д. 3071.
26. Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 190 с.
27. Злобин Ю.П. Численность и состав татарского этноса Оренбургской губернии в XIX веке (По данным официальной статистики) // История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): Материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 54–64.
28. Искандаров Р.Ш., Искандаров А.Р. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 175 с.

29. Кобзов В.С. Новая линия // Вестник ЧелГУ. – Серия 1. История. – 1992. – №1. – С. 12–26.
30. Кортунев А.И. Прошения мещераков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска как исторический источник // Казанская наука. – 2013. – №5. – С. 42–44.
31. Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Пётр Иванович Рычков. 1712–1777 / Отв. Ред. Г.Е. Павлова. – М.: Наука, 1991. – 272 с.
32. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург: Тургайская областная типолитография, 1906. – Вып. 5. – 162 с.
33. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург: Тип. О. Яковлева, 1907. – Вып. 7. – 472 с.
34. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург: Типолитография Б.А. Бреслина, 1907. – Вып. 8. – 521 с.
35. Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историкотопонимические очерки. – Оренбург: Изд-во «ОГПУ», 2013. – 380 с.
36. Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX вв.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 2010. – 236 с.
37. Населённые пункты Башкортостана. Ч. 1. Уфимская губерния, 1877 г. – Уфа: Китап, 2002. – 430 с.
38. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 367.
39. О переселении Сеитовских казаков при редутах Николаевском (Никольском) и Гирьяльском // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типолитография Ив.Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. – Вып. 6. – С. 54–56.
40. ПСЗ–1. – Т. XXV. – № 18477.
41. ПСЗ–1. – Т. XXV. – № 19150.
42. ПСЗ–1. – Т. XXXVI. – № 27624.
43. ПСЗ–2. – Т. XV. – № 14041.
44. ПСЗ–2. – Т. XXX. – № 29769.
45. Попов С.А. Село Рычковка // Южный Урал. – 1985. – 22 декабря.
46. Попов С.А. Село Чесноковка // Южный Урал. – 1985. – 23 октября.
47. Попов С.А. Старинные соседи (Из блокнота краеведа) // Южный Урал. – 1985. – 21 ноября.
48. Потапова А.Н. Редут Жёлтый Сакмарской пограничной линии // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 208–217.
49. Потапова А.Н. Село Алабайтал. Страницы истории // История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): Материалы межрегиональной научно-практической кон-

ференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 109–116.

50. Русов Г.И. Заселение Новой пограничной линии // Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. Программа и материалы региональной научной конференции. – Оренбург: Оренбургская губерния, 1996. – С. 24–26.

51. Садыкова З.Р. Говоры Оренбургских татар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1985. – 159 с.

52. Севастьянов С. Н. К вопросу об образовании Оренбургского казачьего войска // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. XXX. – Оренбург: Электро-типография Тург. област. правления, 1914. – С. 89–93.

53. Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. – 1999. – №1 (3). – С. 26–31.

54. Столетие военного министерства. 1802–1902. – Т. XI. – Ч. IV. Землеустройство казачьих войск: Исторический очерк / Сост. Н.А. Чернощёков. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1911. – 457 с.

55. Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов: XVIII – нач. XX вв. – Уфа: Госкомнауки РБ, 2001. – 262 с.

56. Хасанова Р.Г. Алабайтал. Страницы истории. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 256 с.

57. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 1. – Д. 1773.

58. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 145.

59. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 161.

60. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 170.

61. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 305.

62. ЦИА РБ. – Ф. И–138. – Оп. 2. – Д. 518.

63. Шаяхметов Ф.Ф. Мишари и мишарские полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8–10 июня 2012 года / глав. ред. профессор А.Н. Мустафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 277–283.

Р.Р. Әминов

Кантон идарәсе чорында Оренбург татар казаклары торак пунктларының структурасы формалашу (1798–1840 еллар)

Мәкаләдә VII (1816 ел) һәм VIII (1834 ел) халык саны алу кенәгәләре буенча татар казакларының саны үзгәрүе күзәтелә. 1816 елда ин зур татар казаклары яшәгән торак пункты булып 1821 елда кадәр яшәгән Каргалы станицасы санала.

XIX гасыр башында хакимият, мөселманнар авыллары кешеләрен яшәгән урыннарыннан күчермичә, башкорт сословиясенә, 9нчы башкорт

кантонына беркетеп куя. Шул сәбәпле, Оренбург казак гаскәрендә мөселман динендә булган казакларның саны, нагайбаклардан аермалы буларак, шактый кими. VII һәм VIII ревизияләр арасында татар казаклары яна торак пунктларына күченәләр, сүз Дон отряды, Линев форпосты, Алабайтал отряды турында бара. Аларның беренче икесендә мөселманнар халыкның азчылыгын тәшкил иткәннәр. Гомүмән алганда, бу чорда татар казаклары яшәгән ареал киңәйгән.

Ачык сүзләр: Кантоннар, нагайбәкләр, татар казаклары, Каргала станцасы, Оренбург казак гаскәре.

R.R. Aminov

Formation and expansion of settlement structure of the Orenburg Cossack Tatars during the kanton period (1798–1840)

Dynamics of number of Cossack Tatars on materials VII (1816 year) and VIII (1834 year) of audits is given in this article, it becomes clear that the greatest group of Muslim Tatars in 1816 year was concentrated in the Kargalinsky village which existed till 1821 year. At the beginning of the XIX centuries authorities the policy of the translation of the most part of the population of settlements of Muslim Tatars in «the Bashkir estate» to the 9-th Bashkir kanton was pursued, thus Cossacks remained on a former residence, in this regard the specific weight of Muslim Tatars unlike nagaybaks was considerably reduced. Between VII and VIII audits Cossack Tatars appear in again formed settlements such as: The Don troop, the Linevsky outpost, and also in Alabaytalsky troop, in the first two Muslim Tatars made ethnoconfessional minority. In general during the studied period pertinently to speak about expansion of an area of moving of Cossack Tatars.

Keywords: Cantons, nagaybaks, Cossack-Tatars, Kargala village, Orenburg Cossack army.

Аминов Рустем Равилевич – младший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-крещен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail.ru: rustem_270988@mail.ru.

Әминов Рөстәм Равил улы – Татарстан Фәннәр академиясе Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты татар керәшенләре хәм нагайбәкләр тарихын һәм мәдәниятен өйрәнү үзәгенең кече фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Aminov Rustem Ravilevich – the junior researcher of the Center of studying of history and culture of baptized tatars (kryashens) and nagaybaks at Sh.Marjani Institute of history of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Из истории появления Владимиро-Суздальских князей в Казанском Поволжье (на примере большого воеводы Свяжска 1565–1567 гг. Андрея Ивановича Катырева-Ростовского)

В статье повествуется о ссылке знатных Владимиро-Суздальских князей и дворян на территорию Свяжского уезда в период опричнины (1565–1572 гг.), о наделении их земельными владениями в новозавоеванных территориях. Особое внимание уделяется судьбе большого воеводы Свяжска князю А.И. Катыреву-Ростовскому.

Ключевые слова: г.Свягя, опричина, княжеские земли.

В середине XVI – XVII вв. г. Свяжск играл важную роль в истории Русского государства, т.к. служил одним из главных стратегических центров государственной колонизации обширного Средневожского региона, являлся важнейшим опорным пунктом миссионерской политики правительства и православной церкви по отношению к народам, заселявшим Поволжье. Изучение истории города-крепости важно не только в общем контексте изучения прошлого, так называемых, «малых городов» России, Казанского Поволжья, но и в связи ведущимися в последние годы работами по реконструкции, реставрации и музеефикации его древностей.

Следует заметить, что прошлое града-острова тесно переплетено с историей русского дворянства, именитых княжеских и боярских родов, государственных и общественных деятелей Московского государства своей эпохи. В их числе и представители именитого, разветвленного княжеско-боярского рода Ростовских, происходящего из клана Владимиро-Суздальских князей. В разное время управленцами Свяжска были Андрей Иванович Катырев, Михаил Федорович Гроздев, Михаил Григорьевич Темкин-Ростовские. Все они представляли разные ветви династии ростовских князей.

Обстоятельства их появления в Среднем Поволжье были разными. В данном случае, мы несколько подробнее остановимся на одном из наиболее ярких и знатных представителей княжеского рода Ростовских – князе Андрее Ивановиче Катыреве-Ростовском.

Известно, что Ростовское княжество, откуда происходил княжеско-боярский род Ростовских, относительно самостоятельно просуществовало вплоть до конца третьей четверти XV в. В 1474 г. вошло в

состав Великого княжества Московского¹. Однако, уже в предыдущие этапы развития края были установлены тесные политические, экономические связи с Москвой, укрепившиеся кровно-родственными отношениями элит. Как результат, ростовская аристократия сравнительно рано попала в сферу влияния Москвы. Процесс же слияния земель Ростовского княжества с Великим княжеством Московским произошел относительно мирным путем. Вначале ростовская знать смогла сохранить за собою свои родовые удельные владения, была достойно представлена в Боярской думе при великом князе московском и русском царе (с 1547 г.). Это предопределило политический вес ростовских князей при московском дворе вплоть до событий, связанных с опричниной середины 60-х годов XVI столетия².

Еще со времен Василия Шуйского значительная часть Боярской думы состояла из Ростово-Суздальских князей. В частности, они сыграли важную роль в процессе назначения опекунского совета малолетнего Ивана IV³, в решении других ключевых государственных вопросов. В их числе был и князь А.И. Катырев-Ростовский – сын князя, боярина и воеводы Ивана Андреевича Ростовского, основателя рода Катыревых⁴.

Известно, что князь А.И. Ростовский, вместе с Семеном Васильевичем Ростовским, принимал участие в мятеже, связанным с болезнью Ивана IV. Его суть такова: вскоре после своего победного казанского похода, в марте 1553 г., царь тяжело заболел. В случае его смерти, царем становился его новорожденный сын Дмитрий. Править от его имени до достижения совершеннолетия должны были бояре Романовы. Часть представителей Боярской думы (в т.ч. князя и бояре Ростовские) не желала повторения событий периода правления Глинских, когда частыми явлениями стали грабежи, убийства, увеличение налогового гнета населения⁵. Поэтому, выступила на стороне удельного князя Владимира Старицкого, ближайшего род-

¹ Экземплярский А.В. Ростовские владетельные князья. – Ярославль, 1888. – С. 65.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб.: Наука, 1992. – С. 71.

³ URL: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/01.html (дата обращения 11.05.2015)

⁴ Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. Киевская Русь. – Москва: в 2 т. Т.2: Н-Я. – М.: Олма-пресс, 2005. – С.278.

⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1983. – С. 28.

ственника Ивана IV⁶. Однако, вскоре царь выздоровел. Стронники Владимира Старицкого, опасаясь гнева царя, намеревались бежать в Литву⁷. Но затея не удалась. Мятежников поймали, над ними состоялся суд. С. В. Ростовского приговорили к смертной казни. Впоследствии она была заменена заключением под стражу. Андрею же Ростовскому удалось избежать жесткого наказания, т.к. он был обвинен лишь в попытке бегства в Литву.

Историк-исследователь эпохи опричнины Р.Г. Скрынников предполагает, что такая поблажка связана с тем, что сам судебный процесс проходил в Боярской думе. Представители же последней – князья и бояре – не были заинтересованы в ее численном уменьшении, т.к. в лице Боярской думы стремились сохранить за собой властные полномочия. К тому же, вслед за С. В. Ростовским, князь Андрей Ростовский, был в числе самых влиятельных в Боярской думе среди ростовских князей. Как бы то ни было, он пострадал меньше⁸.

Известно, что современники укрепления власти Ивана IV, начинают процесс централизации власти в стране. С этой целью, в сер. 60-х гг. XVI в. была учреждена опричнина. В фонд ее земель были включены и удельные владения ярославских, суздальских, ростовских князей, что сильно ущемляло интересы последних. Таким образом, царь стремился ослабить позиции удельной знати. Попытка оказалась успешной. Наиболее крупные княжеские семьи попали в опалу царя, тем самым потеряли свои наследственные земельные владения. Впоследствии многие из них, для несения государевой службы, были сосланы в Среднее Поволжье.

Здесь нужно отметить, что до завоевания Сибири, территория бывшего Казанского ханства была восточной окраиной государства. Соответственно, зачастую использовалась как место принудительных ссылок политического, уголовного, социального характера. Как правило, опальные князья и бояре, «дети боярские», превращаясь здесь в помещиков (зачастую – в мелких), уже навсегда лишались своих вотчин, поместий в центральных уездах⁹.

⁶ В. Старицкий приходился двоюродным братом царю и был старшим по мужской линии среди Рюриковичей. См.: Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. – М.: Издательство «Весь мир», 1997. – С. 281.

⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. – М.: Мысль, 1965. – С. 140.

⁸ Там же. – С. 140.

⁹ URL: http://aldebaran.ru/author/skryinnikov_ruslan/kniga_tretiyy_rim/ (дата обращения 9.05.2015).

Примерно, таким же образом в Свияжском уезде оказались князь А.И. Ростовский, Н.Д. Ростовский, А.Н. Шеин, М.Ю. Шеин, Н.М. Стародубский, М.Ф.Бахтияров и др.¹⁰. Наиболее родовитые ссыльные, отправленные в Свияжск, занимали в уезде высокие административные должности. В частности, по «Разрядной записи о росписи воевод на годованье в Казани и Свияжске» (до марта 1565 г.), в Свияжском уезде записаны воеводы А.И. Ростовский (большой воевода), А. Шеин, М. Прозоровский, Никита Стародубский¹¹. Судя по другой разрядной записи от 13 марта 1565 г., чуть позднее к ним присоединился князь Н.Д. Янов-Ростовский¹².

По имеющимся источникам можно судить, что процесс ссылки князей и бояр на окраинные территории был произведен в несколько этапов. В руках же новых воевод находилась вся полнота власти в регионе. Среди обязанностей воевод на первом месте были военные¹³. Они отвечали за безопасность в городе и уезде. Так же, на основе царского верстанья дворян, «детей боярских» на «государеву» службу, ведали раздачей в уезде поместных земель¹⁴.

По прибытии в уезд, княжата и бояре получали поместные земли. Однако, по сравнению с землями, которыми они владели до ссылки, новые поместья по своим размерам были значительно меньше. К тому же, именитые князья и бояре навсегда лишались своих удельных вотчинных земель в центральных уездах.

Так, князь А.И. Ростовский был наделен поместным окладом в 1000 четв. Однако, на деле получил в Свияжском уезде поместье лишь в половину оклада («учинити поместья в Свияжском половину его окладу 500 четей»¹⁵). Кроме Свияжского уезда, такие примеры наделения дворян, «детей боярских» поместьями в половину оклада наблюдаются и в Веневском, Казанском уездах¹⁶. Возможно, таким

¹⁰ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567) / Предисл. А. Яблокова. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909. – С. 16, 72, 73.

¹¹ Свод письменных источников по истории Свияжского края: Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. / Сост. Д.А. Мустафина. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – С. 219.

¹² Там же. – С.221.

¹³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 41.

¹⁴ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье... – С. 42.

¹⁵ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска... – С. 68.

¹⁶ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. – СПб., 1897. – С. 302.

образом государство хотело равномерно распределить недостающий пахотный земельный фонд в регионах. Это могло быть связано с нехваткой пашенных земель или же крепостных крестьян в новозавоеванном крае. В данном случае, речь идет о так называемых «добрых землях», годных для вспахивания. Следует учесть, что даже в 1700 г. территория Свияжского уезда была вспахана лишь на половину (на 51%)¹⁷. Соответственно, ситуация с пахотными землями в предыдущие века могла быть еще хуже.

Историк конца XIX – начала XX вв. С.В. Рождественский не связывает процесс переселения князей и детей боярских в Казанское Поволжье и урезание их поместных владений с политической опалой. По нему, при испомещении больших групп князей и бояр во второй половине XVI в. на новые территории было проблематично раздать земли согласно их поместным окладам. В этих случаях государство заменяло часть пашенных земель диким полем, лесами, перелогом, разными угодьями и доходными статьями¹⁸.

Историк-исследователь же казанского дворянства в XVI–XVII вв. Е.В. Липаков предположил, что так как ссыльные «дети боярские» в Казанском Поволжье, в большинстве своем, были мелкими дворянами, то вряд ли их коснулся процесс оприченных конфискаций в полной мере. Скорее всего, они оказались в Казанском Поволжье по долгу службы и смогли сохранить половину своего оклада в «верховских» землях. По его мнению, ссыльные дворяне за короткий срок пребывания в Свияжске и Казани, существенно не повлияли на формирование и развитие поместного землевладения и лишь немногие из них остались в Среднем Поволжье после помилования¹⁹.

Как бы то ни было, вопрос о недотягивании размера поместных земель служилых дворян Казанского Поволжья до их поместных окладов остается открытым.

Наделение поместными землями князя и воеводу А.И. Ростовского в Свияжском уезде произошло в два этапа. В год своего прибытия сюда в 1565 г. он получил в поместье дер. Каиночек, Федьков починок Какина и дикое Плесо Ягодное – всего 62 четв. доброй земли, 40 четв. перелога, сенные угодья на 1200 коп., а кроме того, лесные угодья²⁰.

¹⁷ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1988. – С. 194.

¹⁸ Рождественский С.В. Служилое землевладение... – С. 302.

¹⁹ Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: Формирование. Состав. Служба: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – С. 63, 65.

²⁰ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска... – С. 67.

В следующем, 1566 г. в его поместье были включены с. Новое дикое поле и «мордовские земли», составившие 200 четв. доброй земли, 400 четв. перелога и дикого поля, сенные угодья на 1200 коп.

Всего поместный фонд опального князя А.И. Ростовского составил 262 четв. «доброй земли», 440 четв. перелога и дикого поля. Кроме того, поместье включалосенные угодья на 2400 коп., а также лесные угодья. Таким образом, для такого родовитого и титулованного князя, как А.И. Ростовский, его поместные владения в Свияжском уезде, включавшие 702 четв. земли под пашню, оказались не такими уж большими. Более того, уже вскоре, в рамках приведения поместных пахот помещиков в соответствие с их поместными окладами в Свияжском уезде, излишки пахотных земель князя А.И. Катырева-Ростовского свыше 500 четв. были у него отобраны и переданы князю М.Ф.Бахтиярову²¹.

Другие опальные князья получили в Свияжском уезде еще меньше земель. Так, за князем Н.Д. Ростовским числилось всего 158 четв. доброй земли и перелога, 181 четв. дикого поля (всего 339 четв.)²².

Тем не менее, наиболее значимой утерей для них была потеря вотчинных владений в прежних семейных гнездах, отдаление от центра страны и, как следствие, утрата политического веса.

По «Разрядной записи о пожаловании и прощении и возвращении из ссылки опальных ярославских и ростовских дворян, сосланных в Казань на житие», датированной 1565 г. (не позднее 1 мая), вскоре государеву милость получили князья и бояре А.И. Ростовский, Н.Д. Янов-Ростовский, М.Ф. Бахтияров и Н.С. Стародубский.²³

Большинство опальных после этого покинула Свияжск. Однако, по «Разрядной записи о росписи воевод в Свияжске...» за 1567 г., тогда большим воеводой все еще оставался А.И. Ростовский²⁴. Причина его задержки нам не известна.

Андрей Иванович Ростовский пробыл в Свияжске вплоть до конца 1567 г. Затем был вызволен в Москву и казнен. Касательно его смерти, некоторая информация имеется в записках князя А.М. Курбского: «Паки побиена от него (от царя Ивана IV – *И.А.*) того же лета (1568 г. – *И.А.*) княжата Ростовские Семен, Андрей и Василий и дру-

²¹ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска... – С. 69.

²² Там же. – С. 70.

²³ Свод письменных источников... – С. 219.

²⁴ Там же. – С. 223.

зья с ними»²⁵. Так же, его имя присутствует в Синодике опальных царя Ивана Грозного за 1580/81 г., разосланным царем по монастырям для отпевания погибших²⁶.

Таким образом, учитывая мнение предыдущих исследователей и опираясь на имеющиеся источники, мы приходим к выводу об определенном влиянии процесса опричнины на становление дворянского землевладения в Свияжском уезде. В документах по Свияжскому уездуот второй половины XVI – середины XVII вв. фамилии ростовских князей фигурируют довольно часто. И в дальнейшем в роли свияжских воевод не раз оказывались представители рода ростовских князей. В частности, через незначительный промежуток времени после смерти князя А.И. Катырева-Ростовского, в 1583–84 гг. воеводой в Свияжске был князь Петр Иванович Ростовский²⁷, в 1594–96 гг. – Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский²⁸.

Многие из воевод были довольно опытными управленцами и военными, что не могло не сказаться в темпах государственного освоения новозавоеванных земель. 60-е годы XVI в. здесь оказались сравнительно спокойными и мирными. Возможно, в этом есть определенная заслуга и ростовских князей и бояр.

В целом же, Казанская ссылка стала крупнейшей вехой в истории землевладения Русского государства. Благодаря ей ускорился процесс отчуждения родовых богатств удельных князей²⁹. Даже амнистия и возврат части земель не могли вернуть прежнее положение знатных родов.

Начало этому процессу было положено политикой опричнины сер. 60-х – начала 70-х гг. XVI в., когда бывших удельных князей принудительно отправили на службу в Среднее Поволжье. Результатом явилась государственная колонизация региона, дальнейшее раз-

²⁵ Сказания Андрея Курбского / Под ред. Н. Устрялова. – СПб., 1868. – С. 133.

²⁶ URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/skrun/10.php

²⁷ Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.) / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. (URL: <http://сувары.рф/ru/content/dokumenty-po-istorii-kazanskogo-kрая-iz-arhivohranilishch-tatarskoj-assr-vtoraya-polovina> (дата обращения 10.05.2015.))

²⁸ Богуславский В.В. Славянская энциклопедия... – Т.2: Н-Я. – М.: Олма-пресс, 2005. – С. 488.

²⁹ Скрытников Р.Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный: В 2-х т. – Т.1. – Смоленск: Русич, 1996. – С. 404.

вите в крае поместного землевладения. Как следствие, к концу XVII в., по сравнению с другими уездами Казанского Поволжья, в Свяжском уезде наблюдается наибольшая концентрация помещичьего землевладения³⁰. При общем фонде пахотных земель в 282 тыс. дес., помещичьих земель в регионе было около 106 тыс. дес.³¹ (37,5% от общего фонда пахотных земель).

Источники и литература

1. Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: В 2-х т. – Т.2: Н-Я. – М.: Олма-пресс, 2005. – 816 с.
2. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
3. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1990. – 204 с.
4. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.–221 с.
5. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. – М.: Мысль, 1965. – 535 с.
6. Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: Формирование. Состав. Служба: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 198 с.
7. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. – СПб., 1897. – 403 с.
8. Свод письменных источников по истории Свяжского края: Источники по истории Свяжского края второй половины XVI в. / Сост. Д.А. Мустафина. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 368 с.
9. Сказания Андрея Курбского / Под ред. Н. Устрялова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – 512 с.
10. Скрынников Р. Г. Царство террора. – СПб.: Наука, 1992. – 572 с.
11. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. – Т.1.– Смоленск: Русич, 1996. – 448 с.
12. Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. – М.: Изд-во «Весь мир», 1997.–496 с.
13. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1983. – 248 с.
14. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567) / Предисл. А. Яблокова. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909. – 143 с.

³⁰ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России... – С. 195.

³¹ Там же. – С. 293.

15. Экземплярский А.В. Ростовские владетельные князья. – Ярославль, 1888. – 65 с.

16. URL: <http://сувары.рф/ru/content/dokumenty-po-istorii-kazanskogo-kraya-iz-arhivohranilishch-tatarskoj-assr-vtoraya-polovina> (дата обращения 10.05.2015).

17. URL: http://aldebaran.ru/author/skrynnikov_ruslan/kniga_tretyi_rim (дата обращения 9.05.2015).

18. URL: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/01.html (дата обращения 11.05.2015).

И.З. Әхмәтҗанов

Идел буе Казан жирләрендә Владимир-Суздаль князьләренең килү тарихыннан (1565–1567 елда Зөя өязендә зур воевода булган Андрей Иванович Катыврев-Ростовский мисалында)

Мәкалә курунекле Владимир-Суздаль кенәзләренең һәм дворяннарының опричнина вакытында Зөя шәһәрндә сөргендә булуларыбагышлана, нАларга яңа яулап алынган төбәктән жир биләмәләре бирү бәян ителә. Зөянең зур воеводасы кенәз А.И.Катыврев-Ростовский тарихына аерым игътибар бирелә.

Ачык сүзләр: Зөя, опричнина, кенәз жирбиләмәләре.

I.Z. Akhmetzyanov

From the history of the appearance of Vladimir-Suzdal princes in Kazan Volga region (on the example of Andrey Ivanovich Katyrev-Rostovsky – the great governor of Sviyazhsk in 1565–1567)

The article describes the process of notable Vladimir-Suzdal princes and nobles' exile in the territory of the Sviyazhsk during oprichnina (1565–1572). On vesting of land holdings in the newly-conquered territories. Particular attention is paid to the fate of the great governor of Sviyazhsk – Prince A.I. Katyrev-Rostovsky.

Keywords: Vladimir-Suzdal princes, Sviyazhsk, process of notable, oprichnina.

Ахметзянов Ильфар Зуфарович – аспирант отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г.Казань); e-mail: ilfar2@rambler.ru

Әхмәтҗанов Илфар Зөфәр улы – Татарстан Фәннәр академиясенә Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлеге аспиранты (Казан шәһәре).

Akhmetzyanov Ilfar Zufarovich – the graduate student of the Department of modern history of the Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Из истории становления политических партий в Казанской губернии (1905–1907 гг.)

Изучение истории российской многопартийности требует конкретизации на уровне регионов. Статья посвящена организационному оформлению политических партий начала XX в. на примере Казанской губернии. На основе опубликованных и архивных источников, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, освещается начальный этап деятельности партий консервативного, либерального и социалистического направлений в годы Первой российской революции.

Ключевые слова: Казанская губерния, Первая российская революция, политическая партия, национальное движение, Государственная дума.

Все процессы, происходящие в российском обществе начала XX в., так или иначе, проявляются через активную, созидательную деятельность социальных групп, классов, политических партий и движений. Поэтому актуальной является проблема становления и функционирования политических партий. Известно, что революционный период отличается ярко выраженной политизацией общества, т.е. вовлечением в непосредственную политическую деятельность индивидов и социальных групп. Наиболее приспособленными к политической деятельности, как правило, являются политические партии.

Одной из характерных черт Первой российской революции 1905–1907 гг. стало партийное оформление всего спектра идейно-политических течений в стране от ультраправых до леворадикальных. Современные исследователи отмечают, что исходя из того, как решались проблемы власти и собственности в программах различных партий, они достаточно четко делились на консервативные, либеральные и социалистические¹. По критерию роли в политической системе общества в дофевральской России распределялись следующие партийные группы, имевшие вид политических лагерей: правительственный, либерально-оппозиционный и революционный².

¹ Исхаков С.М. Политические партии в российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 199.

² Рашитов Ф.А. Революция 1917 года: борьба партий, выбор народа. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2006. – С. 30–31.

В период социально-политических потрясений начала XX столетия на политической арене Казанской губернии развернул активную борьбу ряд политических партий и групп, отражавших в своей идеологии и программных положениях самые различные концепции общественного развития страны: Казанская организация Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Казанская организация Партии социалистов-революционеров (ПСР), Казанская группа татарских социалистов-революционеров, Казанское отделение «Союза мусульман», Казанская губернская организация кадетов, Казанский отдел партии мирного обновления (ПМО), Казанский Союз 17 октября, Казанское отделение Торгово-промышленной партии (ТПП), Союз пастырей и церковных старост (СПЩС), Царско-народное русское общество (ЦНРО), Казанский отдел Русского собрания (КОРС), Общество церковных старост и приходских попечительств (ОЦСПП), Казанский губернский отдел Союза Русского Народа (СРН). Таким образом, в Казанской губернии представлен был весь спектр политических сил. Рассмотрим численность и размещение данных политических объединений, выявим их главные печатные органы.

Первоначально консервативный фланг был представлен тремя самостоятельными политическими организациями: 1) Царско-народным русским обществом, 2) Казанским отделом Русского собрания, 3) Обществом церковных старост и приходских попечительств, окончательное оформление которых придется на вторую половину октября – декабрь 1905 г. По данным 1907 г., общее число записавшихся в ЦНРО в Казани достигло 1500 человек, незарегистрированных лиц было до 15000³. Общая численность членов КОРС и ОЦСПП, по одним сведениям, не превышала 100 человек⁴, по другим, достигла 700 человек⁵. Во время избирательных кампаний в Государственную думу казанские консерваторы выступали воедино, причем «изволил одобрить такое единение» сам российский император⁶.

Примечательно, 29 января 1906 г. в манеже Юнкерского училища г. Казани состоялось многолюдное собрание ЦНРО, на котором было принято решение о «тесном единении с Астраханской «Народной Монархической Партией»⁷. 11 февраля под председательством

³ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 68; Д. 415. – Л. 17 об.

⁴ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 37.

⁵ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 415. – Л. 17 об.

⁶ Казанский телеграф. – 1906. – 21 марта.

⁷ Казанский телеграф. – 1906. – 31 января.

секретаря Совета Казанского ЦНРО учителя и частного адвоката Соколовского прошло собрание в Уфе. Члены собрания единодушно поддержали решение об образовании Уфимского ЦНРО (председатель – купец К.А. Лаптев), выступили за принятие программы (целиком) Казанского общества, а также постановили «соединиться» с Казанским и Астраханским ЦНРО⁸.

3 июня 1906 г. учредители ЦНРО в Казани в составе: профессора В.Ф. Залесского, титулярного советника А.Е. Дубровского, мещанина П.П. Андреева, крестьянина Лаишевского уезда М.Г. Сазанова, учителей П.Ф. Мойкина и С.А. Соколовского представили казанскому губернатору проект устава (1-й и 9-й параграфы документа в сентябре были дополнены). 4 ноября 1906 г. Казанское губернское по делам об обществах присутствие постановило: устав ЦНРО утвердить, общество зарегистрировать. Согласно уставу ЦНРО, Общество имело «целью теоретическую разработку и проведение в жизнь задач политики, общественной жизни, государственного устройства и управления и народного хозяйства посредством охраны истинно русских начал Православия, Самодержавия и Народности, а также борьбы мирными средствами против вредного влияния парламентаризма»⁹. На основании 9 параграфа устава действительными членами могли быть «лица обоего пола, всех наций и вероисповеданий, кроме евреев по вероисповеданию и по происхождению». Также был выработан и «Устав Царско-Народного Мусульманского Общества» из 24 пунктов, утвержденный постановлением Казанского губернского по делам об обществах присутствия 9 декабря 1908 г.¹⁰

5 ноября 1906 г. в Казани был открыт Отдел Союза Русского Народа¹¹, 13 декабря в Адмиралтейской слободе – «Боголюбский отдел СРН»¹². Отделы СРН в течение 1906–1907 гг. создавались в ряде уездных городов (Арск, Спасск, Чистополь, Свияжск, Царевококшайск), а также сел Казанского, Свияжского, Лаишевского, Мамадышского, Чистопольского, Цивильского, Спасского, Тетюшского уездов Казанской губернии. По архивным источникам общая численность членов

⁸ Казанский телеграф. – 1906. – 21 февраля; НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 415. – Л. 17.

⁹ НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3260. – Л. 15.

¹⁰ См.: Устав Царско-Народного Мусульманского Общества. – Чистополь: Тип. А.Л.Архипова. – 4 с.

¹¹ НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3069. – Л. 1.

¹² НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 68 об.

СРН в Казанской губернии составляла 6973 человек, из них 600 были зарегистрированы в Казани¹³. Казанский губернский отдел СРН руководствовался в своей работе документами Главного Совета СРН. На очередном съезде СРН, проведенном в Москве 15–19 июля 1907 г., после предоставления В.Ф. Залесским проекта устава для мусульман было постановлено: «Поручить Главному Совету выработать особый знак для членов Союза Русского Народа из мусульман и ходатайствовать о легализации «Устава Союза Русского Народа для мусульман»¹⁴. Разработанный «Устав Мусульманских отделов при Союзе Русского Народа» состоял из 35 пунктов¹⁵.

Политические взгляды казанских консерваторов нашли отражение в таких органах печати, как «Русь православная и самодержавная», «Газета «Правых», «Сошники», «Черносотенец» (газеты), «Деятель», «Казанский раешник» (журналы). На страницах периодической печати подчеркивалась важность сохранения самодержавия, а «православие», по мнению членов КОРС, есть «душа русского народа; опора и смысл самодержавия»¹⁶. Официальными лидерами политических партий консервативного направления в Казани являлись В.Ф. Залесский (ЦНРО, Казанский губернский отдел СРН), А.Т. Соловьев (КОРС), А.И. Кукарников (ОЦСПП, Боголюбский отдел СРН).

Среди политически однородного либерального спектра партийных организаций существовали принципиальные расхождения. В период Первой российской революции тон задавало и татарское национальное движение. Эти факторы повлияли на формирование двух политических блоков в период избирательных кампаний в Государственную думу первых двух созывов в недрах либерального движения Казанской губернии. Его радикальное крыло составляли общественно-политический мусульманский союз «Иттифак эль-муслимин» («Союз мусульман») и Казанская губернская организация партии кадетов. Их местные руководящие органы были сформированы в губернском центре во второй половине 1905 г.: «Городское Бюро» (август) и Казанский губернский комитет партии кадетов (декабрь). Подобные комитеты партии кадетов в 1905–1906 гг. возникли и в ряде уездных центров Казанской губернии – Лаишеве, Ядрине, Чис-

¹³ Там же. – Л. 100–101 об.

¹⁴ ГА РФ. – Ф. 116. – Оп. 1. – Д. 155. – Л. 1 об.

¹⁵ Там же. – Л. 5–17.

¹⁶ Взгляды Казанского Отдела Русского Собрания // Деятель. – 1906. – № 7–8. – С. 2.

тополе, Цивильске, а также в селе Анашево¹⁷. В Казанской губернии в 1905–1907 гг. общая численность кадетов составляла 560 человек¹⁸. Такие известные в Казани либералы-интеллектуалы, как, например, Ю.Х. Акчурина, А.В. Васильев, Г.Ф. Шершеневич приняли участие во Всероссийских съездах «Конституционно-демократической партии». По сообщению местной прессы, именно казанские представители ЦК «Иттифак эль-муслимин» в конце 1906 г. «взяли на себя хлопоты» по утверждению проекта устава, принятого на II-м Всероссийском съезде мусульман¹⁹.

Предварительные подготовительные работы по созданию Казанского отдела партии кадетов вел «Казанский Организационный Комитет конституционно-демократической партии». Секретариат состоял из 5 человек (М.С. Венецианов, Г.Г. Тельберг, А.А. Симолин, А.Г. Бать, Н.А. Васильев). Казанский организационный комитет конституционно-демократической партии в ноябре 1905 г. поставил, в первую очередь, перед собой задачи, связанные с изданием и распространением программных положений партии. Отдельным пунктом было выделено решение о распространении среди широких слоев населения брошюры профессора Г.Ф. Шершеневича «Программа конституционно-демократической партии в общедоступном изложении»²⁰. Следует отметить, что в декабре 1905 г. на татарском языке вышла в печати программа конституционно-демократической партии в переводе Г.Н. Ахмарова²¹. Скорее всего, она представляла собой татарский вариант издания «Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г.», напечатанного в 1905 г. Казанским организационным комитетом конституционно-демократической партии в лито-типографии И.Н. Харитоновой.

Казанские кадеты (Бабушкин И.И., Гусев Н.П., Бать А.Г., Васильев А.В., Васильев Н.А., Симолин А.А. и др.) сотрудничали с газетой

¹⁷ Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань: Фэн, 2003. – С. 40.

¹⁸ Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 77.

¹⁹ Казанский вечер. – 1906. – 2 декабря.

²⁰ ГА РФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 214 (1). – Л. 26.

²¹ См.: Ахтямова А.В. Общественная деятельность Г.Н. Ахмарова (К 150-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – № 3–4. – С. 181–188.

«Вечернее эхо» (начиная с 20-х номеров периодического издания). Собственно партийным органом местных кадетов можно считать газету «Казанский вечер». Архивные материалы указывают, что средства на издательскую деятельность представляла партийная организация²². Официальный печатный орган «Иттифак эль-муслимин» в Казани – газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), направление которой, как отмечено в отчете Казанского временного комитета по делам печати за 1906 г., с самого начала ее существования совпадало с программой партии народной свободы²³. Комитет следующим образом характеризовал деятельность редакции газеты: «газета ... ставила своею целью охранять самобытность татар, живущих в России... обещала способствовать всеми силами развитию школьного дела и преобразованию мусульманских учебных заведений ... национальной литературы»²⁴. Печатными изданиями, которые были близки иттифаковцам и мусульманской фракции в Государственной думе, являлась также газета «Йолдыз» («Звезда») и с декабря 1907 г. – газета «Әхбар» («Вести»).

Умеренный полюс либерального движения в Казанской губернии представляли: «Казанский Союз 17 октября», Казанское отделение «Торгово-промышленной партии», Союз пастырей и церковных старост г. Казани, Казанский отдел партии мирного обновления. Активная и ведущая роль в развитии умеренного либерализма в крае принадлежала, бесспорно, «Казанскому Союзу 17 октября». В Казани действовали семь отделов (комитетов) данной партии: шесть участковых комиссий и Казанский центральный комитет, председателем которого стал профессор Казанского университета М.Я. Капустин (с 1 марта 1907 г. – В.В. Марковников). В хроникальной заметке, появившейся в газете «Обновление» (19 января 1906 г.), отмечалось: «Казанская партия манифеста 17 октября, партия торгово-промышленная и собрание церковных пастырей слились в общий Союз 17 октября...»²⁵. На одном из общих собраний, которое состоялось 15 января 1906 г, присутствовало 540 человек²⁶. «Казанский Союз 17 октября» в Казани насчитывал 1000 членов²⁷, другие источники указывают, что численность партии не превышала 400 человек²⁸.

²² НА РГ. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 104. – Л. 51 об.

²³ НА РГ. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 75.

²⁴ НА РГ. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 77.

²⁵ Обновление. – 1906. – 19 января.

²⁶ Казанский телеграф. – 1906. – 17 января.

²⁷ НА РГ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 100.

²⁸ НА РГ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 415. – Л. 18.

Проект политической программы октябристов рассматривался на собрании в Губернской земской управе 10 ноября 1905 г. представителями гласных земских собраний, городской думы, преподавателями университета и др. Здесь же было решено организовать в Казани политическую партию под названием «Партия Манифеста 17 октября»²⁹. По другим сведениям, она возникла 17 ноября 1905 г.³⁰ 6 декабря 1905 г. на страницах газеты «Казанский телеграф» была опубликована программа Казанской «Партии Манифеста 17 октября», которая «в существенных основаниях сходится с программой образовавшегося в Москве «Союза 17 октября»³¹, и список членов комитета (в ноябре 1906 г. прошли выборы его нового состава). В 1906 г. эта программа была напечатана в типо-литографии И.В. Ермолаевой отдельно в виде брошюры «Проект политической программы «Союза 17 октября»³². Отметим, что программа октябристов была тоже переведена на татарский язык и вышла в качестве приложения к газете «Обновление». Перевод осуществил, как сообщалось в газете «Волжский Вестник», вышеупомянутый Г.Н. Ахмаров³³.

В ходе работы Поволжского съезда партии «Союз 17 октября» (10–12 сентября 1906 г., г. Казань) были созданы 4 комиссии, каждая из которых состояла из трех членов и председателя, для выработки документов и тактики партии. Комиссию для выработки проекта устава возглавил Б.В. Варнеке.

Известно, что 10 октября 1906 г. «Союз 17 октября» был официально зарегистрирован, т.е. признан легально действующей организацией. В свою очередь, в Казани профессора М.Я. Капустин, Б.В. Варнеке, приват-доценты Казанского университета В.В. Вормс, А.Я. Богородский, мещане Н.А. Остряков, Ф.В. Бутенин, служащие Н.А. Мельников, В.В. Перцов и купец Е.Е. Софронов 23 октября 1906 г. обратились к казанскому губернатору с заявлением, в котором изъявили желание учредить в Казанской губернии общество под названием «Казанский Союз 17 октября»³⁴. В итоге Казанское губернское по делам об обществах присутствие 4 ноября 1906 г. поста-

²⁹ Казанский телеграф. – 1905. – 19 ноября.

³⁰ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 70.

³¹ Казанский телеграф. – 1905. – 6 декабря.

³² См.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 2107. – Л. 178.

³³ Ш.М. Партия 17 октября и казанские татары // Волжский вестник. – 1906. – 21 марта.

³⁴ НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3255. – Л. 1.

новило: устав организации, получившей официальное название «Казанский Союз 17 октября», утвердить, и союз зарегистрировать³⁵. Отметим, небольшие дополнения к уставу были введены в марте-апреле 1907 г. Отделение партии было открыто также в Чистополе, насчитывавшее 43 члена³⁶.

Печатным органом местных октябристов являлась газета «Обновление». Учредители газеты объявили: «Содействовать наряду с другими общественными силами и деятелями умиротворению страны составляет главную задачу нашего издания»³⁷. Был провозглашен широкий круг задач: отстаивание интересов самых различных слоев населения и выяснение духовных потребностей последователей разных религиозных конфессий (православных, старообрядцев, мусульман и др.).

СПЦС или «Союз пастырей...» оформился в конце 1905 г. Толчком к его созданию послужили трагические события 19–23 октября в Казани. Уже 24 октября состоялось пастырское совещание во Владимирской читальне. На нем был поставлен вопрос: «Какими средствами может действовать духовенство на успокоение толпы при возникновении грабежей и насилий»³⁸. Постепенно обсуждаемые темы приобретали политическую окраску, и на последнем за 1905 год пастырском собрании (16 декабря) была принята программа казанских октябристов, избран «Распорядительный Совет Союза» из 12 человек под председательством старосты университетской церкви профессора Н.Ф. Высоцкого. На пастырском собрании от 19 января 1906 г. были образованы комитеты партии по каждому городскому участку. В состав каждого из этих шести комитетов вошли несколько священников, дьякон и церковный староста³⁹. По словам местного цензора, журнальное издание «Церковно-общественная жизнь», к которому решили примкнуть члены СПЦС, было «либерального направления, несколько левее партии 17 октября»⁴⁰. 19 января 1906 г. единогласным решением профессора Казанского университета проиерей А.В. Смирнова избрали соредактором журнала.

³⁵ Там же. – Л. 10, 13.

³⁶ НА РГ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 102.

³⁷ ГАРФ. – Ф. 115. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 6.

³⁸ Церковно-общественная жизнь. – 1906. – 7 января.

³⁹ Церковно-общественная жизнь. – 1906. – 3 марта.

⁴⁰ НА РГ. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 71–71 об.

В середине декабря 1905 г. на одном из собраний членов биржевого общества рассматривалось предложение торгово-промышленной партии, организованной в Москве, примкнуть к ней, то есть, по сути, речь шла о создании филиального отделения партии. Позже газета «Казанский телеграф» сообщала: «... Пока в эту партию записалось в Казани, однако, немного. Из 300 слишком членов местной биржи изъявили согласие примкнуть к московской торгово-промышленной партии около 70 лиц почти исключительно казанских коммерсантов»⁴¹. Из числа членов Казанского комитета ТПП для участия в работе Казанского комитета «Союза 17 октября» были уполномочены М.Л. Свешников, Н.А. Казем-Бек, К.И. Оконишников, А.Ф. Кешнер и В.П. Кешнер. Уездный комитет Казанского губернского отдела ТПП был организован в Чистополе под председательством Н.В. Маланычева⁴². Этот отдел включал 99 членов⁴³.

Партия мирного обновления, лидеры которой граф П.А. Гейден и М.А. Стахович считали, что левые октябристы и правые кадеты составят ядро конституционного центра, получила меньшее отражение в литературе. По некоторым источникам, правление Казанского отдела ПМО, находившееся по адресу: г. Казань, Первая Гора, дом Терпигоревой, было утверждено 16 октября 1906 г.⁴⁴ Хотя, надо отметить, лишь в начале 1907 г. Казанское губернское по делам об обществах и союзах присутствие было уведомлено управлением Санкт-Петербургского градоначальника о том, что Центральный комитет общества мирного обновления заявил об открытии им отдела в Казани⁴⁵. Эта точка зрения подтверждается и газетой «Волжский листок», извещавшей о том, что Казанский отдел ПМО возник в конце избирательной кампании во II Государственную Думу. «В настоящее время отдел (Казанский отдел ПМО. – А.А.) вполне организован и в ближайшем будущем начнет работать, подготовляясь к приближающейся кампании... Один из наших сотрудников беседовал на днях с председателем Казанского комитета и одним из инициаторов отдела ген.[ералом] И.Л. Панкратовым ... И.Л. Панкратов сообщил, что местный отдел «мирного обновления», как и вообще все провинциальные организации этой партии, постарается объединить около себя

⁴¹ Казанский телеграф. – 1905. – 29 декабря.

⁴² НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 2107. – Л. 120–120 об.

⁴³ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465. – Л. 102.

⁴⁴ НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3069. – Л. 34 об.

⁴⁵ Там же. – Л. 44.

истинно-конституционные элементы из различных партий (из к.-д., мусульманской партии, беспартийных избирателей), создав коалиционную группу... хотя партия мирного обновления и создавалась из одного ребер союза («Союз 17 октября». – А.А.) ... между ней и октябристами – громадная пропасть», – передавал слова руководителя казанских мирнообновленцев «Волжский листок»⁴⁶.

Итак, председателем правления Казанского отдела ПМО состоял генерал-лейтенант в отставке И.Л. Понкратов (имеется разночтение в написании фамилии – Панкратов), секретарем – С.И. Иванов. По сведениям помощника пристава четвертой части г. Казани от 14 апреля 1907 г., членами комитета являлись казанские купцы М.А. Абдулманов, П.П. Набоков, И.С. Одинцов, доктор медицины Н.Г. Питкянен, казанский купеческий сын В.К. Дудоров, кандидатом – казанский купец И.А. Сурин. Ранее, 20 января 1907., Центральный комитет «Общества Мирного Обновления» передал казанскому губернатору следующий список уполномоченных Казанского отдела ПМО: «генерал-лейтенант в отставке Иван Логинов Панкратов, доктора медицины: Дмитрий Григорьевич Симченко и Николай Георгиевич Питкянен, дворянка Юлия Николаевна Федорова, купцы Павел Петрович Набоков, Иван Андреевич Сурин и Иван Степанович Одинцов, купеческий сын Василий Кузьмич Дудоров, ассистент университета Валериан Иванович Мейснер, фотограф Семен Иванович Иванов и мещанин Сергей Матвеевич Самарин»⁴⁷.

Примечательно, в фонде Казанского губернского жандармского управления отложилась информация о том, что прибывший в г. Тетюши 2 января 1907 г. бывший профессор Одесского университета К. Соловьев намеревался организовать в уезде отдел ПНО⁴⁸.

Комитеты социалистических организаций в Казани были созданы в следующей последовательности: Казанский комитет РСДРП, конец 1902 г.; Казанский комитет ПСР, не позднее августа 1905 г.; Городской комитет группы татарских эсеров, 1906 г. Здесь действовала и «меньшевистская группа», которая, по материалам Казанского губернского жандармского управления, после событий 19–23 октября 1905 г. в Казани «ликвидировала свои дела, а оставшиеся в

⁴⁶ Г.Т. Казанский отдел партии мирного обновления (Беседа с председателем Казанского комитета И.Л. Панкратовым) // Волжский листок. – 1907. – 17 июня.

⁴⁷ НА РГ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3069. – Л. 9.

⁴⁸ НА РГ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 445. – Л. 244.

г. Казани меньшевики присоединились к большевикам Казанской социал-демократической организации»⁴⁹. Кроме того, была организована чувашская организация социалистов-революционеров. Структура данных организаций была достаточно сложной. Поскольку представители этого лагеря зачастую подвергались различным формам преследования, то численность социал-демократов и эсеров не была постоянной. Как выясняется из доклада казанского делегата на II Поволжской конференции социал-демократов, состоявшейся в Симбирске (июль, 1907 г.), было зарегистрировано 1090 членов Казанской социал-демократической организации, однако, по его словам, фактически можно считать до 460 человек⁵⁰. Численность Казанской губернской организации ПСР определялась в 810 человек⁵¹.

Казанская группа татарских социалистов-революционеров как составная часть входила в Поволжскую организацию эсеров с центром в Саратове⁵². Среди наиболее активных представителей этой группы следует выделить Гаяза Исхаки, Фуада Туктарова, Сагита Рамеева, Шакира Мухаммедъярова. В Казанской организации ПСР, которая была в тесной связи с Поволжским областным комитетом, значимую роль играли студенты Казанского университета, среди них выделялся А.Е. Рафаилов. Как свидетельствуют документы жандармского управления, «... ни один из приезжих в Казань видных партийных работников не попадал в Казанскую организацию, не побывав у Рафаилова и не получив от него инструкции»⁵³. К 1905 г. была образована Тетюшская уездная организация партии эсеров⁵⁴. Позднее стали функционировать следующие комитеты: Чувашский комитет ПСР (организатор Тимофей Николаев, бывший студент Казанского ветеринарного института); Чистопольский комитет ПСР (в конце 1906 – начале 1907 г. председателем комитета состоял врач Н.В. Дерягин⁵⁵, а во второй половине 1907 г. – некий Чудов⁵⁶); Ма-

⁴⁹ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 739. – Л. 14 об.

⁵⁰ НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 2. – Д. 793. – Л. 176 об.

⁵¹ Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 77.

⁵² Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 13.

⁵³ НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 475. – Л. 140.

⁵⁴ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 2474. – Л. 56.

⁵⁵ НА РТ. – Ф. 51. – Оп. 10. – Д. 152. – Л. 3; НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 339. – Л. 26, 62.

мадышский комитет ПСР. Также в Мамадышском уезде («Дюсьметевский район») существовала организация социалистов-революционеров, к которой примкнули местные учителя: А.А. Рождественский, Родгинский (Ронгинский) и Н.Н. Яшин⁵⁷. Видными руководителями Казанской социал-демократической организации являлись И.Л. Ямзин, А.С. Кулеша, Х.М. Ямашев, В.П. Южанинов (меньшевик) и др. Историк Х.Х. Хасанов, освещая октябрьские события 1905 г. в Казани, писал: «Крестьянское движение развернулось под влиянием агитации Казанской социал-демократической организации, которая успела к тому времени создать свои группы в ряде уездов – Чистопольском, Лайшевском, Мамадышском, Тетюшском и других»⁵⁸.

Среди легальных изданий, пропагандировавших социал-демократические взгляды, можно отметить «Волжский листок» и «Волжский курьер». Главным партийным органом местной организации эсеров считалась газета «Волжский Вестник». В августе 1905 г. на татарском языке вышла подпольная газета «Хөррият» («Свобода») эсеровского направления⁵⁹, а позже, 18 мая 1906 г., был издан первый номер газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») ⁶⁰, где впоследствии освещались, прежде всего, программные положения группы татарских эсеров. Выход «Таң йолдызы» очень критично была воспринята редакцией газеты «Волжский курьер»⁶¹.

Таким образом, в Казанской губернии в годы Первой российской революции функционировали отделения крупных общероссийских политических партий, которые относились к трем направлениям: консервативное, либеральное и социалистическое. Татарское национальное движение было представлено в лице «Городского Бюро» общественно-политического мусульманского союза «Иттифак эль-муслимин» и Городского комитета группы татарских эсеров.

Источники и литература

⁵⁶ НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 568. – Л. 15 об.; НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 565. – Л. 117.

⁵⁷ Там же. – Л. 16–16 об.

⁵⁸ Хасанов Х.Х. Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 77.

⁵⁹ Амирханов Р.У. Из истории татарских нелегальных изданий в дореволюционный период // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 137.

⁶⁰ О периодической печати татарских эсеров («Таң йолдызы», «Таң мәжмугасы» («Рассвет»), «Тавыш» («Голос») см. также: Равил Әмирхан. Иманга тугрылык. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 280–287 б.

⁶¹ Волжский курьер. – 1906. – 31 мая.

1. Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань: Фэн, 2003. – 207 с.
2. Амирханов Р.У. Из истории татарских нелегальных изданий в до-революционный период // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2005. – №1. – С. 136–137.
3. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2005. – 152 с.
4. Әмирхан Р. Иманга тугрылык. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 384 б.
5. Ахтямова А.В. Общественная деятельность Г.Н. Ахмарова (К 150-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №3–4. – С. 181–188.
6. Исхаков С.М. Политические партии в российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 199–203.
7. Рашитов Ф.А. Революция 1917 года: борьба партий, выбор народа. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2006. – 175 с.
8. Волжский вестник. – 1906.
9. Волжский листок. – 1907.
10. Деятель. – 1906. – №7–8.
11. Казанский вечер. – 1906.
12. Казанский телеграф. – 1905–1906.
13. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 71–87.
14. Обновление. – 1906.
15. ГА РФ. – Ф. 115. – Оп. 2. – Д. 8.
16. ГА РФ. – Ф. 116. – Оп. 1. – Д. 155.
17. ГА РФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 214 (1).
18. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 2107.
19. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 2474.
20. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 739.
21. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 339.
22. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 415.
23. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 465.
24. НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3069.
25. НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3255.
26. НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 3260.
27. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 445.
28. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 475.
29. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 565.
30. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 568.
31. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 2. – Д. 793.

32. НА РТ. – Ф. 420. – Оп. 1. – 87.
33. НА РТ. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 104.
34. Устав Царско-Народного Мусульманского Общества. Чистополь: Тип. А.Л.Архипова. – 4 с.
35. Хасанов Х.Х. Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 216 с.
36. Церковно-общественная жизнь. – 1906.

А.В. Әхтәмова

Казан губернасында сәяси партияләр: оешу тарихы (1905 – 1907 еллар)

Россиядәге сәяси партияләр тарихын өйрәнү төбәкләр дәрәжәсендә төгәлләштерүне таләп итә. Мәкалә Казан губернасында XX гасыр башында барлыкка килгән сәяси партияләргә багышлана. Бастырылган материаллар һәм архив чыганаclar нигезендә Беренче Россия революциясе елларында Казан губернасындагы консерватив, либераль һәм социалистик юнәлешләрдәге партияләр карала.

Ачкыч сүзләр: Казан губернасы, Беренче Россия революциясе, сәяси партия, милли хәрәкәт, Дәүләт Думасы.

А.В. Akhtyamova

Political parties in Kazan province (1905–1907 years)

Studying the history of the Russian multi-party system requires a specification by regions. The article is devoted to the design of the political parties in the beginning of XX the example of Kazan province. On the basis of published and archival sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, comprehensively considered the party of conservative, liberal and socialist trends of the First Russian Revolution.

Keywords: Kazan province, the first Russian revolution, the political party, National Movement, the State Duma.

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Әхтәмова Алсу Вазыйх кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа гасыр тарихы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Первые «новокрещенские» поселения в Среднем Поволжье и основы генезиса татар-кряшен (по документам второй половины XVI – начала XVII вв.)

В статье, на основе актовых, делопроизводственных и нарративных источников второй половины XVI – начала XVII вв., а также материалов исторической этнографии и лексикологии, делается ключевой вывод об образовании первых «новокрещенских» («новокресценских») поселений в Среднем Поволжье во второй половине XVI в., т.е. уже после завоевания в 1552–57 годах Казанского ханства Московским государством. Однако, они не были еще «кряшенскими» в современном понимании понятия, т.к. термин «новокрещен» (или «новокресцен») источников второй половины XVI – XVII вв., будучи соционимом, включает в себя представителей всех коренных этносов региона, крещенных в православную веру. Татароязычное понятие «керэшен» является не более, чем его транскрипцией («крещеный»– «керэшен»).

На основе религиозной, языковой, культурно-исторической общности, постепенно (примерно на рубеже XVII–XVIII вв.) сформировалась «татарско-кряшенская» идентичность – татарско-кряшенская историко-этнографическая группа. С точки зрения автора, основу современных татар-кряшен составили татароязычные группы населения, сохранившие к моменту падения Казанского ханства основы традиционного языческого мировоззрения – в массе своей, люди ногайско-татарского (степного) и финно-угорского (марийского, удмуртского и т.д.) происхождения.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, вторая половина XVI – начало XVII вв., «новокрещены», «новокрещенские» поселения, термин «кряшен», татары-кряшены.

Проблема генезиса своеобразной этнической группы татар-кряшен (т.е., по сути, татар православного христианского вероисповедания) является актуальной не только с точки зрения изучения вопросов этнической истории народов Поволжья и Приуралья в целом, но и с точки зрения постсоветской национальной политики России, одной из характерных черт которой является стремление к искусственному отпочкованию из числа этнических татар новых, искусственно вычлененных мини-этнических групп на основе диалекталь-

ных, религиозных, историко-географических и иных, любых возможных особенностей¹.

Таким образом, «кряшенский вопрос», кроме всего прочего, имеет и некий политический оттенок, лежащий в области современной национальной политики Российского государства. Ныне степень актуальности проблемы такова, что вполне позволяет говорить о процессе самоопределения татар-кряшен в качестве «самостийной» этнической единицы (тем более, что тому примеров из мировой истории много).

Однако, какова же суть происхождения татар-кряшен? Дольше всего вопрос в отечественной историографии, этнологии остается малоисследованным. На этот счет выдвинуты различные гипотезы. Следуя традиции этносов, этнических групп как можно более удревнять свои истории, «родословные», сами татары-кряшены всячески пытаются увязать свой генезис либо с кераитами – древнетюркскими племенами средневековья, по некоторым документальным известиям, исповедовавшими христианскую веру несторианского толка, либо с единичными, летописными известиями о неких православных «мучениках» из числа тюрок эпох Волжской Болгарии и Золотой Орды, впоследствии причисленных православной церковью к лику «святых».

Однако, все эти «народные» гипотезы, единичные факты из истории, естественно, не могут служить аргументированными научными доказательствами. К тому же, достоверность сведений русских летописей с известиями о вышеупомянутых православных «мучениках» из числа средневековых тюрок-татар вызывает у исследователей немало споров и сомнений. При этом, непреложным остается сам факт отсутствия в имеющихся источниках свидетельств о суще-

¹ Так, в ходе последней переписи населения 2002 г. татары в графе «национальность» были подразделены на целых 50 этнических групп (!) – кряшен, сибирских татар, мишарей, ногайбаков, болгар и т.д. В отношении же титульной нации – русских – дело обстоит иначе. К примеру, коллективное обращение активистов Кубанского казачества к переписной комиссии с просьбой о том, чтобы их включили в реестр предстоящей переписи населения отдельной графой, было отклонено с мотивировкой в том ключе, что в дальнейшем это может привести к этническому расколу русского народа. Все его историко-этнографические группы – поморы, чалдоны и т. д., как и различные этнотерриториальные группы казачества, в итоговых сводках переписи населения 2002 г. числятся под одной, общей графой под названием «русские». Основа и мотивы такого рода «двойных стандартов» очевидны. Они вполне традиционны для современной российской действительности.

ствовании в Среднем Поволжье каких-либо «кряшенских» населенных пунктов в эпохи Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Хотя установлено наличие в те же эпохи в регионе мусульманско-татарских (булгарских), чувашских, марийских, мордовских, удмуртских поселений.

Начальные известия о так называемых, «новокрещенских» (или «новокрещенских») поселениях в Среднем Поволжье относятся к середине 60-х годов XVI в., т.е. уже к «русскому» периоду.

Само понятие «новокрещены» – «новокрещены» красноречиво свидетельствует о том, что эти люди были обращены в православную веру относительно недавно, т.е. после падения Казани в 1552 г.

В этой связи, и само происхождение понятия «кряшен», как бы ни старались фантазировать на эту тему некоторые исследователи из числа журналистов-публицистов, по сути, никаких сомнений не вызывает. Оно является не чем иным, как татарской (народной) транскрипцией русскоязычного понятия «крещеный» («крещеный» – «керәшен»)².

Термин «новокрещен» (или «новокрещен») источников второй половины XVI – XVII вв., будучи соционимом, включал в себя представителей всех коренных этносов региона, новообращенных в православную веру. Поэтому, начальные, так называемые, «новокрещенские» поселения в Среднем Поволжье, собственно говоря, еще не были «кряшенскими» в современном понимании понятия. Так как тогда еще группы населения под названием «кряшены», просто-напросто, не было. Соответственно, не знают такого понятия и источники XVI–XVII вв. Термин же «новокрещен» («новокрещен»), применявшийся в отношении представителей всех коренных народов Среднего Поволжья, новообращенных в православную религию (в том числе и в отношении татар-мусульман), тогда имел лишь социальную и религиозно-определяющую нагрузку.

Если крестившихся в православную веру татар русские называли «новокрещенами» или «новокрещенами», то сами татары-мусульмане – «керәшеннәр», либо «чукуыганнар». Впоследствии термином «керәшеннәр» стали обозначать всех татар, а также отатаренных в эпоху ханства выходцев из числа финно-угорских народностей Среднего Поволжья (марийцев, удмуртов и т.д.), крестившихся в

² В этой связи, кряшены являются одними из редких этнических групп, название которых, наряду с русскими, имеет определяющее значение (т.е., «крещеные», буквально, «крещеные в православную веру»).

православную веру. Таким образом, мало-помалу, социально-религиозное понятие стало приобретать историко-этнографический оттенок, который, со временем (особенно усилиями государства, православных миссионеров и подготовленных ими деятелей из числа самих татар-кряшен) перерос в этнический. Ныне наблюдается качественно новый, завершающий виток этих сложных этногенных процессов, связанных самоопределением татар-кряшен.

Еще в начале 1990-х годов, работая над темой кандидатской диссертации, мы выдвигали обоснованную гипотезу о том, что некогда основу современных татар-кряшен составили степные ногаи – представители близкородственных татарам-земледельцам тюркских племен, бывшие в эпоху ханства на государственной службе. Дело в том, что в отличие от татар-земледельцев (в массе своей волжско-болгарского происхождения), у них к тому времени ислам укоренился в несколько меньшей степени. Другой компонент составили ассимилированные государствообразующими татарами-мусульманами финно-угорские, языческие группы населения Среднего Поволжья в лице южных удмуртов (так называемых, аров), луговых марийцев и т.д.

В целом, дальнейшие исследования показали объективную уместность и достоверность этой гипотезы, выдвинутой на основе анализа корпуса письменных источников XVI–XVII вв., материалов нарративного, историко-этнографического и лингвистического характера.

Надо учесть, что вслед за завоеванием Казанского ханства в 1552–57 годах в регионе произошли большие изменения. Так, например, военное присоединение привело к частичному уничтожению и выселению населения с плодородных территорий – главным образом, феодальной верхушки и части земледельцев, которые бежали от произвола новой власти и насильственного крещения. Данная политика отражала стремление усилить власть и покорение народов. По мнению немецкого историка К. Ноака, Москва развивала две пути обеспечения господства над населением края. С одной стороны, это военная сила и репрессии, с другой – вмешательство в общественные и культурные отношения населения. Также, была развернута миссионерская деятельность, направленная на обращение местных народов, прежде всего знати бывшего Казанского ханства, в православие. Из числа последних правительство создавало «служилых людей», поощряемых денежными жалованиями и поместьями «дачами». В ответ, они служили, проводили в жизнь государствен-

ную политику – покоряли новые земли, являлись опорной силой в защите новых территорий. Часть «служилых татар» принимала христианство и, возможно, даже содействовала насильственной христианизации зависимого от них населения. Так, существует предание о трех братьях из княжеского рода, по имени Нырса, Василий (татарско-мусульманское имя не сохранилось) и Исхак, последние двое из которых якобы после покорения Казани были крещены и рукоположены в священники в селах Дюртиле и Богородское, где они обратили своих родственников в христианство.

В знак протеста, население бывшего ханства неоднократно поднимало восстания, которые жестоко подавлялись правительственными войсками. Кроме не спокойного Среднего Поволжья, Московское государство имело также и другие «проблемные» территории. Бесконечные внешние и внутренние войны, опричина сильно подорвали мощь государства. В итоге, оно получило политический кризис, социальную и экономическую разруху, Смуту начала XVII в.

В целом, вторая половина XVI – начало XVII вв. являются сложным, неоднозначным периодом этноконфессиональных взаимоотношений народов Среднего Поволжья и Приуралья с набирающим силу Московским государством, православной церковью. Само завоевание Казани в 1552 г. церковными идеологами представлялось как священный поход христианского войска против «басурман», своего рода возмездие за павший под натиском турок-сельджуков «священный» город Константинополь. В этой связи завоеванию Казани – оплота Ислама в Восточной Европе – придавалось мессианское значение. Еще до завоевания один из церковно-дворянских идеологов русского государства XVI в. Иоанн Пересветов, в своих сочинениях характеризуя Казанскую землю как «подрайскую» землицу, богатую на всякие угоды писал, что «хотя бы таковая землица и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие». Призывал как можно скорее завладеть ею не смотря ни на что³. И 2 октября 1552 г. эта вожденная мечта сбылась, была взята Казань – столица ханства. По этому поводу в летописи говорится, что «побито их (татар – *Р.Г.*) в граде толико множество лежаше, яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых»⁴.

³ Сочинения И. Пересветова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С.183.

⁴ ПСРЛ. – СПб., 1908. – Т. XIII. – С. 219.

Иван Грозный, понимавший задачи правительства в завоеванном крае в контексте государственной церковно-дворянской идеологии, кратко сформулировал суть этой политики в своей речи, произнесенной при торжественной встрече в Москве после успешного похода в Казань. Обращаясь к митрополиту, он сказал: «...И новопросвещенный град Казанский по воле его святой данной нам, сохранил во имя святое и утвердил бы в нем благоверие истинной закон христианской и неверных бы обратил к истинному христианскому закону»⁵. Эта политическая цель должна была осуществиться государством и церковью под благовидным предлогом стремления вывести «инородцев» из «тьмы и невежества, осветив их православной верой».

Приступая к христианизации народов Среднего Поволжья, правительство не рассчитывало на быстрый успех. Оно понимало, что его осуществление – дело чрезвычайно трудное, которое требует определенной гибкости, разработки системы и методов христианизации относительно разных районов и народов. Оно, наконец, должно было учитывать и то обстоятельство, что эта проблема связана с рядом внешнеполитических задач и противоречий в этом районе. Идеология Ислама, приспособленная к вызовам времени и укоренившаяся в регионе не позднее IX в., т.е. еще в те времена, когда вся Русь была первобытной, языческой, в этой связи представляла собою в осуществлении предстоящих задач реальную преграду.

Для реализации планов христианизации на практике в 1555 г. в Казани была учреждена особая епархия во главе с первым архиепископом казанским и свияжским Гурием, который был наделен царем большими правами и привилегиями. «Этот духовный поход Гурия в Казань, – писал историк XIX в. С.М. Соловьев, – соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии и Корсуня для просвещения Руси христианством при Владимире; он был завершением покорения Казани, великого подвига, совершенного для торжества христианства над мусульманством: понятно, что он совершился с большим торжеством»⁶.

Кроме того, для насаждения христианства в Среднем Поволжье правительство приступило к организации монастырей. Уже в 1552 г., как выясняется стараниями самого Ивана Грозного, на легендарной Зилантовой горе был учрежден казанский Зилантовский, а в 1556 г. –

⁵ ПСРЛ.– СПб., 1910. – Т. XX. – С. 536.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Кн. 4. – Т. 7–8. – С. 66.

Спасо-Преображенский мужские монастыри. В дальнейшем число православных монастырей умножилось.

Источники позволяют утверждать, что первоначально политика христианизации коснулась в основном татарского населения. Во всяком случае, в наказе царя Ивана IV архиепископу Гурию от 1555 г. речь ведется только о татарском населении бывшего ханства. Видимо, учитывая политическую обстановку в завоеванном крае, в этом документе царь отдает предпочтение не административным мерам в крещении татар, а тонкой и гибкой политике, использующей все возможности, не исключая и обмана. В наказе говорится: «А которые татаровя похотят креститься своею волею, а не от неволи, и ему тех велети крестити, и лутчих держати у себя в епископье и поучати всему крестьянскому закону, и покоити их как мочно, а иных раздавати по монастырем»⁷. За крещением предусматривались такие формы вознаграждения, как бесплатное угощение изысканными яствами и алкоголем от архиепископского стола, освобождение опальных от наказания. Причем, о последних говорится, что, если «нельзя его будет держать в Казани, чая от него впред измены, ино его крестив, отослати к государю и великому князю»⁸.

Характерно то, что правительство в этом деле делает упор, прежде всего, на феодалов бывшего ханства. Переводя их в христианство, правительство надеялось разрешить одновременно две задачи: 1) окончательно ослабить и нейтрализовать татарских феодалов, часть которых была оппозиционно настроена к правительству; 2) через их крестившуюся часть распространить христианское учение и на остальную часть коренного населения. Однако факт не означает, что политика христианизации не коснулась остального населения Поволжья. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг., например, наряду со служилыми новокрещенами упоминает и ясачных, крепостных новокрещеных⁹.

В целом, крещение коренного населения проводилось методом кнута и пряника, т.е. если в одних случаях население заманивали на крещение предоставлением льгот социально-экономического характера, то в других случаях применялся грубый административный нажим. В течение рассматриваемого нами периода эта политика то

⁷ История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – С. 146.

⁸ Там же.

⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – С. 11, 71, 77, 120, 133 и др.

усиливалась, то ослабевала в зависимости от внутреннего и международного положения государства. Однако уже в 1593 г. митрополит Гермоген не мог не признать, что попытка «добровольного» проведения христианизации не удалась. Она во много носила формальный характер. Митрополит жаловался царю, что «живут новокрещены с Татары и с Чювашею и с Черемисою и с Вотяки вместе... и к церквям Божиим не приходят... кладутся по старым свои Татарским кладбищам... да и многие... свирепые Татарские обычаи новокрещены держат безстыдно, а крестьянской веры не держатся и не навывают». Более того, даже русские «крестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру»¹⁰. В ответной грамоте на эту жалобу митрополита царь велит всех новокрещеных переселить в особую слободу, а тех, которые «поученья митрополита и отцов духовных слушати не учнут... смиряти, в тюрьму сажати, и бити, и в железа и в цепи сажати, а иных заповеди имати», а иных привезти к митрополиту «чинить суд по правилам Святых Апостол»¹¹.

Татарам настрого запрещалось строить мечети. Зависимых от татарских феодалов русских крестьян предлагалось у первых отобрать и распределить по дворцовым русским селам, а также среди новокрещенных помещиков. Эта грамота означала отказ правительства от политики «добровольной» христианизации и переход в этом деле к методам грубого административного нажима.

По царскому указу не позднее 16 июля 1622 г. новокрещеным татарам-землевладельцам запрещалось селить в своих дворах православных пашенных холопов и владеть ими¹². По другому указу, от 1627/28 г., им запрещалось уже и владеть православными людьми, живущими в господских дворах, «чтоб в том христианским душам осквернения не было»¹³.

Политика христианизации, проводимая в отношении коренных народов Среднего Поволжья, получила законное утверждение в Соборном уложении 1649 г., которое предусматривает предоставление льгот для желающих креститься и в то же время узаконивает систему

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т. I. – С. 436–438.

¹¹ Акты археологической экспедиции. – Т. I. – С. 438.

¹² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – XVII вв.: Тексты. – Л.: Наука, 1986. – С. 113.

¹³ Там же. – С. 166.

притеснений и репрессий в отношении тех, кто отказался переходить в православие¹⁴. По этому Уложению обращение кем-либо православного русского человека в мусульманство жестко каралось. «А будет кого бусурман (мусульманин. – *Р.Г.*) какими-нибудь мерами, насильством или обманом, русского человека к своей бусурманской вере обрежет, – говорится здесь, – и того бусурманина по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия»¹⁵.

В дальнейшем в политике христианизации народов Среднего Поволжья такого рода указы стали обычными. Особенно ужесточилось законодательство в отношении мусульман в начале XVIII в., в эпоху Петра I. Так, в 1713 г. он своими указами решительно потребовал крещения служилых татар-помещиков в течение полугода. В противном случае их поместья отписывались на государя вместе «с людьми и крестьяны»¹⁶. Указ от 1715. велит отписать у феодалов-мусульман всех православных крестьян¹⁷. В дальнейшем политика христианизации народов Среднего Поволжья стала носить еще более организованный, упорядоченный характер.

Главным итогом политики христианизации коренных народов Среднего Поволжья было образование в среде как служилых татар, так и среди ясачных, крепостных людей, прослойки «новокрещен».

Писцовые книги Среднего Поволжья второй половины XVI – XVII вв. дают наглядную картину последствий и проявлений этой политики христианизации. Первые «новокрещенские» поселения на территории бывшего Казанского ханства упоминаются в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов 1565–68 гг. (с. Бетьки, Чурилино и т.д.).

Хотя экономическое разорение Московского государства в конце XVI в. затронуло лишь центральные области, его последствия оказались одинаково катастрофичными как для центра, так и для окраин. Как выход из тяжелого экономического кризиса, правительство попыталось систематизировать и усилить налоговую политику в тех частях государства, которые были менее разорены в 70–80-е годы XVI века. С этой целью были составлены экономические описа-

¹⁴ Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – Гл. XVI, ст. 44; гл. XX, ст. 70–71.

¹⁵ Там же. – Гл. XXII, ст. 24.

¹⁶ ПСЗ–1. – Т. IV. – № 2065. – С. 313.

¹⁷ ПСЗ–1. – Т. V. – № 2734. – С. 66; № 2471. – С. 71.

ния ряда регионов, в том числе и наиболее населенных мест Среднего Поволжья, в частности, Казанского уезда.

Писцовая книга Казанского уезда Ивана Болтина была составлена в 1602–1603 годы. Она включает в себя описание части земель Казанского уезда (по дорогам Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской) с татарским, а также марийским служилым и ясачным населением¹⁸.

Из содержания книги видно, что к началу XVII в. примерно 2/5 служилого населения Казанского уезда из числа коренных народов региона (прежде всего, этнических татар) была обращена в православие. Ясачное же население, в основной своей массе, оставалось мусульманским. Недостаточная прочность новой религии на новозавоеванных землях видна и по именам-фамилиям «новокрещеных» служилых людей (Якуш Иванов, Тахтар Иванов и т.д.), содержащих видимые следы татарско-мусульманского прошлого их обладателей.

По писцовой книге, «новокрещенские» поселения обнаруживаются в Ногайской, Зюрейской, Арской и Алатской дорогах Казанского уезда. В частности, 3 «новокрещенские» поселения встречаются по Ногайской дороге. Это **дер. Перевьи** (совр. с. Пелево – Пәрәу Лаишевского муниципального р-на РТ), которая была в поместье за служилым новокрещеном Савинком, имевшем оклад в 5 руб. **Пуст. Большая** зафиксирована за Богданом Чеменеевым (оклад 5 руб.). Он «жил и пахал» у толмача Кормана Молодова.

В **дер. Ташкормень** (совр. с. Ташкирмень – Ташкирмән Лаишевского муниципального р-на РТ) были и служилые, и ясачные. Имелось 2 служилых и несколько ясачных дворов. В частности, за Микифорком Шачюрином было поместье, с окладом в 4 руб. с полтиною, которым ранее «без дачи» (возможно, с периода Казанского ханства) владел его брат.

Но основная масса «новокрещен» проживала по Зюрейской и Арской дорогам, так как здесь во второй половине XVI в. наблюдалась упорная борьба местного населения с царскими войсками. В ответ правительство проводило свои репрессивные меры именно в этих районах, результатом чего явилось уничтожение и выселение части местного населения, испомещение на этих землях людей, принявших крещение. Всего по Зюрейской дороге упоминаются 16 «новокрещен-

¹⁸ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с.

ских» поселений, в числе которых 1 село, 14 деревень и 1 пустошь. В частности, в дер. **Черемыш** Зюрейской дороги насчитывалось 26 служилых дворов. Оклад служилых людей варьировался от 3 до 10 руб. За ясачной частью населения было 9 дворов, из которых ясак платили только 5. «По сыску и по грамоте 77-го года (1567/68 г. – *Р.Г.*) за ясачными новокрещены служилых новокрещен 3 жеребьи».

В дер. **Середние** зафиксировано 2 служилых двора – двор отца Петруньки Ондреева и Павлова сына Ивашки. Упоминаются и ясачные новокрещены.

В дер. **Нижней** числилось 11 служилых дворов, оклад хозяев которых составлял 4 – 5 руб. Всего за служилыми новокрещенами деревни в поместьях было 7 жеребьев, из которых тремя владели «по дачам», а четыремя – «без дач». Кроме того, в дер. был один ясачный двор.

В дер. **Угречь** за служилыми новокрещенами зафиксированы 2 двора. У них поместный оклад равнялся 4–4 руб. с полтиной, в числе которых Степанке Сульчалееву оклад в 4 руб. был написан по Алаткой дороге. Также, упоминаются имена старост-«новокрещенов» из числа ясачного населения деревни.

В дер. **Кебечь** проживал служилый новокрещен с окладом в 4 руб. Перечисляются имена трех ясачных новокрещенов. Всего в дер. было 9 ясачных «новокрещенских» дворов. При описании упоминается служилый новокрещен из деревни Большие.

Село Ишеры было за 13 служилыми новокрещенами с окладом от 4 до 10 руб. Здесь же проживали ясачные новокрещены в количестве 7 дворов.

В дер. **Верхняя Ия** за служилыми новокрещенами числилось 3 двора. Их оклад составлял 4– 5 руб. Упоминается и ясачный новокрещен.

В дер. **Альведин** зафиксировано 2 двора служилых и в таком же количестве – ясачных новокрещен.

В дер. **Средняя Кобеккозя, Средняя и Нижняя Ия** имелось по одному двору, в дер. **Сие и Ковали** – по два двора служилых новокрещен.

В дер. **Сия Большая** насчитывалось 7 дворов служилых новокрещен с окладом по 4 руб. Кроме того, в дер. проживали и ясачные новокрещены.

В дер. **Нырсываре**, кроме служилых и ясачных «новокрещен», также проживали служилый татарин и ясачные татары-мусульмане.

Служилых новокрещен в дер. насчитывалось 3 двора. В частности, из них поместный оклад Андрея Емибердеева составлял 4 руб.

В **пустоши Иски-Юрт** за служилыми новокрещенами имелось 7 дворов, поместные оклады хозяев – от 4 до 11 руб.

Арская дорога также была в числе административных дорог уезда с наибольшим количеством «новокрещенских» поселений. В их числе, **дер. (бывшая пустошь) Хозяшева** (совр. с. Чулпаново Арского муниципального р-на РТ) числилась за служилым новокрещеном Петром Смиленевым (очевидно, что это сын князя Камая) с окладом в 10 руб. Кроме того, за ним же было закреплено 6 «новокрещенских», крепостных крестьянских дворов.

В **дер. Кучюковская** зафиксировано 2 жилых двора – дворы служилого (с окладом в 9 руб.) и ясачного людей.

8 дворов служилых новокрещен имелось в **дер. Кишметево**. Оклады служилых равнялись 4 – 5 руб. Интересно, что часть новокрещен не служили, не платили ясак и не были написаны в окладной книге. Возможно, что они еще не были заверстаны на государственную службу по причине своей молодости.

В **дер. Азяк** числился 1 двор служилого новокрещена и 5 дворов «с полудвором» – за ясачными «новокрещенами».

Дер. Пустошь Мамашева была отдана Ларю Денисову и его братьям, «и он не служил и не платил ясак».

Оклады вдовы Пелагеи Денисовой с детьми – Митькой и Олешкой Колчюриными – в **дер. Казанбаш** (современный пос. Урняк Арского муниципального р-на РТ) равнялись 5 – 7 руб.

В **дер. Корса** зафиксированы 2 двора служилых новокрещен с окладом 6 руб. Также упоминаются ясачные новокрещены.

13 дворов служилых новокрещен имелось в **дер. Чурильна** (совр. с. Чурилино Арского муниципального р-на РТ). Оклад служилых составлял от 3 до 5 руб. При этом один двор пустовал, так как служилый новокрещен Васька Кошаев «сидел в тюрьме в Казане».

В **дер. Енасала** (совр. с. Янга-Сала Арского муниципального р-на РТ) упоминаются 1 двор служилого новокрещена с окладом в «4 рубли с полтиною» и 14 дворов ясачных новокрещен.

В **дер. Хайван** (совр. с. Старый Айван Арского муниципального р-на РТ) зафиксированы по одному двору служилых и ясачных новокрещен.

Новокрещенские поселения были и по Алатской дороге. Например, в **дер. Шуман** насчитывалось, примерно, 12 дворов служилых

новокрещен, с окладами от 3 до 12 руб., и 2 ясачных двора. В дер. **Саире** – 10 дворов служилых новокрещен с окладами от 3 до 6 руб. Интересно, что здесь часть новокрещен также не служила и не платила ясак. В дер. **Туре** упоминается новокрещен по имени Ондрюшка Кутлуев. В дер. **Саря** насчитывалось 5 дворов служилых новокрещен. Таким образом, можно сказать, в каждой дороге были «новокрещенские» поселения, среди которых особо выделяются Зюрейская и Арская дороги, ранее бывшие центрами крупных антмосковских волнений.

Также, писцовая книга частично затрагивает перемещения населения из деревни в деревню. Так, при писцовом описании оказалось, что служилый новокрещен из дер. Перевью Ногайской дороги «съехал в Астрахань» (возможно, здесь имеется ввиду поместное с. Астраханка той же округи).

Всего писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. упоминает около 200 служилых «новокрещен» при примерно 300 чел. служилых татар¹⁹. Это говорит о том, что к началу XVII в. доля служилых новокрещен, хотя и «не навыкающих христианству», в татарском служилом сословии была достаточно большой. Их доля же в среде ясачного населения Среднего Поволжья была не значительна.

Заключая, отметим, что этносоциальные, этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. в значительной степени были обусловлены политикой правительства в регионе. Вместе с тем, были заложены политическая, социально-правовая основы новых явлений в этих сферах.

Источники и литература

1. Акты археологической экспедиции. – Т. I.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т. I.
3. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – XVII вв.: Тексты. – Л.: Наука, 1986. – 262 с.
4. История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – 503 с.
5. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с.
6. ПСЗ–1. – Т. IV. – № 2065.
7. ПСЗ–1. – Т. V. – № 2734.

¹⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – 240 с.

8. ПСЗ–1. – Т. V. – № 2471.
9. ПСРЛ. – СПб., 1908. – Т. XIII.
10. ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. XX.
11. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
12. Соловьев С.М. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Кн. 4. – Т. 7–8.
13. Сочинения И. Пересветова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 388 с.

Р.Г. Галләм

Урта Идел буенда тәүге «яңа чукиндырылганнар» авыллары һәм керәшен татарлары барлыкка килүнең тарихи алшартлары (XVI гасырның икенче яртысы – XVII гасыр башы документлары буенча)

Мәкаләдә, XVI гасырның икенче яртысына – XVII гасыр башына караган акт, эш йөртү чыганаclarына, нарратив документларга, шулай ук, тарихи этнография, лексиколоия материалларына таянып, Урта Идел буенда «яңа чукиндырылганнарның» тәүге авыллары XVI гасырның икенче яртысында, ягъни 1552–57 нче елларда Казан ханлыгы Мәскәү дәүләте тарафыннан яулап алынган корылганлыгы турында әһәмиятле нәтижә ясала. Ләкин бу авылларны әле, хәзерге мәгънәдә, керәшен авыллары дип әйтеп булмый. Чөнки, соционим буларак, XVI гасырның икенче яртысы – XVII гасыр чыганаclarындагы русча «новокрещен» (яки «новокрещен») төшенчәсе яңа чукиндырылган барлык жирле кавем-халык вәкилләрен дә күздә тотта. «Керәшен» атамасы – шуның татарчага транскрипциясе («крещеный» – «керәшен»).

Дин, тел, тарих, культура бергәлеге нигезендә, акрынлап (якынча XVII – XVIII гасырлар чигендә) керәшен татарлары тарихи-этнографик төркеме калыплаша. Автор фикеренчә, аның нигезен даладан чыккан нугай татарлары, шулай ук, Казан ханлыгын яулап алу чорына татарлашкан, әмма үзләре өчен традицион булган мәжүси гореф-гадәтләрне, йолаларны саклап калган фин-угор халыклары вәкилләре (марилар, удмуртлар һ.б.) тәшкил итә.

Ачкыч сүзләр: Урта Идел бие, XVI гасырның икенче яртысы – XVII гасыр башы, «яңа чукиндырылганнар», «яңа чукиндырылганнар» авыллары, «керәшен» төшенчәсе, керәшен татарлары.

R.G. Gallyam

The first «novokryashenskie» settlements on Average Volga region and bases of genesis tatar-kryashen (according to documents of the second half of XVI – the beginnings of the XVII centuries)

In this article, on the basis of acts, record keeping and narrative sources 60-s years XVI – early XVII centuries., as well as materials of historical ethnography and lexicology, is a key conclusion about the formation of the first settlements

converted to Christianity in the Middle Volga in the second half of the XVI century. After the conquest of Kazan Khanate's 1552–57 Muscovy. However, they were still «Kryashen» in modern understanding of concepts as the term «novokreschen» sources of the second half of XVI – XVII centuries., as sotsionimom includes representatives of all the indigenous ethnic groups of the region, transferred to the Orthodox faith.

On the basis of religious, linguistic, cultural and historical community, gradually (around the turn of XVII – XVIII centuries) formed the «Tatar-Kryashen» identity – Tatar-Kryashen historical and ethnographic group of the population. From the point of view of the author, the basis of modern Tatars Kryashens made Tatar-speaking population, preserved at the time of the fall of the Khanate of the traditional foundations of the pagan world – for the most part, people Nogai Tatars and the Finno-Ugric (Mari, Udmurt, etc.) origin.

Keywords: Middle Volga, «novokreschen», «novokreschenskoj» settlements, Tatar lingual term «kerashen», Tatar-Kryashens.

Галлям Рашид Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: r.gallam@mail.ru

Галләм Рәшит Габделфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashid Gabdelfartovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

«Татарские социалисты» в петиционной кампании мусульман России 1905 года*

Статья посвящена анализу факторов, приведших к подаче доверенными татарской мещанской общины г. Чистополя Казанской губернии – петиций о духовно-религиозных и гражданских нуждах мусульман на имя председателя Комитета министров, и содержания «докладных записок».

Ключевые слова: Петиционная кампания мусульман 1905 г., «татарские социалисты», Г.Исхаки, И.Камалов. М.-Г.Бадамшин, И.А.Ахтямов, ущемление прав мусульман.

Именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанный Николаем II 12 декабря 1904 г., стал публичным заявлением о намерении провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений. В Указе декларировалось намерение имперской власти пересмотреть законы «о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6). Также было заявлено о пересмотре «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и... пользою русского народа» (п. 7)¹.

Законодательный акт вызвал петиционную кампанию среди этноконфессиональных меньшинств империи, в том числе среди мусульман Поволжья и Приуралья. Петиционная кампания осуществлялась в период (конец января – главным образом, май 1905 г.), когда в татарском обществе происходила ускоренная политизация отдельных групп населения и поляризация их политических взглядов, в результате которых четко проявились контуры будущих политиче-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-11-16003/15(а/р).

¹ ПСЗ–3. – Т.24. – № 25495.

ских движений в мусульманском сообществе Волго-Уральского региона. Ибо указанные в Указе от 12 декабря 1904 г. вопросы приводили к закономерному вопросу: «Почему татары живут в качестве пасынков Российского государства?». Внутриполитический курс самодержавия в отношении мусульман они считали глубоко несправедливым. Высокую активность в «приговорном движении» проявляли городские общины. При составлении петиций разность взглядов региональных лидеров на общественные нужды мусульман приводила к дискуссиям, обостряла отношения между лидерами.

Г.Ибрагимов в своем известном труде «Татарлар арасында революцион хэрэкэтлэр» (Революционные движения среди татар) выделяет несколько основных политических движений: социал-демократы, социал-революционеры (эсеры, по выражению Г.Ибрагимова «татарские социалисты» или «таңчылар»² (тангисты), татарская буржуазия или партия «Иттифак эль-муслимин» (кадеты) и черносотенцы (татар караруһлары)³.

В этой связи представляет несомненный интерес рассмотрение петиционной кампании мусульман 1905 г. через призму социального поведения региональных лидеров, придерживающихся различных политических воззрений. В данной статье с этой точки зрения рассмотрим деятельность ходатаев татар уездного города Чистополь Казанской губернии.

В городских условиях важнейшей проблемой являлось обеспечение легитимности ходатайства. В большинстве городов, в которых формирование этноконфессиональных общин происходило во второй половине XIX – начале XX вв., инициатива о проведении собрания единоверцев с конкретной повесткой дня исходила от группы мусульман, в составе которой, как правило, значилось приходское духовное лицо – признаваемый властью руководитель местного прихода, объединяющий различные сословные группы населения. Очевидно, при этом ключевое значение играла социальная активность муллы – пользующегося всеобщим уважением неформального лидера в религиозно-обрядовой жизни общины, учителя местной школы.

В городах, в которых татары проживали издавна и привыкли решать свои общественные проблемы в рамках городских сословных

² Ибрагимов Г. Татарлар арасында революцион хэрэкэтлэр // Ибрагимов Г. Әсэрләр. Сигез томда. 7 т. Тарихи хезмэтләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 410–411 б.

³ Ибрагимов Г. Шул ук хезмэт. – 212–435 б.

общин, такое мероприятие проводилось как собрание мещан. Такая татарская мещанская община существовала в г.Чистополе. Согласно материалам «Первой всеобщей переписи населения 1897 г». в уездном городе проживало 4923 душ обоего пола татар, что составляло 24,5% городских жителей⁴.

9 марта 1905 г. по инициативе муллы 1-й соборной мечети Ибрагима Камалова, мещанина Мухаммадгарифа Бадамшина на собрании чистопольского мусульманского мещанского общества под председательством мещанского старосты Денисова с участием около 90 человек – глав семейств – обсуждался вопрос о посылке в столицу депутации для доведения до сведения председателя Комитета министров информации о религиозных нуждах мусульман. И. Камалов и М.-Г.Бадамшин, помимо своих кандидатур, предложили в состав депутации муллу д.Кутлушкино Гаяза Исхаки. Однако несколько человек, сославшись на непричастность Г.Исхаки к местному мещанскому обществу, выступили против его кандидатуры. Тогда И. Камалов поставил перед собранием ультиматум: если Г.Исхаки не будет включен в состав депутации, то и он отказывается от участия в этом мероприятии. По итогам поименного голосования было принято предложение И. Камалова⁵. По мнению Р.У.Амирханова, не последнюю роль в утверждении кандидатуры сыграло хорошее знание Г.Исхаки русского языка⁶.

В донесении казанского губернатора в Департамент полиции от 14 марта 1905 г. за №1789 были перечислены вопросы, включенные в петицию мусульман г.Чистополя: об освобождении мектебе и медресе от надзора инспекции; об отмене закона, обязывающего кандидатов на должности мулл подвергаться испытанию в знании русского языка и грамоты; о допущении свободного открытия мусульманских училищ без обязательного преподавания в них русской грамоты (т.е. без русского класса – *И.З.*); об изменении правил назначения оренбургского муфтия и образования духовного собрания и об устранении стеснений при регистрации новых мусульманских приходов⁷.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Табл. XIII.

⁵ НА РТ. – Ф.1. – Оп.4. – Д.1734. – Л.1–1 об.

⁶ Амирханов Р.У. Мулла и революционер – в одном лице // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №3/4. – С.135.

⁷ Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции) / Сост. И.Д.Кузнецов. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1935. – С.216–217.

Текст петиции, сохранившийся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА, ф.821), позволяет предметно рассмотреть все аспекты «духовно-религиозных нужд» чистопольских мусульман. Во главу угла своей петиции они поставили тезис о том, что действующее законодательство, имеющее отношение к управлению духовно-религиозными делами мусульман в округе ОМДС, крайне устарело и не удовлетворяет «современным требованиям». Совершенствование нормативных актов предлагалось начать с реформирования системы управления ОМДС: объявить о выборах «на известный срок из лиц с широким религиозным образованием» на должность оренбургского муфтия и кадиев; освободить муфтия от опеки административных учреждений и подчинить министру юстиции, предоставить председателю ОМДС право личного доклада императору.

Под предлогом того, что духовно-религиозные дела мусульман «ведаются различными учреждениями в большинстве случаев совершенно некомпетентными в знании мусульманского шариата», предлагалось передать в компетенцию ОМДС все вопросы, связанные с религиозно-обрядовым укладом, семейно-брачными и наследственными делами⁸, вакуфами, цензурой Корана.

Просители, очевидно, лукавили, когда апеллировали столетней давностью издания законов, регламентирующих религиозные права единоверцев. На самом деле, предлагалось упразднить ряд законодательных актов имперской власти, принятых в 1870–1890-е гг., реально ущемляющих права мусульман. В частности, речь шла:

– о возвращении мектебе и медресе, духовных учебных заведений в компетенцию ОМДС, которое должно было в одностороннем порядке решать вопросы постройки школ, назначения преподавателей и осуществлять надзор над ними (по сути, речь шла об отмене закона от 24 ноября 1874 г. о передаче мектебе и медресе в ведение Министерства народного просвещения. – *И.З.*);

– об освобождении духовных лиц от воинской повинности (введена «Уставом о всеобщей воинской повинности» 1874 г. – *И.З.*);

⁸ «...Исключительно Духовному собранию должно быть предоставлено право разрешать постройку мечетей, образовывать приходы, назначать, утверждать и устранять от должности приходское духовенство. Кроме того, Собранию должны быть подчинены рассмотрение и решение всех дел, вытекающих из семейных, брачных и наследственных отношений мусульман», – отмечалось в петиции.

– о снятии запрета занимать духовные должности лицам, получившим образование за границей (нововведение было введено в конце XIX в. – *И.З.*).

В списке вопросов, касающихся повышения правового статуса мусульманского приходского духовенства, были перечислены: изъятие духовных лиц из юриспруденции крестьянских судов и передача общим судебным учреждениям; уравнивание содержания и прав военных мулл с военными православными священниками в армии. Также было заявлено о необходимости введения должностей военных мулл во всех войсковых частях, где имеется достаточное количество военнослужащих-мусульман.

В петиции выражается протест против деятельности православных миссионеров среди мусульман и говорится о предоставлении единоверцам права открыто возражать им «в целях защиты» своей религии.

Появление групп учащихся-мусульман в государственных учебных заведениях обусловило постановку перед правительством вопроса о гарантии их права на изучение основ ислама. К рассматриваемому времени разрешалось преподавание в частных и государственных начальных, средних; начальных и средних профессиональных учебных заведениях для учащихся-мусульман основ исламского вероучения, основанного на принципе добровольности (за счёт родителей учащихся или обществ)⁹. В петиции подчеркивается: «в учебных заведениях, где учатся мусульмане и мусульманки, необходимо иметь вероучителя – мусульманина, предоставить ему возможность преподавать мусульманское вероучение в основаниях, одинаковых с преподаванием православного Закона Божия», т.е. содержание вероучителя должно было осуществляться за счет казны. Однако просители не указывают нормативы численности учащихся, которые позволяли бы вводить в штатное расписание учебного заведения должность исламского вероучителя или нанимать его за счет средств школы.

Учащиеся мусульмане отдыхали в воскресенье, в другие государственные и православные праздники наряду со всеми учащимися. Доверенные просили освободить своих детей от занятий «в главные мусульманские праздники». Очевидно, имелись в виду Курбан-байрам и Рамазан-байрам.

⁹ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – С.279–307.

Не желая и оставаться лишь наблюдателями обсуждения судьбоносных для мусульман вопросов в правительстве, чистопольцы просят премьер-министра С.Ю.Витте приглашать «сведущих лиц» из числа мусульманского духовенства¹⁰. По мнению Р.У.Амирханова, «эти требования считались для своего времени весьма актуальными и смелыми, в известной степени даже дерзкими. Приверженцы партийно-классового подхода в советский период, вопреки фактам, всячески очерняли эти мирные, но достаточно действенные способы борьбы, апеллируя на якобы их "узко-классовость", "буржуазность" и т.д.»¹¹.

Хотя в донесении чистопольского уездного исправника члены депутации татарской мещанской общины характеризовались в политическом отношении как благонадежные лица, все трое уже тогда выделялись радикальными политическими взглядами. Их объединяло обостренное желание достижения справедливости в обществе на благо народа. Следует отметить, что радикализация их взглядов происходила под воздействием революционных событий в стране и тревожных известий с арены Русско-японской войны. Для этого уже имелась благодатная почва, которая возникла благодаря ряду факторов: у одних – под влиянием видных мусульманских ученых, у других – в результате интеграции в русское культурное поле¹², у третьих – под влиянием друзей-радикалов. Несомненно, свою роль сыграл также присущий молодости максимализм. Парадокс заключался в том, что все члены делегации пользовались уважением своих единомышленников, придерживавшихся, как правило, консервативных взглядов.

В конце XIX столетия среди активной и творческой татарской молодёжи выделялась фигура Гаяза Исхакова – сына муллы д. Кутлушкино (Яуширма), который после школы своего отца, поступил в

¹⁰ РГИА. – Ф.821. – Оп.10. – Д.15. – Л.333–337.

¹¹ Амирханов Р.У. Мулла и революционер – в одном лице // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №3/4. – С.138.

¹² В группу «чистопольских радикалов», помимо И.Камалова, Г.Исхаки и М-Г.Бадамшина, нужно отнести также уроженца д.Кульбаево Мураса Фуада Туктарова (1880–1938). Его мать была сестрой братьев Бадамшиных. После окончания медресе «Камалия», не в последней степени по наставлению Г.Исхаки молодой человек поступил в Казанскую татарскую учительскую школу (1901–1904 гг.). Соратник Г.Исхаки, во время Первой русской революции стал эсером и принимал активное участие в издании газет «Таң йолдызы» (Утренняя звезда), «Дума» и др. (Исхакий Г. Сольх һэйәте эгъзасы Фуад бәк Туктар вафат // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жьентык / төз.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәм-мәтшин, А.Заһидуллин. – Казан: Жьен, 2011. – 407, 410, 412 б.).

1890 г. в чистопольское медресе и оставил учебное заведение после кончины Мухаммадзакира ишана Камалова ал-Чистави в 1893 г. Переехав в Казань, продолжил учебу в медресе «Касымия», затем – в Казанской татарской учительской школы (1898–1902 г.), в стенах которой в 1901 г. принял эстафету по руководству ученическим кружком «Шәкертлек», издававшим нелегальную критическо-сатирического характера и радикально-революционного направления гектографическую газету «Таракки» («Прогресс»)¹³.

С осени 1902 г. Г.Исхаки преподавал в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, в 1903 г. вернулся в Казань с целью поступить в Казанский университет, однако по настоянию отца поехал в родную деревню и стал муллой. Однако вскоре оставив пастырскую стезю, в 1904 г. он переехал в Казань, здесь написал повесть «200 елдан соң инкыйраз» («200 лет – вымирание»). Обостренное чувство справедливости, близкое восприятие популярного среди русской революционной молодежи убеждения, что единственно правильным путем привлечения внимания общества к преступности и пагубности деспотического режима, существующего в России, является террор в отношении наиболее бездушных чиновников, способствовали тому что, у автора появился план наказания цензора В.Д.Смирнова, в случае его отказа издавать новое художественное произведение. Более того, согласно воспоминаниям Г.Исхаки, судебный процесс над собой молодой человек планировал использовать «как трибуну по разоблачению тайных акций чиновников двухглавого орла». К счастью В.Д.Смирнова и самого Г.Исхаки, автор получил дозволение на публикацию произведения «200 лет – вымирание», и задуманный акт возмездия не состоялся¹⁴. Этот эпизод является, по сути, ключевым в понимании мотиваций социального поведения молодого человека и его желания разрушить существующий антинародный в его понимании политической строй империи.

С началом Русско-японской войны ученический кружок «Шәкертлек» был преобразован в нелегальную политическую организацию «Хөррият» (Свобода). 1 августа 1905 г. в газете «Хөррият» Г.Исхаки без своей подписи опубликовал статью, в которой изложил ее программу. Подчеркивалось, что цель организации не национальные интересы, а подготовка «политически зрелых татар», которые

¹³ Мусин Ф. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм ижаты). – Казан, 1998. – 12 б.

¹⁴ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М.: Издательство «Общественно-политическая мысль», 2007. – С. 79.

будут бороться за политические свободы. Основными задачами организации были названы: 1) упразднение самодержавия, как вредной системы управления для народа и противодействующего достижению справедливости в обществе, 2) создание правового государства, неотъемлемыми элементами которого являются свобода совести и вероисповедания, свобода слова, собраний и создания обществ, неприкосновенность личности; 3) созыв Учредительного собрания путем проведения свободных прямых и тайных выборов¹⁵.

Проект программы социал-революционеров (эсеров) был опубликован в мае 1904 г. (был утвержден с незначительными изменениями в качестве программы партии на ее первом съезде в начале января 1906 г. – *И.З.*). Очевидно, молодые татарские «социалисты» ориентировались на этот документ. Программа эсеров была нацелена на решение ключевых проблем России, открывающих, по их мнению, новые возможности для процветания страны: 1) создание правового государства с республиканской формой правления и основанного на принципах политической свободы и демократии; 2) решение главного социального вопроса России путем социализации земли; 3) решение национального вопроса в многонациональном государстве через предоставление широкой автономии для областей и городских, сельских общин и применение федеративных отношений между отдельными национальными регионами¹⁶.

Мулла Ибрагим Камалов был единственным сыном имама-хатиба 1-й соборной мечети, знатока и толкователя Корана Мухаммадзакира ишана Камалова ал-Чистави (1804–1893), известного шейха суфийской школы накшбандийа-и-халидийа в Волго-Уральском регионе. За противодействие шакирдам своего медресе «Камалия»¹⁷ посещать русско-татарскую школу, воспринимаемой им как

¹⁵ Исхаков М.Г. Эсэрләр: 15 т. – 6 т.: Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 12, 13, 390 б.

¹⁶ Логическим продолжением поисков и деятельности татарских радикалов стало создание в начале 1906 г. в Казани социал-демократической группы в составе И.Биккулова, С.Ахмерова, Г.Мустафина, З.Садыкова, Ф.Амирхана, М.Бадиги, Ибрагима Камалова, группу возглавил Ибниамин Ахтямов (Амирханов Р.У. Мулла и революционер – в одном лице // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №3/4. – С.137).

¹⁷ Из его стен вышли известные общественные деятели и просветители – Р.Фахредин (1959–1936), Ф.Карими (1870–1937), Г.Гафуров-Чыгтай (1867–1942), Х.Файзи-Чистапули (1971–1933), классик татарской литературы Г.Исхаки (1878–1954), деятель революционного движения, журналист и педагог

угрозу этноконфессиональной идентичности подрастающего поколения мусульман, властями был приговорен в 1893 г. к административной высылке из губернии, и лишь кончина спасла его от наказания. Важно отметить, что И.Камалов прославился среди мусульман как знаток арабского языка и исламских наук, являлся гордостью татарской общины г.Чистополя. Высшее религиозное образование Ибрагим получил в одном из самых престижных для своего времени учебных заведений мусульманского мира – в университете «Аль-Азгар» (г.Каир), слушал лекции видного ученого, идеолога мусульманского возрождения М.Абдо, под воздействием учения которого взгляды молодого человека приняли более радикальный характер. Согласно сведениям Р.У.Амирханова, он совместно с соотечественником Закиром Кадыри печатал свои статьи в арабоязычной газете «Аль-Лива» (Знамя), редакция которой выступала против экспансионистской политики западных держав¹⁸. Получив диплом «Аль-Азгара» и вернувшись на родину, в июле 1903 г. 26-летний Ибрагим Камалов стал имамом-хатибом, вторым муллой при чистопольской 1-й мечети (напарником своего зятя Наджиба Амирханова)¹⁹.

Уроженец д.Новых Челнов Матаковской волости Спасского уезда Мухаммадгариф Серазетдинович Бадамшин вместе с братом Зарифом занимался в Чистополе торговлей. Дом Бадамшиных в Чистополе всегда был открыт для мулл-джадидистов и торговцев-прогрессистов, здесь читали газету «Тарджеман-Переводчик» И.Гаспринского, велись разговоры о перспективах развития татарской нации²⁰.

Взгляды Мухаммадгарифа Бадамшина²¹ во многом совпадали с воззрениями И.Камалова. В этой связи показателем является организованное И.Камаловым 6 декабря 1905 г. в медресе «Камалия» соб-

Ф.Туктаров (1880–1938) и др. (См.: Амирханов Р.У. Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2001. №1/2. – С. 69–78).

¹⁸ Амирханов Р.У. Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – С.74.

¹⁹ НА РТ. – Ф.2. – Оп.2. – Д.6815. – Л.13–13 об.

²⁰ Исхакий Г. Солых һэйәте эгъзасы Фуад бэк Туктар вафат // Гаяз Исхакий: тарихи-документалж жыентык / төз.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәммәтшин, А.Заһидуллин. – Казан: Жыен, 2011. – 406–407 б.

²¹ М.-Г.Бадамшин избирался депутатом I Государственной думы, во II Государственной думе входил в состав мусульманской трудовой группы, которая образовалась благодаря стараниям «тангистов» («танчыллар») Г.Исхаки и Ф.Туктарова (Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – С.167–169).

рание с участием более 60 мулл из аулов Чистопольского, Спасско-го, Бугульминского и Мензелинского уездов. Имам выступал перед ними на арабском языке, однако, поскольку большинство мулл арабского языка не понимали, его слова на родной язык переводили братья Мухаммадгариф и Мухаммадзариф Бадамшины. Речь шла о подписании документа, дающего право И.Камалову подавать телеграмму от имени мулл о созыве Учредительного собрания. Братья Бадамшины говорили о необходимости свержения самодержавия и введения республиканской системы правления в России. Однако прибывшие муллы отказались дать свои подписи и разошлись по своим аулам²².

В конце декабря 1906 г. – январе 1907 г. за антиправительственную деятельность все члены чистопольской депутации оказались в местной уездной тюрьме, общались в застенках, Г.Исхаки и М.-Г.Бадамшин сидели в одной камере²³.

...За счет средств татарской общины (500 руб.) чистопольская депутация выехала в столицу и 31 марта 1905 г. была принята премьер-министром С.Ю. Витте. Граф «обещал, что с вниманием изучит все пункты нашей петиции, и что будет защитником нашим перед правительством!»²⁴. Согласно Г.Исхаки, с ними на встрече с С.Ю.Витте участвовал «еще один делегат» из Казанской губернии, который представлял «насильственно крещеных татар»²⁵. Дело в том, что в марте – начале апреля 1905 г. в столицу автономно, без

²² НА РТ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.269. – Л.23–23 об., 35–35 об.

²³ Исхакий Г. Зиндан // Исхакий Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Төзүчесе, текст һәм искәртмәләре хәзерләүче Л.Гайнанова, кереш һәм ахыр сүз авторлары И.Нуруллин, Һ.Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 51–52 б. Когда были объявлены выборы во 2-ю Государственную думу, в Чистополе татары-черносотенцы, считавшие, что главным виновником заключения мусульманами союза с кадетами является мулла И.Камалов, с целью изолирования его от предвыборной кампании, добились его ареста 13 декабря 1906 г. Бадамшин также оказался за решеткой 13 декабря, его обвиняли в распространении копий Выборгского воззвания, в пропаганде идей социал-революционеров и в призыве к мусульманам голосовать за него в предстоящих выборах в Государственную думу (освобожден в конце января) (НА РТ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.414. – Л.35–36, 38, 43; Исхакий Г. Зиндан. – 44 б.). Вскоре за решеткой оказался и Г.Исхаки, освобожден 18 февраля 1907 г., после завершения выборов в Государственную думу. (Исхакий Г. Зиндан. – 43, 44, 75 б.).

²⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. – С. 121.

²⁵ Там же. – С. 121.

каких-либо согласований друг с другом, приезжали доверенные различных регионов – мусульманские общественные деятели – с целью встречи с высокопоставленными чиновниками. Прибывшие в Санкт-Петербург представители мусульман Крыма, Поволжья, Приуралья, Туркестана и Сибири знакомились друг с другом, устраивали легальные и нелегальные совместные собрания и совещания, на которых обсуждали свои проблемы²⁶.

Под впечатлением таких встреч чистопольская депутация составила и при встрече с С.Ю.Витте подала премьер-министру еще одну «докладную записку» – петицию о «гражданских нуждах». Это прошение не было согласовано с мещанским собранием и составлено по инициативе самой депутации, т.е. превышая полномочия. Правильнее было бы подать её от своего имени, однако в таком случае она превратилась бы в волеизъявление трех лиц – двух мулл и мещанина, а не мусульманской общины уездного города Казанской губернии.

По поводу этого документа московский историк С.Исхаков отмечает: «Чистопольская петиция – одно из свидетельств того, что у мусульман, в особенности у татар, все сильнее происходило осознание того, что они полноправные граждане, но испытывавшие разного рода социальные «стеснения», вызванные изъятиями в повседневной административно-управленческой практике. Такие петиции носили больше характер гражданского протеста, а не банального вероподаннического прошения»²⁷.

Привлекает внимание то обстоятельство, что тексты обеих петиций напечатаны на одной машинке, на одинаковой бумаге, и в единой форме²⁸. В обеих прошениях не проставлены даты, заглавия и фамилии просителей в начале текста оформлены одинаково. Очевидно, таким путем просители стремились скрыть факт составления второго прошения позже. Таким образом, депутация подала пре-

²⁶ Там же. – С. 123.

²⁷ Там же. – С.121.

²⁸ Например, первые строки докладной записки написаны с заглавной буквой с оставлением интервалов: «ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ», вторая строка написана без интервала: «ГОСПОДИНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ». Затем на правой стороне написано как новое предложение с маленькой буквы: «Уполномоченных от татар-магометан г.Чистополя Казанской губ.» далее текст идет с интервалом: в первом прошении: «о духовно-религиозных нуждах», во втором прошении – «о гражданских нуждах». Далее в центре заглавными буквами написано: «ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА» и поставлена точка (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333, 337).

мьер-министру С.Ю.Витте не привезенный из Чистополя оригинал прошения о религиозно-духовных нуждах, а заново перепечатанный его экземпляр.

Прежде чем перейдем к анализу текста второго прошения нужно отметить, что среди многочисленных участников петиционной кампании Волго-Уральского региона (поступило в адрес правительства более 500 прошений мусульман региона) только чистопольская и казанская депутации под впечатлением встреч с мусульманскими делегатами других регионов и той атмосферы демократии, которая царил в столице Российской империи, и больших ожиданий на улучшение прав этноконфессиональных меньшинств, подали вторую, дополнительную петицию.

Со слов самого Г.Исхаки известно, что чистопольцев на вокзале Санкт-Петербурга встречали Загид Шамиль (1859–1924)²⁹, духовный лидер столичных мусульман Лутфи Исхаки и Ибниамин Абуссугутович Ахтямов (1877–1931). Г.Исхаки в своих воспоминаниях пишет, что «ознакомившись с революционной ситуацией, которая еще не имела шансов на разрушение монархического режима, мы решили составить свою петицию», написать которую попросили Ибниамина Ахтямова³⁰.

²⁹ Загид Шамиль, внук Шамиля, после женитьбы отца Мухаммадшафи на дочери казанского купца Ибрагим Апакова Марьям (1884 г.), с середины 90-х гг. проживал в Казани, служил чиновником особых поручения при губернаторе, один из главных организаторов «Общества пособия бедным мусульманам Казани», организатор публичных театральных представлений на татарском языке (1891 г.), после женитьбы на дочери касимовского купца Хадиче Хусаиновне Байбековой, переехал в Москву. Издатель и редактор журнала «Тәрбияви-этфэл» (Детское воспитание).

³⁰ Ибниамин – сын дворянина Уфимской губернии Абуссугута Абдельхакевича Ахтямова, юриста, 1895–1901 гг. секретаря ОМДС. С 1898 г. учился в столичном университете, исключен из высшего учебного заведения за участие в студенческих волнениях, в 1901 г. арестован в Санкт-Петербурге по делу «Комитета рабочей организации», после трехмесячного тюремного заключения выслан в Уфу, где вновь арестован за хранение нелегальной литературы. В 1903 г. вступил в партию эсеров, в 1907 г. окончил естественный, в 1910 г. юридический факультеты Санкт-Петербургского университета, в 1910–1911 гг. являлся присяжным поверенным окружного суда Уфимской губернии, был избран в IV Государственную думу, выполнял обязанности секретаря мусульманской фракции Государственной думы, в столице совместно с С.С.Джантюриним издавал в 1913–1915 гг. газету «Миллят» (Исхаков С.М. Ахтямов Ибниамин Абуссугутович // Башкирская энциклопедия. Т.1. А-Б. – Уфа: Научное издательство «Башкирская

Очевидно, на собрании татарского мещанского общества г.Чистополя 9 марта 1905 г. Г.Исхаки не присутствовал, его кандидатура была согласована заочно, видимо, он не имел отношения к тексту петиции «о религиозно-духовных нуждах». Между тем, его политические взгляды выделялись радикальностью. В этой связи представляется примечательной оценка Г.Исхаки петиции мусульман г.Казани. Как известно, 23 января 1905 г. на собрании татар города под председательством Габд. Ибрагимова было решено начать петиционную кампанию с целью доведения до правительства информации о нуждах мусульман и избрания депутатов для поездки в столицу. Через несколько дней в доме А.Сайдашева состоялось второе собрание. Обсуждение текста будущей петиции разделило собравшихся на две группы. Г.Исхаки писал: «Темы, затронутые в наших прокламациях (имеется в виду деятельность организации “Хөррият” – *И.З.*), становились предметом горячих дискуссий [...] Ясно, что капитулянты перед русским шовинизмом и религиозные фанатики ругали нас: «Бунтари!»... Нарушители общественного покоя!... старались оправдывать свой консерватизм формулой: «Против пушек – трудно идти!...». Но те, кто уже получил «светское образование и привыкли читать романы, рассказы и посещали театры (хотя бы пока русские!), очень горячо и с жизненными примерами защищали наши лозунги... разъясняли конкретное их существо! И вот, эта активизация политической и националистической зрелости стали вызывать к деятельности и людей с пассивным характером [...]». «Сторонники религиозной замкнутости и общественного покоя» (выражение Г.Исхаки. – *И.З.*), после получения разрешения казанского губернатора на проведение собрания для выборов делегатов в столицу, вновь собрались в доме А.Сайдашева. Г.Исхаки вспоминает: «Они читали собранию текст своей петиции русскому правительству... собственно говоря, в петиции не было никаких требований... Длинный текст состоял из отвлеченных формул «верноподданничества» и «общественного спокойствия»... Члены Хуррията стали излагать нашу программу ... и мы настаивали составить петицию с определенными требованиями к правительству...»³¹. Г.Исхаки считал, что

энциклопедия», 2005. – С.254; Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 81).

³¹ Исхаков С.М. Указ. соч. – С.104.

благодаря дискуссии «на втором собрании мы добились утверждения программы более революционных действий»³².

Составленную И.Ахтямовым вторую «чистопольскую петицию» можно назвать петицией будущих, без пяти минут, эсеров – татарских «социалистов», как они себя называли впоследствии. Очевидно, все трое высказали идеи и пожелания И.Ахтямову, которые он изложил в петиции с добавлением своих суждений. Во время собраний и дискуссий в домах казанских купцов А.Сайдашева и А.Хусаинова в конце января 1905 г. по проекту петиции мусульман губернского города, у Г.Исхаки, очевидно, сформировалась своя концепция петиции, как было рассмотрено, некоторые предложения его группы были учтены С. Алкиным, автором казанской «докладной записки», содержание которой Г.Исхаки хорошо знал.

От других петиций второе прошение чистопольской делегации отличается несколькими чертами. Во-первых, в нем отсутствует преамбула – выражение верноподданнических чувств российскому государю. Очевидно, делегаты ненавидели самодержавие и ради соблюдения каких-то традиций не могли поступиться своими принципами. Во-вторых, форма изложения «докладной записки» отнюдь не похожа на традиционные тексты прошений. Ее текст напоминает эссе, написанное легким слогом и эмоционально, с использованием выражений, которые направлены на усиление восприятия об угнетенном положении мусульман – российских поданных. Приведем цитату. «Целый ряд административных постановлений и распоряжений, в корне подрывающих силу основных законов, глубоко задевающих национальные чувства татар и оскорбляющих их достоинство, уничтожает всякую возможность удовлетворения самых насущных нужд татарского народа. Учесть отрицательные результаты этих административных стеснений нет возможности. Стеснения эти подточили всякую самостоятельность татар в деле просвещения, литературы и развития национальных духовных сил. Народ татарский, не имея возможности развивать свои духовные силы на почве веками выработанных национальных устоев, страшно отстал в культурном отношении, одичал, поражает своим невежеством. Все эти ограничительные в отношении татар постановления, хотя и издавались якобы во имя общегосударственной пользы, на самом деле не дали ничего положительного в этом смысле и шли, несомненно, во вред делу прогресса империи. Этими

³² Исхаков С.М. Указ. соч. – С.105.

постановлениями татары как бы отлучались от общей культуры и осуждались на влачение жалкого существования каких-то отщепенцев права, париев культурного общества», – указывалось в петиции³³.

В-третьих, в петиции с юридической точки зрения четко и грамотно зафиксированы ключевые аспекты ущемленного положения мусульман в империи. Не случайно, она, как и их «докладная записка» о духовно-религиозных нуждах, была передана на рассмотрение особому совещанию под председательством графа А.П.Игнатьева³⁴.

Со ссылкой на ст. 7 закона от 12 декабря 1904 г. чистопольская делегация просит аннулировать все законодательные и подзаконные акты, которые ущемляют права татарского народа, стесняют свободу совести, свободу слова и печати (на русском и татарском языках), свободу собраний. Она предполагает распространить все законы, предусматривающие гарантию законности в управлении, неприкосновенности личности и жилища, улучшении быта сельского и городского населения, и на татар.

В образовательной сфере в «докладной записке» речь идет о введении бесплатного народного образования на татарском и русском языках, разрешении открывать частные народные татарские школы, общеобразовательные и профессиональные учебные заведения с преподаванием курсов на родном языке учащихся.

Было также заявлено о необходимости устранения «из постановки дела русского народного образования среди татар действующей ныне системы обрусения. Система эта вызывает, если не враждебное, то недоверчивое отношение татар к русским учебным заведениям, в особенности к русским классам и русско-татарским школам и татарским учительским школам, каковые должны быть преобразованы применительно к национальным и духовным особенностям татар».

С целью организации полноценного национального внешкольного образования предлагается полностью устранить регламентацию и опеку:

- а) при открытии народных читален и общественных библиотек;
- б) при устройстве театров, лекций и т.д.;
- в) при учреждении различных союзов и обществ, преследующих просветительские цели;

³³ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333–333 об.

³⁴ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333, 337.

«До сего времени татарская печать находилась в крайне ненормальных условиях юридического и фактического существования. Подчинение татарских печатных произведений особой цензуре и силе разных циркуляров, противоречащих как государственным, так и народным интересам, в полном смысле убивало татарское печатное слово, обезличивая его. Издание газет и журналов на татарском языке абсолютно не разрешалось, непериодические татарские издания переделывались цензорами по их личному усмотрению. Между тем татары особенно нуждаются в свободной печати на родном языке, т.к. только путем печатного слова можно возместить дефекты в культурном развитии татарского народа», – эмоционально указывалось в петиции. Поэтому в сфере издательского дела «настоятельно необходимым» были определены: полное освобождение татарской печати «от разных специальных ограничений» и распространение на нее требований к русским печатным изданиям.

Правовыми ограничениями, затрудняющими мусульманам доступ на государственную и общественную службы, перечисляются: ущемления при выборе в гласные городских органов самоуправления, при выборе различных свободных профессий (адвокатура, врачебное, издательское дело и др.), а также ограничения в свободном проживании (в местностях, населенных казахами), приобретении недвижимости (в Туркестанском крае) и трудности при торговле книгами на татарском языке³⁵.

Таким образом, петиция «о гражданских нуждах» стала первым опытом составления татарской радикальной молодежи, накануне появления татарской эсеровской группы, публичного обращения к центральной власти с конкретными предложениями по предоставлению мусульманам равных с русским населением гражданских прав.

Чистопольская делегация не ограничилась подачей новой петиции. Она добилась публикации ее текста в еженедельной юридической газете «Право» (16 апреля 1905 г.)³⁶, затем, закупив большое количество экземпляров данного периодического издания, разослала их своим знакомым, проживавшим в Поволжье, на Урале, в Крыму, на Кавказе, в Туркестане и в Сибири³⁷. Однако среди прошений, ад-

³⁵ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333–336.

³⁶ Уполномоченных от татар-магометан г.Чистополя Казанской губ. о гражданских нуждах председателю Комитета министров докладная записка // Право. – 1905. – №14. – 10 апреля. – С. 1095–1097.

³⁷ Исхаков С.М. Указ. соч. – С. 122.

ресованных председателю Комитета министров на основании именованного высочайшего указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. и отложившихся в фонде ДДДИИ, мы не обнаружили идентичных с «докладной запиской» чистопольцев текстов.

Почему так произошло? Во-первых, массовая рассылка еженедельной юридической газеты «Право» с текстом прошения была осуществлена относительно поздно, во второй половине апреля, когда пик петиционной кампании уже прошел, и она приближалась к завершению. Разосланный русский текст означал резкое сужение списка адресатов. Это, прежде всего, друзья членов делегации, которые окончили Казанскую татарскую учительскую школу и работали учителями русско-татарских школ или трудились в других сферах, знакомые Г.Исхаки по Оренбургу и т.д.

Лишь в фонде Фатиха Карими Национального архива Республики Татарстан (ф. 1370), татарского общественного деятеля, проживавшего в Оренбурге и содержавшего в рассматриваемый нами период типографию «Каримов, Хусаинов и К^о» имеется практически идентичная с чистопольской петицией машинописная «докладная записка» «о гражданских нуждах», напечатанная от имени доверенных мусульман г.Орска Оренбургской губернии Ахмедхана Латыповича Исхакова и Ахметфеиза Сулеймановича Даутова (без подписей просителей)³⁸. Однако она по какой-то причине не была послана по указанному в прошении адресу – в Комитет министров и стала находкой историка-исследователя.

Во-вторых, отсутствие аналогичных текстов вовсе не означает, что депутаты полностью игнорировали этот документ, они вполне могли использовать в своих ходатайствах отдельные пункты и идеи чистопольской «докладной записки». Этот вопрос требует специального изучения.

В частности, в Комитет министров поступила петиция доверенных татарской общины г.Орска – «по вопросу о духовно-религиозных нуждах», позволяющая предположить, что они знали содержание первой петиции чистопольской делегации. Копия этого документа отложилась в архиве Ф.Карими, который в 1905 г. жил в Оренбурге. Думается у него имелись копии текстов обеих «чистопольских петиций», и он сыграл определенную роль в составлении

³⁸ НА РТ. – Ф. 1373. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 90–92.

аналогичного пошения орскими мусульманами. В прошении мусульман г.Орска большинство предложений первой «докладной записки» чистопольской общины изложено в новой редакции, однако, отчетливо виден «первоисточник» документа – речь идет об одних и тех же вопросах.

Творчески подойдя к составлению текста, доверенные татарской общины Орска добавили в свою «докладную записку» еще два пункта:

– назначение приходскому духовенству определённого содержания за счёт государства;

– отмена требования к кандидатам на духовные должности русского образовательного ценза. Петиция доверенных татар г.Орска «по вопросу о духовно-религиозных нуждах» поступила в Комитет министров³⁹.

В-третьих, нельзя исключить личностный аспект данной проблемы, несмотря на обоснованные претензии к власти, для осторожных в поступках представителей делегаций могли иметь принципиальное значение личность ходатаев, о которых среди региональных лидеров уже формировалось мнение как о «бунтарях».

В целом, можно констатировать, что случай с игнорированием татарскими региональными лидерами чистопольской петиции косвенно свидетельствует о ограниченном влиянии татарских радикалов в регионах, об узости их социальной базы. По сути, деятельность «татарских социалистов» локализовалась Казанью и Чистополем. Поэтому, когда после Первой русской революции лидеры группы «татарских социалистов» – Г.Исхаки, Фуад Туктаров и Шакир Мухамедьяров решили посвятить себя процветанию татарской нации, в 1907 г. группа татарских социал-революционеров, так и «не сумев перерасти в политическую партию», сошла с общественной арены⁴⁰.

История с участием будущих татарских эсеров в петиционной кампании 1905 г. свидетельствует об их вовлеченности в религиозно-национальные проблемы единоверцев, хотя в 1905–1906 гг. они публично заявляли о приоритетности для себя политических и социальных проблем, а не национальных. Следует выделить следующие «точки соприкосновения» и контакты татарских «социалистов» с приверженцами концепции борьбы за религиозно-национальные права: 1) участие одного из лидеров «татарских социалистов» Г.Исхаки и его

³⁹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 25. – Л. 253–255.

⁴⁰ Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – С.126.

единомышленников в конце января 1905 г. в обсуждении и составлении петиции в г.Казани о религиозных проблемах мусульман; 2) поездка Г.Исхаки в столицу в качестве ходатая по религиозно-духовным делам мусульман-прихожан г. Чистополя; 3) контакты чистопольской делегации в Санкт-Петербурге с лидерами мусульманских общин различных регионов; 4) рассылка ими еженедельной юридической газеты «Право» с текстом своего прошения в регионы.

Последним аккордом в петиционной кампании чистопольцев стала телеграмма от 28 мая 1905 г., адресованная министру внутренних дел, которую подписали 39 человек⁴¹. Телеграмма стала ответом на полученное из столицы известие о назначении графа А.П.Игнатъева председателем комиссии о веротерпимости, призванной разработать на основании поступивших ходатайств проекты законов демократического общества. В телеграмме первым расписался Г.Исхаки, очевидно, он и составил ее текст. Чистопольцы просили министра внутренних дел расширить права Особого совещания под председательством А.П. Игнатъева в отношении религиозных вопросов мусульман, и вменить в обязанность председателю приглашать сведущих лиц от мусульман по выбору и желанию единоверцев, а не по личному усмотрению⁴².

Феноменом общественной деятельности татарской чистопольской общины в рассматриваемый явилось лидерство в ней «татарских социалистов». Противоречия с мусульманами, имеющими другие политические взгляды, отчетливо проявились лишь с началом выборов в Государственную думу. Так произошло благодаря высокому авторитету имама И.Камалова, сына чистопольского ишана, который резко выделялся своей ученостью и знанием арабского языка среди мусульманского духовенства округа, и торговцев братьев Бадамшинных. Не последнюю роль в пассивности консервативных сил сыграла их юридическая малограмотность и революционная атмосфера в

⁴¹ Перечислим фамилии всех участников собрания, которые и подписали телеграмму, адресованную министру внутренних дел: Исхаков, Зарифов, Вагапов, Сиразетдинов, Шарафутдинов, Камалов, Амирханов, Султанов, Усманов, Гайнуллин, Камалов, Амирханов, Тумашев, Рязак, Мякашев, Умаев, Хабибуллин, Гумеров, Ганеев, Насыров, Абдюшев, Бадамшин, Юсупов, Кадермитов, Сигидиков, Исхаков, Нуруллин, Вахитов, Зяббаров, Мустафин, Суфин, Салахутдинов, Валиуллин, Юсупов, Фатхутдинов, Юмаев, Имангулов, Камалетдинов, Романов.

⁴² РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 171–173.

стране. Противоречия между чистопольцами различных взглядов отчетливо проявились во время выборов во II Государственную думу, когда в союзе с местной полицией черносотенцы пошли на провокации, посадив за решетку единоверцев из числа социал-революционеров.

Важно отметить, что в поездке муллы И. Камалова в столицу была еще одна миссия. Он приехал договариваться с женихом – известным татарским интеллектуалом и другом Мусой Бигиевым о времени проведения никаха – бракосочетания со своей родной сестрой Асьмой. Представителей депутатий, находившихся в тот момент в Санкт-Петербурге, И.Камалов приглашал к 20 мая 1905 г. в Чистополь в гости, стать участниками этого радостного и знаменательного события, заранее оговаривая, что будет проведено большое собрание по обсуждению насущных нужд мусульман всей России⁴³. Кажется, идея проведения такого собрания возникла в ходе встреч с делегациями мусульман различных регионов. По сути, делегации пришли к мысли о необходимости совместного обсуждения нужд мусульман и выработки единого плана совместных действий⁴⁴.

По публикации Габд. Ибрагимова в газете «Тарджеман-Переводчик» можно в целом представить события в пятницу, в день свадьбы Мусы Бигиева и Асьмы Камаловой. Свадьба началась с праздничной полуденной пятничной общественной молитвы в соборной мечети. И.Камалов прочитал проповедь. Имам говорил о необходимости реформировать в духе времени народное просвещение, «о необходимости подумать о подготовке умелых и способных представителей». После намаза всем гостям было предложено «скромное, но обильное угощение без крепких напитков», затем гости проводили время в «ученьях и деловых разговорах»⁴⁵.

Через пару недель газета «Тарджеман-Переводчик» перепечатала из казанской газеты «Волжский вестник» (№196) «Резолюцию собрания мусульман», состоявшего в Чистополе, в которой выражалась озабоченность нерешенностью гражданских нужд и чаяний российских подданных, составленной в духе концепции социал-революционеров. Приводим ее текст полностью: «Мы мусульмане Привол-

⁴³ Жарулла Муса. Исляхат эсаслары. – Пг.: М.-А. Максutow типографиясе, 1917. – 11 б.

⁴⁴ Жарулла Муса. Шул ук хезмэт. – 11 б.

⁴⁵ Ибрагимов Рашид. Чистопольская свадьба // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – № 44. – 7 июня.

жья, Урала и Сибири, случайно собравшись в г. Чистополе в числе 500 человек, обсуждая свое политическое, гражданское и правовое положение, нашли его крайне ненормальным. Полумеры, предпринимаемые правительством к улучшению этого положения, при современных условиях государственного строя, не приведут к определенным и желательным результатам.

Мы полагаем, что без осуществления коренной реформы государственного строя, наше положение не изменится к лучшему.

Мы считаем необходимым теперь же добиваться осуществления следующих принципов:

I. Полной свободы совести и религии;

II. Организации государственного правления на началах народного представительства при всеобщем и равном для всех избирательных прав, при прямой и тайной подаче голосов.

Для осуществления второго пункта необходимо провести в жизнь следующее:

1) Свободу слову и печати.

2) Свободу собраний и союзов.

3) Неприкосновенность личности и жилища»⁴⁶.

Примечательно, что совещание мусульман, состоявшееся 20 мая в г. Чистополе, в делопроизводственных материалах Казанского губернского жандармского управления именуется не иначе как «1-й мусульманский съезд»⁴⁷. На чистопольском совещании региональных общественных деятелей было принято окончательное решение о проведении на Нижегородской ярмарке всероссийского съезда мусульман. Если рассматривать это событие через призму политических пристрастий участников, получается, что это важнейшее совещание, предвестник учреждения съезда в Нижнем Новгороде в августе, на котором было объявлено о создании партии «Иттифак эль-муслимин», было организовано и проведено по инициативе «татарских социалистов». Поэтому «татарские социалисты» имели законное право принять участие на нижегородском съезде, как личности, сыгравшие важную роль в его подготовке, хотя большинство делегатов не хотели видеть Г. Исхаки и его группу на своих заседаниях⁴⁸.

⁴⁶ Что думают мусульмане о земском соборе? // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – №46. – 14 июня.

⁴⁷ НА РГ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.235. – Л.119 об.

⁴⁸ Ибрагимов Г. Татарлар арасында революцион хэрэкэтлэр. – 410 б.

На взаимодействие «татарских социалистов» с будущими иттифаковцами (по выражению Г.Ибрагимова – «буржуа партиясе») (партия татарской буржуазии) – при организации и проведении 20 мая 1905 г. в г. Чистополе совещания мусульманских общественных деятелей обратил внимание еще Г.Ибрагимов, тем самым косвенно признавая их важную роль в подготовке 1-го съезда партии «Иттифак эл-муслимин»⁴⁹.

Таким образом, петиционная кампания мусульман 1905 г. сыграла важную роль в размежевании региональных лидеров по политическим пристрастиям, в налаживании контактов в Санкт-Петербурге в марте-апреле 1905 г. представителей делегаций тюркских народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Крыма, Туркестана и Кавказа. Именно в Санкт-Петербурге руководители петиционной кампании в регионах решили сделать платформой для объединения тюркских народов исламский фактор. Следующим важным шагом в этом направлении стало совещание в Чистополе 20 мая 1905 г., организованное «татарскими социалистами».

Источники и литература

1. Амирханов Р.У. Мулла и революционер – в одном лице // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №3/4. – С. 133–138.
2. Амирханов Р.У. Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – С. 69–78.
3. Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 462 с.
4. Ибраһимов Г. Татарлар арасында революцион хәрәкәтләр // Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. 7 т. Тарихи хезмәтләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 212–435 б.
5. Ибрагимов Рашид. Чистопольская свадьба // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – № 44. – 7 июня.
6. Исхаков М.Г. Әсәрләр: 15 т. – 6 т.: Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 447 б.
7. Исхаков С.М. Ахтямов Ибниамин Абуссугутович // Башкирская энциклопедия. Т.1. А-Б. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. – С. 254.
8. Исхаков С. М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М.: Издательство «Общественно-политическая мысль», 2007. – 400 с.

⁴⁹ Ибраһимов Г. Шул ук хезмәт. – 409 б.

9. Исхакый Г. Зиндан // Исхакый Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Төзүчесе, текст һәм искәзмәләрне хәзерләүче Л.Гайнанова, кереш һәм ахыр сүз авторлары И.Нуруллин, Н.Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 21–77 б.

10. Исхакый Г. Солых һәйәте әгъзасы Фуад бәк Туктар вафат // Гаяз Исхакый: тарихи-документаль жьентык / төз.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәм-мәтшин, А.Заһидуллин. – Казан: Жьен, 2011. – 406–436 б.

11. Жарулла Муса. Исляхат әсаслары. Петроград, 1915. Пг.: М.-А. Максүтов типографиясе, 1917. – 289 б.

12. Мусин Ф. Гаяз Исхакый (Тормышы һәм ижаты). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. – 191 б.

13. НА РТ. – Ф.1. – Оп.4. – Д.1734.

14. НА РТ. – Ф.2. – Оп.2. – Д.6815.

15. НА РТ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.235.

16. НА РТ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.269.

17. НА РТ. – Ф.199. – Оп.1. – Д.414.

18. НА РТ. – Ф.1373. – Оп.1. – Д.2.

19. Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции). Сост. И.Д.Кузнецов. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1935. – 398 с.

20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904. – 284 с.

21. РГИА. – Ф.821. – Оп.10. – Д.15.

22. РГИА. – Ф.821. – Оп.10. – Д.25.

23. Уполномоченных от татар-магометан г.Чистополя Казанской губ. о гражданских нуждах председателю Комитета министров докладная записка // Право. – 1905. – №14. – 10 апреля. – С.1095–1097.

24. Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фән АН РТ, 2005. – 584 с.

25. Что думают мусульмане о земском соборе? // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – №46. – 14 июня.

И.К. Заһидуллин, Н.С. Хәмитбаева

«Татар социалистларь» мөселманнарның 1905 елгы петиция бирү хәрәкәтендә

Мәкалә Казан губернасындагы Чистай шәһәре татар мещан жәмгыяте-нең ышангычлылары тарафыннан Министрлар комитеты раисе исеменә мөселманнарның дини һәм гражданлык хокукларының кимсетелү турында гаризалар бирү сәбәпләрен һәм бу петицияләрнең эчтәлекләрен анализлауга багышлана.

Ачык сүзләр: Мөселманнарның 1905 елгы петицияләр бирү хәрәкәте, «татар социалистлары», Г.Исхакый, И.Камалов. М.-Г.Бәдамшин, И.А.Әхтәмов, мөселманнарның хокуклары кысылу.

I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva

**«Tatar socialists» in the petition campaign
of the muslims of Russia in 1905 year**

The article analyzes the factors that led to the filing of a trusted Tatar burgher community in c. Chistopol of Kazan province – petitions on the spiritual, religious and civic needs of muslims in the name of the chairman of the Committee of ministers, and contents of the «memoranda».

Keywords: Petition campaign of muslims 1905 year, «Tatar socialists», G. Ishaki, I. Kamalov. M.-G. Badamshin, I.A. Akhtyamov, infringement of the rights of muslims.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенең мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Хамитбаева Найла Сахабидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: hamit46@bk.ru

Хәмитбаева Найлә Сәхәбетдин кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Khamitbaeva Nayla Sakhabidinovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

К вопросу о наследовании власти у донских кипчаков

Данная статья посвящена механизму передачи власти по наследству у шары-кипчаков (донских половцев). Летописные свидетельства позволяют проследить эти процессы от начала XII в. до начала XIII в.

Ключевые слова: куманы, сары (шары-кипчаки), Нижнее Подонье, Донское объединение, хан, Шарукан, Атрак, Кончак, летописи.

В середине XI в. в южнорусских степях появляются два новых кочевых племени: куманы и сары (шары-кипчаки по терминологии С.А. Плетнёвой). Шары-кипчаки кочевали в степях Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья. Куманы заняли территорию Поднепровья и Подунавья. В конце XI – начале XII вв. создаётся два кочевых объединения – Днепровское у куманов и Донское у шары-кипчаков. Первое объединение возглавлял хан Боняк, второе хан Шарукан.

И о куманах и о шары-кипчаках летописцы писали очень подробно, называя их половцами. Следует отметить, что у куманов не фиксируется механизм передачи власти по наследству. Сын Боняка Севенч упоминается в летописном известии под 1151 г. как «дикий» половец¹. Исследователи называют «дикими» половцев, которые не входили ни в одно объединение.

Более чётко прослежен механизм передачи власти по наследству у донских шары-кипчаков. Используя русские летописи и грузинские исторические хроники можно проследить следующую цепочку: Шарукан – Сырчан – Атрак (Отрок) – Кончак – Юрий.

В середине XI в. донские шары-кипчаки подошли к границам русских земель. В 1055 г. они заключили договор с княжившим в Переяславле Всеволодом Ярославичем. Но уже в 1061 г. они совершили набег и разорили пределы Переяславской земли.

В сентябре 1068 г. шары-кипчаки совершили очередной набег. Во время этого набега на р. Альте ими были разгромлены дружины Изяслава Ярославича, Святослава Ярославича и Всеволода Ярославича. Б.А. Рыбаков утверждал, что половцев возглавлял хан Шару-

¹ Ипатьевская летопись. – М., 2001. – С. 432.

кан². После вторжения в Черниговскую землю шары-кипчаки были разгромлены черниговским князем Святославом Ярославичем в сражении на р. Сновь 1 ноября 1068 г.

В Новгородской первой летописи утверждалось, что во время этого сражения в плен попал Шарукан³. Однако «Повесть временных лет» ни по Ипатьевскому, ни по Лаврентьевскому списку это не упоминает. Б.А. Рыбаков также полагал, что Шарукан был пленён⁴. С ним был согласен С.В. Гуркин⁵. Другие историки более осторожны и упоминают просто о пленении знатного половецкого князя. А.Л. Никитин утверждал, что после разгрома половцев на р. Сновь сын Святослава Ярославича Олег женился на дочери хана Шарукана⁶. Однако С.В. Гуркин полагал, что половчанка была женой Всеволода Ярославича⁷. В таком случае этот брачный союз должен был быть заключён после разгрома русских дружин на р. Альте, так как подобные браки заключались чаще всего после поражений, чтобы купить мир.

Следующее упоминание Шарукана в летописи относится к 1107 г. В этом году шары-кипчаки во главе с Шаруканом и его братом Сугром в союзе с куманами во главе с Боняком подошли к г. Лубны. Против них выступили великий князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Мономах со своими дружинами. К ним присоединился Олег Святославич, который княжил в Новгороде-Северском. В летописи сообщалось, что «половцы от страха не възмогша и стяга поставит, но побегоша хватаюче конии»⁸. В плен попал Сугр, Шарукан с большим трудом избежал пленения, переправившись через Хорол.

В.В. Каргалов утверждал, что Шарукан участвовал в войнах с дружинами русских князей в 1111 г. и в 1116 г.⁹ Однако в летопис-

² Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. – М., 1964. – С. 99.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л., 1950. – С.190.

⁴ Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». – М., 1991. – С.41.

⁵ Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // Донская археология. – 1999. – № 2. – С.41.

⁶ Никитин А.Л. «Лебеди» Великой степи // Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. – М., 2006. – С.426.

⁷ Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях... – С.40.

⁸ Ипатьевская летопись. – С.258

⁹ Каргалов В.В. Русь и кочевники. – М., 2004. – С.57, 58.

ных сообщениях об этих походах Шарукан не упоминается. При описании половецкого набега 1107 г. его называли Старым. Скорее всего, он умер вскоре после этого похода.

Известие Ипатьевской летописи 1201 г. преувеличивало успехи русских князей по разгрому половцев. Особенно это относилось к деяниям Владимира Мономаха. В летописи сообщалось, что Владимир изгнал сына Шарукана – Атрака (Отрока) – в Обезы, за Железные врата. Старший сын Шарукана – Сырчан – остался на Дону и, как писал летописец, жил за счёт рыбной ловли, что для кочевников считалось показателем бедности¹⁰. Мы видим, что один из сыновей Шарукана – Сырчан – ушёл в степи Нижнего Подонья, а другой – Атрак – переселился в Грузию на службу к царю Давиду IV Строителю.

Я.А. Фёдоров и Г.С. Фёдоров предположили, что перед смертью Шарукан выделил Атраку северокавказские земли в удел¹¹. Однако Шарукан не мог рассматривать северокавказские земли как своё владение и поэтому не мог это сделать.

После смерти Шарукана его наследником считал себя его старший сын Сырчан. После того как в 1125 г. умерли Владимир Мономах и Давид IV Строитель, Сырчан пригласил Атрака вернуться в донские степи. Атрак согласился и здесь у него родился сын Кончак. Кроме полулегендарного сообщения 1201 г. в русских летописях ни Сырчан, ни Атрак (Отрок) не упоминаются.

С именем сына Атрака – Кончака – связано новое усиление Донского объединения шары-кипчаков. Впервые Кончак упоминался в летописи в 1174 г. В этом году шары-кипчаки во главе с Кончаком и куманы во главе с Кобяком разоряли территорию Переяславского княжества. Против них выступил Игорь Святославич, который и разгромил половцев¹².

В августе 1179 г. шары-кипчаки во главе с Кончаком переправились через Днепр, подошли к Переяславлю и стали грабить окрестности города. Против них выступил киевский князь Святослав Всеволодович. Степняки ушли, не приняв боя. Этот достаточно рядовой набег в летописи был описан очень эмоционально. «Того же лета, месяца августа, придоша иноплеменницы на Рускую землю, безбож-

¹⁰ Ипатьевская летопись. – С.716.

¹¹ Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978. – С.23.

¹² Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. – М.: «Вече», 2011 – С.67.

нии измаильтяне, окаянные агаряне, нечистые исчадия делом и нравом сотониным, именов Кончак, злу начальник, правоверным христианам, паче же всем церквам, идеже имя Божье славится, сими же погаными хулится, то не реку единым хрестьяном, но и самому Богу враги»¹³.

В 1180 г. Кончак участвовал в междоусобице полоцких князей. А на следующий год он стал союзником Святослава Всеволодовича против Рюрика Ростиславича. В сражении на Долобском озере половцы были разгромлены. Кончак спасся в одной лодке со своим будущим врагом новгород-северским князем Игорем Святославичем. В 1182 г. шары-кипчаки во главе с Кончаком и Глебом Тиреевичем вторглись в пределы Переяславского княжества. Однако они услышали, что на Суле стоят дружины русских князей и повернули назад в степь.

В марте 1185 г. шары-кипчаки во главе с Кончаком предприняли очередной поход, намереваясь «захватить и пожечь огнём» русские города. В войске Кончака находился мусульманин, который мог «стрелять огнём». Подойдя к Хоролу, Кончак направил послов для переговоров к черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу. Тот отправил к половцам для переговоров своего боярина Ольстина Олексича. Шары-кипчаки были разгромлены князьми-соправителями Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем, которые отправили против них переяславского князя Владимира Глебовича и смоленского князя Мстислава Романовича. В плен попал мусульманин, «стреляющий огнём». А.В. Гудзь-Марков совершенно необоснованно предположил, что Кончак попал в плен, но затем бежал¹⁴. Однако это не подтверждается никакими источниками. После этого разгрома Кончак ушёл не в свой юрт на Северский Донец, а в Посулье на границе с русскими землями.

В мае 1185 г. во время похода нескольких князей во главе с Игорем Святославичем против половцев Кончаку удалось организовать для их разгрома «всю половецкую землю». После разгрома русских дружин шары-кипчаки во главе с Кончаком разорили Переяславское княжество. В 1187 г. Кончак разграбил Поросье.

В Ипатьевской летописи после полулегендарного известия 1201 г. Кончак не упоминается. Возможно, он умер именно в этом году. В конце XII – начале XIII вв. у шары-кипчаков возникают

¹³ Ипатьевская летопись... – С.612–613.

¹⁴ Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. – М., 2005. – С.318.

предпосылки создания государства, но этот процесс был прерван монгольскими походами.

Кончаку наследовал его сын Юрий, в летописи он назван «больший всех половцев». В 1205 г. его дочь стала женой Ярослава Всеволодовича. Юрий Кончакович погиб во время монгольского похода 1222–1223 гг.

Родственные связи половецких ханов прослеживаются не только в летописных сводах, но и в былинах, правда, в довольно искажённом виде. В одной из былин говорится:

«Подымаицьсе[на Киев] собака Кудреванко царь

Со любимым со зятелко со Артаком,

А со любимым со сыном он со Коньшиком,

А у Коньшика силушка было сорок тысецей,

А у Артака силы-то было сорок тисецей,

А у самого собаки-дак числа – сметы нет»¹⁵.

Б.А. Рыбаков утверждал, что царь Кудреван – это хан Шарукан¹⁶. Здесь конечно допущены ошибки, так как Артак (Атрак) был не зятем, а сыном Шарукана, а Коньшак (Кончак) был не сыном Шарукана, а внуком.

Таким образом, прослеживается механизм передачи власти от отца к сыну у шары-кипчаков (донских половцев). Этот процесс характерен для обществ, у которых шёл процесс создания государства.

Источники и литература

1. Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. – М.: «Вече», 2005. – 480 с.
2. Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // Донская археология. – 1999. – № 2. – С.40–51.
3. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т.2). – М.: «Языки русской культуры», 2001. – 648 с.
4. Каргалов В.В. Русь и кочевники. – М.: «Вече», 2004. – 528 с.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 642 с.
6. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 263 с.
7. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. – М.: «Наука», 1964. – 238 с.

¹⁵ Цит. по: Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963. – С.89–91.

¹⁶ Там же. – С.351.

8. Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Иго-реве». – М.: «Молодая гвардия», 1991. – 286 с.

9. Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 296 с.

Ю.В. Зеленский

Дон кыпчакларының хакимиятне нәселдән-нәселгә тапшыру мәсьәләсе турында

Мәкалә кыпчакларның (Дон буе половецларынын) хакимиятне нәселдән-нәселгә тапшыру механизмын тасвирлауга багышлана. Елъязмалар бу барышны XII гасырдан башлап XIII йөз башына кадәр күзәтергә мөмкинлек була.

Ачык сүзләр: куманнар, сарылар (шарылар-кыпчаклар), Түбән Дон буе, Дон берләшмәсе, хан, Шарукан, Атрак, Кончак, елъязмалар.

Yu.V. Zelenskiy

To a question of inheritance of the power at the Don kipchak

This article is devoted to the mechanism of transfer of power by inheritance of ushary-kipchak (the Don polovets). Annalistic certificates allow to track these processes from the beginning of the XII century prior to the beginning of the XIII century.

Keywords: cumany, sary (shary-kipchaki), Lower Podonye, Don association, khan, Sharukan, Atrak, Konchak, chronicles (annals).

Зеленский Юрий Викторович – старший научный сотрудник отдела археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (г. Краснодар); e-mail: yuriy_zelenskiy@mail.ru

Зеленский Юрий Виктор улы – Краснодар дәүләт тарих-археология музей-заповеднигы археология фондлары бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре (Краснодар шәһәре).

Zelenskiy Yuriy Viktorovich – Senior Researcher of the Department of archaeological funds of Krasnodar state historical and archaeological Museum-reserve (Krasnodar).

Деятельность словесных судов в Казанской губернии (конец XVIII – первая половина XIX века)

В статье исследуется деятельность словесных судов в Казанской губернии. Автор рассматривает порядок производства и документацию судебной власти.

Ключевые слова: словесный суд, торговые споры, Казанская губерния, татарское купечество.

Современная судебная система в сфере защиты предпринимательского права с момента перехода к рыночным отношениям имеет ряд нерешенных проблем, препятствующих своевременной и качественной юридической поддержке предпринимателей, поэтому находится в поиске наилучших форм и способов судопроизводства. Российская империя, во второй половине XVIII – начале XIX века вставшая на путь капиталистического развития, может дать современным законодателям пример решения коммерческих споров, показать лучшие способы судопроизводства.

В связи с наметившимся в Российской империи во второй половине XVIII века переходом к капиталистическому укладу экономики, быстрым развитием торговли и промышленности, возникла потребность в ускоренном разрешении коммерческих споров. Судебная система, существовавшая в этот период, не справлялась с объемом поступающих исков, и в делах возникала волокита¹.

В соответствии с указом Елизаветы Петровны от 5 мая 1754 г. были учреждены словесные суды². Прообразом этих судов послужили таможенные суды, существовавшие при портовых городах и внутренних таможах страны. Предметом рассмотрения в словесном

¹ Закон отводил на обмен бумагами истца и ответчика времени от 4 месяцев до 2 лет. На обжалование дела в форме апелляции в последующей инстанции – столько же, из уездного суда в палату – 37 месяцев, а с обжалованием из палаты в Сенат – 4 года и 7,5 месяцев. См.: Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Пособие для учителя. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 233.

² Указ «О бытии Словесному суду между купцами в Москве и в прочих городах под ведомством Магистратов и Ратуш...» от 5 мая 1754 г. // ПСЗ РИ. – Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. XIV. – № 10222. – С. 66.

суде могли быть только торговые споры, а правом обращения в суд обладали как купцы, так и иные лица, вступившие с предыдущими в обязательственные правоотношения. Словесный суд был обязан производить дела кратко, не более восьми дней.

К компетенции словесного суда относились: а) споры, вытекающие из реализации отношений согласно договорам купли-продажи, в частности, иски по неоплате товара, не передаче товара, отказу в товаре, ненадлежащему его качеству; б) споры, вытекающие из нарушений договоров займа, связанные с невозвращением денежных средств или с просрочкой сроков в возвращении долга; в) споры, вытекающие из договорных отношений хранения денег, товара или писем; г) споры, вытекающие из договорных отношений аренды имущества для торговых целей; споры, вытекающие из договорных отношений перевозки, связанные с недоставкой товара, неоплатой услуг перевозчика; д) споры, вытекающие из договорных отношений найма работников для обслуживания торгового оборота; е) прочие споры, возникающие в сфере купечества³. Следует упомянуть здесь об обязательном решении вексельных споров словесным судом в случае, если должник оказывался безграмотным⁴.

Правовыми источниками для словесных судов всей Российской империи служили императорские указы, Вексельные и Таможенные уставы. Апелляционной инстанцией являлись магистраты и ратуши. Дела велись на основе предъявленных купцами писем и записных купеческих книг и счетов, делопроизводство осуществлялось на простой бумаге и сводилось к ведению специально прошнурованной книги на записку словесных просьб и решений, а повестки, копии и прочие бумаги писались на гербовой бумаге.

Словесные суды получили от Екатерины II инструкцию в 1766 году. Согласно указу, следовало «судить словесным судом кратчайшим образом, и решения чинить в самой крайней скорости»⁵. В случае невозможности решить дело, оно переправлялось в магистраты и ратуши. Словесный суд при городском магистрате или ратуше состоял из двух судей, избираемых ежегодно городским обществом. Особых канцелярских служителей в словесном суде не предусматри-

³ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1775. – С. 286.

⁴ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XVII. – №12598. – С. 614.

⁵ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XVII. №12721. – С. 932–935.

валось, для ведения дел использовался труд работников городского магистрата или ратуши.

Статья 1780 Торгового устава гласила: «К разбирательству словесным судом никто не принуждается, и истец, буде пожелает, может начинать иск письменным порядком в магистрате или ратуше, но если и в таком случае дойдет дело до счетов или разбирательства через посредников, то не минует оно словесного суда»⁶. Если истец обращался в другой суд, даже по вопросам, подведомственным словесному суду, словесный суд не вмешивался в эти дела.

Производство в суде начиналось с устного прошения истца, заявляемого суду без какой-либо письменной формы. На основании этого заявления следовало вызвать ответчика. Если последнего не могли найти в этот же день по причине его отсутствия, то он вместе с истцом вызывался на следующий день. Если ответчик не являлся и на следующий день, то закон предусматривал санкции – принудительный привод. В частности, предписывалось «по трем повесткам послушников посылать сыскных и велеть взять самих, на кого прошение, а буде самого не найдет, то взять приказчиков и сидельцев и держать три дня пока не явится»⁷.

Исследователи, при анализе законов, регламентировавших деятельность словесных судов, усматривают, что в них сочетаются розыскная и состязательная формы судопроизводства. С одной стороны, предполагается, что ответчик имел достаточно широкие возможности для защиты своих прав, в том числе в вопросах предъявления доказательств, дачи пояснений и т.д. А с другой стороны, одно лишь устное заявление истца в сфере гражданских отношений порождало такие правовые последствия, которые характеризуют уголовный процесс – принудительную явку ответчика и временное заключение⁸.

Так, в Татарской ратуше г. Казани было возбуждено дело в отношении татарина Ново-татарской слободы Абдрешита Мусина, укравшегося от рассыльщиков татарского словесного суда⁹.

⁶ Там же. – №1780. – С. 287.

⁷ Там же. – Т. VII. – №5145. – С. 844.

⁸ Рассказов О.Л., Мантул Г.А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4. – С. 138–141.

⁹ НА РТ. – Ф.22. – Оп. 2. – Д. 304.

В случае, если в суд поступала жалоба от купца на знатного человека, по вопросам присвоения чужого товара, невозврата денег, то словесному суду предписывалось предупредить таких знатных людей «самим выборным учтивым образом», не посылая сыскных, ожидая три дня, чтобы знатный человек явился в суд. При этом предписывалось «о фамилиях их бесчестия не чинить прежде повестки». По истечении трехдневного срока, в случае неявки, следовало поступать по общим законам. Почетных лиц и известных купцов законодатель требовал «почтить стулом», а при взятии показаний судьи должны были поступать «ласково и благопристойно»¹⁰.

При представлении от истца доказательств, суд спрашивал ответчика, не имеет ли он против письменного документа какого-либо возражения, или, если в доказательство иска приводятся свидетели, согласен ли их принять. В случае опровержения письменных доказательств одной из сторон и спора об этом в суде, суд направлял разбирательство дела через посредников, отпускал обе стороны, не записывая об этом в книгу. Если же обе стороны затруднялись в поиске посредника, и вторично обращались в суд, то суд сам назначал посредников и, если стороны были согласны, продолжал процесс.

Процедура допроса свидетелей была связана с необходимостью признания их и ответчиком, и истцом. Если стороны возражали против конкретных кандидатур, то оформлялся отвод свидетелей. Свидетели приглашались через повестки, давали присягу установленной формы: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что по объявленной в Суде на меня в свидетельстве ссылке объявить мне самую истину, не посягая и не маня ответчику и истцу, без всякой страсти, так как мне перед страшным Его, Божиим, Судом явиться. Аминь», и показания их записывались в специальную книгу¹¹.

Если суд усматривал противоречия в показаниях свидетелей от истца, то отказывал ему в удовлетворении исковых требований. Так же закон предусматривал поступать и в отношении ответчика, если свидетели давали разные показания¹².

Определения, решения словесного суда объявлялись в личном присутствии обеих сторон, или их поверенных. Если одна из сторон

¹⁰ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1820. – С. 293.

¹¹ Там же. – С. 600.

¹² Там же.

судебного процесса, получив повестку о явке в суд для выслушивания решения, не являлась и не предоставляла своих поверенных, решение считалось объявленным в день, указанный на повестке. Повестку вручала полиция. От даты, указанной в ней, исчислялся срок для подачи апелляции. Через неделю после суда решения принимали законную силу, и отсутствующему на суде в случае несогласия с решением пришлось бы доказывать суду факт наличия обстоятельств, препятствовавших явиться на оглашение решения¹³. Пропустивший срок лишался возможности подать апелляцию.

В случае отсутствия истца или ответчика в городе законодатель предусматривал отсрочку вступления решения суда в законную силу в течение «поверстного срока» (предусматривал, как правило, проезд за два дня 100 верст). Срок апелляции зависел от категории рассматриваемого дела и особых обстоятельств – болезни одной из сторон, войн или эпидемий в том или ином городе.

Недовольные решением словесного суда могли подать апелляцию, они получали выписку из решения суда, должны были дать объяснение, по какой причине считают решение суда неправильным, и ратуша или магистрат решали дело в письменном виде. В данном случае, узнав о готовящейся апелляции, словесный суд приостанавливал вступление решения в законную силу.

В случае рассмотрения дел о взыскании долгов с ответчика по партикулярным (частным) письмам, счетам, устным сделкам требовалось заплатить всю сумму сразу или в течение восьмидневного срока, в случае неуплаты долга дело отправляли в магистраты или ратуши, так как требовалось содержание под стражей, опись имущества. Так же поступали в случае невозможности решения дела без письменного разбирательства. Решение словесного суда можно было опротестовать в городском магистрате в недельный срок.

По вексельным долгам купцы, разночинцы, «других чинов люди» могли обратиться в словесный суд и требовать уплаты долга. Суд обязывал заплатить в течение трех дней, не принимая никаких отговорок, споров, а только лишь записывая показания. В случае неуплаты кредиторам предлагали дать расписку о возможности отсрочки долга, и, если таковой не предоставлялось, то дело вместе с рапортом направляли для решения в ратушу или магистрат, чтобы

¹³ ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. II. – №961. – С. 241–243.

эти органы власти не упустили восьмидневный срок для ареста имущества должника¹⁴.

Рассмотрим деятельность словесных судов на территории Казанской губернии. Казанская губерния в границах XIX в. была учреждена в 1781 г.¹⁵. Она граничила с севера с Вятской, с востока и юга – с Оренбургской, с юга и запада – Симбирской губерниями¹⁶. Губерния делилась на 13 уездов: Арский, Казанский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Царевококшайский, Цивильский, Чебоксарский, Чистопольский, Ядринский. В 1796 г. уездный город Арск стал «заштатным городом»¹⁷, в 1802 г. заштатные города Тетюши и Спасск стали уездными¹⁸.

Казань была главным торгово-промышленным центром Средневожского региона, где были сосредоточены крупные предприятия коммерсантов, складские помещения и откуда расходились товары по уездным городам и сельской местности. Торговые обороты Казани составляли 76,4% по отношению ко всей губернии в целом¹⁹. Торговля была характерна для губернского города, в сельской местности (уездах) она была развита слабо.

Основным предпринимательским слоем выступало купечество, представленное в подавляющем большинстве случаев «душами мужского пола». В Казани в 1825 г. проживал 19751 мужчина, из них в купцы разных гильдий было записано 1012 человек (5%), а от общего числа жителей Казани (включая женщин) купцы составили всего 2,7%. В Чистополе – из 2464 мужчин – всего 179 купцов (7,2%), доля купцов среди общего числа жителей города – 3,4%. В Тетюшах – из 674 мужчин – 60 купцов (8,9%), от общего числа жителей города – 4,1%. В Мамадыше – 41 купец (1,2% мужчин стали купцами), в Лаишеве было 19 купцов из 1083 мужчин города (1,7%), в Царевококшайске – 2,7% от общего числа мужчин города (всего 11 купцов), что составило 1,2% от общего числа жителей. Менее 1% купцов от общего числа жителей города было в Свияжке, Спаске, Цивильске,

¹⁴ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XVII. – №12721. – С. 932 – 935.

¹⁵ Там же. – Т. XXI. – № 15260. – С. 289–291.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. – Т. XXIV, – № 17634. – С. 229–230; – № 17702. – С. 269.

¹⁸ Там же. – Т. XXVII. – № 20245. – С.124–125.

¹⁹ Внутренняя и внешняя торговля Казанской губернии с ее уездами (статистические сведения) // Заволжский муравей. – 1832. – Ч. 2. – №14. – С. 793–794.

Ядрине, Чебоксарах, Козьмодемьянске, Лаишеве, Мамадыше²⁰. В Арске – из 401 жителя «обоего пола» не было зафиксировано в 1825 г. ни одного купца, все так называемые «арские купцы» – выходцы из ближайших деревень и городов, приписавшиеся к Арску для получения налоговых льгот и возможности открыть здесь лавочку, имевшие иногда несколько купеческих свидетельств для торговли в разных городах.

Таким образом, лидерами по количеству участников активной торгово-промышленной деятельности являлись города Казань, Чистополь, Тетюши, Мамадыш и Лаишев.

Русские купцы были зарегистрированы во всех городах губернии, татарские купцы – в Казани (в 1827 г. 30% всех гильдейских купцов Казани и ее уезда), уездных городах Мамадыш (72%), Чистополь (25%), Тетюши (21%) и заштатном городе Арск (96%). Среди 439 татарских купцов «арские» составляли 105 человек (24%), «мамадышские» – 47 (11%), «чистопольские» – 42 (9,5%), «тетюшские» – 1 (0,2%), причем в уездных городах были зарегистрированы преимущественно купцы 3-й гильдии²¹.

В первой половине XIX в. Казанская губерния занимала первое место среди губерний Волго-Уральского региона по числу татар²².

Во всех городах Казанской губернии общегородские органы самоуправления состояли из городской шестигласной думы во главе с городским головой и городского магистрата. Гласные думы являлись представителями трех городских сословий – купцы, мещане, ремесленники, городской голова избирался из купцов. Как отмечают исследователи, в Чистополе, например, в середине XIX века проживало около 1500 крестьян, также дворяне, чиновники, духовенство, но они были лишены избирательных прав и исключались из системы самоуправления²³. Лишь с изданием в 1870 г. «Городового Положения» эти катего-

²⁰ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г., составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. – СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1829. – С. 4–93.

²¹ Внутренняя и внешняя торговля Казанской губернии с ее уездами (статистические сведения) // Заволжский муравей. – 1832. – Ч. 2. – №14. – С. 793–794.

²² Исхаков Д.М. Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье // История татар с древнейших времен. С. 52–54.

²³ Гафиатулина Л.Г. Из истории Чистопольского городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX вв. // Государственная и муниципальная служба в России и Татарстане: истоки и современные тенденции разви-

рии населения, при наличии недвижимой собственности, имели право принимать участие в системе городского самоуправления²⁴.

По сведениям за 1861 год, в Казани проживало 31222 мужчин, из них купцы составляли 801 человек, мещане – 12610, цеховые – 1063, т.е. суммарно 14474 человека (46%) могли принимать участие в выборах должностных лиц местного самоуправления. Однако необходимо учесть имущественный ценз: лишь 555 купцов (69%), 10954 мещан (87%) и 201 цеховой м.п. (19%) имели недвижимость²⁵. Получается, некоторая часть из тех, кто мог бы участвовать в выборах в органы городского самоуправления, не могла пройти имущественный ценз.

Судебным органом по гражданским делам являлся городской магистрат. Судьи городского магистрата избирались купцами и мещанами и осуществляли свою деятельность без получения зарплаты или дохода, это была их общественная работа. Словесные суды Казанской губернии делились на группы: суды, учреждаемые при магистратах или ратушах и называемые торговыми, и учреждаемые при частях города.

Словесными судьями из татар при городском магистрате в Казани были: в 1798 г. 26-летний купец 1-й гильдии Муса Исмаилович Апанаев, в 1806 г. – 36-летний купец 2-й гильдии Юсуп Муртазович Шатунов, в 1807 г. – Сулейман Юсупов Нурусин²⁶. В документах Чистопольской городской думы сохранилась запись о моменте всту-

тия: [в 3 кн.]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, [28 мая 2009 г., Казань] / [редсовет.: д.с.н., проф. А.Н. Ершов (пред.) и др.] – Казань, 2009. – Т.1: Материалы [пленарного и секционных заседаний] Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию подготовки кадров для государственной службы в г. Казани. – С. 98–107.

²⁴ Гафиатуллина Л.Г. Общественная деятельность предпринимателей Чистополя во второй половине XIX – начале XX веков // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения: [сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С.М. Михайловой] / [редкол.: Г.П. Мяков (отв. ред.), Р.А. Набиев (отв. ред.) и др.]. – Казань, 2008. – С. 280–284.

²⁵ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861 – 1862 г. – СПб.: [Б.и.], 1863. – С. 5.

²⁶ Список татарских купцов, занимавшихся общественной деятельностью в 1793–1808 гг. // История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга 2: Население, конфессии, благотворительность / [авт.-сост. И.К.Загидуллин и др.; отв.ред. и авт. предисловия Н.С.Хамитбаева; под ред. И.К.Загидуллина]. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2011. – С. 116–118.

пления в должность вновь избранного словесного судьи городского магистрата: «Гласный здешней градской думы ввел в присутствие сего суда вновь избранного и утвержденного на текущий 1852 год словесного судьи здешнего купецкого внука Абдулгазица Абдулхафизова к отправлению должности, объявил, что он, Абдулхафизов, к присяге на верность службе приведен»²⁷. Магистрат утвердил его «старшим словесным судьей», а избранного тогда же мещанина Григория Александровича Полякова – «младшим»²⁸. На всех рассматриваемых делах в дальнейшем стоял штамп с именами сразу двух словесных судей. Процедура вступления в должность предусматривала также передачу всех книг и документов от прежних судей (Хуснудина Акбердина и Фадея Куркульского²⁹).

Ратуши создавались в городах с численностью не более 500 душ мужского пола, включали в себя бургомистра и двух ратманов. В городах с численностью населения более 500 душ м.п. действовали магистраты, судебное присутствие которых состояло из 2 бургомистров и 4 ратманов, избираемых из числа состоятельных купцов и мещан один раз в три года. Апелляционной инстанцией для городских ратуш и магистратов были губернские магистраты, состоявшие из двух департаментов (гражданских и уголовных дел), которые возглавляли два председателя, назначаемые Сенатом по предложению губернского правления, и работало шесть заседателей.

Для переноса дела из городского в губернский магистрат требовалось внести сумму, равную 25 рублям, которая оставалась в казне городского магистрата в случае признания губернским магистратом апелляции незаконной или необоснованной³⁰. Срок для предъявления претензии к городскому магистрату исчислялся в течение одной недели со дня принятия последним решения. Если цена иска была менее 25 рублей, то переносить дело в губернский магистрат запрещалось.

Следующей инстанцией служила Палата гражданского или уголовного суда. Вносить туда дело можно было только после его рас-

²⁷ НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 5–5 об.

²⁸ Г.А. Поляков стал позже купцом и даже основал в 1864 г. банк, игравший важную роль в экономике Чистополя. См.: Гафиятуллина Л.Г. Из истории Чистопольского городского самоуправления... – С. 106.

²⁹ Фадей Куркульский – крещеный татарин, в книгах чистопольского словесного суда подписывался по-татарски на основе арабской графики. См.: НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 7. – Л.5.

³⁰ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XX. – №14392. – С. 260.

смотрения губернским магистратом, и если стоимость иска была не ниже 100 рублей³¹. Необходим был взнос в размере 100 рублей. Если человек оказывался безденежным, то, при наличии доказательств (показания поверенного), освобождался от уплаты.

В период правления Павла I были ликвидированы губернский магистрат, верхняя расправа и другие органы власти. Судами второй инстанции в губерниях стали палаты уголовного и гражданского суда и расправы³². В 1801 г. произошло частичное восстановление судебной системы, созданной Учреждениями для управления губерний³³.

Особое место в структуре государственных учреждений Казанской губернии на рубеже XVIII–XIX столетий занимала Татарская ратуша – орган самоуправления купеческого и мещанского сословий Старой и Новой татарских слобод Казани.

В судебной системе, созданной Екатериной II, Татарская ратуша, наравне с городскими магистратами и ратушами, являлась низшей судебной инстанцией для приписанных к ней жителей Старой и Новой слобод Казани. Под юрисдикцию Татарской ратуши попадали уголовные и гражданские тяжёлые дела купцов, мещан, служилых татар. Гражданские дела с ценой иска менее 25 рублей решались в ратуше без права переноса в вышестоящие инстанции³⁴.

Апелляционной инстанцией для Казанской татарской ратуши был Казанский губернский магистрат.

Проблема загруженности Татарской ратуши судебными делами обострилась в 1834 году, когда из городского магистрата были переданы нерешенные 132 дела, а из русского сиротского суда 55 опеки³⁵. К Татарской ратуше были приписаны 1444 душ мещан татарского

³¹ Там же. – С. 265.

³² Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII–XX вв.: позитивные и негативные результаты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Домрачев Иван Гарриевич. – Н.Новгород, 2008. – С. 42.

³³ См.: Указ от 9 сентября 1801 г. // ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXVI. – №20004. – С. 775–778.

³⁴ Измайлов Б.И. Казанская татарская ратуша (1781–1855 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Измайлов Бахтияр Искандерович. – Казань, 2009. – С. 141.

³⁵ Городовое положение 1785 г. предопределило возникновение сиротских судов, состоявших из старост и двух членов городского магистрата, которому вверялось «печение о вдовах и малолетних сиротах», а также оставшихся после смерти владельцев имений с правом назначения опекунов и осуществления контроля за их деятельностью.

происхождения, 39 купеческих капиталов. Собственно в это время военный губернатор Казанской губернии стал ходатайствовать о расширении штатного расписания ратуши, в которой продолжил существование сиротский суд и был учрежден словесный³⁶.

В штате канцелярии словесного суда при Татарской ратуше в 1836 г. был один письмоводитель с окладом 300 рублей в год, один рассыльный – 120 рублей, на канцелярские расходы выделялось 100 рублей в год, а всего затраты ратуши на деятельность суда составляли 520 рублей³⁷. В целом содержание всего штата ратуши с ее сиротским и словесным судами обходилось казне в сумму 7400 рублей.

Татарская ратуша и сиротский суд при ней просуществовали до 1855 г., до момента упразднения ратуши. Дела словесного суда были перенесены в ведомство городской думы. Однако предусматривалось включить в состав думы татар-мусульман, в количестве не более 1/3 части ее состава. В составе судов городского магистрата появлялись один бургомистр и два ратмана из татарских купцов, таким образом, штат его расширялся, за счет средств, которые ранее шли на содержание ратуши. Татарский сиротский и словесные суды сохранялись, просто сменив свою подведомственность³⁸.

Судопроизводство в Татарской ратуше осуществлялось на принципах состязательности сторон, когда основные стороны – истец и ответчик представляли суду доказательства, давали объяснения, и суд на этом основании выносил решение.

Законы предусматривали соблюдение норм шариата при решении таких вопросов, как раздел собственности между наследниками, выделение части имущества женщинам-вдовам мусульман, о неповиновении детей родителям³⁹. В 1826 г. Сенат и Государственный Совет постановили допустить «раздел имений, оставшихся после магометан, по их закону», распространив нормы шариата на всех мусульман России⁴⁰. В 1836 г. было признано право Оренбургского магометанского духовного собрания решать дела о частной собственности, возникаю-

³⁶ ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XI. – №8797. – С.68.

³⁷ О штатах канцелярий татарской ратуши и при ней сиротского и словесного судов в Казани // История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга III: Управление, бюджет, хозяйство / Под ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. – С. 185–186.

³⁸ ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXIX. – №28704. – С. 4–5.

³⁹ Там же. – Собр. 1. – Т. XXVIII. – №21634. – С.842–843.

⁴⁰ Там же. – Собр. 2. – Т. I. – №386. – С. 527–528.

щие по завещаниям или при разделах имений между наследниками-мусульманами⁴¹. Нормы шариата применялись для урегулирования отношений опеки над несовершеннолетними и их имуществом. В Казани при Татарской ратуше функционировал сиротский суд, обращавшийся в некоторых случаях за разъяснениями норм шариата в Оренбургское магометанское духовное правление по вопросам опеки⁴². Таким образом, некоторые дела разбирались на основе мусульманского права, рассматривались мусульманским духовенством, но торгово-кредитные операции и имущественные вопросы решались преимущественно в официальных государственных учреждениях на основе законов, общих для Российской империи⁴³.

В суде в ряде случаев применялась присяга. С 1727 г. был утвержден текст присяги для всех участников судебного процесса: для свидетелей, истца, ответчика. Текст присяги для истца: «Я, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущему Богу, что иску своего на ответчике имраке имракове (говорить иск именно) ищу правдиво без всякого приклепу и страсти; в чем себя подтверждаю сею присягою, так как мне пред страшным Его, Божиим, Судом явиться. Аминь». Текст для ответчика: «Я нижеименованный обещаю и клянусь Всемогущему Богу, что истец имрак ищет на мне иску своего (говорить иск именно) не дельно и поклепав напрасно, в чем я нимало не виновен, и подтверждаю себя сею присягою так, как мне пред страшным Его, Божиим, Судом явиться. Аминь»⁴⁴.

В 1850 г. был утвержден новый текст, переведенный на татарский, турецкий и персидский языки, и сформулированы правила присяги, предусматривавшие последовательность следующих действий для мусульман: во-первых, выслушать наставление муллы о значении присяги, о ее сердечном, а не только словесном принятии, о гнев

⁴¹ Там же. – Т. XI. – №9158. – С. 504.

⁴² Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм Шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 07.00.02 / Мухаметзарипов Ильшат Амирович. – Казань, 2010. – 27 с.

⁴³ Мухаметзарипов И.А. Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2010. – №123. – С. 96–100.

⁴⁴ Устав торговый. О торговых словесных судах. Формы присяги по делам, в торговом словесном суде производимым // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – С. 600.

Божьем по отношению к клятвопреступникам; во-вторых, положить Коран на столик высотой не менее аршина, покрытый чистой шелковой материей, в-третьих, совершив омовение, в присутствии муллы, держа правую руку на Коране и «устремив взор во все это время на священную книгу», произнести слова, определенные законом⁴⁵.

Однако перед «очистительной присягой» требовалось получить согласие на нее и истца, и ответчика. В 1846 г. в Чистопольском словесном суде слушалось исковое заявление крещеного чувашина д. Старые Тукмаклы Чистопольского уезда Ивана Федорова, который обвинял чистопольского купца Мухамет Мрадымовича Уразгильдеева в неплатеже ему 200 руб. ассигнациями за поставленный на мельницу ржаной хлеб. На мельнице, находившейся в д. Старое Аделяково, зерно принимал брат ответчика, Махмут Уразгильдеев. На руках у истца было два «ярлыка», т.е. расписки, но ответчик отказался их признать, полагая, что брат выронил из рук эти расписки при передаче истцу денег, не изорвал их, и Федоров воспользовался этим. Истец предложил «в случае заpirationства дать ему очистительную присягу», однако ответчик возражал: «Федоров, получивши следующие ему деньги все сполна, начал отыскивать оные вторично, полагаю из какого-нибудь неудовольствия и чтобы воспользоваться ими вдвойне, а потому я по придуманному его иску не нахожу ни малейшей причины принимать очистительную присягу, равно и самого его не допускаю, а прошу для раскрытия истины в сем деле спросить брата моего Махмута, который, вероятно, уважит Федорова в получении от него денег другими очевидцами, что подтверждаю долгом присяги и чистой совести, в том и подписуюсь»⁴⁶. Дело было передано в Чистопольский городской магистрат для дальнейшего рассмотрения.

Рассмотрим особенности рассмотрения разного рода дел. Если в словесный суд поступала жалоба на покупателя товара, который не хочет за него расплачиваться, суд в первую очередь требовал доказательств – маклерской записки, частного письменного обязательства или показания свидетелей. Затем суд пытался призвать ответчика к уплате долга, а в случае отказа от уплаты или отсутствия отсрочки, продавцу следовало обратиться в полицию⁴⁷.

⁴⁵ ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXV. – №24117. – С. 410–411.

⁴⁶ НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5 об.–7.

⁴⁷ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1835. – С. 295.

В 1846 г. в Чистопольском словесном суде слушалось дело по иску о невыполнении договора поставки товара. Чистопольский мещанин Абдул Гафурович Зягоферов в 1845 г. подрядился поставить 70 пудов сала по цене 8 руб. 25 коп. асс. за каждый пуд казанскому купцу Мустафе Халиловичу Лебяжину, всего на сумму 577 руб. 50 коп. В качестве аванса он получил 542 руб. 50 коп., но обязанности своей не выполнил. После смерти Лебяжина опекун над его именем, казанский 3-й гильдии купеческий брат Хусаин Мусич Якупов, через свое доверенное лицо (казанского мещанина Мухаметвалея Бикбовича Талкина) стал требовать либо поставки товара, либо возврата денег, но уже с учетом неустойки – по новой цене сала 10 руб. асс. за пуд. Сумма иска составила 190 руб. серебром. Словесный суд взял объяснение с ответчика. А.Г.Зягоферов, признав исковые требования справедливыми, не имел на тот момент ни сала, ни денег для погашения долга, и предложил выплачивать его частями в течение пяти лет равными долями. Однако истец отказался от этого предложения, настаивая на продаже части имущества ответчика. Словесный суд вынес постановление о передаче дела в Чистопольское городническое правление, для последующей описи имущества, но уже на другой день истец написал расписку о получении долга сполна и просил суд прекратить дело⁴⁸.

В случае жалоб на качество товара суд рассматривал дело с учетом мнения посторонних сведущих людей. Если рассматривалось дело об отказе кого-либо от возврата ценных вещей, товаров, векселей, принятых на хранение от хозяина этих предметов, то уклоняющийся должен был компенсировать убытки, понесенные истцом, в том числе проценты, тяжёбые издержки, 10% – ный сбор в пользу богоугодных заведений со всей суммы удерживаемых денег или цены вещей⁴⁹.

При рассмотрении дела о трудовом конфликте между судовщиком, извозчиком или работником об удержании наемных денег или оплаты труда, или простое при погрузке и выгрузке товаров, суд призывал хозяев и требовал удовлетворения согласно заключенному условию. В 1856 г. в словесном суде г. Тетюши Казанской губернии слушалось дело по иску татарина д. Старые Юмралы Шарафутдина Хусаинова в отношении тетюшского купецкого сына Александра

⁴⁸ НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 3–4 об.

⁴⁹ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1838, 1839. – С. 295–296.

Алексеевича Кожевникова, который не уплатил за переправу по Волге, из Рыбинска до Тетюш, товара – ржаной муки. Стоимость перевозки составляла 5 рублей серебром, Кожевников уплатил лишь 30 копеек, мотивируя это тем, что один из работников заболел и сошел с судна, пройдя лишь половину пути. Суд встал на сторону истца, принимая во внимание тот факт, что не было заключено контракта со всеми рабочими, и сам Хусаинов не являлся поручителем по заболевшему человеку. Городническое правление, куда было передано решение суда, должно было взыскать деньги с ответчика и прислать их в словесный суд, что и было сделано⁵⁰.

Словесный суд рассматривал также жалобы и в личных обидах, которые возникали между купцами и их приказчиками и работниками, ссоры, брань, драки.

Так, в 1856 г. Тетюшский суд рассматривал дело по иску казенного крестьянина М.Андреева, являвшегося лоцманом при судне, следовавшем от Камышина до Тетюш с солью. Ответчик, тетюшский мещанин М.Калсанов, удержал из зарплаты лоцмана 25 рублей за то, что тот покинул судно в ночное время, его задел проходивший мимо пароход и оторвал якорь. Суд встал на сторону истца и обязал ответчика вернуть деньги, так как, по словам других судопромышленников, приведенных к даче показаний, на судне ночью должен оставаться лишь водолив с рабочими людьми, а не лоцман⁵¹.

Нередко в суде звучали слова «совесть», «купеческая честь», «доброе имя». Например, в 1846 г. в словесном суде Чистополя слушалось дело по иску чистопольского 3-й гильдии купца Ивана Ивановича Калинина, который обвинил чистопольского 3-й гильдии купеческого сына Сагитдина Абдулгафурова и его отца Аднагула Абдулгафурова в неотдаче денег за ветряную мукомольную мельницу 285 руб. серебром (1000 рублей ассигнациями). Как видно из записей словесного суда, Калинин «пожертвовал» ответчику несколько бревен от своей старой мельницы, два старых жерновых камня, гнилое колесо и 17 пудов ржавого железа, по низкой цене, так как собственная мельница Абдулгафуровых сгорела. Когда ответчик отстроил новую мельницу, Калинин предъявил претензии, требуя погасить долг не за 4,5 года, а за 2, и уплатить ему стоимость настоящей мельницы. Ответчик, не признавая свою тамгу (родовой знак, заме-

⁵⁰ НА РТ. – Ф. 901. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8–8 об.

⁵¹ НА РТ. – Ф. 901. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 10–12.

нявший подпись) на расписке и считая ее фальшивой, говорил: «Он (Калинин) грешит против совести, которой нарушать ему, как купцу, многим известному по своим качествам, не следовало, и в коммерческих делах такие извороты нетерпимы и относятся к стыду купца», «Теперь же вижу, что этот честный купец Калинин, разрисовавши сострадание свое только в воображении, а на деле поступает иначе, следовательно, он добр на словах»⁵². Суд признал, что цена иска слишком высока для разбора этого дела в упрощенном порядке, поскольку словесные суды могли разбирать дела стоимостью иска не выше 150 рублей серебром, и отказал Калинину в иске и преждевременном взыскании денег. Однако ответчику суд сделал замечание, чтобы он не употреблял укорительных слов, не прибавлял ничего лишнего, а лишь по пунктам показывал истинные положения.

Словесный суд должен был производить разбирательство в делах торговли не только между лицами торгового сословия, но и по тем обязательствам, которые они заключали в письменной или устной форме с посторонними лицами, не принадлежавшими к торговому сословию, но только в том случае, если предмет этих дел принадлежал к торговым вопросам⁵³.

Однако на практике существовали затруднения при взыскании задолженностей по искам людей из других сословий. Так, например, крестьянин села Ильинское Казанской губернии Николай Игнатьев просил взыскать с почетного гражданина г. Тетюши Якова Иванова Михайлова 4 руб. серебром, обратился в тетюшское городническое правление, которое отправило, в свою очередь, письменное отношение в словесный суд. В «Судебной книге на записку жалоб, принесенных от разных лиц на 1856 год» г. Тетюши, словесный судья указал, что данное дело может быть рассмотрено лишь в городническом правлении⁵⁴.

Кроме этих судебных инстанций, правом осуществления суда наделялись полицейские управы, или «Управы благочиния». Полицейское присутствие состояло из городничего, двух определяемых губернским правлением приставов гражданских и уголовных дел, а также избранных магистратом или ратушей от купечества заседателей (как правило, это были два ратмана). В судебную компетенцию

⁵² Там же. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 47–50.

⁵³ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1779. – С. 287.

⁵⁴ НА РТ. – Ф.901. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6 об.

полицейского присутствия входило рассмотрение маловажных уголовных дел (кража, мошенничество) и гражданских исков стоимостью не более 20 рублей. Судебному присутствию полицейского словесного суда полагалось «принимать по словесной просьбе к рассмотрению дела, касавшиеся подозрительных сходбищ, учинения поединка или драки, насильственного завладения недвижимого имущества, рассеивания лжи, клеветы, разноса заразы, обмана в торговле, ругательных писем, лживых поступков и т.д.»⁵⁵.

Города, насчитывавшие более 4000 дворов, делились на части (200–700 дворов), а части, в свою очередь, на кварталы (50–100 дворов), «дабы благочиние в городе порядочно могло быть отправляемо»⁵⁶. В каждой части города был частный пристав, в каждом квартале – квартальный надзиратель. Структурное подразделение городов в полицейском плане обусловило появление словесных судов, учреждаемых при каждой части (при Управе благочиния) из числа выборных мещанством и купечеством кандидатов, получивших одобрение городничего. В каждом таком суде предусматривалось наличие одного-двух судей.

Торговые словесные суды, существовавшие при магистратах или ратушах, согласно законодательству, отличались от словесных судов, учреждаемых в разных частях города. Предметом разбирательства словесного суда в той или иной части города могло быть разбирательство по словесной просьбе в делах гражданских, и примирение словесно просящих о том. Ведомство словесных судов при ратуше или магистрате определялось Торговым уставом, а словесных судов разных частей города – Сводом законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских. Главное отличие заключалось в предмете рассмотрения дел – запрещалось в судах в частях города рассматривать споры или ссоры между нанимателями и находящимися у них в услужении, о работе или платеже, даже если наем этих людей был учинен без маклера⁵⁷. Подсудность дел словесного суда не распространялась дальше той части города, где он находился. Ежедневно

⁵⁵ Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Законодательство Екатерины II: В 2-х т. – М., 2000. – Т. 1. – С. 581–583.

⁵⁶ Домрачев И.Г. Указ соч. – С. 36.

⁵⁷ О словесных судах в частях города // Свод законов Российской империи. Свод законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских. – СПб.: Типография второго отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1857 г. – Т.10. – Ч.2. – С. 236–237.

суд рассматривал дела и делал запись словесных просьб в «дневную записку», которую обязан был еженедельно показывать городовому магистрату. Ответчик должен был явиться не позже следующего дня, указанного в повестке, передаваемой через частного пристава (кроме воскресных и праздничных дней). Само судебное разбирательство не могло продолжаться более одного дня с момента появления ответчика, а при необходимости предъявления справок – не более трех дней. Справки также могли предъявляться в той же части города на словах, из другой части – показанием дневной записки, справки из других городов или уездов не рассматривались. В словесном суде находились присяжные свидетели, которые должны были свидетельствовать о том, «что в деле застали, что видели, или что слышали»⁵⁸. Решение словесного суда для исполнения сообщалось в дневной записке частному приставу. Недовольный решением суда вносил туда же свой отзыв, который записывали в «дневную записку», это давало право тяжущимся начать судебный процесс согласно закону. В случае необходимости представить справку из дел словесного суда, а особенно из показаний присяжных свидетелей, словесный суд делал копии из своей «дневной записки».

Словесные суды, учрежденные при частях города, разбирали гражданские дела по словесным просьбам. Они не могли разбирать споры по письменным просьбам, по справкам из уездов или другого города. При этом ведомство такого органа простиралось не далее части города, в которой он учрежден. Дело рассматривалось, как правило, в один день, если нужны были справки, то не более трех дней. Поскольку у этой группы словесных судов не было вышестоящей инстанции, стороны, недовольные принятым решением, могли рассмотреть спорное дело в другом судебном органе, подходящим по подсудности.

В каждой части города закон предусматривал наличие одного или более судей словесного суда из граждан. Судья словесного суда считался в 14 классе Табели о рангах до тех пор, пока пребывал в должности⁵⁹. Судьи словесного суда избирались по баллам в каждой части города в начале каждого года мещанством и купечеством из своей среды, списки предоставляли городничему, и если тот не встречал явного препятствия, то избранные вступали в должность.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXI. – №15379. – С. 462.

Главная функция судьи словесного суда – «1) доставлять обеим сторонам законную, честную и беззастенчивую жизнь; 2) злобы, распри и ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее»⁶⁰. Словесные судьи должны были находиться в своей части города с 9 до 12 часов ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней⁶¹.

Требования к служащим словесного суда были следующими: «Обид и налогов и приметок для своего лакомства отнюдь никому не чинить, и до взяток не касаться... а пьянства и прочих непорядочных поступков отнюдь бы чинить не дерзали»⁶². Наказанием за взятку следовало, сверх взыскания по общим законам, взятие с них в пятикратном размере стоимости взятки, и в двукратном размере возмещение убытков, которые последовали в результате обиды или проволочки⁶³. Закон не устанавливал для судей не только юридического, но и общего образовательного ценза. Даже в Сенате в 1841 г. числилось лишь шесть человек с высшим образованием⁶⁴.

В условиях полиэтнической и многоконфессиональной Казанской губернии в первой половине XIX века сложилась практика привлечения татар-мусульман к отправлению правосудия в словесных судах при разрешении торговых споров.

В первой части Казани в 1806 г. словесным судьей был избран купец 3-й гильдии Муса Рахманкулович Китаев, в 1807 г. – той же гильдии купец Якуп Ахмеров, в 1808 г. – Мухамет Аднагулов. Первая часть города была населена в основном русскоязычным населением. Здесь располагались каменный гостиный двор, хлебный базар, торговые лавки при домах, холодильные строения. В 1819 г. было 180 лавок при домах, из них все принадлежали русским торговцам, 23 винных подвала, 18 амбаров. Существовали здесь также мануфактуры, принадлежавшие русским купцам и мещанам (кожевенные, шерстяные, свечно-восковые, сально-свечные, масляные, прянишные)⁶⁵. Всего было в 1839 г. 254 лавки, из них 22 занимали татары (8,6%)⁶⁶.

⁶⁰ Там же. – С. 475.

⁶¹ Там же. – С. 476.

⁶² ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XVII. – №12721. – С. 932–935.

⁶³ Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – №1854. – С. 298.

⁶⁴ Смыкалин А. Судебная реформа 1864 года // Российская юстиция. – 2001. – №5. – С. 39–42.

⁶⁵ НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 216. – Л. 270–281 об.

⁶⁶ НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 1374. – Л. 22–29 об.

В 1800 г. словесным судьей во 2-й части города был Муса Гайсин, в 1804 г. – 40-летний купец 3-й гильдии Сайфулла Салихов, в 1805 г. – Измаил Абдрешитов, 1806 г. – Мукмин Таиров Хозясеитов, в 1807 г. – купец 3-й гильдии 48-летний Мазит Сапкулов, в 1808 г. – купец 3-й гильдии Габейдулла Ибрагимов. В 1839 г. здесь было 152 лавки, из них 58 занимали татары (38%)⁶⁷. Следует отметить, что во второй части города в 1851 г. располагались солодовенный завод купца 1-й гильдии Батурина, свечно-сальные заводы мещан Абдула Мазитовича и Валея Ахметовича Арслановых, Якупа Рахматуллина, Мусы Апсалямова⁶⁸.

Рассмотрим деятельность одного из судей словесного суда. Мукмин Таиров Хозясеитов – царевококшайский и казанский купец 2-й гильдии, основавший в 1799 г. собственную кумачную мануфактуру в деревне Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии, вырабатывавшая в 1790-е годы 7300 кусков кумача при 49 работниках⁶⁹, и 20000 кусков ткани в 1828 г., на которой трудилось 158 вольнонаемных работников⁷⁰, там же располагалась китаечная мануфактура и производство писчей и оберточной бумаги; в 1811 г. он перешел из казанского в арское купечество, при нем был семейный сын Мухаметгалей, сам он проживал в Царевококшайском уезде Казанской губернии⁷¹. Мукмин Хозясеитов в 1834–1835 г. совершал регулярные выезды в казахскую степь, через Орскую заставу, а сумма вывезенного товара в стоимостном выражении составляла от 40 до 55% от общего количества, вывезенного в степь в эти годы⁷². Он являлся владельцем кожевенной мануфактуры и мельницы, располагавшихся в Мамадышском уезде. Там же у него был участок пашенной земли в размере 86 десятин и 164 сажен, сенные покосы (7 десятин и 1200 сажен), строевой и дровяной лес (2235 десятин 138 сажен)⁷³. Статус судьи и купца не являлся гарантией неприкосновенности в будущем от судебных преследований. Так, в 1848–1856 гг.,

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 2284. – Л. 3–14 об.

⁶⁹ Гилязов И.А. Татарское крестьянство Среднего Поволжья во второй половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Гилязов Искандер Аязович. – М., 1982. – с. 120.

⁷⁰ Состояние фабрик и заводов в Казанской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. – 1830. – №11. – С. 48–111.

⁷¹ НА РТ. – Ф.114. – Оп. 1. – Д. 834. – Л. 20.

⁷² ГАОО. – Ф.339. – Оп. 1. – Д.29. – Л. 67 об.–277 об.

⁷³ НА РТ. – Ф. 324. – Оп.734. – Д.741.

когда Мукмин Хозясеитов был купцом 1-й гильдии, его судили в Казанском городском магистрате за подстрекательство к убийству крещеного татарина Гаврилы Петрова и «прочие преступления»⁷⁴.

Третья часть города состояла из татарских слобод, здесь представительство татар было преобладающим. Из 36 лавок 27 принадлежали татарским торговцам (75%)⁷⁵. Таким образом, из источников видно, что словесные судьи являлись представителями тех этноконфессиональных групп населения, которые проживали в Казани. В тех частях города, где татар не было, а именно – четвертая и пятая часть города, не было и словесных судей из них. В 1805 г. в 3-й части города словесным судьей был избран купец 3-й гильдии 42-летний Муса Муксюнов, в 1806 г. – 3-й гильдии купец Давыд Бикбович Китаев, в 1807 г. – сын купца Исаака Измайлова Башир, в 1808 г. – купец 3-й гильдии 56-летний Сагит Измайлов (брат Исаака Измайлова)⁷⁶.

В 1815 году в 3-й части города прошли выборы: 78 купцов голосовали за следующих кандидатов: Измаила Сулейманова (65 купцов высказались положительно за избрание), Казбулата Саинова (66), Адигера Смаилова (64), Габбаса Абдулова Беляева (67), Файзуллу Рахманкулова (68), Мусу Давыдова (58), Исаака Зягоферова (23). Против кандидатуры Исаака Ягоферова высказалось 55 человек, он не был назначен судьей⁷⁷. К присяге их приводил мулла Сагит Ахметев.

Известно, что Казбулат Саинов – мещанин, в 1814–1815 г. торговал сырейнными кожами в Казани на сумму от тысячи до 500 рублей, Файзулла Рахманкулов – мещанин, в 1814–1815 г. торговал от 400 до 700 рублей сырейнными кожами. По сведениям за 1819 г., «по расстроенности капитала торгопроизводство оставил»⁷⁸. Исаак Зягоферов – мещанин, торговавший в Казани в 1814–1815 г. на сумму от 300 до 600 рублей сырейнными кожами, в 1819 г. по неимению собственного

⁷⁴ Там же. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 816.

⁷⁵ Там же. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 1374. – Л. 22–29 об.

⁷⁶ Список татарских купцов, занимавшихся общественной деятельностью в 1793–1808 гг. // История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга 2: Население, конфессии, благотворительность / [авт.-сост. И.К.Загидуллин и др.; отв. ред. и авт. предисловия Н.С.Хамитбаева; под ред. И.К.Загидуллина]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – С. 116–118.

⁷⁷ НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 55.

⁷⁸ История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005. – С. 315–318.

своего капитала оставил занятие торговлей, но по поручению разных торгующих людей все-таки занимался торгпроизводством.

Городское общество, которому предстояло избрать судей или других кандидатов из мещан на выборные должности, должно было принять во внимание имущественное положение кандидата – а именно наличие у него дохода от собственности (процентов с капитала) не менее 50% в год, а также возраст – кандидат должен быть не моложе 25 лет⁷⁹. Исключением из данного законодательного установления могло быть лишь то обстоятельство, что в городе не было более богатых кандидатов, и даже купечество имело такие доходы.

Ответственность судей за решения, не соответствующие законодательству, предусматривала взыскание штрафа. Истцы и ответчики также несли материальную ответственность за «неправые» жалобы на присутственные места. По вексельным долгам и прочим долговым обязательствам с 1740 г. штраф равнялся двум гривнам с каждого рубля за жалобу на один рагушский словесный разбор, а после сенатского указа 1802 года – 5 копеек с рубля при первой жалобе, 10 копеек – второй жалобе и 20 копеек – при жалобе на второе решение суда. При этом судьи и секретари платили штраф в размере 5 копеек с рубля со всей цены имения, или исковой суммы, или искомых процентов⁸⁰.

С введением судебных уставов 1864 г. словесные суды в частях города и при магистратах стали упразднять, и дела, подлежавшие разбирательству этих судов, были подчинены частью ведомству мировых судей, частью ведомству общих судов. Однако это происходило постепенно, по мере появления мировых судов и введения в действие уставов в полном объеме. В Казанской губернии упразднение словесных судов произошло по указу Сената от 4 марта 1869 г.⁸¹

Таким образом, словесные суды Казанской губернии, разгрузив существующие обычные суды от многочисленных исков, способствовали более упрощенному и ускоренному решению коммерческих споров, заняли достойное место в судебной системе, пользуясь доверием и уважением купцов. Материалы рассмотренных словесными судами дел дают представление о характере торговых операций, о взаимоотношениях купечества, указывают на особенности совершения сделок.

⁷⁹ ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXII. – № 16187. – С. 362.

⁸⁰ Там же. – Т. XXVII. – №20127. – С. 31.

⁸¹ Там же. – Собр. 2. – Т. XLIV. – №46813. – С.193.

Несмотря на сословный характер словесных судов и представительство в них весьма небольшой части населения городов – купечества и мещанства (что само по себе являлось пережитком феодальной системы) – в рассматриваемый период они были достаточно прогрессивным явлением, т.к. их деятельность подразумевала равенство всех торгующих (купцов, мещан, крестьян, ремесленников) между собой в сфере защиты предпринимательских прав. Архивные документы свидетельствуют, что даже крестьянин, не умевший читать и писать, мог отсудить у купца положенное вознаграждение за товар, свой труд, причем в короткие сроки и без бумажной волокиты. Судьи старались вынести решение «по справедливости» и «по закону», в ряде постановлений делая ссылки на действующее законодательство, тем самым способствуя проникновению в общество идей равенства сословий, открытости суда, устности, состязательности сторон и других принципов буржуазного права, что не могло не сказаться на формировании гражданского самосознания.

Источники и литература

1. Внутренняя и внешняя торговля Казанской губернии с ее уездами (статистические сведения) // Заволжский муравей. – 1832. – Ч. 2. – №14. – С. 793–794.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.339. Оп. 1. Д.29. Л. 67 об.–277 об.
3. Гафиатуллина Л.Г. Из истории Чистопольского городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX вв. // Государственная и муниципальная служба в России и Татарстане: истоки и современные тенденции развития: [в 3 кн.]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, [28 мая 2009 г., Казань] / [редсовет.: д.с.н., проф. А.Н. Ершов (пред.) и др.]. – Казань, 2009. – Т.1: Материалы [пленарного и секционных заседаний] Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию подготовки кадров для государственной службы в г. Казани. – С. 98–107.
4. Гафиатуллина Л.Г. Общественная деятельность предпринимателей Чистополя во второй половине XIX – начале XX веков // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения: [сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С.М. Михайловой] / [редкол.: Г.П. Мягков (отв. ред.), Р.А. Набиев (отв. ред.) и др.]. – Казань, 2008. – С. 280–284.

5. Гилязов И.А. Татарское крестьянство Среднего Поволжья во второй половине XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Гилязов Искандер Аязович. – М., 1982. – 208 с.

6. Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII–XX вв.: позитивные и негативные результаты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Домрачев Иван Гарриевич. – Н.Новгород, 2008. – 164 с.

7. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Пособие для учителя. – М.: Учпедгиз, 1960. – 395 с.

8. Измайлов Б.И. Казанская татарская ратуша (1781 – 1855 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Измайлов Бахтияр Искандерович. – Казань, 2009. – 230 с.

9. История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005. – 719 с.

10. Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм Шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 07.00.02 / Мухаметзарипов Ильшат Амирович. – Казань, 2010. – 27 с.

11. Мухаметзарипов И.А. Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2010. – №123. – С. 96–100.

12. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 1374. – Л. 22–29 об.

13. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 55.

14. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 216. – Л. 270–281 об.

15. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 2284. – Л. 3–14 об.

16. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 834. – Л. 20.

17. НА РТ. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 816.

18. НА РТ. – Ф. 22. – Оп. 2. – Д. 304.

19. НА РТ. – Ф. 324. – Оп. 734. – Д. 741.

20. НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 2.

21. НА РТ. – Ф. 621. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 5–5 об.

22. НА РТ. – Ф. 901. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8–8 об.

23. НА РТ. – Ф. 901. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 10–12.

24. О штатах канцелярий Татарской ратуши и при ней сиротского и словесного судов в Казани // История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга III: Управление, бюджет, хозяйство / Под ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. – 820 с.

25. О словесных судах в частях города // Свод законов Российской империи. Свод законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских. – Спб.: Типография второго отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1857 г. – Т.10. – Ч.2. – С. 236–237.

26. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). – Собр. 1. – Т. XVII. №12721. – С. 932–935.
27. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XX. – №14392. – С. 260–265.
28. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXI. – №15379. – С. 462–476.
29. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXII. – № 16187. – С. 362.
30. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXVIII. – №21634. – С.842–843.
31. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXVII. – №20127. – С. 31.
32. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXVI. – №20004. – С. 775–778.
33. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. VII. – №5145. – С. 844.
34. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. II. – №961. – С. 241–243.
35. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. I. – №386. – С. 527–528.
36. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XI. – №8797. – С.68.
37. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XI. – №9158. – С. 504.
38. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXIX. – №28704. – С. 4–5.
39. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXIV. – № 17634. – С. 229–230.
40. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXI. – № 15260. – С. 289–291.
41. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XLIV. – №46813. – С.193.
42. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXV. – №24117. – С. 410–411.
43. Рассказов О.Л., Мантул Г.А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4. – С. 138–141.
44. Состояние фабрик и заводов в Казанской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. – 1830. – №11. – С. 48–111.
45. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г., составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. – СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1829. – С. 4–93.
46. Смыкалин А. Судебная реформа 1864 года // Российская юстиция. – 2001. – №5. – С. 39–42.
47. Список татарских купцов, занимавшихся общественной деятельностью в 1793 – 1808 гг. // История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга 2: Население, конфессии, благотворительность / [авт.-сост. И.К.Загидуллин и др.; отв. ред. и авт. предисловия Н.С.Хамитбаева; под ред. И.К.Загидуллина]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 703 с.
48. Указ «О бытии Словесному суду между купцами в Москве и в прочих городах под ведомством Магистратов и Ратуш...» от 5 мая 1754 г. // ПСЗ РИ. – Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. XIV. – № 10222. – С. 66.
49. Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Законодательство Екатерины II: В 2-х т. – М., 2000. – Т. 1. – С. 581–583.
50. Устав торговый. О торговых словесных судах // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 2. – Раздел 4. – С. 286–600.

51. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. – Спб.: [Б.и.], 1863. – С. 5.

Н.А. Кореева

XVIII йөзнец азагы – XIX гасырнын беренче яртысында Казан губернасында сөйләшеп хэл итә торган мэхкамэләр эшчәнлеге

Мәкаләдә Казан губернасында сөйләшеп хэл итә торган мэхкамэләр эшчәнлеге өйрәнелә. Автор мэхкамәдә эшләрне һәм кагэзьләрне алып бару тәртибен карый.

Ачкыч сүзләр: сөйләшеп хэл итә торган мэхкамә, сәүдә эшләрә буенча дэгъвалар, Казан губернасы, татар сәүдэгәрләрә.

N.A. Koreeva

**Activities verbal ships in the Kazan province
(of the end of XVIII – first half XIX centuries)**

The article investigates the activity verbal of vessels in the Kazan province. The author examines the order of proceedings and documentation of the judiciary.

Keywords: verbal court, trade disputes, Kazan province, Tatar merchants

Кореева Наталья Анатольевна – Государственное автономное образовательное учреждение «Колледж малого бизнеса и предпринимательства», преподаватель (г. Казань); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Кореева Наталья Анатолий кызы – Дәүләт автоном белем бирү учреждениесе «Казан кече бизнес һәм эшмәкарлык колледжы», укытучы (Казан шәһәре).

Koreeva Nataliya Anatolievna – State autonomous professional educational Institution «College of small business and entrepreneurship», teacher (Kazan).

Этнокультурные параллели в обрядах детского цикла татар-мишарей и мордвы Республики Мордовия

В статье рассматриваются этнокультурные параллели в традиционных обрядах детского цикла татаро-мишарского и мордовского населения Республики Мордовия. Отмечается, что их сходство вызвано многовековыми контактами этих этносов, близостью социально-экономических условий жизни, а также аналогичными первопричинами появления.

Ключевые слова: этническая культура, обряды детского цикла, традиционные приемы ухода за детьми, лечебные средства, магические действия, обереги.

Неизменным компонентом традиционной обрядности практически всех народов являются ритуалы детского цикла. Они были направлены на обеспечение здоровья роженицы и ребенка, должны были предопределить «судьбу» новорожденного, приобщить его к соответствующим эталонам общинного бытового уклада и семейно-родовой единицы. Посредством них также выражались чувства радости и надежды в связи с появлением нового члена семьи.

В данной статье рассматриваются этнокультурные параллели в обрядности детского цикла татар мишарей и мордвы, проживающих на территории Республики Мордовия. Они сформировались в результате долговременных культурно-бытовых контактов между этими народами.

Значительное место в структуре детской обрядности рассматриваемых этносов занимали различные средства рационального и магического характера, направленные на заботу о маленьких детях. Их главным назначением было сохранение жизни ребенка, обеспечение ему здоровья и благополучия. По своему характеру они представляли собой целый комплекс обычаев, предписаний, разнообразных приемов, тесно переплетавшихся с религиозно-магическими представлениями народов. Даже рациональные средства ухода и лечения детей обычно сопровождалась в той или иной степени сакральными действиями.

В первые месяцы жизни ребенка главной заботой было создание условий для здорового роста малыша, так как характерным демографическим и социальным явлением конца XIX – начала XX в. для

всей российской деревни был высокий уровень детской смертности. В борьбе за их выживание, против различных болезней в народной среде был накоплен определенный опыт, сформировался набор лечебных средств, в которых отразились как суеверно-магические, так и рациональные приемы лечения.

Для сохранения здоровья младенцев в первую очередь старались соблюдать определённые гигиенические нормы, которые обеспечивали профилактику заболеваний. С этой целью придерживались традиционных, веками сложившихся, требований по уходу за ребёнком, его кормлению и содержанию. Большая роль при этом отводилась воде. После появления младенца на свет повитуха обязательно совершала его омовение, которое наряду с гигиеническими целями имело и сакральное значение, связанное с верой в ее очистительную силу. Об этом свидетельствует тот факт, что у татар воду, оставшуюся после обмывания новорожденного, выливали в определенное место, туда, где никто не ходил, чаще всего под дерево. Таким образом старались защитить и мать, и дитя от любого недоброго влияния. Иногда процедуру обмывания как, например, в селах Пензятка и Черемешево Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Лямбирского района Республики Мордовия) дополняли умыванием младенца родниковой водой¹. Порой магическую силу воды старались увеличить полезными свойствами железных предметов. Например, чтобы защитить новорожденного от «сглаза» обмывали водой металлическую ручку или скобу двери, а затем с помощью полотенца обтирали ей лицо ребенка.

Также у мишарей было принято в течение месяца топить баню для роженицы и младенца. Первая такая баня называлась бэби мунчасы (баней новорожденного). В одних селах в нее приглашали помыться родственниц и соседок, которых угощали чаем. В других – в бане мылись только члены семьи. В последнюю очередь, когда спал жар, повитуха провожала в баню молодую мать с младенцем, за это она получала особый подарок². Как правило, повитуха мыла ребенка первые три дня. Но если он был слабым или у него были какие-то проблемы со здоровьем, она могла носить малыша в баню не

¹ Щанкина Л.Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – С. 212.

² Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников татар. XIX – нач. XXI вв. – Наб. Челны, 2013. – С. 124.

только в эти дни, но и больше – четыре дня, две недели, даже месяц – до тех пор, пока новорожденный не окрепнет. Также в бане повитуха через две недели после появления ребенка на свет выводили щетинку, которая якобы вызывала у него чесотку. Для этого она на тело младенца сыпала муку, брызгала грудным молоком матери, затем терла сначала спинку, потом – живот.

У мордвы баню для роженицы и младенца обычно топили в течение трех дней после родов. Перед обмыванием повитуха совершала молян в честь покровительницы воды Ведь авы и «хозяйки» бани Баня авы, в дар последней, под порог клали монету. Если рождалась двойня, то топили баню шесть дней, иначе по поверью душу одного из близнецов могла взять к себе Ведь ава³. Перед тем, как передать роженице ребенка после его купания, повитуха с молодой матерью мыли друг другу руки, а затем бабушка вытирала руки о грудь роженицы со словами: «Наполнись молоком и маслом»⁴. То есть в этом обряде использовались не только очистительные, но и продуцирующие свойства воды.

Как и мишари, мордва придавала первому обмыванию младенца магическое значение, в связи с этим старалась сочетать воду с другими элементами, также обладающими по народным воззрениям определенными сакральными свойствами. Так, во время обмывания повитуха парила ребенка рябиновым веником, чтобы он вырос здоровым и красивым. Иногда мальчиков парили дубовым веником, а девочек березовым. При выполнении этого обряда бабушка говорила: «Не я парю, не я мою – вытираю, а береза (дуб) моет, парит. Пусть будет девочка такая же стройная и красивая как береза (или мальчик таким же сильным и здоровым как дуб)»⁵. Также после родов повитуха парила и роженицу березовым веником, желая ей: «Наливайся силой, молоком, как береза соком». Для того чтобы обеспечить новорожденному богатую жизнь в воду для обмывания клали монеты. Использовались во время первого купания ребенка и железные предметы (нож, ножницы, топор). Они должны были защитить детей от воздействия «нечистой силы». Для этого повитуха

³ Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). – Саранск, 2008. – С. 102.

⁴ ЦГА РМ. – Ф. Р-267. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 31 об.-32.

⁵ Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. – Саранск, 2000. – С. 59.

«окружала» (обводила) ими корыто, куда клала младенца после купания⁶.

Первые шесть месяцев новорожденного было принято пеленать. Пеленки обычно кроили из чистых, но обязательно старых, бывших в употреблении рубах взрослых членов семьи. Использование поношенного белья для завертывания детей имело практическую основу: это было дешевле, чем изготовить новую и, кроме того, стираная одежда была более мягкой и удобной для малыша. Возможно, использование в качестве пеленок одежды близких родственников символизировало также их связь с ребенком. Поверх пеленок младенца туго перевязывали лентой в несколько рядов. Иначе, считали татары-мишари, дитя вырастет кривоногим. Точно такой же обычай существовал и у казанских татар⁷.

Тугое пеленание было распространено и в традиционной культуре финно-угорских народов. Так, у мордвы оно считалось условием спокойного сна новорожденного, а также способом уберечь его от царапания лица. Такой прием признавался и необходимым средством правильного развития его рук, ног, всего корпуса. Карелы поверх пеленок туго окручивали младенца свивальником. Для мальчиков при этом часто использовали отцовский пояс, чтобы они росли мужественными, а для девочек – тесьму, которой привязывали к прялке шерсть или лен, чтобы была работящей. Широким мягким поясом туго обвязывали новорожденного и эстонцы, чтобы у него руки и ноги развивались правильно.

Обязательным элементом одежды новорожденного традиционно была рубашка. У татар ее принято было надевать на малыша лишь на короткое время, обычно в тех случаях, когда навестить его приходили родственники или соседи. В обычное же время старались не делать этого, так как считали, что если маленький ребенок всегда будет находиться в ней, то станет плаксивым и болезненным. Рубашку первенца стирали, гладили и сохраняли для следующих детей, «чтоб братья и сестры были дружными меж собой»⁸. Первую рубашку старались шить из поношенной одежды других членов семьи, придерживаясь мнения, что в этом случае ребенок всегда будет бережно относиться к своему одеянию.

⁶ РФ ГУ НИИГН. Л–56. – Л. 300.

⁷ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С. 266.

⁸ Уразманова Р.К. Указ. соч. – С. 126.

Подобные же представления, связанные с первой рубашкой ребенка, существовали и у мордвы, которая старалась делать ее как можно длинней, чтобы обеспечить младенцу долгую жизнь. Когда ее надевали, то приговаривали: «Ребенок на лавку, а рубашка на свалку». То есть рубашка пусть изорвется, а ребенок вырастет и заведет семью⁹. Мордва старались всех детей крестить в одной и той же рубашке, полагая, как и мишари, что они в этом случае будут дружны между собой. Первую рубашку ребенка хранили до женитьбы или замужества, чтобы он всегда жил с родителями и не покидал их. Этот обычай чаще соблюдался по отношению к девочкам, надеясь, что они выйдут замуж за односельчанина.

Для того чтобы дети выросли более крепкими и здоровыми их по возможности старались кормить грудным молоком до двух-трех лет. С определенного возраста им начинали давать и другую пищу. Мишари приступали к прикорму малышей уже в 3–4 месячном возрасте, тогда как казанские татары делали это лишь в конце первого или в начале второго года жизни детей. Обычно в качестве прикорма использовалась своеобразная соска, которая представляла собой жеванный ржаной кусок хлеба с сахаром или медом, завернутым в бязевую тряпочку¹⁰. Такая соска существовала в конце XIX в. и у других народов Урало-Поволжья. Например, у мордвы в нее завертывался жеванный хлеб, иногда с конопляным маслом, а также свекла, морковь, капуста, яблоко¹¹. Марийцы с помощью такой импровизированной соски подкармливали малышей жидкой кашей и даже супом¹².

Важное место в детском обиходе отводилось колыбели. Как у мишарей, так и у мордвы рассматриваемого региона в основном были распространены подвесные люльки, качавшиеся вертикально. Они могли быть различными по конструкции. Самыми распространенными являлись лубяные и плетеные колыбели. Преимущество их заключалось в том, что они были глубокими и очень удобными. Это давало возможность малышу не только лежать в такой люльке, но и сидеть и даже качаться стоя. На дно колыбели стелили своеобразную перину – продолговатую подушку, набитую пухом или ватой. Под голову клали маленькую подушку. Зимой новорожденного укрывали стеганым одеялом, летом – холщевой тканью.

⁹ ЦГА РМ. – Р-267. – Оп.1. – Д.102. – Л. 1.

¹⁰ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. – М., 1972. – С. 177.

¹¹ Беляева Н.Ф. Указ. соч. – С. 109–110.

¹² Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода. – Тарту, 2011. – С. 108.

Поскольку ребенок в первые месяцы жизни большую часть времени проводил в люльке, ее старались по возможности оградить от враждебных сил. Например, татары зыбку обычно вешали на рябиновую жердь, к ней же привязывали веточки рябины, можжевельника и черемухи. Иногда ветви можжевельника клали и в саму люльку, чтобы джины не могли «подменить» ребенка¹³. То есть в этих случаях растения с сильным запахом и горьким вкусом применялись в качестве апотропеев, по народным поверьям именно эти их качества могли якобы отпугнуть «нечистую силу».

Рябину часто использовали в качестве оберега и мордва. Полагая, что дети наиболее уязвимы для воздействия потусторонних сил в течение первых шести недель их жизни, в течение этого времени у мокши и эрзи было принято держать рябиновые веточки в люльке младенца, или класть их ему в пеленки.

Колыбель также старались располагать вне свободного доступа не только гостей, но и большинства домочадцев. Обычно ее вешали у брачного ложа родителей, которое было укрыто двумя полотнищами занавесей, ограждающими малыша от «сглаза». С люлькой были связаны и многочисленные поверья, в основе которых лежало представление о том, что существует неразрывная связь между нею и ребенком. Например, запрещалось качать пустую зыбку из опасения накликать смерть малышу. Объяснялось это также тем, что колыбель может остаться пустой навсегда, т.е. у хозяев не будет потомства. Также старались не оставлять люльку пустой для чего использовали многочисленные обереги. Мишари в пустую колыбель клали нож, ножницы или старый веник, чтобы «джины не могли подменить ребенка»¹⁴. Подобным же образом поступали и мордва. У них на пустую зыбку вешали замок со словами: «Железной оградой загорожу, железными прутами опутая, железным обручем стягиваю»¹⁵. Часто, как и у мишарей для «охраны» колыбели мордва использовала железные предметы, которые укладывали в нее. Нож и ножницы для предотвращения влияния «дурного глаза» клали в зыбку младенца и другие поволжские народы – марийцы, удмурты, чуваша¹⁶.

¹³ Уразманова Р.К. Указ. соч. – С. 129.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Беляева Н.Ф. Указ. соч. – С. 83.

¹⁶ Молотова Т.Л. Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 89; Христоробова Л.С. Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы

По народным воззрениям особой силой, защищающей люльку от проникновения злых духов, обладал ее полог. У мишарей он представлял собой своеобразную занавеску (чебелдек), которая со всех сторон укрывала люльку малыша. Ее готовили подруги невесты перед свадьбой¹⁷. Такая же традиция – не оставлять колыбель непокрытой бытовала и у мордвы. Они также накрывали люльку покрывалом (вельхтерда), которое использовалось на свадьбе для укрывания лица невесты. Оно, как и у мишарей, шилось подругами невесты из белого холста и украшалось вышивкой. В отличие от других вышивок здесь не употреблялся черный цвет, который обычно служил у мордвы для окантовки контура отдельных элементов орнамента. Использование покрывала во время свадебного ритуала как бы освящало его, делало своеобразным оберегом. Магические функции покрывала усиливали и его узоры. Вследствие всех этих причин им и укрывали детскую колыбель¹⁸.

В сельских семьях молодые матери были вынуждены уже через одну – две недели после родов возвращаться к своим хозяйственным обязанностям. Если в семье не было старших детей или бабушки, которые могли бы присмотреть за малышом, родители вынуждены были брать его с собой даже в поле. В связи с этим в народной практике были распространены специальные приспособления помогавшие в уходе за маленькими детьми. Так, у поволжских татар были широко распространены закрытые тележки для переноса грудных детей (бала арбасы, бәләкәй арба). Подросшего, но не умеющего ещё ходить ребёнка сажали на детский закрытый стульчик (куш), к которому иногда приделывали колесики. Он позволял хозяйничающей по дому матери, не отвлекаясь от работы, следить за своим ребёнком, оградить его от ушибов, когда малыш начинал ходить, но ещё не стойко стоял на ногах¹⁹.

Подобные приспособления бытовали и у мордвы. Широко распространёнными, например, являлись так называемые сиденьки, с помощью которых ребёнка обучали ходьбе. Их делали в форме тележки на колесиках. Малыш цеплялся ручками за спинку сиденьки и мог спокойно стоять. Подрастая, он толкал ее вперед себя и таким

обновления. – Ижевск, 1984. – С. 67; Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994. – С. 118.

¹⁷ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 161.

¹⁸ Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. – Germany, 2011. – С. 135.

¹⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – С. 267.

образом самостоятельно передвигался. Эти же тележки использовались для перевозки младших детей старшими, а также для катания летом с небольшой возвышенности. Чтобы малыш научился самостоятельно стоять, использовали специальные табуретки – стоялки с отверстиями посередине. Ребенка помещали в нее так, чтобы он свободно стоял, облокотившись при этом локтями.

Большое значение в традиционной обрядности всегда имели различные приемы профилактики и лечения детских заболеваний. Согласно народным поверьям многие из них были якобы вызваны результатом действия нечистой силы, колдунов, людей с дурным глазом. Этим, например, объясняли плаксивость, вялость, головные боли, заикание и др. Чтобы отвратить несчастье в народном быту широко применялись различные обереги – амулеты. Мишари в качестве них использовали яркие пуговицы, ракушки, монеты, пришивавшиеся к шапочке или другой части одежды новорожденного. Часто к ручке младенца привязывали яркую нитку, также служившую апотропейным средством. Считалось, что человек, посмотрев на ребенка, в первую очередь бросит взгляд на яркую вещь и на ней оставит весь вред. С этой же целью на лицо младенца наносили пятно черной или красной краской: «в том рассуждении, что, дескать, глаз взглянет, прежде всего, не на лицо, а на марушку и не подействует на здоровье ребенка». Кроме того, в селах Старое Аллагулово Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Ковылкинского района Мордовии) и Татарская Пишля Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Рузаевского района Мордовии), в качестве амулета на шею ребенка вешали в мешочке листок с изречением из Корана («Аятел-Кэрси»)²⁰. Такие амулеты-мешочки связывали веревкой, для придания им силы оберега, и перекидывали над головой ребёнка слева направо. Иногда их также пришивали к рукаву, надевали через правое плечо так, чтобы мешочек с текстом молитвы лежал на левом бедре, привязывали к поясу, которым связывали подол широкой и длинной детской рубахи. Подобные амулеты существовали также у чепецких и касимовских татар²¹.

Аналогичные апотропеи против сглаза бытовали и у соседних народов. Марийцы, как и татары, в качестве оберегов использовали

²⁰ Щанкина Л.Н. Указ. соч. – С. 212.

²¹ Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX вв.). – Ижевск, 2003. – С. 70; Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. – Рязань, 2004. – С. 79.

яркие ленты, монеты, бусины, раковины-каури, которые пришивали к шапочке ребенка²². Удмурты для предотвращения влияния «дурного глаза» на ручку ребенка привязывали цветную нитку, на темя сыпали соль или мазали его сажей²³.

В случае болезни детей прибегали как к рациональным, так и магическим способам лечения.

По мнению мишарей, многие болезни насылали на людей злые духи – пиры. Единственным способом излечения такого больного считалось принесение им жертвы. Предметом жертвоприношения являлась черная курица, которую следовало закопать ночью на перекрестке трех дорог. При этом необходимо произнести: «откуда пришел, иди туда обратно, пусть это лечение принесет пользу; я вам даю жертвоприношение, а вы верните здоровье, больше ничего не просите»²⁴.

Подобный обряд существовал и у мордвы, которая в случае продолжительной болезни младенца устраивала «именник». Он совершался по обету, данному его родителями. В качестве обрядовой жертвы резали курицу, выводившую цыплят. В назначенный день приглашались родственники, крестные, повитуха, знахарка. Собравшиеся молились за выздоровление ребенка и просили помощи у бога, умерших предков, покровительницы дома Куд авы. Кости жертвенной курицы собирали, заворачивали в тряпку и вечером бросали их в реку или закапывали в огороде²⁵.

Причиной возникновения болей в животе мишари считали гнев духа земли – шир иясе. Для того чтобы земной дух снял с больного свой гнев, его необходимо было умиловать. С этой целью знахарь (имче) или знахарка (эби) после полного захода солнца выходили во двор и, выбрав самое чистое место, забивали в землю большой гвоздь. Затем через ворот своей рубахи они лили на этот гвоздь подсоленную теплую воду и произносили следующее заклинание: «Отец земли, мать земли! Если ты меня держишь – отпусти. Я тебе пищу даю, а ты верни ... телу мягкость»²⁶.

Кроме магических приемов в этом случае татары принимали и практические меры. Например, стараясь избавить младенца от болей в животе, пытались «поднять» ему пуповину. Для этого ребёнку кла-

²² Молотова Т.Л. Указ. соч. – С. 70.

²³ Христолюбова Л.С. Указ. соч. – С. 67.

²⁴ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 190–191.

²⁵ Беляева Н.Ф. Указ. соч. – С. 104.

²⁶ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 187.

ли на живот и с силой оттягивали кожу в области позвоночника у поясицы. Или просто поднимали ребёнка под мышки. Боли в животе снимали также и другим способом: солью, углем или ниткой прикасались к больному месту, одновременно читая молитву.

Некоторые из болезней, по мнению мишарей, мог наслать и дух воды – су иясе. В этом случае ему также приносили искупительную жертву – крошки хлеба, соль и прочее, бросая их в воду. Таким же образом «откупались» от покровителей воды в случае болезни и мордва, одаривая их деньгами, пшеном, хмелем.

В народных верованиях вода представляется не только источником возможных болезней, но и очистительным и целебным средством. Мишари считали, что особым магическим свойством обладает вода, взятая из трех источников до восхода солнца. В этой воде купали больного ребенка.

Лечение детей с помощью воды практиковалось и мордвой. Особо ценной считалась непочатая вода, которую набирали рано утром. У мордвы знахарки собирали ее по капле, с кончика ножа, одновременно обращаясь к Веды аве (покровительнице воды) за помощью. Такой водой обмывали больного ребенка дома или прямо у водоема. При этом часто лили ее через решето или капали с какого-либо железного предмета (косы, ножа). С помощью ножа целебную воду вливали и в рот²⁷. Таким образом, лечебную силу воды старались увеличить полезными свойствами железных предметов. Иногда для этого использовались и угли. Водой «с угольков» спрыскивали, например ребенка, который много плакал²⁸.

Значительное место в традиционной практике населения мордовского края, связанной с лечением детей, принадлежит и огню. Это объясняется его обеззараживающими, очищающими свойствами, которым придавалось сверхъестественное значение. Например, очень часто больным людям давали пить настой золы. Самим же огнем и таким производными от него как угольки или искры лечили многие кожные заболевания (экзему, чесотку, грибок). Так, мишари полагали, что прыщики на теле исчезнут, если их три раза обвести угольком, приговаривая: «откуда пришел, иди туда обратно». Этим же способом «лечили» лишай²⁹. У мордвы кожные болезни также лечили с помощью искр, которые высекали кресалом.

²⁷ Mainov W. *Lez restes de la mythologie Mordvine*. – Helsingissa, 1889. – S. 39.

²⁸ Корнишина Г.А. Экологические воззрения мордвы. – С. 105.

²⁹ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 188.

Довольно часто в качестве лечебных средств мордва и татары использовали когти, зубы или мех животных. Например, лямбирские мишари при «лечении» от испуга употребляли когти медведя или зайца. Такое почтительное отношение к данным животным Р.Г. Мухамедова объясняет пережитками тотемизма. Свою гипотезу она подтверждает тем, что почти в каждом мишарском селении какая-нибудь группа родственников имеет псевдоним аю халкы или аюныкы, который можно перевести как «люди из рода медведя». Возможно, в древности для предков этого рода медведь представлял особо почитаемого зверя, т.е. тотем³⁰. Интересно отметить, что касимовские татары в случае тяжелой болезни ребенка приглашали сергачских мишарей, которые ходили по деревням с ручным медведем. Он считался зверем, способным выгнать нечистую силу. Его три раза обводили вокруг жилища и заводили в дом, где лежал больной ребенок³¹.

Возможно, что подобное отношение к медведю эти группы татар восприняли от финно-угорских народов, в соседстве с которыми они проживают длительное время. Так, у мордвы медведь с давних пор считался носителем доброго начала. По народным поверьям он является помощником и охранителем человека, потому что состоит в родстве с людьми и приходится им собратом. Об этом говорится во многих песнях, легендах и сказках мордвы³². Поэтому медвежьи черепа часто применялись в качестве оберега от «нечистой силы»: их держали в хозяйственных помещениях, конюшнях, на пасаках и т.п. Те, у кого их не было, вводили во двор живых медведей, за что платили владельцам последних большие деньги. Если медведь упирался и не шел к кому-то во двор, то полагали, что там водится нечисть. Почитание медведя широко было распространено и среди других финно-угорских народов. Так, марийцы, ханты, манси связывали с ним благополучие на охоте, плодородие полей, многочадие. Удмурты называли его «старым мужичком» и считали, что он способен наказывать злых людей, причиняющих зло своим сородичам. В карельском фольклоре медведь часто выступает покровителем положительного героя³³.

В верованиях мишарей имелись представления о духах отдельных болезней, таких как оспа, корь, грыжа и т. д., которые так и называ-

³⁰ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 188–189.

³¹ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. – С. 80.

³² Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. – СПб., 1910. – С. 150.

³³ Брыжинский В.С. Народный театр мордвы. – Саранск, 1985. – С. 93.

лись ияле авыру («болезни, имеющие своих духов»). Они якобы могли быть излечимы только лишь жертвоприношением в честь хозяина болезни. Так, оспа персонифицировалась в виде особого существа (чэчэк иясе). Для его умилостивления варили жертвенную кашу (чэчэк боткасы). Над ней молился о здоровье больного специально приглашенный знахарь, которого в благодарность одаривали отрезом красного ситца. Иногда чэчэк иясе вместе с кашей жертвовали и петуха.

Грыжа (грыз) представлялась мишарям в виде злого существа с когтистыми лапами. Болевые ощущения при грыже объясняли тем, что злой дух грызет внутренние органы человека. Для того чтобы вылечить грыжу, на оголенный живот больного сажали живую мышь. При этом кто-либо из присутствующих спрашивал другого: «Что грызу?», а тот отвечал: «Грыжу грызу». После трехкратного повторения вопроса и ответа знахарь произносил: «Луна и солнце избавляются от нечистых сил... и ты избавься»³⁴.

Подобный магический обряд лечения грыжи применялся и мордвой. Для этого грыжу накрывали платком и таким образом «грызли» ее, несколько раз сплевывая при этом через левое плечо. Делал это старший или, наоборот, младший ребенок в семье. Во время обряда он произносил следующие слова:

Я грызу грыжу,

Я бью грыжу (упоминается имя больного).

Из руки, из красной крови, из суставов и костей,

Я грызьмя сгрызу и боймя выбью³⁵.

В народной практике лечения детских болезней, наряду с магическими, использовались и утилитарные средства. Так, у мишарей, если к положенному сроку малыш не начинал ходить, повитуха регулярно натирала и массажировала ему поясницу в бане. Применялись мордвой и мишарями и различные настойки, отвары, припарки, мази из растительных средств. Например, кожные заболевания, в частности, чесотку лечили отваром девясила или чистотела, которым обмывали детей в бане. От стоматита употребляли отвары зверобоя, а масло из него использовалось как средство лечения опрелостей, пролежней, гнойничков, лишая. Ромашка, душица, мать-и-мачеха были незаменимы при простудных заболеваниях и лечении ангины. Настойки из мяты использовались как болеутоляющее, успокаиваю-

³⁴ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 191.

³⁵ Шахматов А.А. Указ. соч. – С. 168.

щее средство. Для профилактики и лечения простудных заболеваний детям давали отвары плодов и листьев смородины, шиповника. От поноса их поили отваром ягод черемухи, черники, дубовой коры.

У мишарей и мордвы, как и у других народов Поволжья и Приуралья, имело место использование различных снадобий животного происхождения. Например, медвежье сало применяли при заболеваниях нервной системы, медвежий и барсучий жир – при лечении воспаления легких и бронхов. Обожженные или обмороженные участки тела смазывали свежим гусиным жиром. Высоко ценились лечебные свойства молока и молочных продуктов. Теплое молоко с маслом считалось первым средством от ангины, кашля. Кроме того, теплое молоко капали в уши при сильных болях. В с. Пензятка младенцам в этом случае капали материнское молоко. Простокваша, сыворожка были прекрасным способом лечения желудочно-кишечного тракта. Коровье масло применяли для выведения цыпок у детей³⁶.

Одним из важнейших лекарственных средств у всех народов Волго-Уральского региона, в том числе мордвы и татар, был мед, который, по мнению последних «исцеляет от 70 болезней»³⁷. Он считался испытанным народным средством при простудных заболеваниях, во время которых часто употреблялся с молоком, соком свеклы, редьки, спиртовыми настойками. В горячем виде им также натирали пятки и грудь. Кроме меда, в качестве лекарственных веществ с широким спектром действия использовались и другие продукты пчеловодства – пчелиный клей-прополис, маточное молочко, пчелиный хлеб (перга), воск, пчелиный яд, которые наделялись большой целительной силой.

Подводя итог сказанному, отметим, что традиционные приемы и способы ухода за малолетними детьми во многом сходны у татаро-мишарского и мордовского населения Республики Мордовия. Это связано, прежде всего, с тем, что они принадлежат к единому культурно-хозяйственному типу. Подобные традиции ухода за малолетними детьми, в которых переплетались суеверно-магические и рациональные методы бытовали также и у других народов поволжского региона. Как справедливо замечает Л.С. Христоробова, «возникновение у разных народов одинаковых обычаев, помимо сходства социально-экономических условий жизни, может быть объяснено

³⁶ Шанкина Л.Н. Указ. соч. – С. 212.

³⁷ Мухамедова Р.Г. Указ. соч. – С. 48.

единой первопричиной появления их: загадочным, с точки зрения древнего человека, рождением ребенка, большой смертностью детей и стремлением сохранить их, а также желанием обеспечить женщине дальнейшую способность к деторождению, а ребенку – будущее»³⁸.

Источники и литература

1. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. – Саранск, 2000. – 260 с.
2. Брыжинский В.С. Народный театр мордвы. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1985. – 168 с.
3. Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX вв.). – Ижевск, 2003. – 300 с.
4. Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 156 с.
5. Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. – Germany, Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 371 с.
6. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – 248 с.
7. Молотова Т.Л. Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. – С.85–93.
8. РФ ГУ НИИГН. Л 56. Извлечения из архива М. Е. Евсевьева.
9. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары: Чувашский гуманитарный ин-т, 1994. – 339 с.
10. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
11. Уразманова Р. К. Праздничная культура и культура праздников татар. XIX – нач. XXI вв. Историко-этнографические очерки. – Наб. Челны, 2013. – 189 с.
12. Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. – Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1984. – 127 с.
13. ЦГА РМ. – Ф. Р-267. – Оп. 1. – Д. 89. Записная книжка М.Е. Евсевьева.
14. ЦГА РМ. – Ф. Р-267. – Оп.1. – Д. 102. Творческие материалы М.Е. Евсевьева.
15. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры сер. XIX – нач. XX вв. / Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2004. – № 33. – 129 с.

³⁸ Христолюбова Л.С. Указ. соч. – С. 69.

16. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. – СПб., 1910. – 848 с.

17. Щанкина Л.Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения: дисс. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – 279 с.

18. Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода. Тарту, 2011. – 219 с.

19. Mainov W. Lez restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. – S. 4–291.

Г.А. Корнишина

Мордовия республикасында татар-мишәрләр һәм мукшы халкы балалар циклы йолаларында этно-мәдәни охшашлыклар

Мәкаләдә Мордовия республикасы татар-мишәр һәм мукшы халкы традицион балалар циклы йолаларында этно-мәдәни охшашлыклар ачыклана. Аларның охшашлыгы ике этнос арасындагы күп гасырлык элементләр, социаль-иқтисади тормыш шартларының охшашлыгы һәм башка сәбәпләр белән аңлатыла.

Ачкыч сүзләр: этник мәдәният, бабалар циклы йолалары, бала карауның традицион ысуллары, дөвалуа чаралары, магик хәрәкәтләр, саклагыч бөти.

G.A. Kornishina

Ethno-cultural Parallels in the rites of child cycle Mishar Tatars and Mordvins of the Republic of Mordovia

The article discusses the ethno-cultural Parallels in the traditional rites of the cycle of child Mishar Tatars and Mordvins living in the Republic of Mordovia. It should be noted that they are due to centuries-old contacts of these ethnic groups, similar socio-economic conditions, and the causes of these rites are similar in both ethnic groups.

Keywords: ethnic culture, rites of child cycle, the traditional methods of caring for young children, methods of treating diseases, magic, charms.

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева (г.Саранск); e-mail: G.Kornihina@mail.ru

Корнишина Галина Альбертовна – тарих фәннәре докторы, Н.П.Огарев исемендәге Мордовия дөүләт университеты Россия тарихы кафедрасының профессоры (Саранск шәһәре).

Kornishina Galina Albertovna – Doctor of historical sciences, professor of the Department of History of Russia, N.P.Ogarov Mordovian State University (Saransk).

История города Свияжска на страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете»

В статье дается комплексный анализ опубликованных в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» материалов по истории г. Свияжска и Свияжского уезда XVI – начала XX вв.

Ключевые слова: г. Свияжск, Свияжский уезд, Общество археологии, истории и этнографии, «Известия Общества археологии, истории и этнографии».

Знание истории малых городов Среднего Поволжья и их округ весьма важно с точки зрения изучения общеисторических процессов в региональном аспекте. Помимо того, история Свияжска актуальна и в связи с возрождением острова-града как историко-архитектурного музея-заповедника.

Историография изучения истории города Свияжска ведет свое начало с XIX в. В этом плане известны некоторые работы таких исследователей второй половины XIX – начала XX вв., как И.М. Покровского, Н.П. Загоскина, А.П. Орлова, А.П. Яблокова, П.Л. Юдиной и др.¹

¹ Орлов А.П. Описание городских поселений Казанской губернии. – Вып. I. – Казань. – 1885; Загоскин Н.П. Казанский край в смутное время. – Казань. – 1891. – 257 с.; Юдина П.Л. Свияжский Иоанно-Предтеченский девичий монастырь и его замечательные святые. (Краткий исторический очерк). – Казань. – 1897. – 40 с.; Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. – Казань. – 1902. – 80 с.; он же. Казанский Архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г.: Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. (В память 350-летия существования Казанской епархии 1555–1905 гг.). – Казань, 1906. – 308 с.; он же. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. – Вып. II. – Казань, 1904. – 420 с.; вып. III. – Казань, 1916. – 195 с.; он же. К истории поместного и экономического быта в Казанском крае в половине XVII в. – Казань. – 1909; Яблоков А.П. Город Свияжск Казанской губернии и его святые: историко-археологический очерк, читанный в заседании членов церковного историко-археологического общества Казанской епархии. – Казань, 1907. – 211 с.

Также большую роль в изучении местной истории сыграли научные общества, которые, «в силу концентрации там научных работников»², в большинстве своем создавались при местных университетах. Вслед за другими научными обществами, после проведения в марте 1878 г. в Казани IV Археологического съезда и по инициативе его участников, в числе первых в России, было создано «Общество истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете» (далее – ОАИЭ). Это было одно из ведущих европейских научных обществ своего времени. Оно занималось «вопросами истории, археологии и этнографии восточных народов Российской империи на территории бывших Казанско-Астраханского и Булгарско-Хазарского царств»³.

ОАИЭ собирало и представляло общественности сведения и археологические, исторические, этнографические материалы, проводило экспедиции, занималось охраной памятников и их реставрацией. Деятельность ОАИЭ нашла свое отражение в его основном печатном органе – «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете»⁴.

Наряду с прочими, на страницах ИОАИЭ в различных статьях, очерках ученых, историков-краеведов – членов Общества нашли отражение и некоторые вехи истории г. Свияжска и уезда середины XVI – начала XX вв. По тематике повествования их можно разбить на 5 групп: 1 – основание и застройка города-крепости, проблемы

² Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979. – С. 18.

³ Астафьев В.В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. – 2011. – №1. – С. 81.

⁴ «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (далее – ИОАИЭ) издавались в 1878–1929 гг. В свое время это научное периодическое издание было весьма популярно среди специалистов в области гуманитарных наук и занимало особое место в изучении не только отечественной, но и всеобщей истории. Серия номеров журнала, насчитывающая более 30 томов за всю историю его существования, получила всеобщее признание ведущих научных и образовательных центров России, а также крупнейших зарубежных университетов. С 2014 г. в К(П)ФУ возобновлен выпуск обновленной версии этих «Известий...», ныне издающихся ежеквартально – по четыре раза в год. См. подробнее: <http://kpfu.ru/glavnaya/v-kazani-obsuzhdajut-rol-obschestva-arheologii-71772.html>

фортификации Свияжска и уезда (статьи М.К. Каргера, В.Л. Борисова); 2 – управление г. Свияжском и уездом, статистика (работа Д.А. Корсакова); 3 – вопросы экономики, землевладения и землепользования (статьи Н.Ф. Катанова, А.В. Васильева); 4 – образование и духовная сфера (труды ученого-историка И.М. Покровского, К.В. Харламповича); 5 – изучение и охрана памятников (работы «В.Б.» – В.Л. Борисова (?), С.И. Порфирьева, И.А. Износкова, Н.Ф. Калинина).

В деятельности ОАИЭ интерес к проблемам прошлого г. Свияжска, его округи проявляется не сразу. Вначале, в первом томе ИОАИЭ появляется заметка деятеля народного образования, известного ученого-краеведа, действительного статского советника *И.А. Износкова* (1835–1917) «Заметки о городках, курганах, и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках», в которых упоминаются села Свияжского уезда Моркваша и Красновидово⁵.

Из протоколов заседаний ОАИЭ узнаем о том, что на заседании 28 апреля 1882 г. было рассмотрено отношение Казанской Духовной Консистории от 15 апреля 1882 г. за № 1388, в котором Консистория просит Общество осмотреть древнюю деревянную Троицкую церковь XVI в., находящуюся в Свияжском Иоанно-Предтеченском монастыре и требующую ремонта. Решено было отправить в Свияжск члена Совета Общества П.А. Пономарева и члена-сотрудника Общества архитектора Х.Г. Пашковского для осмотра церкви, подготовить сообщение о возможности ремонта с наименьшим изменением ее вида и строгим сохранением древних форм⁶.

На заседании 22 января 1895 г. выступил математик, гласный Свияжского земства, профессор Казанского университета *А.В. Васильев* (1853–1929)⁷ с докладом «К истории русского землевладения в Свияжском уезде Казанской губернии (о писцовой книге Ки-

⁵ Износков И.А. Заметки о городках, курганах, и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках // ИОАИЭ. – 1878. – Т. 1. – С. 110–114.

⁶ Протокол 27 заседания от 15 апреля 1882 г. // ИОАИЭ. – 1884. – Т. 5. – С. 5.

⁷ Бажанов В.А. Александр Васильевич Васильев, 1853–1929: Ученый, организатор науки, общественный деятель. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.

кина)⁸». После чего А.В. Васильев выразил пожелание о том, чтобы Общество нашло средства для издания Свяжской писцовой книги⁹.

В статье «Историографическое описание Казанской губернии» Капитона Милковича¹⁰ В.Л. Борисов уделил внимание укреплениям Свяжского уезда, в частности у татарской деревни Тавлин.

В томе 14 (выпуск 5) ИОАИЭ за 1898 г. была помещена заметка известного казанского тюрколога, профессора Казанского университета и Казанской духовной академии Н.Ф. Катанова (1862–1922) «Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свяжского уезда, по копии И.Н. Юркина»¹¹, в которой говорится об отмежевании земель ясачным татарам. Выпись «по указу великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца, и по помете на челобитной дьяка Алексея Юдина» была дана вследствие жалоб на отнятие земель соседями¹². В ней, кроме татар, упоминаются чуваша, мордва, мешчеряки.

В томе 16 ИОАИЭ за 1900 г., в разделе «Хроника», имеется заметка «В.Б» (В.Л. Борисова?) «Находки в Свяжском уезде» – о найденном в мае 1899 г. вблизи д. Азбаба Ивановской волости Свяжского уезда кладе старых московских, новгородских и псковских монет¹³.

18-й том (выпуски 4–6) содержит «Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в.»¹⁴ Д.А. Корсакова, который включает в себя «Список алфавитный Казанской провинции дворянам и прочим владельцам» (1771–1773), принадлежавший известному казан-

⁸ Васильев А.В. К истории землевладения в Свяжском уезде // ИОАИЭ. – 1895. – Т. 12. – Вып. 6. – С. 602–612. Через некоторое время список с этой писцовой книги был опубликован, с «Предисловием «протоиерея и церковного историка А.Д. Яблочкина. См.: Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.) / Издание Церковного Историко-Археологического Общества Казанской Епархии. – Казань, 1909. – 143 с.

⁹ Протоколы общих собраний // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 471.

¹⁰ Борисов В.Л. «Историографическое описание Казанской губернии» Капитона Милковича // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 497–518.

¹¹ Катанов Н.Ф. Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свяжского уезда, по копии И.Н. Юркина // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 361–362.

¹² Там же. – С. 361.

¹³ В.Б. Находки в Свяжском уезде // ИОАИЭ. – 1900. – Т. 16. – С. 63.

¹⁴ Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. // ИОАИЭ. – 1908. – Т. 18. – Вып. 4–6. – С. 1–367.

скому нумизмату и коллекционеру Н.П. Лихачеву, и «Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества» (1780–1783), извлеченные Д.А. Корсаковым из бывшего Московского Архива Министерства Юстиции.

«Документы...» Д.А. Корсаков разделил на 4 группы: 1) «Копии с документов, заключающих в себе дополнительные распоряжения по открытию Казанской губернии в ее теперешних границах (1780–1781)»¹⁵; 2) «Копии с документов, относящихся к открытию и к первым годам существования Казанского наместничества (1781–1789)»¹⁶; 3) «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня 1781 г.»¹⁷; 4) «Ведомости о наместничестве Казанском»¹⁸.

В «Ведомостях...» даны перечень всех селений Свяжского уезда Казанской губернии, статистика, социально-этнический состав населения уезда и г. Свяжска, список дворян, имеющих поместья в Свяжском уезде.

В целом, «Сборник материалов...», собранный и изданный ученым-историком В.Д. Корсаковым в 18 томе ИОАИЭ, имеет для изучения истории г. Свяжска и Свяжского уезда второй половины XVIII в. важное значение. Ввиду источниковой ценности для изучения истории Казанского Поволжья XVIII в., позднее материалы Д.А. Корсакова были переизданы в виде отдельного издания-оттиска из ИОАИЭ¹⁹.

В отличие от предыдущей эпохи деятельности ОАИЭ, в начале XX в. в его «Известиях...» начали публиковаться отдельные очерки и статьи обобщающего характера, затрагивающие различные аспекты истории г. Свяжска и уезда.

В частности, профессор Казанской духовной академии, историк русской церкви *И.М. Покровский* (1865–1941)²⁰ в своей работе «К ис-

¹⁵ Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. // ИОАИЭ. – 1903. – Т. 18. – Вып. 4–6. – С. 1.

¹⁶ Там же. – С. 21.

¹⁷ Там же. – С. 123.

¹⁸ Там же. – С. 159.

¹⁹ Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. – Казань, 1908. – 477 с.

²⁰ Тропольская Н.Е. Иван Михайлович Покровский // Официальный сайт Казанской Духовной Семинарии: URL: <http://kds.eparhia.ru/publishing/vestnik/seventeenth/pokrovskiy/>

тории казанских монастырей до 1764 года»²¹ раскрыл историю учреждения и деятельности Свяжского Богородицкого монастыря в контексте создания казанских монастырей и истории русской церкви²².

Свяжский Богородице-Успенский мужской монастырь был учрежден в 1555 г. с целью утверждения и распространения христианства среди местного населения, при нем всегда существовала школа. В очерке перечислены все вотчины монастыря. В смутное время «от воровских людей» в нем отсиживались воеводы, дворяне, боярские дети, служилые и земские люди, и даже татары²³.

Сложное время для монастырей и монастырских вотчин наступило с принятием соответствующих указов Петром I. В 1702 г., для переписи церквей, церковной утвари, икон и денег, в Свяжский Богородицкий монастырь был направлен переписчик стольник Стефан Юрьевич Митусов²⁴. Братии Свяжского монастыря было положено определенное жалованье, однако оно было выдано лишь за первое полугодие (с 1 января 1702 г. по 1 июля 1702 г.). 2 ноября 1702 г. были написаны челобитные в Монастырский приказ с просьбой о разрешении взятия положенного жалованья из монастырских денег. Таким образом, свяжские монахи 4 месяца оставались без жалованья. Свяжский Богородицкий монастырь имел при себе больницу, которая была своего рода психиатрической лечебницей²⁵. В 20-х гг. XVIII в. для низших духовных чинов в Свяжском монастыре имела-сь «земляная тюрьма»²⁶.

В очерке также представлены женские монастыри, материальное положение которых в XVIII в., вплоть до учреждения штатов в 1764 г., было достаточно тяжелым²⁷. Иоанно-Предтеченский свяжский монастырь испытывал большие затруднения в содержании храмов и монахинь, так как вдвое было сокращено денежное и хлеб-

²¹ Покровский И.М. К истории Казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. – 1902. – Т. 18. – С. 1–80.

²² Там же. – С. 12.

²³ Там же. – С. 11.

²⁴ Там же. – С. 30.

²⁵ Там же. – С. 73.

²⁶ Там же. – С. 78.

²⁷ Там же. – С. 56.

ное жалование²⁸. В упомянутый очерк И.М. Покровским также включены описания монастырей.

Русский и украинский церковный историк, богослов, председатель ОАИЭ *К.В.Харлампович* (1870–1932) в своем очерке «Новокрещенские школы в XVIII в.»²⁹ описал состояние новокрещенских школ Свияжска и Казани до 40-х годов XVIII в., представил в 1733, 1740 и 1742 гг. проекты учреждения новокрещенских школ в Свияжске, Казани, Царевококшайске и Елабуге. Вслед за покорением Казани, первый казанский архиепископ Гурий предполагал применить школьное обучение для обращения в христианство казанских инородцев³⁰. В XVIII в. программа преподавания в Свияжской новокрещенской школе стала несколько отличаться от программы Казанской (по официальным донесениям, с 1732 г.): в Казанской школе обучали «славяно-латинским наукам», в Свияжской же – «славяно-российской грамматике»³¹.

Свияжская новокрещенская школа была основана в 1731 г. В 1734 г. для нее было построено особое здание. Обучал детей «инородцев» Василий Свенццкий.

При мужском монастыре г. Свияжска существовала также русская школа, которая была учреждена по указу архиепископа Илариона Рогалевского в 1733 г. и располагалась «под одной из каменных церквей монастыря». Обучение служилых и крестьянских детей монастыря вели монахи.

В 1749 г. для свияжской новокрещенской школы было построено новое деревянное здание.

В томе 24 «Известий...» за 1908 г. содержится «Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанскою губерниею с 1708 г. по 1908 г. включительно»³²,

²⁸ Там же. – С. 61.

²⁹ Харлампович К.В. Новокрещенские школы в XVIII в. // ИОАИЭ. – 1905. – Т. 21. – Вып. 1. – С. 1–91.

³⁰ Там же. – С. 3.

³¹ Там же. – С. 18.

³² Порфирьев С.И. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанскою губерниею с 1708 г. по 1908 г. включительно // ИОАИЭ. – 1908. – Т. 24. – С. 1–9, 1–14, 1–13 (разд. паг.).

составленный В.Д. Корсаковой, с предисловием профессора Д.А. Корсакова. В предисловии показано развитие управления губернией в XVI–XVIII вв.

В «Списке...» приведены сведения об основании г. Свияжска, перечислены начальствующие лица г. Свияжска, составлен «Азбучный указатель личных имен к списку правителей Казанской губернии и ее городов»³³, содержащий список воевод и губернаторов Казанской губернии со второй половины XVI в. Перечисленные в указателе воеводы управляли Свияжском и уездом в XVI–XVII вв.

Историк-медиевист *С.И. Порфирьев* (1869–1942) был активно действующим членом ОАИЭ, сотрудником статистического бюро земства³⁴. В своей статье «Списки воевод и дьяков по Казани и Свияжску, составленные в XVII ст.»³⁵ он привел имена воевод и дьяков по Казани и Свияжску. Вместе с тем, архивист писал о сомнительности некоторых данных. Например, казанский список обладал для XVI в. неполными и случайными сведениями, в результате ни одного из бояр, правивших в XVI в., авторы XVII в. не называют наместником³⁶. С.И. Порфирьев не стал сопровождать издание списков результатами их сопоставления с данными других списков. Основу его списка составили акты воеводского управления и переписка воевод с приказами.

Опубликованные С.И. Порфирьевым «Списки...» находились в рукописной разрядной и родословной книге, принадлежавшей ландрату Желябужскому. Особое значение в этой книге имеют имена свияжских дьяков XVI в., не включенных в другие списки.

В томе 26 за 1911 г. опубликована библиографическая заметка С.И. Порфирьева о «Списке с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Издание Церковного Историко-Археологического Общества Казанской Епархии. Казань, 1909»³⁷.

³³ Порфирьев С.И. Список начальствующих лиц... – С. 1–14.

³⁴ Порфирьева И. С.И. Порфирьев и его дневник // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2010. – № 1–2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_1_2/07/01/

³⁵ Порфирьев С.И. Списки воевод и дьяков по Казани и Свияжску, составленные в XVII ст. // ИОАИЭ. – 1911. – Т. 27. – С. 61–74.

³⁶ Там же. – С. 62.

³⁷ Порфирьев С.И. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андрееви-

С.И. Порфирьев ставил целью заметки выяснить, насколько появление Свяжской писцовой книги в печати освобождает исследователей от чтения ее рукописного варианта. В основу своего текста издатели предпочли положить поздний список, хотя им был известен список времен Ивана Грозного. Издавая новый список, «издатели местами приписали по архивскому списку разночтения и многое исправили»³⁸. С.И. Порфирьев уделяет значительное внимание разночтениям. Однако заметка является лишь материалом для ответа на поставленный вопрос – можно ли обходиться без использования оригинала документа, имея его издание.

В статье «Разинщина в Казанском крае»³⁹ автор упоминает события, связанные с подавлением разинского восстания 1670 г. С.И. Порфирьев отметил, что не встретил никаких указаний на то, что Казань и ее округа были в какой-либо мере затронуты разинским движением. Однако в Свяжске власти в июне 1670 г. начали испытывать беспокойство, ожидая нападения. Воеводе Постнику Огареву было велено из Казани создать в Свяжском уезде «в которых местах пригоже»⁴⁰ заставу для защиты от возможного прихода башкирцев. Однако Свяжску ратные люди не понадобились. Театр военных действий развернулся на юге Свяжского уезда, у дер. Бурундуки. Здесь силы свяженина Михаила Есипова соединились с силами Юрия Борятинского на его пути к Симбирску, и вместе они «побили много воровских людей»⁴¹. Далее к югу, под селом Куланги, 20 сентября Борятинским были разбиты казаки и «инородцы».

В советский период деятельности Общества по теме истории г. Свяжска и уезда увидели свет две статьи: ученого-археолога и музееведа *Н.Ф.Калинина* (1888–1959) и историка архитектуры, археолога *М.К.Каргера* (1903–1976).

В статье «О русском крестьянском зодчестве (по наблюдениям в с. Красновидове, Свяжского кантона Татареспублики)»⁴² *Н.Ф. Кали-*

ча Кикина (1565–1567 г.). Издание Церковного Историко-Археологического Общества Казанской Епархии. Казань, 1909 // ИОАИЭ. – 1911. – Т. 26. – С. 276–284.

³⁸ Там же. – С. 279.

³⁹ Порфирьев С.И. Разинщина в Казанском крае // ИОАИЭ. – 1916. – Т. 29. – С. 289–366.

⁴⁰ Там же. – С. 303.

⁴¹ Там же. – С. 306.

⁴² Калинин Н.Ф. О русском крестьянском зодчестве (по наблюдениям в с. Красновидове, Свяжского кантона Татареспублики) // ИОАИЭ. – Т. 33. – Вып. 1. – Казань, 1925. – С. 93–104.

ниным были поставлены вопросы народного искусства, выявлены и описаны типы построек, составлены 2 таблицы для собирания сведений о крестьянских постройках (наружный вид).

М.К.Каргер писал о возведении г. Свияжска и о его крепостных сооружениях⁴³, особое внимание уделил биографическим данным инженера-архитектора г. Свияжск Ивана Григорьевича Выродкова⁴⁴, этимологии города, по писцовой книге г. Свияжска 1565–1567 гг. составил описание стен и башен крепости и второй линии обороны – острога, повторявшего рельеф местности.

Таким образом, члены ОАИЭ при Императорском Казанском университете – историки-ученые, краеведы – изучали различные аспекты истории г. Свияжска и округа середины XVI – начала XX вв. Значительное место в их трудах занимают вопросы истории, древностей Казанской губернии, в т.ч. и Свияжского уезда. Интерес к самому городу более наглядно проявляется в конце XIX – начале XX вв., когда описывается церковное устройство города, поднимаются проблемы православного просвещения, что характеризует «Известия» ОАИЭ как важный источник по истории острова-града и округи в XVI – начале XX вв.

Источники и литература

1. Астафьев В.В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. – 2011. – №1. – С. 81–85.

2. Бажанов В.А. Александр Васильевич Васильев, 1853–1929: ученый, организатор науки, общественный деятель. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.

3. Борисов В.Л. «Историографическое описание Казанской губернии» Капитона Милковича // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 497–518.

4. Васильев А.В. К истории землевладения в Свияжском уезде // ИОАИЭ. – 1895. – Т. 12. – Вып. 6. – С. 602–612.

5. В.Б. Находки в Свияжском уезде // ИОАИЭ. – 1900. – Т. 16. – С. 63.

6. Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках // ИОАИЭ. – 1878. – Т. 1. – С. 110–114.

7. Историко-культурные комплексы Республики Татарстан // URL: <http://1997-2011.tatarstan.ru/append91.html>

⁴³ Каргер М.К. Крепостные сооружения Свияжска // ИОАИЭ. – 1929. – Т. 34. – Вып. 3–4. – С. 131–151.

⁴⁴ Там же. – С. 136.

8. Калинин Н.Ф. О русском крестьянском зодчестве (по наблюдениям в с. Красновидове, Свяжского кантона Татарской Республики) // ИОАИЭ. – 1925. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 93–104.
9. Каргер М.К. Крепостные сооружения Свяжска // ИОАИЭ. – 1929. – Т. 34. – Вып. 3–4. – С. 131–151.
10. Катанов Н.Ф. Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свяжского уезда, по копии И.Н. Юркина // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 361–362.
11. Комплекс исторических зданий в Свяжске // URL: <http://culture.ru/atlas/object/711>
12. Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. // ИОАИЭ. – 1908. – Т. 18. – Вып. 4–6. – С. 1–367.
13. Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. – Казань, 1908. – 477 с.
14. Маслова И.В. Провинциальный уездный город Российской империи XIX–XX вв.: на материалах Вятской губернии // URL: <http://e-histconf2011.livejournal.com/5942.html>
15. Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. – 1902. – Т. 18. – С. 1–80.
16. Порфирьева И. С.И. Порфирьев и его дневник // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2010. – № 1–2 // URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_1_2/07/01/
17. Порфирьев С.И. Разинщина в Казанском крае // ИОАИЭ. – 1916. – Т. 29. – С. 289–366.
18. Порфирьев С.И. Списки воевод и дьяков по Казани и Свяжску, составленные в XVII ст. // ИОАИЭ. – 1911. – Т. 27. – С. 61–74.
19. Порфирьев С.И. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Издание Церковного Историко-Археологического Общества Казанской Епархии. Казань, 1909 // ИОАИЭ. – 1911. – Т. 26. – С. 276–284.
20. Порфирьев С.И. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанскою губерниею с 1708 г. по 1908 г. включительно // ИОАИЭ. – 1908. – Т. 24. – С. 1–9. 1–14, 1–13 (разд. пар.).
21. Протокол 27 заседания от 15 апреля 1882 г. / ИОАИЭ. – 1884. – Т. 5. – С. 4–6.
22. Протоколы общих собраний // ИОАИЭ. – 1898. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 471.
23. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андрееви-

ча Кикина (1565–1567 г.) / Издание Церковного Историко-Археологического Общества Казанской Епархии. – Казань, 1909. – 143 с.

24. Тропольская Н.Е. Иван Михайлович Покровский // Официальный сайт Казанской Духовной Семинарии. URL: <http://kds.eparhia.ru/publishing/vestnik/seventeenth/pokrovskiy/>

25. Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979. – 196 с.

26. Харлампович К. Новокрещенские школы в XVIII в. // ИОАИЭ. – 1905. – Т. 21. – Вып. 1. – С. 1–91.

А.П. Моисеева

«Казан Император университеты каршындагы Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте хәбәрләрендә» Зөя каласы тарихы

Мәкаләдә Казан император университеты каршында эшләп килгән Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте «Хәбәрләрендә» Зөя каласы һәм өязенең XVI гасыр – XX гасыр башындагы тарихына кагылышлы материалларга комплекслы анализ ясала.

Ачкыч сүзләр: Зөя каласы, Зөя өязе, Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте, «Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте хәбәрләре».

А.Р. Моисеева

The history of Sviyazhsk in the «Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University»

The article gives a comprehensive analysis published in the «Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University» materials on the history of Sviyazhsk and Sviyazhsk district of XVI – early XX centuries.

Keywords: Sviyazhsk, Sviyazhsk district, Society of the Archeology, History and Ethnography, «Proceedings Society of the Archeology, History and Ethnography».

Моисеева Анна Петровна – соискатель отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г.Казань); e-mail: anna-moiseeva20@mail.ru

Моисеева Анна Петр кызы – Татарстан Фәннәр академиясе Ш.Мәржани исемдәге Тарих институтының яна гасыр тарихы бүлеге соискателе (Казан шәһәре).

Moiseeva Anna Petrovna – postgraduate student of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

«Зафар-наме-и вилайет-и Казан» Шарифа Хаджи-Тархани: некоторые итоги и перспективы изучения

Статья посвящена предварительному рассмотрению итогов и перспектив изучения уникального письменного источника по истории Казанского ханства «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» (1550 г.). Рассматриваются конкретные примеры среднеазиатского (таджикско-чагатайского) и османского влияния в тексте данного источника, обращается внимание на отражение в «Зафар-наме» идеи регионального патриотизма.

Ключевые слова: Казанское ханство, тюркские письменные источники, чагатайская культура, Османская империя.

Зимой 1550 г. русские войска очередной раз осадили Казань. Однако мужественная и умелая оборона города (по данным русских летописей – плохие погодные условия) заставили царское войско отступить. Эти события нашли отражение в литературно-публицистическом сочинении «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» («Реляция о победе Казанского государства¹»). Автором «Реляции» был некий Шариф Хаджи-Тархани.

Единственный дошедший до нас, весьма ранний список данного сочинения был обнаружен в составе рукописного сборника в библиотеке Зейтиногуллары, что в уезде Тавшанлы (провинция Кютахья в Турции) и опубликован З.В.Тоганом в восточном наборном тексте с введением и историческим комментарием². З.В.Тоган на основании помет в рукописном сборнике, в котором он сохранился, датировал его 970/1563 годом³. Работа З.В.Тогана послужила основой для сокращенной публикации «Зафар-наме» и публикации его сокращенного перевода на турецкий язык А.Н.Курата⁴ и работы современной

¹ Термин «вилайет» применительно к территории обычно имеет значение «область, страна». Однако в данном контексте выражение «вилайет-и Казан», несомненно, является официальным наименованием Казанского ханства, и его следует интерпретировать именно как «Казанское государство» («Царство Казанское» средневековых русских источников).

² *Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – İstanbul, 1965. – Cilt III. – Sayı 3/4. – S. 179–204.*

³ *Ibid. – S. 200.*

⁴ *Kurat, A.N. IV–XVIII yy. da Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. – Ankara, 1972. – S. 361–372.*

турецкой исследовательницы А.Мелек Озйетгин, подготовившей современную турецкую транскрипцию, турецкий перевод и филологическое исследование источника⁵. В свою очередь, турецкий перевод А.М.Озйетгин стал основой для русского перевода этого источника, подготовленного Ф.С.Хакимзяновым⁶, а сокращенная публикация А.Н.Курата – основой для современного татарского перевода, подготовленного М.И.Ахметзяновым⁷. В последнее время был опубликован татарский перевод источника, осуществленный с турецкого перевода А.М.Озйетгин⁸.

Тем не менее, учитывая выдающееся значение «Зафар-наме» как исторического источника (а это – один из немногих письменных источников на тюркí, дошедших к нам из эпохи и с территории Казанского ханства), степень его изученности следует признать все еще недостаточной.

Во-первых, исследователям до недавнего времени не удавалось идентифицировать некоторые персоналии и атрибутировать стихотворные вставки в тексте. Во-вторых, малоизучен рукописный сборник, в составе которого сохранился единственный дошедший до нас список «Зафар-наме». В-третьих, исследователи не привлекали для изучения другие произведения мусульманской литературы, написанные в жанре фатх-наме или зафар-наме. Наконец, отсутствует полный прямой перевод с оригинального текста на татарский и русский языки, а также транслитерация оригинального текста на современную татарскую графику, что затрудняет освоение письменного наследия эпохи Казанского ханства нашими современниками.

Учитывая это, нами осуществляется подготовка критического текста, транслитерация источника на современную татарскую графику и перевод «Зафар-наме» на русский язык непосредственно с оригинала.

⁵ *Özyetgin, A.M. Astrahanlı Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-name'si // Türkoloji Dergisi. – XI. Cilt, 1. Sayı. – Ankara, 1993. – S. 321–413.*

⁶ *Шерифи Х. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Май 1995. – С. 83–92.*

⁷ *Шәриф Хажитархани. Казан вилаятенәң жиңүе // Идел. – 1995. – № 1. – С. 12–16; Кол Шәриф. И, күнел, бу дөньядыр... – Казан, 1997. – С. 76–93; Кол Шәриф һәм аның заманы = Кул Шариф и его время. – Казань, 2005. – С. 16–22; Мәңгелеккә аяк басканда = Навстречу вечности. – Казань, 2006. – С. 16–23*

⁸ *Үзйәтгин М. Әстерханлы Шәрифинең 1550 елда язган «Зафәрнамә»се // Чын Мирас. – 2013. – № 5. – С. 7–13.*

«Реляции о победе» (арабско-персидское «Фатх-наме» или «Зафар-наме») – ранний и довольно распространенный в мусульманском мире жанр. Первоначально и как правило – это послания мусульманских правителей своим наместникам, а также вассальным и независимым правителям о какой-либо военной победе. Зафар-наме составлялись сразу после победы и были призваны упрочить престиж государя-триумфатора среди подданных, а также вассальных и дружественных правителей и предупредить от враждебных действий недружественных государей.

Зафар-наме составлялись в нарочито торжественном, возвышенном стиле. Они могли быть как в прозе, так и в стихах, либо чередовать прозаический и стихотворный текст. Произведения этого жанра обильно уснащались кораническими фразами, хадисами, стихами известных поэтов либо самих составителей зафар-наме, если они были не чужды поэтического творчества. Для зафар-наме характерна гиперболизация, например, преувеличение численности побежденного врага, чтобы подчеркнуть доблесть победителей⁹.

Все эти признаки в полной мере свойственны «Зафар-наме-и вилайет-и Казан». Численность русского войска, осадившего Казань в 1550 г., Шарифом Хаджи-Тархани оценивается в фантастические 800 тысяч человек¹⁰. В тексте, составленном прозой, приведено 29 аятов, несколько хадисов, 27 стихов и стихотворных фрагментов. Среди последних как стихи самого Шарифа Хаджи-Тархани, подписанные тахаллусом (литературным псевдонимом) «Шарифи», так и отрывки из произведений классиков персидской литературы (Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Джамии и др.) и, очевидно, чагатайских поэтов. Ввиду обилия арабо-персидских заимствований, вставок на арабском и персидском языках, а также несвойственных поволжскому тюрки грамматических форм, оригинальный текст малопонятен современному носителю татарского языка.

Недостаток сведений не позволяет однозначно определить личность автора «Зафар-наме». Как показывает нисба «Хаджи-Тархани», автор «Зафар-наме» был как-то связан с Астраханью (возможно, происходил оттуда). Казанские исследователи (М.И.Ахметзянов, М.А.Усманов, Д.М.Исхаков) отождествляют этого персонажа

⁹ Aksoy, H. Fetihname // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. – С. XII. – İstanbul 1996. – S. 470–472.

¹⁰ Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – İstanbul, 1965. – Cilt. III. Sayı 3/4. – S. 187.

с казанским сеидом Кул-Шарифом. Мы также склоняемся к этой версии, но полной уверенности в ее верности у нас нет. И.В.Зайцев высказал предположение, что автором «Зафар-наме» может быть Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи – автор персоязычного агиографического сочинения «Джаддат ал-ашикин»¹¹. Однако это представляется невозможным, так как в период с весны 956/1549 г. по крайней мере по осень 598/1551 г. автор «Джаддат ал-ашикин» находился в Османской империи, где совершал хадж¹².

К сожалению, также невозможно установить адресата «Зафар-наме». Практически не вызывает сомнений, что это либо крымский хан, либо османский падишах. Большая часть исследователей склоняется к мнению, что им был османский государь.

Что касается языка произведения, то первый публикатор З.В.Тоган определяет его как «превосходный чагатайский» с элементами османского¹³, казанско-татарского и «тюменско-татарского» (западносибирско-татарского)¹⁴. В английском резюме к своему исследованию З.В.Тоган говорит о «превосходном чагатайском со словами и фразами на местном казанско-татарском диалекте, подобно языку «тюменских татар» Западной Сибири, а также кара-татар и актатар Малой Азии относящимся к восточнотюркским языкам»¹⁵. М.Озйетгин характеризует язык источника как «чагатайский с элементами османско-турецкого»¹⁶.

Действительно, источник обнаруживает чрезвычайно сильное среднеазиатское, таджикско-чагатайское влияние. Вот один характерный пример: иллюстрируя ожесточенность боев за Казань, Шарифи приводит такой персидский стих:

Чэжячаке хэнжэр би-гэрдун рэсид,

¹¹ Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2006. – С. 180.

¹² Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи. Джаддат ал-ашикин (Аз Ма-вара-аннахр та Харамайн-и Шарифайн). Гузариш-и сафар-и хаджж-и шайх Хусайн-и Хваризми. Сал-и 956–958 к[амари] / Би-кушиш-и Расул Джа‘фарийан // Пайам-и Бахарестан. Осень 1390/2011 г. – С. 46, 85–86.

¹³ Османские элементы З.В.Тоган объясняет крымским влиянием.

¹⁴ Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – İstanbul, 1965. – Cilt. III. Sayı 3/4. – S. 197–198.

¹⁵ Ibid. – S. 203.

¹⁶ Özyetgin, A.M. Astrahanlı Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-name'si // Türkoloji Dergisi. – XI. Cilt, 1. Sayı. – Ankara, 1993. – S. 324.

*Зи шәһре Казан хун би-Жәйхун рәсид*¹⁷.
Звон кинжалов достиг небосвода,
Кровь из града Казани достигла [реки] Джейхун (Аму-Дарья. – И.М.).

Для сравнения приведем два фрагмента из анонимной хроники начала XVI в. «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», составленной в Средней Азии при дворе Мухаммед-Шейбани-хана. В одном из стихотворений, приписываемом самому Мухаммеду Шейбани, есть бейт:

*Баһадырлар йөрөп, бер-бередин үтте,
Кылычтын кан акып, Сәйхундын үтте*¹⁸.
Витязи стремительно сошлись друг с другом,
Стекавшая с мечей кровь переполнила [реку] Сейхун (Сыр-Дарья. – И.М.).

Фрагмент другого стихотворения, посвященного битве 891 г. хиджры между войском Шейбани-хана и войском правителя Хорасана Султан-Хусейн-мирзы, текстуально еще ближе бейту, приведенному у Шарифи:

*Кылыч зарбы өне гәрдунга йитте,
Акып кан су бикин Сәйхунга йитте.
Алар кем дэгъва кылды ирлек эчрә
Качыбан һәрбере Жәйхундын үтте*¹⁹.
Звон мечей достиг небосвода,
Кровь лилась как вода и достигла [реки] Сейхун.
Все те, кто притязал на мужество,
Бежали и переправились через [реку] Джейхун.

В «Зафар-наме» есть и стихи на чисто чагатайском языке, возможно, принадлежащие перу чагатайских поэтов:

*Мубаризлар турур саф-саф кашыда,
Куйубан таж-и нусратны башыда.
Ирүр мәйдан ара һәр бири бир шир,
Урурлар һәр заман душманга шәмшир*²⁰.

¹⁷ *Togan, Z.V.* Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – İstanbul, 1965. – Cilt. III. Sayı 3/4. – S. 179–204.

¹⁸ Таварих-и гузида – Нусрат-наме / Исслед., критич. текст, аннот. огл. и табл. свод. огл. А.М.Акрамова. – Ташкент, 1967. – С. 278 ар. паг.

¹⁹ Таварих-и гузида – Нусрат-наме / Исслед., критич. текст, аннот. огл. и табл. свод. огл. А.М.Акрамова. – Ташкент, 1967. – С. 281 ар. паг.

Напротив боевыми рядами стоят витязи,
Водрузив на головы венец победы.
Каждый из них – лев на поле брани,
Они неустанно рязят врага мечами.

Османское языковое влияние почти не прослеживается. Один из немногих случаев – использование в стихотворении о страхе смерти южногузского аффикса глагола настоящего времени *-айур / -эйур*:

*Аһ ва вэйла, үлемдин тэндэге жән тетрэйур,
Жандын айрылмак баладер тийү эбдан тетрэйур*²¹.
О горе! От [страха] смерти в теле дрожит душа,
Говоря, что остаться без души – беда, дрожат тела.

Также единичными случаями являются:

– использование деепричастного аффикса *-айып / -эйеп*: *кател айләйеп* «убивая»²²;

– использование частицы дахы «также, еще»²³.

Одним из важнейших свойств «Зафар-наме» как источника является то, что это произведение демонстрирует идеи, которыми руководствовались организаторы обороны Казани 1550 г. – крымские и примкнувшие к ним казанские аристократы. Во-первых, это предписанная исламом обязанность борьбы с «неверными». Во-вторых, незаконность притязаний «проклятого» «Ибана» на Казань – резиденцией ханов, что будто бы отложилось и в народном обычае. Второй пункт нашел отражение в стихотворной «оде Казани»:

*...Бу бер милке ирер, калмыш эбән ган жәдд ханлардын,
Ирер бу йир һәмшиә дөһйада хан ибне хан шәһре.
Йирен-йортын сатып*²⁴ бирмәс атасының йасакыны,
*Ничек килгәй ошул мәлгунь, имәстер бу Ибан шәһре!*²⁵

...Это – царство, доставшееся от поколений ханов,

Эта земля всегда была в мире ханским градом.

Не уплатит (очевидно, житель Казани. – *И.М.*) отцовский ясак, продав свою землю и страну,

Зачем пришел этот проклятый, это – не город Ивана!..

²⁰ *Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – İstanbul, 1965. – Cilt. III. Sayı 3/4. – S. 188.*

²¹ *Ibid.* – S. 186.

²² *Ibid.* – S. 186.

²³ *Ibid.* – S. 185.

²⁴ В ориг. *салып*.

²⁵ *Ibid.* – S. 188.

Интересно, что почти в это же время представители казанской знати из противников закрепившихся в Казани крымцев также апеллировали к интересам страны («[Казанского] юрта»). В 1549 г. находивший в Ногайской Орде казанец Абдулла бахшей подбадривал своих единомышленников, находившихся в Москве: «А вам самим, мирзам и князем, ожить ли, умереть ли сей год сего лета пригоже ити (на Казань. – *И.М.*), хотя и умретца за свой юрт, сорома и порухи человеку нет»²⁶. Таким образом, можно предположить, что в эпоху эрозии государственных институтов, связанных с сильной ханской властью, а также в результате усиления внешней угрозы, на первый план вместо «ханоцентризма» в сознании казанских элит постепенно выходит региональная идентичность, региональный патриотизм.

Источники и литература

1. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. – М.: Вост. лит., 2006. – 303 с.
2. *Кол Шәриф.* И, күнел, бу дөньядыр... – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 94 с.
3. Кол Шәриф һәм аның заманы = Кул Шариф и его время. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 192 с.
4. Мәңгелеккә аяк басканда = Навстречу вечности. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 208 с.
5. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. – 360 с.
6. Таварих-и гузида – Нусрат-наме / Исслед., критич. текст, аннот. огл. и табл. свод. огл. А.М.Акрамова. – Ташкент: Фан, 1967. – 128, [41] с., 475 с. старо-араб. паг.
7. *Үзйәтгин М.* Әстерханлы Шәрифинең 1550 елда язган «Зафәр-намә»се // Чын Мирас. 2013. – № 5. – С. 7–13.
8. *Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи.* Джадат ал-ашикин (Аз Ма-варан-нахр та Харамайн-и Шарифайн). Гузариш-и сафар-и хаджж-и шайх Хусайн-и Хваризми. Сал-и 956–958 к[амари] / Би-кушиш-и Расул Джа'фарийан // Пайам-и Бахарестан. Осень 1390/2011 г. (на перс. яз.). – С. 11–88.
9. *Шәриф Хаҗитархани.* Казан вилаятенәң жинүе // Идел. –1995. – № 1. – С. 12–16.
10. *Шерифи Х.* «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Май 1995. – С. 83–92.
11. *Aksoy, H.* Fetihname // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. – С. XII. – İstanbul, 1996. – S. 470–472.
12. *Kurat, A.N.* IV–XVIII yy. da Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. – Ankara, 1972. – 399 s.

²⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 324.

13. *Özyetgin, A.M.* Astrahanlı Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-name'si // *Türkoloji Dergisi*. XI. Cilt. 1. Sayı. Ankara, 1993. – S. 321–413.

14. *Togan, Z.V.* Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. – İstanbul, 1965. – Cilt III. – Sayı 3/4. – S. 179–204.

И.А. Мустакимов

**Шәриф Хажитарханиның «Зафәрнамәи вилаяте Казан»ы:
өйрәнүнең кайбер нәтижәләре һәм перспективалары**

Мәкалә 1550 елда язылган «Зафәрнамәи вилаяте Казан» исемле Казан ханлыгы тарихына караган уникаль язма чыганакны өйрәнүнең кайбер нәтижәләрен һәм перспективаларын күзәтүгә багышланган. Чыганак текстына Урта Азия (тажик-чыгтай) һәм госманлы тәэсиренең конкрет мисаллары өйрәнелә, «Зафәрнамә»дә чагылыш тапкан региональ ватанпәрвәрлеккә игътибар ителә.

Ачкыч сүзләр: Казан ханлыгы, төрки язма чыганаклар, Чыгтай мәданияте, Госманлы дәүләте.

I.A. Mustakimov

**Sharif Haji-Tarkhani's «Zafar-name-i vilayet-i Kazan»:
some results and perspectives of studying**

Article is devoted to preliminary consideration of results and prospects of studying of a unique written source on the history of Kazan Khanate «Zafar-name-i vilayet-i Kazan» (1550). Concrete examples Central Asian (Tajik-Chagatay) and Ottoman influence in the text of this source are reviewed, the attention to reflection in «Zafar-name» of idea of regional patriotism is paid.

Keywords: Kazan Khanate, Turkic written sources, Chagatay culture, Ottoman Empire.

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей, Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан (г.Казань); e-mail: imus@ Rambler.ru

Мөстәкыймов Ильяс Альфред улы – тарих фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты каршындагы Баш архив идарәсе архив документларын гыйльми файдалану һәм халыкара элемтәләр секторының мөдире (Казан шәһәре).

Mustakimov Ilyas Alfredovich – Candidate of Historical Sciences, chief of the section on archival documents' scientific publishing, exhibitions and exterior relations, General Archival Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Kazan).

К вопросу генезиса Симбирской засечной черты середины XVII столетия

В статье рассматривается генезис Симбирской засечной черты середины XVII столетия. Для исследования средневекового города-крепости Симбирск и его предместий, автором проведён анализ ключевых историко-архитектурных, археологических и архивных источников. Природно-ландшафтные условия во многом определили систему локализации древних городов и поселений (преимущественное расположение на возвышенном рельефе, в местах слияния рек и водоразделов). Впоследствии Московское государство использовало прежнюю региональную систему размещения болгаро-татарских городов-крепостей и поселений, в том числе чувашских и мордовских селений Симбирского уезда. Здесь в середине XVII столетия образовались русские города-крепости Симбирской оборонительной черты, слободские поселения и монастырские обители.

Ключевые слова: генезис, город, крепость, слобода, Волго-Камье, Симбирск, Симбирская черта.

Возведение Симбирской засечной черты на территории Волго-Камья датируется 1648–1654 гг. Это означало всё большее передвижение к югу фактических границ Московского государства и решительное присоединение Волго-Камского региона в его общую оборонительную структуру. Оборонительные черты обеспечивали более эффективную защиту, нежели традиционные сторожевые крепости. Так на территории Волго-Камья в середине и во второй половине XVII века возникли Симбирская, Старая Закамская и Сызранская линии для защиты от кочующих калмыков, ногайцев, башкир и каракалпаков¹. Симбирская засечная линия, состоявшая из комплекса оборонительных укреплений (крепостей, малых острогов, валов, рвов, лесных засек, частокола), включала в себя крепости Симбирск, Юшанск, Тагай, Уренск, Корсун, Малый Корсун, Сокольск, Тальск, Аргаш и Сурск². Тем самым исполнился царский указ Алексея Михайловича о

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV–XVI веках // Симбирский сборник. – Симбирск: Издательство Симбирская губерния, 1868. – С. 3–9.

² Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведа. – Пенза: Пен. кн. издательство, 1992. – № 3. – 180 с.

построении новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги «для оберегания от приходу ногайских людей»³.

Предлагаемая статья имеет своей целью раскрыть генезис Симбирской оборонительной черты середины XVII столетия в контексте историко-археологических, историко-архитектурных и архивных источников. Заявленная проблема обусловила обращение к болгарскому-домонгольскому, золотоордынскому и татарско-ханскому периодам, то есть в хронологических рамках с X до середины XVI вв.

Симбирская крепость XVII века располагалась в самом узком месте Волго-Свияжского водораздела, затворяя ногайский тракт, используемый кочевниками для набегов. Крепость представляла собой бревенчатый град четырёхугольной планировочной формы с угловыми и проездными башнями. Основная часть города находилась на венце Симбирской горы (между реками Волгою и Свиягою), ниже располагались посад и слободы. В период построения города Симбирск его название не было новым. В «строельной» книге Симбирска XVII в. указывается существование старинного татарского городища на окраине города у берега Волги и сохранившиеся валовые укрепления от городища до речки Симбирки, протекающей в средней части города⁴. По мнению исследователя XIX столетия К.И. Невоструева, городище с тюркским наименованием «Синбирск» было возведено на несколько столетий ранее русского Симбирска, болгарским князем Симбиром. Древний град находился в 13 верстах (1 верста – 1,07 км) от Симбирска между сёлами Красным Яром и Кайбелюю. «Прежде бывший город, разорённый Тамерланом» – так описывает Симбирское городище немецкий путешественник Адам Олеарий в 1636 г., путешествуя по городам Поволжья⁵.

Имеются различные данные относительно этимологии наименования «Синбирск». Общетюркское словосочетание «сын бер» означа-

³ Попов Н.А. Акты Московского государства (1648 г.). – Санкт-Петербург: Издание Императорской Академии Наук, 1890–1901, т. II, №308, 330.

⁴ Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолиитография А.Т. Токарева, 1898. – С. 8–10.

⁵ Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М.: Синодальная типография, 1871. – С. 31.

ет «одинокая могила», чувашские слова «син» и «бурнас» гласят об «обиталище людей», и мордовские «сююн бир» – о «зелёной горе»⁶.

В 1767 г. краевед П.И. Рычков, исследуя историю Казанского царства, писал: «Сверх других городищ недалеко от Симбирска на луговой стороне Волги близ села, называемого Крестовым городищем, ... знаки бывших тут многих каменных строений, земляной вал и рвы поныне ещё видимы». Следы этих укреплений у деревни Крестовое городище описывал в 1773 г. и немецкий учёный П.С. Паллас в экспедиции по разным провинциям Российской империи⁷. Позднее, в 1856, священник села Кайбелы упоминает никому незапамятные татарские кладбища и надгробный камень с татарской надписью в предместьях Симбирска (десяти верстах от этого села)⁸. Вместе с тем, на венце самого Симбирска, согласно антропологическим исследованиям 1878 г., ранее находилось древнее мордовское кладбище. По суждению П.Е. Мартынова, к кладбищу примыкала деревня «омагометанившейся» мордвы и «найденное сильное разрушение костяков... несомненно доказывает значительную древность кладбища на Венце». При этом в пределах Симбирского уезда сохранялись старые чувашские поселения⁹. О древней истории Симбирской области сообщают, и археологические сведения Симбирской губернской учёной комиссии конца XIX – начала XX вв. Так, в 30 верстах ниже Симбирска, недалеко от села Криуши, на высокой горе было отмечено Арбугимское городище треугольной планировочной формы с остатками деревянных укреплений. По преданию город основан в 1377 г. татарским князем Ариг-Бугою, выходцем из Золотой орды¹⁰. Подобным сказанием обладала и Тагайская крепость, возводимая в середине XVII века на месте прежнего пребывания ордынского

⁶ Симбирск. URL: <http://chronology.org.ru> (дата обращения: 16.07.2015).

⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. – Санкт-Петербург: Изд-во Императорской академии наук, 1773. – С. 213, 214.

⁸ Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М.: Синодальная типография, 1871. – С. 33–37.

⁹ Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолиитография А.Т. Токарева, 1898. – С. II-III, 7–8.

¹⁰ Отчет о деятельности СГУАК за 1901 год. – Симбирск: Типолиитография А.Т. Токарева, 1902. – С. 5, 6.

хана Тагая Бездежского во второй половине XIV столетия¹¹. Тагай русского периода, находившийся в 50 верстах от Симбирска у реки Панзырка, представлял собой небольшую деревянную крепость, квадратной планировочной формы с укрепленным посадом и слободами. Город нес функцию военного гарнизона в структуре Симбирской оборонительной черты. Примечательно, что в 90-х годах XIX столетия, в трёх верстах от Подлесной слободы, ещё сохранялись остатки Тагайских укреплений¹². Между Тагайском и Юшанском, «строельная» книга Симбирска отмечает старое Кучаровское городище при описании межевания слободских территорий ратных людей¹³. Наряду с этим, в предместьях Корсунской крепости, сооружённой в 1647 г. в составе Симбирской черты, за рекой Барыш располагалось старое городище полукруглой формы с несколькими рядами валов и рвов. «Следы старого городища...сохранились до настоящего времени» – отмечал В.Э. Красовский в 1903 г.¹⁴. Одновременно с построением Корсунской крепости, в том же 1647 г., в юго-западном направлении Симбирской черты была построена «рубленая» крепость Аргаш. По преданию, здесь существовало старинное поселение ещё в период Волжской Булгарии. Позднее, в конце XIV в. татарский мурза Алга основал в данной местности аул Алгас (ныне Аргаш)¹⁵.

Между тем, Сенгилейская крепость 60-х гг. XVII столетия, соединяющая Симбирскую и Старую Закамскую черту, была основана вблизи старого городища. По сказанию городище с подземными ходами представлено жилищем татарского князя Кудеяра. Со стороны Волги, между речками Сенгилейкой и Тушонкой, городище имело укрепление из двух валов и рвов длиной около 16 км. Г. Маслениц-

¹¹ Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведа. – Пенза: Пен. кн. издательство, 1992. – № 3. – С. 97.

¹² Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолиитография А.Т. Токарева, 1898. – С. 3, 5, 7.

¹³ Мартынов П.Е. Книга строельная города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). – Симбирск: Изд-во Симбирской губернской учёной архивной комиссии, 1897. – С. 24, 27.

¹⁴ Красовский В.Э. Прошлое города Корсуна. Краткий исторический очерк. – Симбирск: Изд-во Симбирской учёной архивной комиссии, 1903. – С. 5.

¹⁵ Из истории села Аргаша. URL: <http://argach.ucoz.ru> (дата обращения: 20.07.2015).

кий в 80-е годы XVIII в. писал в топографическом описании Симбирского наместничества об этом городище: «знаки старинных крепостных строений и деревянная дубовая башня видны ещё и поныне в 6 верстах от Сенгилея на возвышенном месте...»¹⁶.

Указанные города-крепости XVII столетия, как и многие другие в данной области, относились к Симбирскому уезду¹⁷. В военно-административном отношении принадлежали к Симбирску, который в свою очередь подчинялся специальному органу управления в Москве Приказу Казанского дворца¹⁸. Вместе с постройкой русских городов-крепостей Симбирского уезда, возникали посадские и слободские поселения в их окрестностях. Сюда переводили и заселяли служилых и ратных людей из различных городов Московского государства. Согласно «строельной» книге Симбирска, содержащей сведения о постройке Симбирской оборонительной черты, в период сооружения Симбирска в предместьях засечных городов образовалось не менее 17 слободских поселений (Арская, Ишеевская, Лаишевская, Свяжская, Тетюшская, Уржумская, Холмогорская, Шумовская и др.)¹⁹. Названия слобод нередко несли информацию о прежнем месте жительства служилых людей. Так в 1649 г. сформировалась Арская слобода, когда из крепости Арска было переведено 50 казаков на службу в Симбирскую черту²⁰. Для заселения слободских территорий города-крепости Тагая XVII столетия было переведено 200 ратных человек из Цивильска, Ядрина, Кокшайска и села Ключищ. В конце XIX в. в селе Тагай сохранялись улицы Цивильская и Ядринская, по названию первых служилых переселенцев²¹. Вместе с тем,

¹⁶ Красовский В.Э. Столетие города Сенгилея. Краткий исторический очерк. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1902. – С. 4, 5.

¹⁷ Дмитриев В.Д. Царские указы Казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974, № 3. – С. 326, 376.

¹⁸ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII веков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. – С. 39, 57.

¹⁹ Мартынов П.Е. Книга строельная города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). – Симбирск: Изд-во Симбирской губернской учёной архивной комиссии, 1897. – С.20–88.

²⁰ Историческая справка. URL: <http://www.ulpressa.ru> (дата обращения: 23.07.2015).

²¹ Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолиитография А.Т. Токарева, 1898. – С. 4.

«строельная» опись отмечает в предместьях Симбирской черты 14 деревень-поселений ранее существовавших (Акса, Маклауши, Чилим и др.). Из них семь деревень татарских, пять мордовских, одна чувашская и одна черемисская (марийская)²². Данные этнические группы проживали в Симбирской области ещё в болгарский-домонгольский период. Не обладая своим государственным образованием, прежде они находились в зависимости от болгар²³.

Одновременно с основанием посадских и слободских поселений сооружались церкви и монастыри. Уже в первый год строительства Симбирска к «Симбирской десятина» принадлежали 18 церквей и 3 часовни. «Симбирская десятина» в XVII веке являлась церковно-административным органом, ведавшим церквями и монастырями Симбирска и Симбирского уезда²⁴. По мере строительства городов Симбирской засеки и её предместий увеличивалось и количество церковных приходов в «Симбирской десятина», так как согласно традициям основания города того времени первостепенно строили церковь. К концу XVII столетия в Симбирской округе числились следующие монастыри – Спасский женский монастырь на возвышенной территории Симбирской крепости, Покровский мужской в двух верстах от Симбирска и Преображенский монастырь в предместьях Корсунской крепости недалеко от реки Корсунки²⁵.

В целом Симбирская засека XVII столетия с комплексом различных укреплений и сооружений составляла протяжённость около 200 км. Современный историко-архитектурный музей Ульяновска

²² Мартынов П.Е. Книга строельная города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). – Симбирск: Изд-во Симбирской губернской учёной архивной комиссии, 1897. – С.20–88.

²³ Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1898. – С. III.

²⁴ РГАДА, Ф. 235, 236. Архив министерства юстиции. Патриарший казённый приказ, кн. 9.

²⁵ Беляев О. Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата богословия. – Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 2008. – С. 15, 16; Красовский В.Э. Прошлое города Корсуна. Краткий исторический очерк. – Симбирск: Изд-во Симбирской учёной архивной комиссии, 1903. – С. 9; Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1898. – С. 131–133.

воссоздал часть прежней Симбирской засечной черты на основе археологических данных 1987 г. Музей под открытым небом образовался в 2000 г. именно на месте сохранившихся участков оборонительных сооружений Симбирской засеки. В районе ул. Л. Толстого археологами были выявлены часть вала, рва, остатки частокола и сторожевой башни²⁶.

Таким образом, анализ генезиса Симбирской засечной черты XVII столетия позволил выявить её морфологическую принадлежность к булгарской-домонгольской, золотоордынской и татарско-ханской эпохам. Вопросы расселения и обороны данной территории осваивались ранее в рамках прежних государств Волжско-Камской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. Природно-ландшафтные условия во многом определили систему локализации древних городов и поселений (преимущественное расположение на возвышенном рельефе, в местах слияния рек и водоразделов). Впоследствии Московское государство использовало прежнюю региональную систему размещения булгаро-татарских городов-крепостей и поселений, в том числе чувашских и мордовских селений Симбирского уезда. Здесь в середине XVII столетия образовались русские города-крепости Симбирской оборонительной черты, слободские поселения и монастырские обители.

Источники и литература

1. Беляев О. Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни. Автореф. дисс. ... канд. богословия. – Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 2008. – С. 15, 16.
2. Димитриев В.Д. Царские указы Казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974, № 3. – С. 284 – 419.
3. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII веков (управление Казанским краем). – Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. – 223 с.
4. Историко-архитектурный комплекс «Симбирская засечная черта». URL: <http://museum.ru/M3067> (дата обращения: 23.07.2015).
5. Из истории села Аргаша. URL: <http://argach.ucoz.ru> (дата обращения: 20.07.2015).
6. Историческая справка. URL: <http://ulpressa.ru> (дата обращения: 23.07.2015).

²⁶ Историко-архитектурный комплекс «Симбирская засечная черта». URL: <http://museum.ru/M3067> (дата обращения: 23.07.2015).

7. Красовский В.Э. Столетие города Сенгиля. Краткий исторический очерк. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1902.

8. Красовский В.Э. Прошлое города Корсуна. Краткий исторический очерк. – Симбирск: Изд-во Симбирской учёной архивной комиссии, 1903. – 61 с.

9. Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII-XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведа. – Пенза: Пен. кн. издательство, 1992, № 3. – 180 с.

10. Мартынов П.Е. Город Симбирск за 250 лет его существования // Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1898. – 400 с.

11. Мартынов П.Е. Тагай. Упраздненный город Симбирского уезда. Историко-статистический очерк. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1898. – 28 с.

12. Мартынов П.Е. Книга строельная города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). – Симбирск: Изд-во Симбирской губернской учёной архивной комиссии, 1897. – 128 с.

13. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М.: Синодальная типография, 1871. – 143 с.

14. Отчет о деятельности СГУАК за 1901 год. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1902.

15. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. – СПб.: Изд-во Императорской академии наук, 1773.

16. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV–XVI веках // Симбирский сборник. – Симбирск: Издательство Симбирская губерния, 1868. – С. 3–9.

17. Попов Н.А. Акты Московского государства (1648 г.). – Санкт-Петербург: Издание Императорской Академии Наук, 1890–1901, т. II, №308, 330 с.

18. РГАДА, Ф. 235, 236. Архив министерства юстиции. Патриарший казённый приказ, кн. 9.

19. Симбирск. URL: <http://chronology.org.ru> (дата обращения: 16.07.2015).

И.В. Назарова

XVII гасыр уртасында Сембер саклану сызыгы барлыкка килүгә карата

Мәкаләдә XVII гасыр уртасында Сембер саклану сызыгы төзелү мәсьәләсе карала. Урта гасыр шәһәр-кормәне булган Семберне һәм аның якын-тирәсендәге авылларны өйрәнү өчен автор иң эһәмиятле тарихи-архитектура, археология һәм архив чыганаclarына анализ ясыи. Табигат шартлары һәм төбәк ландшафты борынгы шәһәрләр һәм авыллар урнашу

урын сайлау системасына шактый көчле тәэсир иткән (алар күпчелек очракта калкулыкта, елгалар кушылу урыннарында урнашкан). Соңрак Мәскәү дәүләте болгар-татар шәһәрләре һәм торак пунктлары урнашу төбәк системасын, шул исәптән Сембер өязендәге чуваш һәм мукшы авыллары урнашу системасын да, куллана. Биредә XVII гасыр уртасында Сембер саклану сызыгының русларның шәһәр-кирмәннәре, бистәләр һәм монастырьлар барлыкка килә

Ачык сүзләр: генезис, шәһәр, кирмән, бистә, Идел-Чулман төбәге, Сембер, Сембер саклану сызыгы.

I.V. Nazarova

To the question of genesis of Simbirsk zasechny line of the middle of the XVIIth century

In article the origin of Simbirsk zasechny line of the middle of the XVIIth century is considered. For research of the medieval fortified city of Simbirsk and its suburbs, the author carried out the analysis of key historical and architectural, archaeological and archival sources. Environment in many respects defined system of localization of the ancient cities and settlements (primary construction in mountain places and in places of merge of watersheds). Subsequently the Moscow state used former regional system of placement of the bulgaro-Tatar fortified cities and settlements, including Chuvash and Mordovian settlements of the Simbirsk district. Here in the middle of the XVIIth century there were Russian fortified cities of Simbirsk defensive line, suburban settlements and monastic settlements.

Keywords: genesis, city, fortress, settlement, Volga-Kamye, Simbirsk, Simbirsk line.

Назарова Ирина Витальевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры Реставрации и реконструкции архитектурного наследия и основ архитектуры Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г.Казань); e-mail: Nazarova7772@mail.ru; Nazarova7772@rambler.ru.

Назарова Ирина Виталий кызы – архитектура фәне кандидаты, Казан дәүләт архитектура-төзелеш университеты архитектура мирасын реставрацияләү и реконструкцияләү һәм архитектура нигезләре кафедрасының доценты (Казан шәһәре).

Nazarova Irina Vitalevna – Candidate of architecture, assistant professor, RiRAN, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan).

Армянская диаспора в Золотой Орде

По мнению автора, возникновение армянских колоний в Золотой Орде является результатом развития транзитной торговли, в которой армянское купечество принимало самое активное участие. В свою очередь, монгольские завоевания создали условия для более безопасной и удобной трансконтинентальной торговли на просторах от Черного и Средиземного моря до Китая. Генуэзские и венецианские колонии и их морские коммуникации в Причерноморье способствовали проникновению армян в этот регион, поскольку армяне зачастую действовали в тесной кооперации с итальянскими и греческими купцами. Эпоха нестабильности в Золотой Орде в 1360-е и 1390-е годы способствовала оттоку части армян из Северного Причерноморья в Молдавское княжество, Галицкую Русь и Подолье (позже – провинции Польского королевства), поскольку ранее армянские купцы неоднократно бывали в этих регионах с коммерческими поездками.

Ключевые слова: Золотая Орда, армянская диаспора, генуэзские колонии, торговые пути, Сарай, Каффа, Солхат, Судак.

Возникновение армянских колоний в городах Золотой Орды связано с изменением торговых путей в результате монгольских завоеваний 1220–1250-х годов в Передней Азии и Восточной Европе. Создание Монгольской империи (делившейся на четыре улуса) с хорошо налаженной почтовой службой (ямы), строгой дисциплиной и суровыми наказаниями, исключавшими разбой на дорогах, отсутствие многочисленных внутренних пошлин и уважительное отношение к купцам и их собственности – все это способствовало процветанию торговли¹. На протяжении столетия 1250–1350 гг. (так называемый *Rax Mongolica*) на огромных просторах империи от Дуная и Армении до Китая купцы могли беспрепятственно заниматься коммерцией².

Еще до монгольского завоевания армянские купцы бывали в половецких степях (Дешт-и-Кыпчак)³. Их повторное проникновение в

¹ Allsen Thomas T. *Mongolian Princes and Their Merchant Partners*, 1200 – 1260 // *Asia Major*, third series. – 1989. – Vol.2. – No.2. – P.83–126.

² Janet L. Abu-Lughod. *Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350*. – New York: Oxford University Press, 1989.

³ Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // *Научные труды Ереванского гос. ун-та*. – 1946. – №23. – С.389–421. Осипян О.

Поволжье может быть связано с многочисленными поездками армянских князей из Грузии, Великой Армении и Киликийского королевства ко двору Бату-хана в 1240-х – 1250-х годах⁴. Рассказывая о событиях 1249–1251 гг. – периоде борьбы за власть после смерти великого хана Гуюка (1246) и до воцарения Мангу (1251–1259) – армянский летописец Киракос Гандзакечи пишет, что после казни монгольского полководца Эльчигада (наместника Армении и Персии) по приказу Бату, именно к последнему стали обращаться все те, кто ранее пребывал под властью Эльчигада: «Затем начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его»⁵. В средние века, купцы часто путешествовали под защитой посольства или в свите правителя. Кроме того, именно князья могли попросить у Бату-хана и Сартаха охранные грамоты для купцов – своих подданных.

Точно известно, что в ставке Бату бывал богатейший армянский купец («мецатун»), известный в источниках как Шадин / Шахабадин / Шнорхавор, сын Саравана. Монголы не доверяли грузинскому царю Улу Давиду (1249–1270). Поэтому в 1259–1265 гг. фактическим правителем Тбилиси и Восточной Грузии был Шнорхавор. Как писал армянский богослов и историк Вардан Великий (ок. 1198–1271), «в 1264 г. великий ильхан Хулаву пригласил нас к себе через одного мужа Шнорхавора, пользовавшегося большим уважением у всех, особенно у Бату, властителя северных стран, к которому он прежде ездил и был принят с большим почетом, и у Хулаву»⁶. Можно предположить, что уже в 1250-х годах Шнорхавор и иные армянские купцы занимались торговлей с Сараем.

Поширення християнства серед половців в XI–XIV ст.// Київська старовина. – 2005. – №1. – С.3–28; №2. – С.3–22.

⁴ Правитель (атабек) Грузии князь князей Аваг (†1250), сын Иванэ Долго-рукого, в 1240 г.; князья Шахиншах и Аваг, Закарэ, сын Шахиншаха, Агбуга, сын Вахрама Гагели, и Саргис Тмогвели – в 1246 г.; князь Хасан Джалал, владетель области Хачен, в 1250–1251 и 1256–1257 гг. (при дворе Сартаха); в конце 1253 г. или в 1254 г. ставки Сартаха и Бату-хана на Волге посетил армянский король Киликии Гетум I (1226–1270).

⁵ Гандзакечи Киракос. История Армении. – М.: Наука, 1976. – С.218.

⁶ Маргарян А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» // Кавказ и Византия. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. – Т.3. – С.66.

Со временем армянские купцы оседали в городах Золотой Орды, на что указывают сведения о наличии там приходов Армянской церкви. В 1320-х гг. в источниках упоминаются армянские епископы в Сарае, Солхате (Старый Крым) и Каффе (Феодосия)⁷. Францисканец Паскаль из Виттории в 1336–1337 гг. проживал в Сарае и, выучив кыпчакский язык, отправился далее на восток для проповеди среди иноверцев. Из Сарая он в 1338 г. отплыл вниз по Волге до Сарайчика, расположенного в устье Яика/Урала, а оттуда с караваном добрался в Ургенч. «Погрузившись на корабль с какими-то армянами, я отплыл оттуда по реке называемой Тигрис, а затем вдоль берега моря именуемого Ватук, пока через 12 дней не добрался до Сарайчика. Оттуда я ехал в повозке, влекомой верблюдами, и на пятидесятый день достиг Урганча»⁸. Таким образом, армянские купцы не только бывали в Сарае, но и добирались до Ургенча⁹.

Наибольшее число армян поселилось в юго-восточном Крыму, а именно в итальянских торговых колониях Каффе и Судаке (Солдайя), в административном центре Крымского улуса – городе Кырым / Солхат / Сурхат (Эски Кырым), и во многих селах этого региона¹⁰.

В так называемом Сурожском синаксаре (четыре-миней) на протяжении XII–XV вв. делались памятные записи, в которых упоминаются жители Судака, в том числе и те, кого на основании их антропонимов можно идентифицировать как армян. В 1242 г. упоминается смерть Давида, сына Сумбата, в 1283 г. – убийство Самата, сына Ефрема, в 1306 г. – смерть Ерничу, жены Самата. Наконец, в 1292 г. сделана запись о споре между греками и армянами относительно

⁷ Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècles). – Rome, 1998. – P.92, 159–160.

⁸ Letter from Pascal of Vittoria, a Missionary Franciscan in Tartary, to his Brethren of the Convent of Vittoria, 1338 // *Cathay and the Way Thither* / Ed. H. Yule; rev. edn. by H. Cordier. – London, 1914. – Vol.3. – P.83–85.

⁹ Остается надеяться, что археологические раскопки прольют больше света на пребывание армян в Поволжье.

¹⁰ Судя по косвенным данным Северное Причерноморье было известно армянским купцам и до монгольских завоеваний. Именно через этот регион шла торговля с Киевом, где армянская община существовала уже во второй половине XI в. *Dachkevitch Ya. Les Arméniennes à Kiev (jusqu'à 1240)* // *Revue des études arméniennes*. – Paris, 1973–1974. – Vol.10. – P.114–131; 1975–1976. – T.11. – P.323–375.

празднования Пасхи (поскольку Греко-Православная и Армянская церкви пользуются разными календарными системами)¹¹.

Актовые записи генуэзских нотариев Каффы 1289–1290 гг. зафиксировали самое активное участие армянских купцов и ремесленников в экономической жизни Причерноморья. Так, с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами (объединения в 2, 3 и 10 компаньонов) генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли (из Чиприко на Керченском полуострове) и прочих товаров из Крыма в Трапезунд¹². 27 апреля 1290 г. в Каффе нескольким армянским и греческим купцам были возвращены товары, ранее захваченные у них пиратом Джурзучи во время плаванья на галере¹³.

Крымские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки. 16 июля 1290 г. каффские мясники Георгий и Савва, совместно с Фланкусом Армянином, жителем Кафы, приобрели партию вина у Оддина Банката де Чева и пообещали уплатить за него перед Пасхой (1291 г.)¹⁴. 14 августа 1290 г. армянин Якоб Фрегулиа приобрел товары у Гийома де Персио, за которые пообещал заплатить 347 аспров через месяц¹⁵. Итальянские купцы Петр де Бобио и Якоб де Бобио в это же время закупали у армянских дубильщиков большие партии бычьих кож (5, 14, 18 и 21 кантар), выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. В качестве залога семья армянских дубильщиков дает свой дом, а армянин Таркокша и его супруга Мина – своего сына (возможно, дом был уже заложен)¹⁶. Работоторговля была в Каффе обычным делом. В актах зафиксированы отдельные случаи продажи некоторыми армянами рабов (вероятно слуг, или полученных в качестве неустойки от торговых партнеров). Так, 1 июня 1290 г. каффский армянин свечник Савва продал рабы-

¹¹ Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1863. – Т.5. – С.593, 603, 609.

¹² Balard M. Gênes et l’Outre-Mer. – T.1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. – Paris, La Haye: Mouton & Co, 1973. – P. 68, 109, 233–234.

¹³ Ibid. – P.181–182; Brătianu G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). – Bucarest, 1927. – P.271–272.

¹⁴ Ibid. – P.304.

¹⁵ Ibid. – P.375.

¹⁶ Ibid. – P.160, 301, 309, 337.

ню (10-летняя Аркона родом из Венгрии) Мартину де Предоно¹⁷. В это же время на рынке Каффы действовал и переводчик армянин Стефан, также неоднократно фигурировавший в качестве свидетеля при заключении сделок между армянами и итальянцами¹⁸.

В результате активных деловых отношений с итальянцами, крымские армяне были вовлечены в торговлю Восточного Средиземноморья. Так, 23 июня 1289 г. армянин Петр продал свои товары генуэзцу, который обещает через 8 дней отдать ему 29 иперперов, как только прибудет его корабль из Перы¹⁹. Армянин Килакос (Киракос?) из Казарета 18 июля 1289 г. дал в долг итальянцу Рафаэлу Эбриаку, который обязуется отдать 2000 аспров через 15 дней, когда к нему прибудет корабль из Сирии, из Арзуфа²⁰.

Можно предположить, что и некоторые армянские купцы из Киликии также в это время бывали с торговыми целями в Крыму и даже поселялись здесь. На это может указывать сделка, заключенная в Каффе 24 июня 1290 г.: сириец Иоанн признает получение ссуды от армянина Христофана, жителя Каффы, или Сорхата из Лаяццо, суммы в 1800 аспров барикатс, которые обещает вернуть через полтора года. В качестве залога он отдал Христофану свой дом, расположенный в Каффе²¹. Вероятно, армянин Христофан, был уроженцем портового города Лаяццо/Аяса в Киликии, а на момент сделки уже проживал в Каффе или Сорхате (соседний с Кафой Сорхат/Солхат – важный торговый центр с многочисленной армянской общиной), и продолжал поддерживать торговые связи с Восточным Средиземноморьем. Сириец Иоанн, также имевший дом в Каффе, очевидно, за полтора года должен был успеть совершить плавание в Сирию и вернуть взятую в долг сумму.

¹⁷ Ibid. – P.215. Целенаправленно работоторговлей армяне не занимались, она была сосредоточена в руках итальянских купцов, поставлявших рабов в Египет и Италию. Hayton. *La flor des estoires de la terre d'Orient* // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. T.2. *Documents latins et français relatifs a l'Arménie*. – Paris, 1906. – P. 222; Quirini-Popławska D. *Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnim średniowieczu*. – Kraków, 2002; Origo I. *Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* // *Speculum*. – 1955. – Vol. 30. – №3. – P.321–366.

¹⁸ Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer*. – T.1. – P.220, 233–234.

¹⁹ Ibid. – P.105.

²⁰ Ibid. – P.120.

²¹ Ibid. – P.220.

Согласно генуэзскому Уставу Каффы (*Impositio officii Ghazarie*) в 1316 г. в городе было уже три армянские церкви²². Со временем крымские армяне (из Каффы и Сорхата/Казарата) начинают более активно осваивать Северное Причерноморье и Приазовье. Так, в сохранившихся источниках середины XIV в. отражена их деятельность в устье Дуная (Килия и Ликостомо), Днестра (Аккерман/Монкастро) и Дона (Тана/Азак). Именно по этим крупным рекам купцы из Причерноморья отправлялись вглубь Восточной Европы для закупки зерна, воска и мехов, или же непосредственно в этих итальянских факториях заключали сделки с восточноевропейскими купцами, привозившими сюда свои товары.

В памятных записях книг проповедей, переписанных священником Тертером Ереванци в Азахе/Тане в 1339 и 1341 гг., упоминается местная армянская церковь св. Григория Просветителя²³. Следовательно, армянская община в Тане существовала уже довольно давно и была достаточно состоятельной, чтобы возвести церковь. Тертер также описывает свое путешествие из родного Еревана через Грузию и далее морем в Каффу и оттуда в Азах. В нотариальных актах 19 сентября 1359 г. упоминается армянская судебная курия в Тане²⁴. По подсчетам С.П.Карпова, среди 443 свободных лиц, фигурирующих в актах Таны 1359–1360 гг., было 7 армян²⁵. Тана была известна как центр торговли рыбой, икрой, кожами и рабами. Поэтому город притягивал к себе не только крымских армян, но и армянских купцов из более отдаленных регионов, которые зачастую оседали в Тане. Так, 28 июля 1360 г. в сделке о купле-продаже рабов фигурирует армянин Астлан, сын покойного Сирима (Ширина/Сурена?) из Арзерона (Эрзерума), житель Таны²⁶.

Крымские армяне, посещавшие Килию и Аккерман с торговыми целями, зафиксированы в генуэзских актах 1340-х и 1360-х годов. Так,

²² Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса. – Т.5. – С.827 (сноска 89).

²³ Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С.Хачикян. – Ереван, 1950. – С. 329–330. (на арм. языке)

²⁴ Карпов С.П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – С.190.

²⁵ Карпов С.П. Tana – Une grande zone réceptrice de l'émigration au Moyen Âge // Migrations et diasporas méditerranéennes: Xe – XVIe siècles: actes du colloque de Conques, octobre 1999/ réunis par Michel Balard et Alain Ducellier. – Paris: Publications de la Sorbonne, 2002. – P.79.

²⁶ Карпов С.П. Латинская Романия. – С.190.

17 апреля 1344 г. в Килии Андреоло де Вендури продал армянскому купцу ходже Амиру из Тифлиса, горожанину Каффы, русскую рабыню и ее двухлетнего сына за 4150 аспров²⁷. Таким образом, Амир из Тифлиса перебрался в Каффу и уже получил городское гражданство (он назван «burgensi», а не «habitor», как в случае, если бы был просто «жителем»). В старинной армянской церкви Успения Богородицы в Аккермане (Белгород-Днестровский) в стены вделаны мраморные плиты в память об умерших (возможно, некоторые плиты более раннего происхождения были позже вделаны в стены церкви). Одна из надписей, датированная 1351 г., упоминает господина Кутчсена, оплакивающего свою мать²⁸. 14 сентября 1360 г. армянин Григо(рий), сын покойного Арабеца, житель и горожанин Килии, продал 20-летнюю рабыню-монголку Тойдани за 5 соммов Иоанну де Монтероссо, жителю и горожанину Перы²⁹. Как видим, если каффинец Амир из Тифлиса только бывал в Килии по делам, то Григорий жил здесь постоянно и уже получил гражданство Килии. Дунай и его притоки связывали Килию с Венгрией, Молдавией и Червонной Русью (Западной Украиной), откуда на черноморский рынок поставлялись зерно и воск. 30 октября 1360 г. каффинский армянин Саркис, сын Константина, заключил в Килии договор с Ягопом из Венгрии, сыном покойного Бартоломея, жителем Килии, согласно которому Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г., в залог, Ягоп оставил Саркису 13-летнюю рабыню Алексу. Одним из свидетелей заключения сделки выступил местный армянин Сабадим/Шабалин (?)³⁰. Упомянутый Саркис из Каффы также ранее фигурировал в качестве свидетеля в сделках 25 августа и 14 сентября 1360 г.³¹. Причем, в первом случае, он назван «жителем Килии», следовательно, подолгу жил здесь, или окончательно перебрался из Каффы. В сделках, заключенных в Ликостомо (Вилково в дельте Дуная) 13 сентября 1373 г., фигурируют: 17-летний армянин Мхитар и двое

²⁷ Balbi G., Raiteri S. Notaignovesiin Oltremare. Attirogattia Caffaea Licostomo (sec. XIV). – Genova, 1973. – P.102–103.

²⁸ Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества. – М., 1903. – Т.2. – Вып.3. – С.66.

²⁹ Balard M. Gènes et l'Outre-Mer. T.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzio. 1360. – Paris, La Haye, 1980. – P.107–108.

³⁰ Ibid. – P.193, 194.

³¹ Ibid. – P.58, 111.

его советников/поручителей (?) – Абрам и Георгий, армяне из Каффы³²; и армянин Спинула, уже гражданин Генуи³³.

Вероятно, во второй половине XIII в. армяне начинают оседать во Львове, через который шла торговля со странами Центральной и Западной Европы. Когда польский король Казимир III в 1349 г. завоевал Львов, там уже была армянская община, которой в он в 1356 г. позволил сохранить собственный суд³⁴. Во Львове продолжали селиться армянские купцы из Крыма, которые в 1363 г. возвели в городе церковь Успения Богородицы³⁵. С этого времени Львов становится центром армянской епархии, включавшей приходы не только в Галичине, Подолии и на Волыни, но и в Молдавском княжестве³⁶.

Армянские купцы Львова и Каменца-Подольского поддерживали торговые связи с Крымом, а начавшаяся в 1359 г. в Золотой Орде междоусобица, привела к притоку новых переселенцев из Крыма. Памятные записи (колофоны) армянских рукописей, переписанных в Крыму в 1363–1371 гг., описывают бедствия местных армян и тревожные ожидания еще больших несчастий, толкавшие многих к эмиграции³⁷.

С политикой могущественного эмира Мамая, фактического правителя западной частью Золотой Орды, тесным образом переплелась

³² Balbi G., Raiteri S. Op. cit. – P.197.

³³ Ibid. – P.200–201.

³⁴ Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М.Капраль. – Львів, 1998. – С.27–28.

³⁵ Obertyński S. Die Florentiner Unionder Polnischer Armenierund ihr Bischoffs katalog // Orientalia Christiana. – 1934. – Vol.36. – No.1. – S.41–42.

³⁶ Подробнее на эту тему см. наши публикации: Осипян А. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII – первой половине XV в. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 5. Мн., РИВШ, 2012. – С. 54–84. Его же. Этническая и конфессиональная идентичности в формировании городских «наций» Львова во второй половине XIV – первой половине XV вв. (на примере «армянской нации») // *Альманах по истории средних веков и раннего нового времени*. 2012–2013. Вып.3–4. С.22–41. Osipian A. Trans-Cultural Trade in the Black Sea Region, 1250–1700: Integration of Armenian Trading Diaspora in Moldavian Principality // *New Europe College Black Sea Link Yearbook*. – 2012–2013. – P.113–158.

³⁷ Sanjian A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969. – P.93–98.

судьба армянского купца Некомата Сурожанина³⁸. Из русских летописей известно, что в 1375–1383 гг. Некомат неоднократно совершал поездки в Москву и Тверь, в ходе которых не только осуществлял коммерческую деятельность, но и выполнял дипломатические поручения Мамаю (преимущественно секретного характера). Некомат был посредником в отношениях Мамаю с тверским князем Михаилом Александровичем и Иваном Васильевичем, опальным сыном московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Поражение на Куликовом поле и убийство Мамаю в Солхате или Каффе привели к гибели и его доверенного лица Некомата. В 1383 г. «убиень бысть на Москву некий брехъ именемъ Некомать за некую крамолу»³⁹. В наиболее ранней книге актовых записей магистрата города Львова 1382–1389 гг. в записи о сделке от 14 ноября 1386 г. упомянут некий «Авахав сын покойного Некомата»⁴⁰. Мы считаем возможным отождествить этого Некомата с Некоматом Сурожанином русских летописей. Некомат Сурожанин был казнен в 1383 г., что согласуется с записью во львовских актах 1386 г. о сделке Авахаву сына *покойного* Некомата. «Авакбарун, сын Некаматы» упомянут в реестре сбора налога с армян домовладельцев Львова от 5 сентября 1407 г.⁴¹ Случай Некомата и его сына Авакбаруна является, по нашему мнению, удачным примером создания торговых сетей на основании родственных связей. Судя по всему, Некомат осуществлял коммерческие операции на направлении Крым – Тверь и Москва, а его сын Авак торговал между Крымом и Львовом. Вероятно, Авак (Авахав, Авакбарун) окончательно перебрался во Львов после поражения и гибели Мамаю, покровителя его отца, и казни самого Некомата в Москве. Крымские купцы-сурожане совершали регулярные поездки в Москву в правление князя Дмитрия Ивановича. Нескольких из них он взял с собой из Москвы в 1380 г. во время похода навстречу войску Мамаю. Л.С.Хачикян идентифицирует большинство этих купцов-сурожан

³⁸ Осипян А.Л. Был ли предателем Некомат Сурожанин: сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамаю // Мамаю. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Трепавлова, И.М.Миргалеева. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.239–247.

³⁹ Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1963. – Т.28. – С.85.

⁴⁰ Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. – Т.1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389 / Wyd. A.Czołowski. – Lwów, 1892. – S.69.

⁴¹ Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. – Т.2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414 / Wyd. A.Czołowski. – Lwów, 1896. – S.40–41.

как армян и греков⁴². Вероятно, в это же время армянские купцы бывали и в Новгороде⁴³.

Таким образом, благодаря веротерпимости и поощрению торговли монгольскими правителями значительное число армянских купцов и ремесленников поселилось в городах Золотой Орды, главным образом в Сарае и портовых городах Северного Причерноморья и Приазовья. Эпоха нестабильности в Золотой Орде в 1360-е и 1390-е годы способствовала оттоку части армян из Северного Причерноморья в Молдавское княжество, Галицкую Русь и Подолье, поскольку ранее армянские купцы неоднократно бывали в этих регионах с коммерческими поездками.

Источники и литература

1. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. – 1997. – Т.57. – С.211–233.

2. Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С.255–332.

3. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971.

4. Близнюк С.В. Торгово-экономические отношения Кипра с государствами Средиземноморья в 1192–1373 гг. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С.50–81.

5. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С.236–425.

6. Гандзакеци Киракос. История Армении. – М.: Наука, 1976. – 357 с.

7. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б.Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С.88–189.

8. Дашкевич Я.Р. Кам'янець-Подільський у вірменських джерелах XIV–XV ст. // Архіви України. – 1970. – №5. – С.57–66.

9. Дашкевич Я.Р. Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) // Древнейшие

⁴² Хачикян Л.С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище. (К вопросу об их национальной принадлежности) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С.333–357.

⁴³ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С.255–332.

государства на территории СССР. Материалы и исследования (1982 г.). – М.: Наука, 1984. – С.177–195.

10. Дашкевич Я.Р. Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах // Україна в минулому. – Київ-Львів, 1992. – Вип.1. – С.7–13.

11. Джованни дель Пано Карпини. История монгалов // Джованни дель Пано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б.Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С.30–85.

12. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985.

13. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв.: Документы и материалы в 3-х т. – М.: Наука, 1965. – Т.1.

14. Капраль М.М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст.: Соціально-правові взаємини. – Львів, 2003. – 439 с.

15. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. – М.: МГУ, 1990. – 336 с.

16. Карпов С.П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.

17. Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С.191–216.

18. Книга Марко Поло // Джованни дель Пано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б.Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С.192–380.

19. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С.141–157.

20. Крипякевич И.П. К вопросу о начале армянской колонии во Львове // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – К.: Наук. думка, 1965. – Вып.2. – С.122–127.

21. Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества. – М., 1903. – Т.2. – Вып.3. – С.33–75.

22. Лехац С. Путевые заметки. – М.: Наука, 1965.

23. Маргарян А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» // Кавказ и Византия. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. – Т.3. – С.64–72.

24. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле. – К., 1885.

25. Осипян А.Л. Был ли предателем Некомат Сурожанин? (сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамайя // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). – Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. – С.353–360.

26. Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С.Хачикян. – Ереван, 1950. – XXXIII+759с. (на арм. языке).

27. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1963. – Т.28.

28. Пономарев А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. – СПб.: Алетей, 2000. – Вып.4. – С.317–443.

29. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М.Капраль. – Львів, 1998. – 640 с.

30. Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М.Капраль. – Львів, 2000. – 575 с.

31. Путешествие Гильберта де Ланнуа по Южной России в 1421 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1852. – Т.3.

32. Путешествия Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Университетские известия. – Киев, 1873. – №8.

33. Сецинский Е. Город Каменец-Подольский. – К., 1895.

34. Українські грамоти XV ст. – К.: Наук. думка, 1965.

35. Хачикян Л.С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище. (К вопросу об их национальной принадлежности) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С.333–357.

36. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год [<http://www.vostlit.by.ru/Texts/rus3/Schiltberger/text2.htm>]

37. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1863. – Т.5. – С.627–837.

38. Abracham W. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi. – Lwów, 1904. – Т.1.

39. Abu-Lughod J.L. Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350. – New York: Oxford University Press, 1989. – 443 p.

40. Actes passés en 1271, 1274 et 1279 a l'Aias (Petite Arménie) et á Beyrouth par-devant des notaries génois / Par le Ch.Cornelio Desimoni. – Gênes, 1881.

41. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1872. – Т.3.

42. Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. – Т.1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. – Paris, La Haye: Mouton & Co, 1973. – 420 p.

43. Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. Т.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponso. 1360. – Paris, La Haye, 1980. – 211 p.

44. Balard M. Continuïte ou changement d'un passage urbain? Caffa genoïse et ottomane // Le paysage urbain au Moyen Age: Actes du XIe Congrès

de la Société des Historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public (Lyon, 1980). – Lyon, 1981. – P.79–131.

45. Balard M. Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // *Revue Historique*. – Vol.270. – Paris, 1983. – P.31–54.

46. Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). – Genova, 1973.

47. Balzer O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie. – Lwów, 1909.

48. Barącz S. Rys dziejów ormiańskich. – Tarnopol, 1869. – 238 s.

49. Bedrosian R. The Turko-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13th–14th Centuries. – New York, 1979 [<http://rbedrosian.com>]

50. Boyle J.A. The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Mongke // *Central Asiatic Journal*. – 1964. – Vol.9. – P.175–189.

51. Brătianu G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). – Bucarest, 1927. – 389 p.

52. Clavijo. Embassy to Tamerlane 1403–1406 / Trans. by Guy Le Strange. – New York and London: Harper, 1928 [<http://depts.washington.edu/silkroad/texts/clavijo/cltxt1.html>]

53. Dachkevitch Ya. Les Arméniennes à Kiev (jusqu'à 1240) // *Revue des études arméniennes*. – Paris, 1973– 1974. – Vol.10. – P.114– 131; 1975– 1976. – T.11. – P.323–375.

54. *Documenta Romaniae Historica*. – București: Editura Academiei R S România, 1975. – T.1.

55. Hayton. La flor des estoires de la terre d'Orient // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. T.2. Documents latins et français relatifs à l'Arménie. – Paris, 1906.

56. Ibn Battuta. *Travels in Asia and Africa 1325–1354*. – London: Routledge & Sons, 1929.

57. Ioannis Dlugossii *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. – Liber XI et XII (1431–1444). – Varsaviae, 2001. – 475 p.

58. John of Marignolli. *Recollection of Travel in the East // Cathay and the Way Thither. Being Collection of Medieval Notices of China / Edited by H.Yule; rev.edn. by H.Cordier*. – London: Hakluyt Society, 1914. – Vol.3. – P.177–279.

59. Karpov S.P. Tana – Une grand zone réceptrice de l'émigration au Moyen Âge // *Migrations et diasporas mediterraneennes: Xe – XVIe siecles: actes du colloque de Conques, octobre 1999/ reunis par Michel Balard et Alain Ducellier*. – Paris: Publications de la Sorbonne, 2002. – P.77–89.

60. Langlois V. *Mémoire sur les relations de la république de gènes avec le royaume Chrétien de la Petite-Arménie pendant les XIII et XIV siècles*. – Paris, 1860.

61. Letter from Pascal of Vittoria, a Missionary Franciscan in Tartary, to his Brethren of the Convent of Vittoria, 1338 // *Cathay and the Way Thither* / Ed. H.Yule; rev. edn. by H.Cordier. – London, 1914. – Vol.3. – P.81–88.
62. Letter of Sempad // *Cathay and the Way Thither*. Being Collection of Medieval Notices of China / Ed. by H.Yule; rev.edn. by H.Cordier. – London, 1915. –Vol.1. – P.162.
63. Lutrell A.T. The Hospitallers' interventions in Cilician Armenia: 1291–1375 // *The Cilician Kingdom of Armenia* / Ed. by T.S.R.Boase. – New York: St.Martin's Press, 1978.
64. Obertyński S. Die Florentiner Union der Polnischer Armenier und ihr Bischoffs katalog // *Orientalia Christiana*. – 1934. – Vol.36. – No.1. – S.5–68.
65. Odoric of Pordenone. Biographical and historical notices // *Cathay and the Way Thither*. Being Collection of Medieval Notices of China / Edited by H.Yule; rev.edn. by H.Cordier. – London: Hakluyt Society, 1913. – Vol.2.
66. Origo I. Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Speculum*. – 1955. – Vol.30. – №3. – P.321–366.
67. Ormianie w średniowiecznym Krakowie. Wypisy źródłowe/ Wyd. B.Wyrozumska. – Kraków, 2003. – 67 s.
68. Pamiętniki o Dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy *Jana Franciszka Commendoni* do Karola Borromeusza / Zebrał J. Albertrandi biskup Zenopolitański. Z rękopismów włoskich i łacińskich wytłómaczył J. Krzeczkowski. – Wilno, 1851. – T.1 (1563). – 268 s.
69. Pegolotti's notices of the land route to Cathay and of Asiatic trade // *Cathay and the Way Thither* / Ed. H.Yule; rev. edn. by H.Cordier. – London, 1914. – Vol.3. – P.137–171.
70. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. – T.1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389 / Wyd. A.Czołowski. – Lwów, 1892.
71. Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. T.2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414 / Wyd. A.Czołowski. – Lwów, 1896. – 184 s.
72. Przędziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. – Wilno, 1841. – T.1. – 213 s.
73. Quirini-Popławska D. Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnim średniowieczu. – Kraków, 2002. – 321 s.
74. Raynaldus Odoricus. *Annales ecclesiastici*. – T.15 (1305–1334). – Coloniae Agrippinae, 1691.
75. *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie* / Par F. Thiriet. – Paris, La Haye: Mouton, 1958. – T.1 (1329–1399).
76. Richard J. *La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles)*. – Rome, 1998. – 331 p.
77. Sanjian A.K. *Colophonsof Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969. – 459 p.

Алтын Урдада эрмән диаспорасы

Автор фикеренчә, Алтын Урдада эрмән диаспорасының барлыкка килүе эрмән сәүдәгәрләре актив катнашкан транзит сәүдә нәтижәсе булып тора. Монгол басып алуучылары Кара һәм Урта дингез буйларынан Кытайга кадәрле киңлекләрдә куркынычсызрак һәм уңайлырак трансконтиненталь сәүдәне оештыру өчен тиешле шартлар тудырганнар.

Генуя һәм Венеция колонияләре һәм аларның Кара дингез буендагы дингез коммуникацияләре эрмәннәрнең бу төбәккә үтеп керүләренә китергән, чөнки алар еш кына итальян һәм грек сәүдәгәрләре белән тыгыз кооперациядә эшмәкарълек белән шөгъльләнгәннәр. Алтын Урдада тынычлык беткән 1360 нчы һәм 1390 нчы елларда эрмәннәрнең бер өлеше Төньяк-Кара дингез буйларынан Молдаво кенәзлегенә, Галич Русенә, Дон елгасы буена (соңрак Польша корольлеге провинциясенә) күчкән, чөнки элегрәк эрмән сәүдәгәрләре бу төбәкләрдә алыш-биреш белән күп тапкырлар булганнар.

Ачык сүзләр: Алтын Урда, эрмән диаспорасы, Генуя колонияләре, сәүдә юллары, Сарай, Каффа, Солхат, Судак.

A.L. Osipian

Armenian Diaspora in the Golden Horde

The security provided by Mongol control over the whole Inner Asia, combined with the remarkable *yam* post communication network, meant that the trade routes from China to the Europe were safer than they had ever been before. I highlighted three stages of Armenian migration in the northern part of the Black Sea region: through Trebizond and Tiflis to the Crimea (Caffa, Soldaia and Solchat/Surchat) in 1240s–1290s; to the ports in the estuary of main rivers that is Danube, Dniester and Don (Kilia and Licostomo, Moncastro-Akkerman, and Azak-Tana) in the first half of 14th century; to the inland trade centres situated deeper (Lemberg, Lutsk, Kamianets, Suceava and Iassi) in 1360s–1390s. The migrations of 1360s–1390s from the Crimea were provoked mostly by the continuous period of political rivalry and internal wars in the Golden Horde as well as by the destructions caused by Tamerlane in 1395–1396 and expansion of the Great Duke of Lithuania Vitovt in 1397–1398.

Keywords: Golden Horde, Armenian Diaspora, Genoese colonies, trade routes, Saray, Caffa, Solchat, Sudak.

Осипян Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Краматорского экономико-гуманитарного института (г. Краматорск, Украина); e-mail: agricolae_ua@yahoo.com

Осипян Александр Леонидович – тарих фәннәре кандидаты, Краматорск икътисад-гуманитар институты тарих кафедрасының доценты (Краматорск шәһәре, Украина).

Osipian Alexandr Leonidovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Chair of History, Kramatorsk Institute of Economics and Humanities (Kramatorsk, Ukraine).

Служилые люди «пушкарского чина» и казенные мастеровые люди крепости Тетюши в XVII – начале XVIII вв.

В статье на основе средневековых переписей населения и Ревизской сказки города Тетюши 1723 года охарактеризован состав служилых людей «пушкарского чина» и казенных мастеровых людей. Кроме того, автор исследования рассматривает права и обязанности данной группы служилых людей, предоставляет сведения об их численности в городе-крепости Тетюши на протяжении XVII – начала XVIII вв.

Ключевые слова: крепость Тетюши, средневековый русский город, служилое сословие, люди «пушкарского чина», казенные мастеровые люди, XVII – начало XVIII вв.

После завоевания Казани в 1552 году на территории Среднего Поволжья были укреплены старые и основаны новые крепости, одной из которых являлись Тетюши. Город был основан в 1571 году¹ на правом берегу реки Волга в 59 верстах (в 129 км) от Казани, а Тетюшский уезд сформировался в 1573–1574 гг.² Следовательно, с этого времени, крепость стала центром новой административно-территориальной единицы края.

Имея важное военно-стратегическое значение, поселение служило укрепленным пунктом для защиты Поволжского края от набегов ногаев и войск крымского хана (тогда же неподалеку были устроены Старая и Новая Тетюшская засеки), поэтому Тетюши и строились в виде сторожевого пограничного городка военного типа³. Вплоть до сооружения во II половине XVII века Симбирской и За-

¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1966. – С. 239; Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н.Г. Савич. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1981. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 273; Разрядная книга 1550–1636 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. – С. 185.

² Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – С. 5–6.

³ Городские поселения в Российской Империи. – СПб.: Типогр. Тов-ва «Общественная польза», 1861. – Т. 2. – С. 320; Памятная книжка Казанской губернии на 1863 год. – Казань: Губернская типогр., 1863. – С. 85; Вечеслав Н.Н. Заметки по истории и древностям Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1869. – Вып. 1. С. 74–75; Калинин Н. Возникновение и рост Тетюш // Записки Тетюшского музея. – 1928. – № 4. – С. 8.

камской черт (южнее и юго-восточнее самого города) Тетюшская крепость и Тетюшская засечная черта⁴ оставалась единственным укрепленным пунктом на пути неприятеля.

Сословная структура населения Тетюш соответствовала той роли, которую выполнял средневековый русский город – крепость, поэтому основную часть городских обывателей представляли различные категории «служилых людей», которые стали первыми поселенцами (и, возможно, строителями) укреплений, переведенными из внутренних уездов Московского государства: «население городов Казанского Поволжья формировалось в ходе русской колонизации края за счет выходцев из центральных, северных земель России, с Вятки и Верхней Волги»⁵.

В городе-крепости господствующее положение занимала низшая прослойка служилого сословия – служилые люди «по прибору». Дворяне и дети боярские также входили в состав жителей города, но в весьма небольшом количестве.

Источниковой базой для написания статьи послужили материалы средневековых переписей населения 1646 и 1656–1657 гг.⁶, перечневые списки (1702 г.)⁷, которые хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также опубликованные разрядные записи за 1625–1636 гг.⁸ и смета военных сил Московского государства (1632 и 1651 гг.)⁹.

⁴ Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. – Казань: Изд-во «ЯЗ», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Вып. 4. – С. 146–175.

⁵ Зорин А.Н. Горожане Среднего Поволжья во II половине XVI – начале XX вв. Историко-этнографический очерк. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С. 8.

⁶ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445. – Л. 846–846об.; РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 2об., 6, 11–11об., 16об.

⁷ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 4. – Ед. хр. 5124. – Л. 4об.

⁸ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1853. – Т. 1. – С. 1144, 1357; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1855. – Т. 2. – С. 88, 193, 290, 355, 821, 924.

⁹ Водарский Я.Е. Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – I половины XVIII вв. – М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1989. – С. 26; Сташевский Е. Смета военных

Служилое сословие в Московском государстве в XVI–XVIII вв. имело следующее деление:

1) служилые люди «по отечеству» (дворяне или «жилыцы», дети боярские, князья, дьяки и подьячие);

2) служилые люди «по прибору» (сторожа, приставы, стрельцы, казаки, драгуны, рейтара, солдаты, пушкари, затинщики, воротники, копейщики, станичники, засечные головы);

3) казенные служилые мастерские люди, рыболовы и др.¹⁰

Служилое сословие Казанского Поволжья подчинялось Приказу Казанского Дворца, который управлял огромной территорией, присоединенной к Московскому государству после завоевания Казанского, Астраханского и Симбирского ханств, в период с 1599–1709 гг.¹¹ Приказ осуществлял административно-судебное и финансовое управление главным образом юго-восточными территориями: Мещёра и Нижегородский уезд (до 1587 г.), Казань со Средним и Нижним Поволжьем, города бывшего Астраханского ханства (в XVII веке были в ведении Посольского приказа), Урал и Сибирь (1599–1637 гг.)¹². В 1637 году был создан специальный Сибирский приказ, в ведение которого была передана территория всей Сибири¹³.

В 1680 году в Московском государстве была проведена военная реформа. Одним из ее итогов стало создание Казанского разряда, который «был создан как подразделение Разрядного приказа, следовательно, ратные силы понизовых городов находились в двойном ведомстве»¹⁴. Существовало и территориальное разделение: «Казанского розряду низовых городов ратные люди ведомы были: полковые службы дворяне и дети боярские в Розряде, ..., а стрельцы, и пушкари, и затинщики, и

сил Московского государства на 1632 г. (Сметный список 140 году) // Военно-исторический вестник, 1910. – № 9–10. – С. 74.

¹⁰ Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1852. – С. 113.

¹¹ Демидова Н.Ф. Приказы. // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – С. 564.

¹² Градовский А.Д. История местного самоуправления в России. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 285; https://ru.wikipedia.org/wiki/Приказ_Казанского_дворца

¹³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во II половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. – С. 53.

¹⁴ Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: дис. ... к.и.н. – Казань, 1998. – С. 195.

розсыльщики, в Иноземном Приказе в салдатской службе»¹⁵. Так, ратные люди от Казани вплоть до Симбирска (включая Симбирскую черту) числились в ведомстве Разрядного приказа, а стрельцы, пушкари, затинщики и другие ратные были распределены в Иноземный приказ на солдатскую службу. Таким образом, по реформе 1680 года служилое население Тетюш стало иметь двойное подчинение.

Поскольку Тетюши в первую очередь выполняли роль крепости, то следует разделить разряды служилых людей по родам войск – это: 1) конница, которая составляла главную военную силу (дворяне, дети боярские, рейтары, драгуны и казаки); 2) пехота (стрельцы, солдаты и пешие городские казаки); 3) артиллерия (пушкари, затинщики, плотники, кузнецы и воротники).

К низшим слоям служилых людей «по прибору» принадлежали люди «пушкарского чина», т.е. мастера, бывшие при «наряде». К ним относились пушкари, затинщики и воротники. Они комплектовались за счет вольных людей, но в основном, благодаря беглым крестьянам. Н.Д. Чечулин указывает, что русское население в Среднем Поволжье было малочисленным, чтобы из него можно было рекрутировать необходимое количество ратных людей: «несомненно, что они набраны были из вольных, гулящих людей разных местностей»¹⁶. Из каких уездов комплектовалось военное сословие Тетюш источники не уточняют, но, вероятно, их процент был невелик. Фактически же в состав гарнизона крепости зачислялась беднейшая часть посада.

В Тетюшах люди «пушкарского чина» жили в своих дворах, на посаде, но фактически же, могли иметь и особые слободы в уездах. Они составляли постоянный гарнизон крепости и были ответственны за боеспособность артиллерии.

Пушкари – это военнослужащие, обслуживающие крупнокалиберные орудия, и мастера, отливающие пушки. Они «должны были всегда быть готовы к походу, неся в мирное время караульную службу у крепостных орудий и выполняя различные поручения воевод по укреплению городов»¹⁷. В первую очередь, пушкари выполняли поручения, связанные непосредственно со своей специализаци-

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т.5. – С. 135.

¹⁶ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. – СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1889. – С. 216.

¹⁷ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М.: Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1954. – С. 32.

ей: их могли отправить на прием новых орудий, на заготовку и развозку пороха, им поручалось наблюдение за изготовлением пороха, ядер и пр. «Там, где не было воротников, кузнецов и плотников, пушкари запирали городские ворота, производили ремонт орудий и т.п.»¹⁸. Пушкари имели личное оружие – ручницы (пищали).

Профессия пушкаря ценилась еще и потому, что искусство изготовления орудий и меткая стрельба достигались благодаря передаваемому из поколения в поколение опыту. Видимо, не случайно, что на протяжении периода с 1646 по 1657 гг. (может быть и более длительное время) среди пушкарей, и даже затинщиков и воротников крепости Тетюши встречаются одни и те же фамилии: пушкарь – Васька Архипов, затинщик – Фирска Панкратьев, воротник – Федька Игнатьев¹⁹. Отбор в пушкари был особенно строгим. «Устав ратный, пушкарских и других дел», принятый в 1621 году, указывал, что они должны были быть «людьми добрыми», «из самопалов, ручниц и пищалей гораздыми», морально устойчивыми, трезвыми, не клеветниками, не лаятелями (ругателями)»²⁰.

Пушкарям противопоставлялись затинщики, в обязанность которых входило содержание затинных пищалей в исправном и боевом состоянии, располагавшихся, как правило, на стенах крепостей. В связи с этим затинщики сосредоточивались по всему периметру стен. Затинные пищали – это легкие крепостные орудия калибром 25 мм, длиной ствола от 72 до 162 см²¹. Число пушкарей и затинщиков в крепостях Московского государства в XVII веке колебалось от 2–3 до 33–34 человек²² (вторая цифра была характерна, например, для Казани).

К служилым людям «пушкарского чина» относились также воротники. «Если воротники составляли постоянную часть гарнизона в каждом городе, то другие категории специалистов имелись лишь в некоторых городах, являвшихся важными военно-административными центрами»²³. Воротники, служившие при наряде, обслуживали

¹⁸ Чернов А.В. Указ. соч. – С. 90.

¹⁹ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445. – Л. 846–846об.; РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. –Л. 2об., 6, 11об.

²⁰ Цит. по: Димитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 63–64.

²¹ Димитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 63.

²² Чернов А.В. Указ. соч. – С. 90.

²³ Чернов А.В. Указ. соч. – С. 91.

артиллерию, «ибо ворота как наиболее опасное в оборонном отношении место в крепости охранялись артиллерией»²⁴.

Динамику численности пушкарей, затинщиков и воротников крепости Тетюши в XVII – начале XVIII столетиях мы представили в таблице № 1.

Таблица № 1

**Численность пушкарей, затинщиков и воротников
в г. Тетюши в XVII – начале XVIII вв.**²⁵

Годы	Пушкарки (чел.)	Затинщики (чел.)	Воротники (чел.)
1625	2	–	2
1627	2	–	2
1628	2	–	2
1629	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	–
1630	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	–
1631	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	–
1632	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	«3 ч. пушкарей и затинщиков»	–
1635	2	–	2
1636	2	–	2
1646	1	4	1
1651	«пушкарей и воротников 4»	–	«пушкарей и воротников 4»
1656–1657	1	4	1
1702	2	6	–
ВСЕГО:		56	

²⁴ Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. – М.: Наука, 1970. – С. 218.

²⁵ Водарский Я.Е. Указ. соч. – С. 26; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1853. – Т. 1. – С. 1144, 1357; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1855. – Т. 2. – С. 88, 193, 290, 355, 821, 924; РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445. – Л. 846–846об.; РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 2об., 6, 11–11об., 16об.; РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 4. – Ед. хр. 5124. – Л. 4об.; Сташевский Е. Указ. соч. – С. 74.

Как видим, в 1625, 1627–1628 гг. крепость Тетюши имела в своем распоряжении 2-х пушкарей и 2-х воротников. В 1629–1632 гг. в составе гарнизона появляются затинщики, однако исчезают воротники. Общая численность не превышает 3-х человек. Воротники зафиксированы в 1635–1636 гг. – 2 человека. Из числа лиц «пушкарского чина» в указанное время служили 2 пушкаря. В 1646²⁶ и 1656–1657²⁷ гг. в гарнизоне Тетюш значились пушкарь, 4 затинщика и 1 воротник, в 1651 г. – «пушкарей и воротников 4»²⁸, в 1702 году на службе состояли 2 пушкаря и 6 затинщиков²⁹. В виду такой малочисленности они жили среди прочих служилых лиц на посаде, а не в отдельных слободах.

Служебные обязанности людей «пушкарского чина» состояли в несении охраны, ремонте городских укреплений и крепостной артиллерии. Для обороны городов, как правило, предназначался крепостной наряд, состоящий из среднекалиберных и малокалиберных орудий: полуторная пищаль – пушка длиной ствола от 108 см., девятирядная пищаль – пушка длиной ствола от 162 см., сороковая пищаль – многоствольное орудие и затинная пищаль³⁰. Особую группу составляли осадные, т.е. стенобитные орудия, которые были громоздкими и стреляли тяжелыми (до 4 пудов) ядрами³¹. Отдельную группу орудий формировали личные снаряжения воинов крепости, которые состояли, как правило, из пищали и мушкетов. По данным 1704 года крепость Тетюши имела следующий военный наряд: «19 мушкетов фетильных и затинных без починки к стрельбе негодны. 10 пуд пороху ручного и пушечного. 5 пуд свинцу. 196 ядер пушечных. 4108 ядер и с отрупки к затинным пищалем»³². Кроме того, в Казань было прислано из Тетюш 13 пушечных полковых станков, окованных железом, «и с вилы железными и со всеми исподдо-скы»³³. Иными словами, к началу XVIII столетия в вооружение крепости пушек и затинных пищалей уже не было, малочисленным был запас боеприпасов, но цифра в 196 пушечных ядер, а также то, что

²⁶ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445. – Л. 846–846об.

²⁷ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 2об., 6, 11–11об., 16об.

²⁸ Водарский Я.Е. Указ. соч. – С. 26.

²⁹ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 4. – Ед. хр. 5124. – Л. 4об.

³⁰ Димитриев В.Д. Указ. соч. – С. 63.

³¹ Чернов А.В. Указ. соч. – С. 176–177.

³² Мустафина Д.А. Крепостные сооружения в городах Казанского края в конце XVII в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 41.

³³ Мустафина Д.А. Указ. соч. – С. 40.

13 пушечных станков теперь находились в распоряжении Казанского гарнизона, говорят о том, что ранее, в XVII веке, крепость имела важное военно-стратегическое значение в регионе. Таким образом, указанные выше виды вооружения доказывают необходимость наличия в крепости мастеров, обслуживающих артиллерийские орудия и личное оснащение воинского состава гарнизона, на всем протяжении II половины XVI – начала XVIII вв.

Кроме этого, все люди «пушкарского чина» вместе со стрельцами круглосуточно несли боевое дежурство по охране острога. Они должны были защищать город в военное время, во время осады, при штурме, а в мирное время возделывали свои земли и наравне со стрельцами исполняли полицейские функции – привлекались к судебным-розыскным мероприятиям, которые проводились, как правило, по имущественным спорам о земельных и иных угодьях, по денежной задолженности и банкротству отдельных лиц.

За службу государству они награждались земельным, денежным и хлебным жалованием: «давалась земля с угодьями, на которой они занимались разными промыслами, пахали землю, ловили рыбу и торговали»³⁴. Известно, что в 1619 году воротники и пушкеры Тетюшской крепости имели в своем распоряжении сенные покосы: «Покровского монастыря игумена з братею поместье от Тетюш верст с пять, воротниковы и пушкаревы сенные покосы»³⁵. Русские «приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами, или товариществами»³⁶.

Городские пушкеры во II половине XVI в., к примеру, получали денежное жалование: «в год по 1 рублю, по 2 пуда соли и по 12 четвертей ржи и овса столько же»³⁷. Для сравнения: согласно «Окладной расходной росписи» 1681 года пушкеры городов Кокшайск, Яранск и Царевококшайск получали по 4 рубля в год, и по 4 чети хлебного жалования (рожь и овес), а те же служилые пушкеры Уржума – по 3 рубля и по 3 чети ржи и овса³⁸. Затинщик г. Царевококшай-

³⁴ Беляев И.Д. О доходах Московского государства. – М: Типография Штаба Московского военного округа, 1885. – С. 151.

³⁵ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 153. – Л. 419.

³⁶ Амерханова Э.И. Указ. соч. – С. 92.

³⁷ Чернов А.В. Указ. соч. – С. 90.

³⁸ Айплатов Г.Н. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования служилым людям городов Марийского края 1681 года. // Марийский археографический вестник. – 2009. – № 19. – С. 122–123.

ска и воротник г. Уржума имели следующее жалование: 2 рубля в год и хлеба по 2 чети ржи и овса³⁹, что свидетельствует об иерархии среди служилых людей «пушкарского чина»: пушкарки занимали более привилегированное положение, чем затынщики и воротники. Размеры земельных владений были различны: от ½ до 6 четвертей пашни на человека.

Люди «пушкарского чина» и другие представители служилого сословия могли заниматься ремеслами, промысловой деятельностью и торговлей. По Соборному Уложению 1649 года пушкарки, затынщики и воротники потеряли свои привилегированные права на занятия торговлей и промыслами, уравнившись в этом отношении с посадским населением: «А которые в городех же иных чинов служилые люди пушкарки, и затынщики, и воротники, и казенные плотники, и кузнецы сидят в лавках и всякими торговыми промыслами промышляют, и им с торговых своих промыслов по тому же платити государевы таможенные пошлины, и быти им в тягле, и всякие государевы подати платити, и службы служить с посадскими людьми в ряд»⁴⁰.

Служилые люди «по прибору» освобождались от выплаты налогов, которыми были обременены, к примеру, жители посада, выплачивавшие прямые (ямские, полонянничные и стрелецкие деньги, хлебный налог, бобыльской оброк), временные (выделение «даточных» солдат) и косвенные налоги (таможенные пошлины, кабацкие сборы и пр.).

В XVI в. их служба считалась временной и личной, т.е. она не передавалась по наследству, пополнение шло за счет вербовки представителей разных сословно-социальных групп населения. В XVII в. положение служилых «по прибору» подверглось некоторым изменениям. Так, по «Соборному Уложению 1649 года» приборная служба во многом имела наследственный характер.

Воинский контингент, а также сама крепость должны были быть обеспечены соответствующим вооружением и военным снаряжением. Если пушкарки и затынщики действовали, главным образом, у «наряда» в бою, то для его изготовления и починки орудий имелись специалисты – казенные служилые мастеровые люди: плотники, кузнецы и «портные мастера».

Во II половине XVII – начале XVIII вв. в Тетюшах развивались ремесла, поддерживаемые государственной конъюнктурой, что в ис-

³⁹ Айплатов Г.Н. Указ. соч. – С. 123.

⁴⁰ Соборное Уложение 1649 года: текст, комментарии. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1987. – С. 100.

точниках фиксировалось такими приписями, как «государев казенный кузнец», «казенный плотник».

В Казани во II половине XVI в. к числу государственных предприятий относились «Зеленый двор», где добывалась нефть, кузницы, дворы плотников, пивоварня; в Свияжске была организована добыча селитры, здесь же располагались «двор Государев Казенной» (хранилась «казна»: пушки, пищали, порох, ядра и т.п.), Житничный двор⁴¹; в Чебоксарах имелись Гостиный двор и житные дворы⁴².

В средневековых переписях, а также в «Ревизской сказке» 1723 года по городу Тетюши подобные специальности, должности и учреждения не упоминаются. Но наличие среди служилого сословия казенных кузнецов и плотников говорит о том, что в городе располагались кузнечные мастерские, плотницкие и портняжные дворы. Вооружение, порох, свинец и пр., видимо, привозились в пригород из Казани или Свияжска, поскольку там были созданы специальные предприятия для их производства и хранения. В Тетюшах же основная деятельность казенных мастеровых заключалась в поддержании в надлежащем порядке и ремонте укреплений крепости и засек, а также выданного вооружения и обмундирования гарнизона.

В Тетюшах наличие кузнецов на службе зафиксировано в 1656–1657 гг.: «Двор государев казенной кузнец Якимко, прозвище Жетко, Ортемьев сын Замораев. У него два сына Фролко, осьми лет, Андрюшка, дву лет»⁴³; «...⁴⁴, что проживет дьячек церковной Ивашко Михайлов. У него два сына Ивашко четырех лет, Петрушка году. На том же дворе, в другой избе живет кузнец Стенька Клементьев. У него два сына Ондрюшка да Васька полугоду»⁴⁵. Во втором случае кузнец был без приписи «казенный» и проживал, видимо, во дворе церковнослужителя.

Поскольку сразу же после вхождения завоеванных территорий в состав Русского государства во II половине XVI века местному населению запретили заниматься кузнечным и серебряным делом, им не

⁴¹ Белов С.Г. Государственная промышленность в Казанском крае во II половине XVI в. (по материалам Писцовых книг). // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов): Сб. ст. научно-практ. конф. – Казань: Фолиант, 2014. – С. 15–18.

⁴² Дмитриев В.Д. Указ. соч. – С. 104.

⁴³ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 2.

⁴⁴ Лист источника оборван.

⁴⁵ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 7.

продавали оружие и металлы⁴⁶, поэтому кузнечное дело и плотничество были поставлены на государственную службу, а значит, представителями этих ремесел были из числа русских жителей. В роли кузнецов и оружейников выступали, как правило, казаки и пушкари⁴⁷. Кузнечное дело было направлено, в первую очередь, на военные нужды. Однако это не исключает изготовление и ремонт сельскохозяйственных орудий труда, различных инструментов, предметов быта и пр.

В 1656–1657 гг. в крепости также служили плотники: 4 человека (в том числе 1 «отставной плотник»)⁴⁸. «Отставной плотник» Иван Сопчиков зафиксирован и в «Ревизской сказке» Тетюш 1723 г.⁴⁹ Он с 15 лет трудился плотником в Санкт-Петербургском Адмиралтействе, а в 1722 году был «отпущен» в Тетюши.

Наличие плотников свидетельствует о развитии в городе плотницкого ремесла, которое было связано с деревообработкой, столярничеством, стругальничеством и пр. Их руками возводились общественные здания – лавки, амбары, мельницы, на казенные нужды осуществлялся ремонт фортификационных сооружений Тетюш, а также строились частные жилые и хозяйственные объекты, изготавливались предметы быта, средства передвижения, посуда и т.п. Иными словами, «служилые люди, занятые деревообработкой, были знатоками церковного и гражданского строительства»⁵⁰.

В 1646 году в слободе пушкарей и затинщиков проживал портной мастер⁵¹, который, по-видимому, занимался изготовлением и ремонтом военного обмундирования. Портной мастер был также зафиксирован в Тетюшах в 1723 году⁵². Портные могли работать и на

⁴⁶ Дмитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во II половине XVI – начале XVII веков. // Вопросы аграрной истории Чувашии. – Чебоксары: Изд-во НИИЯЛИ и экономики при Сов. Мин. Чувашской АССР, 1981. – С. 10.

⁴⁷ Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во II половине XVII – начале XVIII вв. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). / Отв. ред. О.Н. Вилков. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 79.

⁴⁸ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479. – Л. 7об., 9, 15, 17.

⁴⁹ РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Ед.хр. 1127. – Л. 76–77об.

⁵⁰ Леонтьева Г.А. Указ. соч. – С. 79.

⁵¹ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445. – Л. 84б.

⁵² РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Ед.хр. 1127. – Л. 38–39.

заказ: они шили шубы, кафтаны, праздничную и повседневную одежду для населения.

Подводя итог, следует обобщить материалы переписей в таблицу № 2.

Таблица № 2

**Численность казенных мастеровых людей
в г. Тетюши в XVII – начале XVIII вв.**

Годы	Кузнецы	Плотники	Портные мастера
1646			1
1656–1657	2	4 (из них 1 отставной плотник)	
1723		1 отставной плотник	1
ВСЕГО:		9	

Во-первых, необходимо указать, что наличие людей «пушкарского чина» в составе городского гарнизона наблюдается только с 1625 года, а казенные мастеровые начали появляться только с 1646 г. Во-вторых, их небольшая численность, но, тем не менее, наличие всех основных специальностей, позволяет рассуждать о значении и роли крепости Тетюши в системе военных укреплений Среднего Поволжья, среди пригородов г. Казани, в частности.

Использование служилых людей в качестве рабочей силы, направленной на жизнеобеспечение жителей средневековых городов, особенно было заметно в первые годы после основания крепостей, т.к. они представляли первых поселенцев вновь присоединенного края, и возможно, являлись их строителями. Кроме того, их жизнь и быт тесно переплетались с хозяйственными занятиями – хлебопашеством, ремеслами, торговлей, промыслами, «обращение к которым объяснялось необеспеченностью жалованьем»⁵³.

За выполняемую работу казенные мастеровые, как и прочие категории служилых людей, получали государственное денежное и хлебное жалование. Так, к примеру, кузнецы городов Царевококшайск и Уржум имели жалование в размере 3 рублей и 3 чети ржи и овса в год⁵⁴.

Таким образом, люди «пушкарского чина» и казенные мастеровые являлись особым разрядом служилого населения Тетюш на всем

⁵³ Леонтьева Г.А. Указ. соч. – С. 76.

⁵⁴ Айплатов Г.Н. Указ. соч. – С. 123.

протяжении XVII в., лишь к началу XVIII столетия, в связи с военными реформами Петра I, их значение уменьшилось. Столь востребованные специальности носили необходимый военный характер, т.к. Тетюши являлись сторожевой крепостью на южной границе Московского государства в Среднем Поволжье. Наличие таких мастеров среди служилого сословия гарнизона говорит о военном значении Тетюш в общей системе городов-крепостей Волго-Камья.

Казенные ремесленные мастерские образовывались в определенных сферах деятельности с целью обеспечения нужд государства в регионе. Мастера, будь то пушкари или кузнецы, в первую очередь выполняли работы, обусловленные решением военных задач, предполагавшие строительство казенных, общественных зданий, содержание, ремонт и восстановление фортификационных сооружений крепости, Тетюшских засечных черт, вооружений, боеприпасов и обмундирования. Кроме этого, пушкари, затинщики и воротники несли боевое дежурство у крепостных стен, ворот и башен, в мирное время исполняли полицейские функции судебно-розыскного характера.

В условиях отсутствия системы обучения и профессиональной подготовки мастеров ключевое значение в специализации людей «пушкарского чина», кузнецов, плотников, портных имела семейная преемственность – обучение отцом своих сыновей секретам мастерства, а также безвозмездный труд подмастерьев в мастерской с целью освоения профессии через некоторое время.

Роль казенных мастерских в хозяйственной жизни городского населения и уезде определялась, прежде всего, спросом на их услуги и численностью мастеровых аналогичных профессий из числа «гражданского населения» – городских обывателей. В целом, с течением времени проявилась тенденция уменьшения их значимости в хозяйственной жизни вследствие роста численности мастеровых с аналогичными специальностями. Исключение составляли кузнецы, всегда востребованные для крестьянских хозяйств местных этноконфессиональных групп сельского населения.

Запрет местному населению заниматься кузнечным делом и дефицит в мастеровых других специальностей, которые были в Тетюшах, превращал крепость в ремесленный и торговый центр округа.

Источники и литература

1. Айплатов Г.Н. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования служилым людям городов Марийского края 1681 года // Марийский археографический вестник. – 2009. – № 19. – С. 121–124.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т.5. – 539 с.
3. Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: дис. ... к.и.н. – Казань, 1998. – 295 с.
4. Белов С.Г. Государственная промышленность в Казанском крае во II половине XVI в. (по материалам Писцовых книг). // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов): Сб. ст. научно-практ. конф. – Казань: Фолиант, 2014. – С. 15–19.
5. Беляев И.Д. О доходах Московского государства. – М: Типография Штаба Московского военного округа, 1885. – 168 с.
6. Вечеслав Н.Н. Заметки по истории и древностям Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1869. – Вып. 1. – С. 57–87.
7. Водарский Я.Е. Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – I половины XVIII вв. – М.: Инд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1989. – С. 8–33.
8. Городские поселения в Российской Империи. – СПб.: Типогр. Тов-ва «Общественная польза», 1861. – Т. 2. – 588 с.
9. Градовский А.Д. История местного самоуправления в России. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – 403 с.
10. Демидова Н.Ф. Приказы. // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – С. 560–566.
11. Дмитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во II половине XVI – начале XVII веков. // Вопросы аграрной истории Чувашии. – Чебоксары: Изд-во НИИЯЛИ и экономики при Сов. Мин. Чувашской АССР, 1981. – С. 3–19.
12. Дмитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 178 с.
13. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во II половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань: Изд. Казан.ун-та, 1982. – 223 с.
14. Зорин А.Н. Горожане Среднего Поволжья во II половине XVI – начале XX вв. Историко-этнографический очерк. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 252 с.
15. Калинин Н. Возникновение и рост Тетюш // Записки Тетюшского музея. – 1928. – № 4. – С. 4–12.
16. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1853. – Т. 1. – 1381 с.

17. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собств. Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1855. – Т. 2. – 1399 с.
18. Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во II половине XVII – начале XVIII вв. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). / Отв. ред. О.Н. Вилков. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 76–94.
19. Мустафина Д.А. Крепостные сооружения в городах Казанского края в конце XVII в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 28–43.
20. Памятная книжка Казанской губернии на 1863 год. – Казань: Губернская типогр., 1863. – 481с.
21. Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. – Казань: Изд-во «ЯЗ», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Вып. 4. – С. 146–175.
22. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1852. – 286 с.
23. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1966. – 614 с.
24. Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н.Г. Савич. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1981. – Т. 2. – Ч. 1. – 220 с.
25. Разрядная книга 1550–1636 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. – 431 с.
26. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Ед.хр. 1127.
27. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 153.
28. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6445.
29. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Ед. хр. 6479.
30. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 4. – Ед. хр. 5124.
31. Соборное Уложение 1649 года: текст, комментарии. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1987. – 448 с.
32. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. – М.: Наука, 1970. – 383 с.
33. Сташевский Е. Смета военных сил Московского государства на 1632 г. (Сметный список 140 году). // Военно-исторический вестник. – 1910. – № 9–10. – С. 49–85.
34. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М.: Военное изд-во Мин. Обороны СССР, 1954. – 224 с.
35. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. – СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1889. – 353 с.
36. https://ru.wikipedia.org/wiki/Приказ_Казанского_дворца

**XVII гасыр – XVIII йөз башында Тәтештә «тупчы чинлы»
и казна һөнәрчеләре булган йомышлы кешеләр**

Мәкаләдә урта гасыр халык санын алу кәгазьләре һәм 1723 елгы Тәтеш шәһәре ревизия язмалары буенча «тупчы чинлы» и казна һөнәрчеләре булган йомышлы кешеләргә бәяләмә бирелә. Моңардан тыш, автор Тәтеш кирмән-шәһәрәндә бу группа йомышлы кешеләрнең XVII гасыр дәвамында – XVIII йөз башында саннарын ачыклай.

Ачык сүзләр: Тәтеш кирмәне, урта гасыр рус шәһәре, йомышлы со-словие, «тупчы чинлы» кешеләр, казна һөнәрчеләре, XVII гасыр – XVIII йөз башы.

E.V. Pashina

**Service people «pushkarskaya rank» and state workmen the people of
the fortress Tetyushi in the XVII – beginning of XVIII centuries**

In the article on the basis of the medieval population censuses and revision note of the city of Tetyushi 1723 year characterized by the composition of the service people «pushkarskaya rank» and state workmen the people . In addition, the study's author considers the rights and responsibilities of this group of service people, and provides information about their number in the fortress-city of Tetyushi during the XVII – beginning of XVIII centuries.

Keywords: Fortress Tetyushi, medieval Russian city, serving class, people «pushkarskaya rank», state workmen people, XVII – beginning of XVIII centuries.

Пашина Екатерина Владимировна – лаборант-исследователь Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г.Казань); e-mail: tanja.paschina@mail.ru

Пашина Екатерина Владимир кызы – ТР ФА А.Х.Халиков исемендәге Археология институты Археология музееың лаборант-эзләнүчесе (Казан шәһәре).

Pashina Ekaterina Vladimirovna – the laboratory researcher of the Museum of archeology, A.Kh. Khalikov Institute of archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Организация татарских учительских школ в законодательной практике российского государства в пореформенный период

Данная статья посвящена анализу основных правовых документов, легших в основу организации татарских учительских школ в Симферополе, Уфе, Казани в пореформенный период. Показана схема их разработки, мнения местных и центральных учебных властей.

Ключевые слова: Казанская татарская учительская школа, Симферопольская татарская учительская школа, Уфимская татарская учительская школа, Министерство народного просвещения, Казанский учебный округ, Одесский учебный округ, П.Д. Шестаков, мусульмане, татары.

В пореформенный период в отношении мусульманских народов был выработан комплекс мер по распространению общего начального образования и русского языка, изложенный в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Эти задачи решались посредством организации русско-татарских училищ, русских классов при мектебе и медресе.

В постановлениях Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г., легших в основу «Правил» 26 марта 1870 г., была заявлена необходимость подготовки учителей русского языка из представителей мусульманских народов и названы города, в которых должны были учреждаться учительские институты – Уфа и Симферополь.

В Таврической губернии в этой сфере был накоплен определенный опыт. Указом верховной власти от 14 февраля 1827 г. при Симферопольской гимназии было учреждено татарское училищное отделение (ТУОСГ). Целью этого отделения являлась подготовка преподавателей общеобразовательных дисциплин и русского языка для татарских конфессиональных школ, а также учителей для планируемых к открытию государственных школ для татар. Учебная программа состояла из курса уездных училищ, ряда гимназических дисциплин (за исключением христианско-богословских предметов, иностранных языков), крымскотатарского языка. Учащиеся практиковались в арабском, персидском, турецком языках. Преподавание му-

сульманского вероучения осуществлялось муллой, который назначался таврическим муфтием. Для надзора за ТУОСГ была учреждена специальная должность помощника инспектора Симферопольской гимназии. Следует отметить, что этот пост занял крымскотатарский педагог А. Челеби Крым Ховаджа. Кроме преподавательского персонала в штат ТУОСГ входили два надзирателя и врач. Систематичность и научно-методическая основа изучения школьных дисциплин обеспечили популярность данного учебного заведения, прежде всего, среди дворянской части крымскотатарского общества. Первоначальные успехи ТУОСГ постепенно сменили потерю интереса учащихся к нему. Украинский историк В.Ю. Ганкевич среди причин этого называет такие частные обстоятельства, как закрытость учебного заведения, удаленность от гимназии, отсутствие дорожных коммуникаций, климатические условия, влияющие на заболеваемость и смертность детей. В итоге за весь период существования ТУОСГ было аттестовано только 25 человек, 9 из которых стали учителями сельских татарских школ. Деятельность ТУОСГ с началом Крымской войны (1853–1856 гг.) была прекращена. В дальнейшем в результате ходатайства в 1856 г. попечителя Одесского учебного округа П.Г. Демидова, поддержанное его преемником Н.И. Пироговым, перед министром просвещения А.С. Норовым, ТУОСГ в 1859 г. было упразднено, с передачей его средств на планируемое особое отделение для детей мурз при Симферопольской гимназии¹.

Существенная роль в разработке проектов татарских учительских школ принадлежала администрации Казанского учебного округа (далее – КУО). Попечитель КУО П.Д. Шестаков в представлении министру просвещения от 3 декабря 1869 г. высказал следующие предложения. В связи с конфессиональной принадлежностью учащихся, он разделил учительские школы на две группы: для крещенных и некрещенных «инородцев». Интересно, что при организации учительских школ для мусульманских народов, П.Д. Шестаков рекомендовал придерживаться этнического принципа и для каждой нации (татары, башкиры, казахи) учредить свои учебные заведения. В связи с тем, что руководство Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) находилось в Уфе, П.Д. Шестаков

¹ Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – С. 60–66.

надеялся, что организованная там же учительская школа для татар-мусульман сгладит недоверие к нему татар. Предложение учредить учительскую школу в Перми имело целью вывести башкир из-под влияния татарского мусульманского духовенства. Организация учительской школы для казахов в Оренбурге было связано с близостью мест их кочевья. В проектируемых им учительских школах предполагался трехлетний курс обучения. П.Д. Шестаков отказался от установления дополнительного четвертого года обучения, в ходе которого учащиеся получали практические педагогические навыки, в связи с тем, что необходимые умения, они могли приобрести в течение всего периода обучения, присутствуя на уроках в младших классах. В связи с недоверием мусульман к учебным заведениям нового типа и сложностью комплектации их учащимися, П.Д. Шестаков считал ненужным организацию при учительских школах начальных училищ.

В связи с тем, что в учительские школы поступали лица прошедшие курс начальных училищ, обучение в них должно было осуществляться на русском языке. Программа учительских школ включала следующие дисциплины: русский язык, арифметика, история, география, черчение, чистописание, дидактика, школоведение, гимнастика, различные ремесла. В составленной им таблице уроков мусульманское вероучение не было представлено.

Согласно проекту П.Д. Шестакова начальник татарских учительских школ пользовался правами директоров гимназий, учителя – правами преподавателей гимназий. Штат учительских школ предполагал наличие эконома и врача.

Можно предположить, что льготы, предоставленные учащимся учительских школ для крещеных «инородцев», распространялись и на учащихся учительских школ для мусульманских народов, хотя они отдельно не оговаривались. Так, ученики учительских школ в период обучения и преподавательской деятельности освобождались от военной и общественной службы, а по истечении 25-летней службы эти права окончательно закреплялись за ними.

Согласно рекомендуемой П.Д. Шестаковым смете расходов на содержание одной учительской школы для мусульман выделялось ежегодно по 9720 рублей. Указанная сумма была почти в 3 раза меньше средств направляемых на учительские школы для православных «инородцев», даже с учетом ежегодных расходов на церковь (500 рублей). Это объяснялось тем, что для последних требова-

лось больше книг и учебных пособий, что, видимо, было связано с тем, что в одной школе могли обучаться принявшие православие представители различных народов². Ряд рекомендаций П.Д. Шестакова, в частности, о местоположении учительских школ для татар и казахов, школьных дисциплинах, языке преподавания, внутренней организации, льготах учащимся вошли в «Положение о татарских учительских школах в Симферополе и Уфе» от 27 марта 1872 г.

Разработанный учебным ведомством в соответствии с журнальным постановлением 2 февраля 1870 г. проект «Положения татарских учительских школ в Симферополе и Уфе» 21 марта 1871 г. министром просвещения А.Д. Толстым был представлен на рассмотрение Государственного Совета. В ходе обсуждения, проект подвергся незначительной корректировке и, получив одобрение Государственного Совета, 27 марта 1872 г. был утвержден императором.

Татарские учительские школы являлись четырехклассными средними учебными заведениями с годичным сроком обучения в каждом классе. В связи с тем, что они пользовались правами прогимназий по уставу от 30 июля 1871 г., на них «накладывались» основные организационные стандарты этих учебных заведений. Выпускники татарских учительских школ не имели возможность поступать в высшие учебные заведения страны. Тем самым власти, используя административный ресурс, нацеливали их на работу в русско-татарских училищах и русских классах при мектебе и медресе.

Для практических занятий старших учеников за татарской учительской школой закреплялась профессиональная школа с русским классом.

Предметами изучения в татарских учительских школах являлись: 1) русский язык, 2) арифметика с кратким курсом геометрии и черчением, 3) география, главным образом, российская, с краткими сведениями о важнейших исторических событиях, 4) «объяснение местных произведений и явлений природы» – природоведение, 5) педагогика и дидактика, 6) чистописание и рисование, 7) мусульманское вероучение. Суммарное число недельных уроков во всех четырех классах учительских школ составляло 84 часа. «Положение»

² Шестаков П.Д. Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за №379). – С. 34–40.

27 марта 1872 г. предусматривало также занятия гимнастикой и ремеслами.

Все школьные дисциплины, за исключением основ ислама, преподавались на русском языке. Вероучитель должен был избираться из мулл, знавших русский язык и, обязательно, с согласия муфтия. Что касается остальных сотрудников татарской учительской школы, за исключением инспектора, то «Положение» 27 марта 1872 г. не коснулось их должностных обязанностей, отметив, что они соответствуют требованиями, установленным для работников прогимназий ведомства МНП.

В отличие от высочайше утвержденного «Положения» проект, разработанный учебным ведомством, предполагал более широкий круг должностных лиц³. Среди них особое место занимала должность почетного попечителя татарской учительской школы. Звание почетного попечителя предоставлялось муфтию или другому авторитетному лицу, избираемому на три года из среды мусульманского духовенства. Он наблюдал за преподаванием вероучения, исполнением учащимися религиозных обрядов, содержанием стипендиатов от татарских обществ и организаций. Тем самым почетный попечитель выступал своеобразным представителем мусульман, наблюдавший за жизнью школы, что, в конечном итоге, было нацелено на устранение подозрений в реакционных намерениях государства.

Согласно проекту МНП непосредственное наблюдение за воспитанниками школы поручалось надзирателю, который должен был иметь, по меньшей мере, начальное образование и знать русский язык. Для преподавателей основных дисциплин была отмечена желательность владения татарским языком. Однако эти пункты были из утвержденного варианта «Положения».

Согласно «Положению» 27 марта 1872 г. в татарских учительских школах устанавливался ежегодный прием учащихся, производимый по результатам экзаменов, к которым допускались лица всех сословий не моложе 15 лет. На средства казны могли содержаться до 40 учащихся, в отличие от проекта МНП, согласно которому государство финансировало лишь 30 учеников. Если позволяли условия,

³ Категорию штатных служащих составляли: инспектор, почетный попечитель, преподаватель мусульманского вероучения, четыре «учителя наук» (русского языка, математики, природоведения, географии), учитель чистописания, рисования, надзиратель, врач, эконом. По найму работали учителя гимнастики и ремесел, фельдшер, прислуга.

в школу принимались стипендиаты земств, общественных или частных организаций, а также лица, обучавшиеся на собственные средства. Хотя татарские учительские школы объявлялись закрытыми учебными заведениями, учебному ведомству было предоставлено право по возможности принимать в них приходящих учеников.

Исключению из школы подлежали учащиеся, которые, обучаясь в одном классе в течение двух лет, не показали положительных результатов. Воспитанники, находившиеся на казенном содержании и оставившие школу по собственному желанию, компенсировали расходы государства из расчета 90 рублей в год на содержание одного ученика.

В отличие от проекта МНП, высочайше утвержденный вариант подробно не регламентировал все организационные моменты. Так, не было установлено каникулярное время (проект МНП предусматривал зимние (2 недели) и летние (6 недель) каникулы); были исключены пункты, устанавливающие переводные и выпускные экзамены для воспитанников татарских учительских школ и др. Позже, 1 августа 1873 г. император утвердил внесенное в Государственный Совет предложение министра народного просвещения об установлении летних каникул для татарских школ в Уфе и Симферополе на период с 20 июня по 15 августа⁴. Это стало результатом соответствующих ходатайств попечителей Казанского и Одесского учебных округов и обуславливалось сложностью для учащихся длительного учебного периода и необходимостью помощи воспитанниками школы из крестьянского сословия своим семьям при проведении летних сельскохозяйственных работ. В 1876 г. в результате высочайше утвержденного доклада министра просвещения летние каникулы устанавливались на период с 1 июня по 1 августа⁵.

«Положение» 27 марта 1872 г., предусмотрев еженедельный отдых для учащихся, не установило день недели. Согласно «Положению», учащиеся освобождались от занятий во время мусульманских и православных праздников, список которых подлежал утверждению министра просвещения по предварительному соглашению с духовными властями. Любопытно, что согласно проекту учебного ведомства эта функция возлагалась на попечителей учебных округов. Передача полномочий руководству МНП, видимо, была подчинена

⁴ О назначении летних вакансий для воспитанников татарских учительских школ в Симферополе и Уфе // СПМНП. – 1877. – Т. 5. – Стб. 2139 – 2140.

⁵ НА РТ. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 364. – Л. 1.

стремлению к унификации внутренней организации татарских учительских школ в обеих округах. Список соответствующих религиозных праздников был утвержден министром просвещения только в 1876 г. В соответствии с распоряжением министра, школьные занятия не проводились также в юбилейные для царского дома даты (дни рождения правящих императора, императрицы, цесаревичей, восшествия на престол, коронации и т.п.)⁶.

По отношению к воспитанникам татарских учительских школ запрещались телесные наказания. В период обучения они освобождались от натуральной и рекрутской повинностей. «Уставом о воинской повинности» 1874 г. татарские учительские школы были причислены к учебным заведениям третьего разряда, что давало возможность их выпускникам, а также лицам, выдержавшим экзамен на знание курса этих учебных заведений получить льготы, согласно которым срок действительной службы сокращался до 3 лет⁷. Лицам, не прошедшим полный курс татарских учительских школ предоставлялись льготы аналогичные выпускникам учебных заведений 4 разряда (русско-татарские училища, русские классы при мектебе и медресе).

В «Положении» 27 марта 1872 г. было зафиксировано освобождение выпускников татарских учительских школ от воинской повинности в случае определения их преподавателями русско-татарских учебных заведений на период нахождения их на этих должностях⁸. Ранее, указом 26 декабря 1870 г. лица податного сословия, состоявшие учителями начальных народных училищ и имевшие свидетельства на соответствующие звания, освобождались от натуральных и рекрутской повинностей на «время служения их в должности»⁹. Обращает внимание, что МНП в представлении в Государственный Совет проекта этого закона подчеркивало необходимость введения льгот именно для преподавателей русско-национальных школ из среды коренных народов, которые должны были сформировать до-

⁶ О праздниках, в которые воспитанники татарских учительских школ освобождаются от классных занятий // ЦКУО. – 1876. – №3. – С. 137–138.

⁷ Устав о воинской повинности... – С. 26.

⁸ О положениях и штатах: Казанской учительской семинарии, Иркутской учительской семинарии и татарских учительских школ в Уфе и Симферополе // СПМНП. – 1877. – Т. 5. – Стб. 759.

⁹ Об освобождении учителей начальных народных училищ, из лиц податных сословий от рекрутской и других натуральных повинностей // ЦКУО. – 1870. – №24. – С. 81.

верительное отношение мусульманского населения к русско-татарским школам. Но государство не сразу озаботилось созданием механизмов реализации этого закона для мусульманских народов: до 1872 г. не существовало специальных учительских школ для них; утвержденный в 1868 г. министром просвещения порядок получения звания учителя начального народного училища предусматривал сдачу экзамена по дисциплине «Закон Божий», наличие документов о принятии православия¹⁰.

Выпускники татарских учительских школ получали аттестат учителя начального татарского училища и при определении на должность преподавателей русско-татарских училищ и русских классов при конфессиональных школах имели преимущество перед остальными соискателями. Более того, в случае отсутствия вакансий штатным воспитанникам предоставлялась возможность в течение одного года оставаться в школе с содержанием их за счет средств учебного заведения. За время пребывания в учительской школе они обязывались заниматься с учащимися начального училища, оказывать им помощь при подготовке к урокам.

Обучавшиеся на казенные средства воспитанники учительских школ, которые назначались преподавателями русско-татарских учебных заведений, должны были прослужить на этих должностях в течение 6 лет. В случае отказа, они выплачивали сумму, затраченную государством на их обучение. Если же выпускники татарских учительских школ в течение 12 лет проработали учителями русско-татарских школ, то учебное ведомство могло ходатайствовать о предоставлении им звания личного почетного гражданина.

Руководство татарской учительской школой и состоящим при нем начальным училищем осуществлял инспектор, который назначался из лиц, имевших педагогический опыт и знавших татарский язык. Инспектор находился в непосредственном подчинении попечителя округа. Также на него возлагалось преподавание педагогики и дидактики.

Особое место в управлении татарскими учительскими школами принадлежало Педагогическому совету, в состав которого входили инспектор (председатель), штатные преподаватели, а в случае необходимости – врач (с предоставлением права голоса), эконом и учите-

¹⁰ Правила для специальных испытаний на звания: учителя уездного училища, учителя и учительницы приходского и начального народного училища и частного начального учителя и учительницы // ЦКЮО. – 1868. – С. 212, 219.

ля «по найму». В деятельности Педагогического совета выделяется четыре направления: учебное (рассмотрение программ преподавания предметов, распределение их по классам и преподавателям; производство вступительных, переходных, выпускных экзаменов; выдача аттестатов, исключение из школы учащихся за неуспеваемость; вопросы комплектования школьной библиотеки; и др.); воспитательное (контроль над поведением учащихся и др.); хозяйственное (осмотр помещений школы, составление сметы на строительные, ремонтные работы, а также на содержание учащихся и др.); управленческое (избрание секретаря совета, обсуждение предложений членов совета по изменению внутреннего порядка в школе)¹¹. Но решение ключевых вопросов, например, определение объемов финансирования, изменение внутреннего порядка и др. зависели от попечителя учебного округа и центральных учебных властей.

«Положением» 27 марта 1872 г. была установлена возможность организации при татарских учительских школах педагогических курсов по повышению квалификации преподавателей русско-татарских учебных заведений в свободное от учебных занятий время. Несмотря на то, что организационные вопросы, рассмотрение программ преподавания, находились в ведении Педагогического совета, окончательные решения по ним, также как и санкционирование педагогических курсов зависело от попечителя учебного округа¹².

Курсы действовали за счет специальных школьных средств, которые формировались из остатков от содержания учащихся и различных пожертвований. В дальнейшем, высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 5 ноября 1877 г. было установлено их казенное финансирование: на содержание приехавшего иногороднего учителя из бюджета МНП должно было выделяться 50 рублей.

Более детально процедура организации педагогических курсов была регламентирована утвержденными министром народного просвещения 18 ноября 1877 г. «Правилами о педагогических курсах, устраиваемых при татарских учительских школах для учителей та-

¹¹ О положениях и штатах: Казанской учительской семинарии, Иркутской учительской семинарии и татарских учительских школ в Уфе и Симферополе // СПМНП. – 1877. – Т. 5. – Стб. 755–757.

¹² О положениях и штатах: Казанской учительской семинарии, Иркутской учительской семинарии и татарских учительских школ в Уфе и Симферополе // СПМНП. – 1877. – Т. 5. – Стб. 753–759.

тарских училищ». Согласно «Правилам», слушателями курсов могли стать как выпускники татарских учительских школ, так и лица получившие учительские звания путем сдачи экзаменов экстерном; ежегодно на курсы предполагалось приглашать до 20 учителей, по возможности, с одинаковым уровнем теоретической и практической подготовки; курсы должны были устраиваться с началом летних каникул на 3–4 недели; план и программа курсов составлялись инспектором татарской учительской школы и утверждались попечителем учебного округа; предметами дидактических занятий являлись русский язык и арифметика; активно в работу на педагогических курсах вовлекались учителя татарских учительских школ, начального училища при школе и надзиратель; чтение курса методики преподавания русского языка и арифметики поручалось инспектору учительской школы. Для определения объемов финансирования рекомендовалось заранее информировать МНП о предполагаемом количестве иногородних участников¹³.

Альтернативой обучению в татарских учительских школах для получения звания учителя русско-татарских училищ или русских классов при мектебе и медресе являлась сдача экзаменов экстерном¹⁴. Экзамены для соискателей учительских мест в русских классах и русско-татарских училищах могли проводиться как в Педагогических советах татарских учительских школ, так и в испытательных комиссиях гимназий, уездных училищ.

На основе «Положения о татарских учительских школах в Уфе и Симферополе» 1872 г. была открыта Симферопольская татарская учительская школа (1872–1917 гг.). Устав татарской учительской школы в Симферополе несколько отличался от «Положения» 1872 г. Школа состояла из 5 классов с одногодичным курсом обучения в каждом. Последний класс был нацелен на изучение педагогики и практические педагогические занятия учеников.

Первая в КУО татарская учительская школа была организована в г. Уфа. В 1877 г. она была переведена в г. Оренбург, а в 1890 г. – закрыта, с передачей имущества учебного заведения Орско-Оренбургской казахской учительской школе.

¹³ Правила о педагогических курсах, устраиваемых при татарских учительских школах для учителей татарских училищ // ЦКУО. – 1877. – С. 632–634.

¹⁴ Распоряжение министра просвещения были представлены во всеподданнейшем докладе, одобренном Государственным Советом 7 октября 1874 г.

Изъятие с 1 января 1875 г. Уфимской губернии из управления КУО, стимулировало организацию с 1 января 1876 г. Казанской татарской учительской школы (1876–1917 гг.).

Подводя итоги, следует отметить, что «Положение о татарских учительских школах в Уфе и Симферополе» 1872 г. стало определяющим документом, на основе которого были организованы татарские учительские школы в Симферополе, Уфе, Казани. «Положение» 1872 г. было продолжением постановлений Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. и шло в русле образовательной политики государства в отношении татар-мусульман в пореформенный период. При разработке этого «Положения» была применена апробированная схема, при которой местные власти более подробно изучали проблему и предоставляли свои рекомендации центральному учебному ведомству. Последующие нормативные документы корректировали и более детально регламентировали деятельность татарских учительских школ.

Источники и литература

1. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – С. 60 – 66.

2. П.Д. Шестаков Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за №379). – Б.м., б.г. – 125 с.

3. НА РТ. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 364.

4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 17 т. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. – Т. 5. – 2258 стб.

5. Устав о воинской повинности. – СПб.: Тип. И.П. Анисимова, 1874. – 74 с.

6. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1868. – № 21–24.

7. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1870. – №24.

8. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1876. – №3.

9. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1877. – №1.

**Реформалар чорында татар укытучылар мәктәпләрен оештыруны
Россия дәүләтенең кануни тәртибенә кертү**

Мәкалә реформалар чорында Симферополь, Уфа, Казан татар укытучылар мәктәпләре оешуларын тээмин иткән хокукий документларны анализлауга багышлана. Аларның эзерләү тәртибе, мәгариф өлкәсендәге жирле һәм үзәк хакимият вәкилләренең фикерләре баян ителә.

Ачыкч сүзләр: Казан татар укытучылар мәктәбе, Симферополь татар укытучылар мәктәбе, Уфа татар укытучылар мәктәбе, Халык мәгарифе министрлыгы, Казан уку-укыту округы, Одесса уку-укыту округы, П.Д. Шестаков, мөселманнар, татарлар.

Ch.Kh. Samatova

**The organization of the Tatar teacher's school in the legislative practice
of the Russian stateduring reforms**

This article is devoted to the analysis of key legal documents, which formed the basis of the organization of the Tatar teacher's school in Simferopol, Ufa, Kazan in the 70-ies of the XIX century. The scheme of their development, opinion of the local and central educational authorities is shown.

Keywords: Kazan Tatar teacher's school, Simferopol Tatar teacher's school, Ufa Tatar teacher's school, Ministry of education, Kazan educational district, Odessa educational district, P.D. Shestakov, Muslims, Tatars.

Саматова Чулпан Хамитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела регионоведения и изучения татарской диаспоры Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г.Казань); e-mail: samatva@rambler.ru

Саматова Чулпан Хамит кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Татар энциклопедиясе һәм төбәкләрне өйрәнү Институты төбәкләрне һәм татар диаспораларын өйрәнү бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре,(Казан шәһәре).

Samatova Chulpan Khamitovna – Candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of Regional Studies and the study of the Tatar diaspora, Institute of Tatar encyclopedia and regional studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Практика реализации Вексельного устава 16 мая 1729 г.
в условиях российской провинции
(По материалам Казанского городского магистрата
конца XVIII – начала XIX вв.)

В статье по архивным источникам на основе фактов вексельных сделок татарских и русских предпринимателей губернского города освещаются вопросы правового регулирования долговых отношений, вексельной несостоятельности на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Вексельный устав 1729 г., вексель простой и переводной, долговые отношения, вексельные сделки, кредиторы, Казань, казанское купечество.

В современных условиях, когда вексель как важный финансовый инструмент играет значительную роль в развитии рыночной экономики, представляет большой теоретический и практический интерес обращение к истокам, к периоду зарождения вексельного права в России и практике действия вексельных уставов в условиях российской провинции.

Вексель – это виденной бумаги, который представляет собой долговое обязательство юридически установленной формы. Вексель считается бесспорным и безусловным торговым документом.

Первый Вексельный устав от 16 мая 1729 г.¹ с изменениями действовал до 25 июня 1832 г. Цель его издания определялась следующим образом: «Вексельный Устав сочинен и выдан вновь ради того, что в Европейских областях вымышлено, вместо перевоза денег из города в город, а особо из одного владения в другое, деньги переводить через письма, названные векселями, которые от одного к другому даются или посылаются... и приемлются так, как наличные деньги».

Основными принципами вексельного обращения, закрепленными в Вексельном уставе стали: самодостаточность подписи векселедателя, простота в оформлении и обращении векселя, безусловность и оперативность взыскания долга.

¹ Вексельный устав от 16 мая 1729 года // ПСЗ–1 – Т.8. – №5410.

Вексельный устав состоит из трех глав. Первая глава носит название «О настоящих купеческих векселях». В ней перечисляются «персоны, которые в векселях писаны бывают»: векседавец, переводитель, подаватель, акцептователь или приниматель, надписатель. Здесь же приводятся случаи из коммерческой практики, связанные с выдачей, акцептированием и оплатой векселей частными лицами. При этом указано, что если в суде встретится дело, не упомянутое в уставе, то следует обратиться в Коммерц-Коллегию, приложив мнение суда с подробным обоснованием.

Глава вторая «О векселях на казенные деньги» содержит описание различных примеров соответствующей практики.

Третья глава «Формы или образцы внутренних векселей с толкованием» включает 14 образцов возможных видов векселей: с оплатой по предъявлению, с оплатой через определенный срок по предъявлению, с оплатой в установленный срок по написанию, векселя с указанием двух или трех лиц и так далее.

Заканчивается Устав пятью общими правилами составления векселей, в том числе, оговаривающее правило, что векселя не облагаются пошлиной и составляются на простой, а не гербовой, бумаге.

Простой вексель представляет собой обязательство кредитора об уплате указанной суммы денег другому лицу. Переводной вексель – это документ, содержащий приказ произвести платёж другому лицу, который должен исполнить акцептант. Переводной вексель был создан, прежде всего, для упрощения торговых сделок, его можно использовать при торговых расчетах. Например, для расчетов покупателя с продавцом мог быть использован вексель, а оплату его произведёт либо банк, либо третье лицо.

При анализе Вексельного устава 1729 г. нетрудно заметить, что этот документ говорит почти исключительно о переводных векселях. Тем не менее, в России более благоприятную почву нашел простой вексель, который проник в практику не столько благодаря тексту Устава 1729 г., сколько приложенным к нему формулярам. Простой вексель не противоречил древней традиции, так как русское право знало долговые документы, отличавшиеся чрезвычайной подвижностью и передаваемостью, отвечал потребностям деловой жизни. Этот долговой документ, домашний по порядку составления, был легко передаваемым, быстро исполняемым, законодательно обеспеченным.

Кредитор в обоих случаях мог передать вексель третьему лицу, которое получало право не только требовать оплаты опротестованного векселя, но и возмещения расходов по его протесту.

В Вексельном уставе 1729 г. понятие несостоятельности связывалось с процедурой акцепта векселя. С 1800 г. наряду с Вексельным уставом 1729 г. действовал «Банкротский устав» от 19 декабря 1800 г.², подробно регулировавший процедуру взыскания долга, как по векселям, так и по другим долговым обязательствам (крепостям, контрактам и пр.). Это была первая попытка комплексного регулирования несостоятельности путем принятия единого кодифицированного акта.

Форма простого векселя как формализованной долговой расписки встретила понимание в среде торгующего населения и в среде казанских предпринимателей на рубеже XVIII–XIX вв. вексельные операции были достаточно распространенным явлением.

Согласно Вексельному уставу 16 мая 1729 г., «обязываться векселем» дозволено было как «самим купечеству, так и прочим, кто через вексель деньги будет переводить, брать и отдавать тем»³, следовательно, вексельная дееспособность распространялась и на купцов, и на лиц, вступающих с ними в юридические отношения.

Так, среди кредиторов именитого по службе гражданина, казанского купца 1 гильдии, откупщика Василия Евреинова были местные дворяне гвардии поручик Христофор Молоствов, полковник и кавалер Махотин, титулярный советник Андрей Чекалев и др.⁴

Однако в подавляющем большинстве случаев вексельные сделки заключались внутри торгующего сословия (купцы, мещане, ремесленники, торговые татары, реже – крестьяне, как частновладельческие, так и казенные). При этом роль участников сделки могла меняться: сегодня – кредитор, завтра – кредитруемый⁵.

Тем не менее, Устав 1729 г. признал некоторое совпадение вексельной способности с общегражданской. Глава 1, ст. 38 гласит: «понеже сей Вексельный Устав, хотя для купеческих векселей есть, однакож, когда кто из воинских, статских, духовных или иных чинов, сам себя привяжет с купечеством в переводе денег векселями

² Устав о банкротах от 19 декабря 1800 // ПСЗ–1. – Т.26. – №19692.

³ Вексельный устав от 16 мая 1729 года // ПСЗ–1. – Т.8. – №5410.

⁴ НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 58 об.; Д.3. – Л. 137.

⁵ См., например, там же. – Д.2. – Л. 32, 46 об. и др.; Д. 140.

или другими какими долговыми письмами под образом векселя, таким нигде инде, но точию по сему же Уставу как на купцов, так и купцам на них просить, и удовольствию чинить в Ратушах и Таможнях, несмотря ни на какое их представление, что они не того суда; понеже купцам несносное есть потеряние времени и повреждение купечества, когда им на других чинов по векселям просит в иных местах, где те люди ведомы, и для того, кто из таких не хочет подвергать себя под суд ратушской и таможенной, тот да не дерзает сам себя Векселями и другими письмами под образом Векселей с купечеством привязывать или неисправным себя показывать»⁶.

Позднее были предприняты попытки ограничить вексельное обращение только купечеством. Указ Екатерины II от 14 февраля 1761 г. говорит о лишении векселеспособности крестьян. Во времена Павла I векселеспособности лишили дворян, поскольку возможность личного задержания, предусмотренная вексельным правом, была несовместима с дворянским достоинством. Затем последовали ограничения относительно иностранцев, и в результате выработалось убеждение, что вексель – своеобразное заемное письмо, назначенное только для лиц торгового сословия.

Оформление векселя предполагало соблюдение ряда условий, их выполнение в той или иной мере защищало интересы кредитора. Безусловно, заимодавец должен был иметь как можно более полное представление о материальных возможностях кредитуемого. Простой вексель заключался только тогда, когда партнеры доверяли друг другу, без чего невозможны были сами кредитные отношения. Как правило, заемщиками оказывались торговые партнеры, с которыми неоднократно заключались сделки купли-продажи, или хорошо известные члены одной корпоративной организации, например, казанского купеческого общества.

Определенную роль в возможности заключить вексельную сделку мог оказать социальный статус заемщика кредита (купец, мещанин, крестьянин), что могло убедить кредитора в устойчивости его материального положения, однако не являлось гарантией от разорения. Например, в конце XVIII столетия в числе крупных должников оказались именитые по службе граждане, бывшие казанские гильдейские купцы Василий Евреинов и Петр Курбатов, купец 1 гильдии

⁶ Устав о векселях от 16 мая 1729 года // ПСЗ–1. – Т.8. – №5410.

Петр Рязанов⁷. Сумма их долга достигала небывалой для российской провинции величины, например, у Василия Евреинова вместе с недоимкой по питейному сбору задолженность к 1825 г. составила 1 222 450 руб. серебром⁸.

Убеждала в платежеспособности заемщика и сумма оценки имущества или другого «заклада», предоставляемого под залог займа. Устав 1800 г. дает конкурсному управлению право вносить в актив заклады, обеспечивавшие требования к должнику, с тем, чтобы залогодержатель получил полностью требуемую сумму, но не сверх нее. Эта операция называлась выкупом. Утвержденные Уставом о банкротях принципы легли в основу российского законодательства о залоге как движимого, так и недвижимого имущества вплоть до революции⁹. Этот «заклад» мог принадлежать как самому кредитуемому, так и членам его семьи, которые находились в одном капитале. Немалую роль играло материальное положение и поручителей займа.

Оценкой «заклада», в основном недвижимого: домов, различного рода построек, земли занималась специальная комиссия при Казанской городской шестигласной думе, избираемая из среды «городских обывателей», платящих сборы и налоги и обладавших правом избирать и быть избранными в местные органы самоуправления. Члены этой оценочной комиссии – «ценовщики каменных строений города и обывательских зданий» – избирались на три (впоследствии четыре) года и состояли, как правило, из числа наиболее уважаемых предпринимателей, в основном купцов первых двух гильдий, зарекомендовавшие себя «совестными» и честными членами купеческого сообщества. В состав оценочной комиссии входили представители и русских и татарских купцов.

В долговые отношения вступали друг с другом жители Казани, или казанцы с предпринимателями уездных городов Казанской губернии из Спасска, Чистополя, Цивильска, Чебоксар, Царевококшайска. Последние использовали столицу губернии как перевалочный и складочный пункт на пути на Макарьевскую, Ирбитскую,

⁷ НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5 об., 26 об., 58 об.; Д. 3. – Л.18 об., 45, 51, 114 об., 125, 136 об., 137, 195; Д.239.

⁸ Свердлов Л.М. Казанские купцы: дела и люди. – Казань, 1998. – С. 48.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1912. – С. 386; Звоницкий А.С. О залоге по российскому праву. – Киев, 1912. – С. 164, 166; Кассо Л. Понятие о залоге в современном праве. – Юрьев. – 1898. – С. 327, 328.

Кяхтинскую и др. российские и региональные ярмарки и брали займы «до спуска товара». Сумма вексельных кредитов колебалась в 1803–1804 гг. от 20 до 4000 руб. ассигнациями¹⁰.

Взаимное кредитование осуществлялось казанцами и с предпринимателями российских городов. В 1797 г., по неполным данным, это были жители Москвы, Уржума, Оренбурга¹¹, в 1803 г. – Москвы, Коломны, Рязани, Оренбурга, Гороховца, Малмыша, Кунгура¹², в 1804 г. – Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Ярославля, Вологды, Ростова, Симбирска, Переяславля-Залесского, Вятки¹³. География экономических связей казанских предпринимателей была достаточно широка.

Вексельный устав 1729 г. среди причин, по которым вводился вексель, называл и такую: «З. Торгующие векселями прибыли получают». Поэтому особый интерес представляет включенность татар в вексельные операции, при этом они выступали не только заемщиками, но, вопреки мусульманским традициям и запретам, кредиторами. Цель заключения подобных сделок была в получении прибыли на разнице суммы долга и выплачиваемой затем суммы долга вместе с процентами. Подобные сделки заключались в среде мусульман, и между татарами и русскими.

В делах Казанского городского магистрата¹⁴ сохранились материалы о вексельных сделках, которые закончились судебным преследованием должников. Рассмотрим данные дел по взаимным вексельным претензиям, в которых участвовали татары.

Таблица №1

**Дела, закончившиеся взаимными вексельными претензиями.
(По материалам Казанского городского магистрата
за октябрь 1803 г., июль 1804 г.)**

Участники вексельных сделок	Всего (чел.)	Русские		Татары	
		абс.	в %%	абс.	в %%
Кредиторы	47	17	64	30	36
Должники	47	10	21	37	79
Всего участвовало в сделках	94	27	29	67	71

¹⁰ НА РТ. – Ф.26. – Д. 3. – Л.82 об., 149 об.

¹¹ Там же. – Д.4. – Л. 20 об.–21.

¹² Там же. – Д. 2. – Л. 1–179.

¹³ Там же. – Д.3. – Л. 1–143.

¹⁴ Там же. – Ф. 26. – Оп.1. – Д. 2, 3, 4,10; оп.24. – Д.50; оп.31. – Д. 80 и др.

В 47 сделках, закончившихся возбуждением судебного преследования должников, за два месяца (октябрь 1803 г. и июль 1804 г.) участвовало 94 чел. Татары составили 67 чел. или 71%, т.е. большинство участников таких сделок, а 27 чел (29%) – это русские предприниматели. Число кредиторов и должников за рассматриваемый период времени уравнилось (по 47 чел.), однако среди кредиторов большинство составили русские предприниматели (17 чел. или 64%) а среди должников подавляющее большинство принадлежало татарам (37 чел. или 79%).

Обратимся к анализу социального состава участников вексельных сделок, закончившихся разорением предпринимателей. Отметим, сложно разграничить судебные дела, имевшие отношение к нарушению условий выплаты по простому векселю и по переводному векселю.

Таблица №2

Социальный состав участников вексельных сделок, закончившихся судебным преследованием должников в октябре 1803 г., июле 1804 г.

Участвовали в сделках	Вексельные кредиторы				Вексельные должники			
	всего	купцы	мещане	торговые татары	всего	купцы	мещане	торговые татары
	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)	абс. (%)
Русские	17 (36,2)	13 (76,5)	4 (23,5)	–	10 (21,3)	4 (40)	6 (60)	–
Татары	30 (63,8)	17 (57)	8 (27)	5 (16)	37 (78,7)	16 (43)	16 (43)	5 (14)
Итого	47 (100)	30 (63,8)	12 (25,6)	5 (10,6)	47 (100)	20 (42,6)	20 (46,8)	5 (10,6)

Из 47 сделок в 17 случаях (36% от общего числа всех сделок, закончившихся судебным преследованием должников), русские предприниматели ссужали татар; в 10 сделках (21%) татары выступили кредиторами русских. Всего же между татарами и русскими было заключено 27 сделок, что составило 57,5% от числа всех сделок, в которых участвовали татары, в 30 (42,5%) сделках татары кредитовали татар.

Основными кредиторами, как в среде русских, так и татар выступало купечество (соответственно 76,5% и 57% от общего числа кредиторов). Среди русских предпринимателей 60% должников со-

ставляли мещане, 40% – купцы. Несколько иная картина складывается, если рассмотреть сословную принадлежность татарских вексельных должников: купцы и мещане составили равное количество (по 43%) и торговые татары – 14%.

Отметим еще одну особенность: крупными кредиторами становились представители старинных татарских торговых династий. Например, на рубеже XVIII–XIX вв. ими были Муса и Юсуп Измаиловичи Апанаевы.

Это были известные и почитаемые купцы и не только в среде татарского населения. Их отец Измаил Давыдов Апанаев (1715–1794) служил городским головой Татарской ратуши. Его сыновья, входили в разное время во вторую и первую гильдии казанского купечества и вели дела отдельно друг от друга.

Юсуп Измаилович Апанаев владел мыловаренным и двумя кожевенными заводами, при этом основная продукция кожевенного производства предназначалась для торговли с Китаем в Кяхте¹⁵. Его выбирали гласным городской шестигласной думы (1794–1797) заседателем Палаты уголовного суда (1802–1804), заседателем Палаты гражданского суда (1806–1809) и др.

Муса Измаилович Апанаев владел кожевенным заводом и также вывозил продукцию на кяхтинский торг¹⁶. Его общественная служба включала ответственные посты. Он избирался судьей в Словесный суд, бургомистром Казанского городского магистрата, заседателем Уголовной палаты, а в 1821–1823 гг. занимал пост головы Казанской Татарской ратуши¹⁷.

Среди прочих дел, братья Апанаевы совершали различного рода операции с векселями: давали в долг деньги под проценты, перекупали векселя дешевле объявленной стоимости и предъявляли их для немедленной оплаты должнику с рекамбио и процентами, иногда требовали немедленно заплатить долг, но с отсрочкой выплаты процентов и рекамбио. Кроме того, они часто выступали поручителями должников, кураторами в объявленных конкурсах по делам о несостоятельности, доверенными лицами должников в спорных делах, с

¹⁵ НА РТ. – Ф. 114. – Оп.1. – Д. 216; Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. – СПб., 1814. – С. 74, 89, 139, 328.

¹⁶ НА РТ. – Ф.114. – Оп.1. Д. 216. – Л. 139, 153, 294 об., 328; д. 451. – Л. 327 об.; Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. – СПб., 1814. – С.79.

¹⁷ НА РТ. – Ф. 26. – Оп.1. – Д. 2. – Л. 1; Ф. 114. – Оп.1. – Д. 28. – Л. 18–18 об.

выплатой им заранее определенной суммы за оказанные услуги. При этом, они вели дела не только с татарскими предпринимателями-должниками (Салих и Абдряшит Мустафины, Сагитовы, Ислам Кутлуметев, Юсуп Нуркин, Мухамет Нурин, Абдул Вагап Абдикеев, Казбулах Хусаинов и др.), но и с русскими (казанские купцы: Серебряков, Федор Пустабаев, Федор Подошевников, Степан Скорняков, Григорий Гоголин, Петр Оловянишников и др.). Сумма по взысканиям с должников колебалась от 20 руб. до 3500 руб.¹⁸

Муса и Юсуп Измаиловичи Апанаевы обращались с требованием о взыскании долга с заемщиков по инстанции: в Казанский городской магистрат, Казанскую палату гражданского суда. Меры, которые братья Апанаевы просили власти употребить к вексельным должникам, были обычной практикой для того времени: объявить должника несостоятельным, что означало на практике объявление конкурса и продажу имущества с молотка. С целью удовлетворения претензий кредиторам, в счет долга, Апанаевы просили арестовать товар, находившийся в лавках и на складах с последующей его перепродажей и выплатой вексельной задолженности, требовали не выдавать паспорт должникам на длительное время, а лишь на срок до 3 месяцев. Если должник умирал, просили объявить конкурс, а имение должника, если наследники не были в состоянии оплатить вексельный долг или договориться с кредиторами, продать на аукционе.

Вексельные операции стали одним из источников накопления капитала Апанаевыми.

В России, и, в частности, в Казани конца XVIII – начала XIX вв. был распространен простой вексель. Для хождения переводного векселя в стране в тот период предпосылок не было: переводной вексель – спутник развитого торгового оборота, развитых торговых связей между отдельными регионами и зарубежными странами. Экономический же расцвет дореволюционной России приходится на последнюю треть XIX в., к этому времени вексель, как форма долговой расписки, исчерпал себя.

Первый Вексельный устав просуществовал больше столетие, у него 70 раз вносились изменения и дополнения. Развитие коммерческого оборота и совершенствование финансового законодательства послужило главной причиной разработки и принятия нового Устава

¹⁸ Там же. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 49 об., 82 об.; Д. 263 и др.

о векселях от 25 июня 1832 г. После введение Устава о векселях 1832 г. в действие выяснилось, что он имел значительные недостатки. С 1860 г. проект неоднократно публиковался, обсуждался и перерабатывался. В итоге новый Устав о векселях был принят только 27 мая 1902 г.

Источники и литература

1. Вексельный устав от 16 мая 1729 года // ПСЗ–1. – Т.8. – №5410.
2. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. – СПб., 1814. – 174 с.
3. Звоницкий А.С. О залоге по российскому праву. – Киев. – 1912. – 401 с.
4. Кассо Л. Понятие о залоге в современном праве. – Юрьев. – 1898. – 415 с.
5. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 2.
6. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 3.
7. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 4.
8. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 10.
9. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 140.
10. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д. 239.
11. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 1. – Д.50.
12. НА РТ. – Ф.26. – Оп. 31. – Д. 80.
13. НА РТ. – Ф.114. – Оп.1. – Д. 216.
14. НА РТ. – Ф.114. – Оп.1. – Д. 451.
15. Свердлова Л.М. Казанские купцы: дела и люди. – Казань, 1998. – 168 с.
16. Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. // ПСЗ–1. – Т.26. – №19692.
17. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911. – 168 с.

Л.М. Свердлова

Россия провинциясендә 16 май 1729 елгы Вексель уставын файдалану (XVIII гасыр азагы – XIX йөз башы Казан шәһәр магистраты материаллары буенча)

Мәкаләдә архив чыганаclarы буенча XVIII – XIX гасырлар чигендә губерна шәһәрәндә татар һәм рус эшқуарларының вексель килешүләрен үти алмыйча бурычка бату, вексельләрне кире кайтару алмау белән бәйлә хокукый мәсьәләләрне хәл итү тәртибе бәян ителә.

Ачкыч сүзләр: 1729 елгы Вексель уставы, гади һәм тапшырыла торган вексель, бурыч кайтару белән бәйлә мөнәсәбәтләр, вексельләр белән алыш-биреш итү, кредиторлар, Казан шәһәре, Казан сәүдәгәрләре.

L.M. Sverdlova

**The practice of realization of Veksel Charter
May 16, 1729 in the Russian province
(On materials of the Kazan town Council
of the late XVIII – early XIX centuries)**

The article according to archival sources on the facts of the veksel deals Tatar and Russian entrepreneurs of the provincial city explains of questions legal regulation of debt relations, insolvency veksel at the turn of XVIII–XIX centuries.

Keywords: Veksel Charter 1729, simple and transferable veksel, debt relations, veksel deals, creditors, Kazan, Kazan merchants.

Свердлова Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); e-mail: sverdlm@yandex.ru

Свердлова Людмила Михаил кызы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университеты юридик факультетының доценты (Казан шәһәре).

Sverdlova Lyudmila Mikhaylovna – Candidate of historical sciences, the associate professor of law department of the Kazan (Volga) Federal University (Kazan).

Участие астраханских юртовских татар в борьбе с казацкими разбоями на Волге и Яике накануне восстания Степана Разина

Статья посвящена малоизвестным страницам социально-политической истории астраханских юртовских татар, а именно – их участию в борьбе правительственных сил с набегами донских казаков на реки Волгу и Яик в 1660-х гг. В публикации рассматриваются конкретные факты участия юртовских татар в военных походах вместе со стрельцами и солдатами Астраханского гарнизона против «воровских» казаков. Приводятся примеры использования их местными властями в качестве разведчиков и курьеров в этот беспокойный период в истории Нижнего Поволжья. На основе выявленных фактов обосновывается вывод о том, что юртовские татары не изменяли царю и не присоединялись к донским казакам во главе с атаманом С.Т. Разиным и другими.

Ключевые слова: Россия, Волго-Уральский регион, Астрахань, юртовские татары, донские казаки, 1660-е гг.

Служебная деятельность астраханских юртовских татар после присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству является малоизученной темой. Несмотря на то, что эта категория тюркского населения Нижнего Поволжья попадала в поле зрения исследователей, рассматривавших в рамках XVII в. вопросы внешней политики Московского государства, взаимоотношений казачества и тюркских народов, русско-калмыцкие отношения, внутреннюю структуру отрядов служилых татар в России, о степени вовлеченности астраханских юртовских татар в процессы внутренней и внешней политики страны в исторической литературе имеются отрывочные сведения¹.

¹ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. – М.: Наука, 1994. – С. 119; Куц О.В. Татары на казачьем Дону // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. статей, посвященный 80-летию Ю.Г. Алексева. М.; СПб., 2006. – С. 402–411; Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012 – С. 62, 247; Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казен-

А между тем источники свидетельствуют, что со второй половины XVI в. астраханские юртовские татары активно привлекались центральными и местными русскими властями к выполнению различных поручений, в числе которых важное место отводилось охранной и военной службам². В связи с этим изучение служебной деятельности данной категории населения Нижнего Поволжья остается актуальной научной задачей, позволяющей пролить свет на малоизвестные страницы истории Юга России.

Как известно, наказы астраханским воеводам прямо предписывали использовать астраханских татар для борьбы с казацкими разбоями на Волге, поэтому не удивительно, что во второй половине 1660-х гг. с ростом казацких грабежей на Юге России астраханские воеводы начинают привлекать юртовцев для противодействия этому «воровству». Так, в мае 1667 г. 300 юртовцев во главе с табунным головой были посланы из Астрахани вместе с отрядом стрельцов под командой стрелецкого головы Василия Лопатина для борьбы с воровскими казаками, появление которых ожидали на Волге в районе города Царицына³.

Под Черным Яром высланные из Астрахани отряды (другой отряд стрельцов и солдат под командой стрелецкого сотника Богдана Северова двигался вверх по Волге на стругах) преградили 31 мая путь казакам во главе с С.Т. Разиным. Однако сражения между противниками не произошло. Казаки начали было приставать на судах к берегу. Стрелецкие головы решили дать им бой под Черным Яром и с «ратными людьми, с конными и с пешими стрельцы и с салдаты и с татары, выбрався на берег, против их пошли на бой», но разинцы уклонились от сражения и продолжили путь вниз по Волге⁴.

ного приказа конца Смуты (1613–1619 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып.6. – Казань, 2014. – № 6. – С. 227–228.

² Торопицын И.В. Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 247–248; Торопицын И.В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014. – P. 5.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. – Т. 1. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 78.

⁴ Крестьянская война... – С. 80.

Предполагая, что вышедшие на разбой казаки могли направиться к Яицкому городку, астраханский воевода И.А. Хилков послал известие об их появлении на Волге стрелецкому голове И. Яцыну, предписав ему усилить оборону Яицкого городка. «А что каких вестей про тех воровских казаков объявится, – говорилось в воеводской памяти, – и тебе б о том писать в Астрахань..., а с отписками своими посылать нарочно татар или стрельцов наскоро». Данную память поручили доставить на Яик юртовскому татарину Яныбеку Суюнчеву⁵.

Одновременно с этим из Астрахани были посланы в город Красный Яр конный стрелец Тит Никитин (Микитин) в сопровождении десяти юртовских татар «коньми для вестей и ведомости», которые вернулись обратно с отпиской стрелецкого головы Матюши Киреева, сообщившего о том, что разинцы проплыли мимо Красного Яра в направлении Каспийского моря⁶.

Таким образом, можно видеть, что уже на начальном этапе разинского похода за «зипунами» юртовские татары активно привлекались астраханскими властями для вооруженного противостояния им. Кроме того, их широко использовали для сбора информации о передвижении воровских казаков в Волго-Каспийском бассейне. Все это говорит о том, что власти вполне доверяли астраханским татарам и не ожидали от них измены.

В связи с обострением обстановки на юго-востоке страны правительство России в конце июля 1667 г. решило послать для борьбы с казацкими разбоями на Волге дополнительные силы под командованием воевод князей И.С. и М.С. Прозоровских и С.И. Львова. Астраханскому воеводе И.А. Хилкову из приказа Казанского дворца дали указание призвать в приказную палату астраханских ногайских, джетисанских и юртовских мурз и татар, а также всех дворян и детей боярских, служилых и «жилецких» людей и объявить им, что царь высоко ценит их преданность. Воеводе следовало сразу же выбрать на службу «для промыслу на воровских людей» вместе боярином князем И.С. Прозоровским «с товарищи» 1500 солдат и стрельцов и 100 пеших стрельцов из числа тех, что находились в Красноярском остроге, а также конных астраханских «нагайских и едисанских и юртовских мурз и татар, сколько человек доведется». Этот сводный

⁵ Там же. – С. 79–80.

⁶ Там же. – С. 82–83.

отряд должен был подготовиться и дожидаться дальнейших распоряжений от князя П.С. Прозоровского⁷.

Тем временем 24 сентября 1667 г. разинцы на протоке Емансагу «повоевали» улус джетисанского мурзы Алея Урусова с его сыном и «улусных его людей в полон жен и детей поймали»⁸. Российские власти незамедлительно вступились за своих верных слуг. Из Москвы был послан казацкой старшине на Дон приказ вступить в переговоры с разинцами с целью освобождения не только стрельцов, захваченных ими, но и «Урусовых мурз улусных людей», которых воровские казаки увели с собой в Яицкий городок. Состоявшиеся переговоры между верными царю донскими казаками и разинцами не увенчались успехом. С.Т. Разин отказался отпустить в Астрахань взятых в плен стрельцов и «мурз Урусовых улусных людей»⁹. Не исключено, что С.Т. Разин захватом людей мурзы Алея Урусова рассчитывал произвести впечатление на других астраханских татар, как бы демонстрируя им, какая судьба их ожидает, если они будут участвовать совместно со стрельцами в борьбе против них.

В этой связи интересен текст «поручной записи», данной 15 ноября 1667 г. несколькими джетисанскими («едисанскими») мурзами в Астраханской приказной палате, который приводит Е.В. Гусарова. Согласно этому документу улусы влиятельного ногайского мурзы Ямгурчя Янмаметева из рода Тинмаммета-мурзы, а также его сына Агиша и внука Аллаудата обязались в зимний период проживать в ногайском городке, а в летний – кочевать по Царевой протоке (рукаву Волги) вблизи Астрахани¹⁰. Данный факт можно расценить, как стремление астраханских воевод в условиях роста казацких разбоев сконцентрировать в окрестностях Астрахани максимальное количество сил тюркских подданных, которые можно было бы задействовать для противодействия «воровству» казаков на Волге.

Прежде чем предпринимать решительные действия против разинцев астраханские власти решили прояснить обстановку. С этой целью они направили под Яицкий городок «ради языков» отряд под

⁷ Там же. – С. 95–96.

⁸ Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. – М., 1857. – С. 25.

⁹ Там же. – С. 26.

¹⁰ Гусарова Е.В. Ямгурчеев городок и укрепления деревянного города на плане Астрахани 1721 г. и в других источниках // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. – Вып. VI. – С. 113.

началом юртовского татарина Тарханко Чюманова. В начале февраля 1668 г. юртовцы вернулись в Астрахань вместе с двумя «языками». От взятых ими в плен разинских казаков астраханские воеводы узнали о количестве людей у С.Т. Разина и их ближайших планах (1600 воровских казаки собирались зимовать в Яицком городке, «а на весну де дума у них будет иная», – говорили пленные)¹¹.

9 февраля 1668 г. для поиска над воровскими казаками под Яицкий городок из Астрахани выступил сводный отряд (2806 человек) под командой астраханского воеводы Я.И. Безобразова, в который вошли 400 юртовских татар во главе с 12 ногайскими и джетисанскими мурзами и табунными головами¹². Высланные из Астрахани силы блокировали разинцев в Яицком городке. Воеводе Я.И. Безобразову поручили добиваться у С.Т. Разина освобождения всех захваченных пленных, в том числе и улусных людей мурз Урусовых. Разинцы отказались подчиниться. Между ними и присланным из Астрахани отрядом произошло несколько столкновений. В итоге направленных из Астрахани сил оказалось недостаточно, чтобы нанести воровским казакам на Яике серьезный урон и заставить их сдаться¹³.

Осада Яицкого городка затянулась. Правительство России решило привлечь к борьбе с разинцами калмыков, которым была обещана вся добыча, в том числе пленные, которых они смогут захватить в Яицком городке. 18 апреля 1668 г. из приказа Казанского дворца в Астрахань была направлена грамота, предписывавшая астраханскому воеводе И.А. Хилкову сообщить своему товарищу Я.И. Безобразову, возглавлявшему «государевых» ратных людей, которые держали в осаде разинцев в Яицком городке, чтобы они не препятствовали в этом калмыкам. «Будет за милостию Божию над Яиком учинитца промысл, – говорилось в грамоте, – и они б, русские люди и астраханские мурзы и татаровя, однолично в полону и во всяких казацких пожитках калмыком, которые у Яика в промыслу будут, обид никаких не чинили. А им, русским людям и астраханским мурзам и татарам, которые с ним Яковом, наша великого госу-

¹¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 6. СПб., 1857. – С. 9; Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. – М., 1857. – С. 28.

¹² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 7. – СПб., 1859. – С. 256.

¹³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 6. – СПб., 1857. – С. 7–8.

даря милость и жалованье за их службу, и oprичь того, полону и казацких пожитков всем будет; для того чтоб тем полоном и казацкими пожитки калмыцким тайшам и калмыком учинить ласку и впредь бы их калмыков, тем обнадежить»¹⁴.

Несмотря на меры, предпринятые царскими властями, удержать от дальнейших разбоев разинскую вольницу не получилось. Воровские казаки вырвались из Яицкого городка на простор Каспийского моря. Вскоре вслед за С.Т. Разиным с Дона за зипунами на Волгу и Каспийское море устремились и другие любители легкой наживы, в том числе отряд С. Кривого. Попытки астраханских властей противодействовать им также оказались безуспешными. Обстановка усложнялась тем, что часть служилых людей астраханского гарнизона при столкновении с воровскими казаками переходила на их сторону.

Чтобы быть в курсе происходящих событий, астраханские воеводы беспрестанно рассылали в окрестные города проезжие станицы. Привлекались к этой службе и юртовские татары. 10 июля 1668 г., например, стрелецкому голове Б. Сакмышеву в Астраханской приказной палате была дана память о необходимости организовать постоянную доставку сведений об обстановке в районе Яицкого городка. Эту задачу решено было возложить на юртовских татар. С этой целью в Яицкий городок были направлены «степью» астраханские юртовские татары «разных табунов» – 12 человек во главе с Биробашкой Янаковым. Обычно данная служба предполагала нахождение в Яицком городке служилых людей в течение двух недель или месяца, после чего их меняли. Врученная Б. Сакмышеву память предписывала оставить юртовских татар («Баробашку Янакова с товарищи») в Яицком городке «до перемены». В случае появления информации о воровских казаках, калмыках или башкирах, Б. Сакмышеву следовало сразу же сообщать об этом воеводам в Астрахань. «А с отписки посылать астраханских татар по шти человек, – говорилось в памяти, – и велеть им ездить с великим береженьем и с поспешеньем днем и ночью, чтоб над ними в проезде воровские калмыцкие люди какова дурна не учинили»¹⁵.

Проезжие станицы, регулярно направлявшиеся из Астрахани в Терский городок, не редко имели смешанный состав. Наряду с юртовскими татарами в них входили, как правило, астраханские конные

¹⁴ Крестьянская война... – С. 103.

¹⁵ Крестьянская война... – С. 113–114.

стрельцы. Основная задача, которую ставили в конце 1660-х гг. астраханские воеводы перед этими станицами, заключалась в доставке свежих известий «про воровских казаков»¹⁶. Так, в июле 1668 г. из Астрахани была послана на Терек станица в составе стрельцов и юртовских татар под началом Олферки Игнатъева. Астраханских воевод интересовало: «воровские казаки Стенка Разин и Сергушка Кривой с товарищи сошлись ли и где ныне стоят, или куды пошли, в Шахову область или назад к Волжскому устью? И нет ли на Куме реке иных воровских казаков в сборе?»¹⁷.

Оказывая активную помощь царским властям в борьбе с казацкими разбоями, астраханские татары рано или поздно должны были обратить на себя внимание со стороны разинцев, для которых они становились удобной мишенью. Источники сообщают, что у воровских казаков неоднократно возникали планы «погромить» татарские юрты. Перезимовав в Яицком городке, весной 1668 г. казаки под началом С.Т. Разина приплыли в дельту Волги. В их первоначальное намерение входило сделать нападение на татарские юрты, располагавшиеся под Астраханью, но потом они передумали и вышли в Каспийское море¹⁸.

По возвращении летом 1669 г. из Персидского похода разинцы, силы которых к тому времени были существенно подорваны, вынуждены были вступить в переговоры с астраханскими воеводами, перекрывшими для них стрелецкими отрядами путь по Волге, чтобы получить возможность вернуться на Дон. Астраханские воеводы были заинтересованы в том, чтобы разинцы, выполнив предъявленные им требования со стороны государства, как можно скорее покинули город. Пропустив в итоге С.Т. Разина с казаками на Дон, воеводы в Астрахани решили выведать его дальнейшие намерения и направили вслед за ними на Дон в Черкасский городок «Едисанского Казыя мурзы Урусова улусного человека татарина Юмашка Келимбетева тайным обычаем». Он должен был разузнать, где С.Т. Разин намерен зимовать, будут ли с ним его товарищи «или от него пойдут врознь», примет ли С.Т. Разина донская старшина.

9 декабря 1669 г. Юмаш Келимбетев вернулся в Астрахани и рассказал, что застал С.Т. Разина с его товарищами в Царицыне, где

¹⁶ Там же. – С. 114, 117.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. IV. – СПб., 1842. – С. 388.

¹⁸ Материалы... – С. 28.

прожил с ними с неделю, после чего сопровождал их до «Пятиизбского городка», откуда С.Т. Разин и другие казаки поехали вниз по Дону в стругах до Кагальницкого городка. В районе него разинцы облюбовали себе остров, на котором укрепились. Юмаш Келимбетев прожил с ними на том острове шесть дней и внимательно наблюдал за обстановкой в казачьем лагере. По его словам, С.Т. Разин никого из своих товарищей не отпускал от себя («держит их у себя в крепости»). Собрав необходимую информацию, Юмаш Келимбетев отправился дальше в Черкасский городок. Вместе с ним поехал один из разинских казаков Иван Болдырь, которому С.Т. Разин велел связаться с его семьей. В Черкасском городке астраханский агент выяснил, что донская старшина не жалуется С.Т. Разина, но без царского указа не решается на какие-либо действия в его отношении, «а принять де его Стеньку с товарищи в войско или промысел над ним чинить без указа Великого Государя они казаки не смеют». Уточнив позицию донской старшины, Юмаш Келимбетев отправился «за вестями» обратно к С.Т. Разину. Ему удалось переговорить с атаманом, который сказал, что отправил в Москву несколько своих людей «бити челом», так как он опасался «Великого Государя гневу». У Юмаша Келимбетева сложилось впечатление, что С.Т. Разин рассчитывал получить прощение за свои действия и готов был заслужить свою вину в походе против Крыма или Азова, а в случае, если его не простят, намеревался отойти к запорожским казакам¹⁹.

Таким образом, можно констатировать, что в период активных действий разинцев на Волге и Каспийском море в 1667–1669 гг. астраханские юртовские татары сохраняли верность царской власти. Они активно участвовали в военных предприятиях астраханских воевод по противодействию казацким грабежам на Волге и Яике, обеспечивали коммуникацию между Астраханью и близлежащими городами юго-востока страны, привлекались к различным разведывательным мероприятиям против разинцев.

Очевидно, что активная проправительственная позиция, которую занимали юртовцы накануне Разинского восстания, должна была предопределить и их отношение к вспыхнувшему на Волге в 1670 г. народному возмущению, вошедшему в отечественную историю как крестьянская война под предводительством С.Т. Разина.

¹⁹ Материалы... – С. 50–51.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. IV. СПб., 1842.
2. Гусарова Е.В. Ямгурчеев городок и укрепления деревянного города на плане Астрахани 1721 г. и в других источниках // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. – Вып. VI. – С. 111–120.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. 6. – СПб., 1857.
4. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. 7. – СПб., 1859.
5. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. – Т. 1. – М.: Издательство АН СССР, 1954.
6. Куц О.В. Татары на казачьем Дону // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. статей, посвященный 80-летию Ю.Г. Алексева. – М.; СПб., 2006. – С. 398–414.
7. Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа конца Смуты (1613–1619 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 6. – Казань, 2014. – С. 224–232.
8. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. – М., 1857.
9. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. – М.: Наука, 1994.
10. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012.
11. Торопицын И.В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014. – P. 3–8.
12. Торопицын И.В. Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. – Вып. VII. – С. 246–250.

**Степан Разин житәкчелегендә баш күтәру алдыннан
әстерхан юрт татарларының Иделгә һәм Жәекка булган
казак һөжүмнәренә каршы көрәштә катнашулары**

Мәкалә әстерхан юрт татарларының аз билгеле социль-сәяси тарихларына, аларның 1660нче елларда хөкүмәтнең хәрби көчләре белән берлектә Иделгә һәм Жәекка булган казак һөжүмнәренә каршы көрәштә катнашуларына багышлана. Басмада юрт татарларының стрелецлар һәм Әстерхан гарнизоны солдатлары белән «карак» казакларга каршы хәрби походларда катнашулары хакында фактлар бәян ителә. Аларны Иделнең түбән агымы төбәге тарихының тынычсыз чорында жирле хакимият тарафыннан разведчиклар һәм курьерлар итеп файдалану турында мисаллар китерелә. Ачыкланган фактлар нигезендә юрт татарлары патшага хыянәт итмәгәннәр һәм С.Т. Разин һәм башкарлар житәкчелегендәге Дон казакларына кушылмаганар дигән нәтижә ясала.

Ачкыч сүзләр: Россия, Идел-Урал төбәге, Әстерхан, юрт татарлары, Дон казаклары, 1660нче еллар.

**Participation Astrakhan the Yurt of Tatars in fight against the Cossack
robberies on Volga and Yaik on the eve of Stepan Razin's revolt**

Article is devoted to little-known pages of socio-political history Astrakhan the Yurt of Tatars, namely to their participation in fight of government forces against attacks of the Don Cossacks on the Volga Rivers and Yaik in the 1660th. In the publication the concrete facts of participation the Yurt of Tatars in military campaigns together with Sagittariuses and soldiers of the Astrakhan garrison against “thieves” Cossacks are considered. Use examples by their local authorities as scouts and couriers during this restless period in the history of Lower Volga area are given. On the basis of the elicited facts the conclusion that Yurt Tatars didn't change the tsar locates and didn't join the Don Cossacks led by the ataman S. T. Razin and others.

Keywords: Russia, Volga-Ural region, Astrakhan, Yurt Tatars, Don Cossacks, 1660th.

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета (г.Астрахань); e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Торопицын Илья Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Әстерхан дәүләт университеты Россия тарихы кафедрасының доценты (Әстерхан шәһәре).

Toropitsyn Ilya Vasil'evich – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of History of Russia, Astrakhan State University.

Социально-классовая структура населения Среднего Поволжья во второй половине XIX века

Вторая половина XIX – начало XX века были временем значительных перемен во всех сферах жизни общества, в том числе и социальной. Отмена крепостного права и последующие буржуазные реформы 60-х – 70-х годов XIX века способствовали появлению новых классов и эволюции уже существующих. Социальные процессы происходили на территории всей Российской империи, в том числе и в губерниях Среднего Поволжья. В статье рассматривается сословный состав населения региона, его занятость, определяется социально-классовая структура общества в конце XIX века.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, вторая половина XIX века, сословный состав населения, занятость, социально-классовая структура.

Социально-классовая структура населения всегда являлась одной из центральных и актуальных проблем отечественной исторической науки. И это вполне понятно. Исследование социальной анатомии общества дает возможность вплотную подойти к решению ряда важных вопросов, таких как социально-экономическое содержание общественной структуры, соотношение различных укладов, классовая структура общества, расстановка основных классовых сил, удельный вес и положение тех слоев населения, которые несли на себе основную экономическую нагрузку в обществе и т.д.

В основу исследования данного вопроса легли следующие методологические положения: во-первых, определение классов, данное В.И. Лениным. «Классами, – писал он, – называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

¹ Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений. – Т. 39. – С. 15.

Во-вторых, признание того положения, что пореформенная Россия – это капиталистическая страна, со всеми присущими этому строю закономерностями. Социально-экономический строй Среднего Поволжья² также был капиталистическим. В то же время это был типично аграрный район, что откладывало свой отпечаток на процесс буржуазного образования классов и капитализации социальной структуры населения региона. При изучении поставленного вопроса необходимо было учитывать специфику данного региона и, в частности, значительное преобладание здесь крестьянского населения, средний уровень промышленного развития края, довольно сильное развитие торговых отношений, а также многонациональный характер его населения.

В-третьих, признание факта активной, повышенной социальной мобильности отдельных общественных классов и групп в эпоху капитализма, одним из главных проявлений которой являлся объективно-закономерный переход представителей прежних сословно-социальных групп, присущих феодальному обществу, в состав новых, буржуазных классов и социальных слоев.

При анализе социального состава населения второй половины XIX в. следует учитывать то обстоятельство, что, с одной стороны, сохранялось сословное деление общества, а, с другой, шло формирование новых классов. Учет населения осуществлялся по сословиям и поэтому в статистических изданиях и дореволюционных исследованиях информации по этому вопросу довольно много. Профессиональный и социальный состав населения выявить сложнее и тем более определить классовую структуру общества. Здесь могут помочь материалы однодневных городских переписей и особенно «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897г.», по материалам которой был выявлен сословный состав населения Среднего Поволжья, представленный в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, население Среднего Поволжья по своему сословному составу распределялось следующим образом: 6035,5 тыс. чел. (93,58%) составляли крестьяне, 309,4 тыс. (4,80%) – мещане, 36,4 тыс. (0,57%) – потомственные и личные дворяне, 28,9 тыс. (0,45%) – духовенство, 19,3 тыс. (0,30%) – купцы и почетные граждане, 19,8 тыс. (0,30%) – прочие («инородцы», финляндские урожен-

² В регион Среднего Поволжья включены Казанская, Симбирская и Самарская губернии.

цы, деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности).

Таблица №1

Сословный состав населения Среднего Поволжья в 1897 г.³

Сословия	В городах		В уездах		В регионе	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Дворяне потомственные	10,7	2,37	5,4	0,09	16,1	0,25
Дворяне личные	16,4	3,63	3,9	0,07	20,3	0,32
Духовенство	8,4	1,86	20,5	0,34	28,9	0,45
Почетные граждане	5,7	1,26	5,9	0,10	11,6	0,18
Купцы	6,3	1,40	1,4	0,02	7,7	0,12
Мещане	186,1	41,14	123,3	2,06	309,4	4,80
Крестьяне	211,5	46,76	5824,0	97,11	6035,5	93,58
Войсковые казаки	0,1	0,02	0,2	0,00	0,3	0,00
Иностранцы	0,4	0,08	7,5	0,12	7,9	0,12
Финляндские уроженцы	0,0	0,00	0,0	0,00	0,0	0,00
Не принадлежащие к указанным сословиям	4,6	1,02	3,3	0,06	7,9	0,12
Не указавшие свое сословие	1,3	0,28	1,0	0,02	2,3	0,04
Иностранные подданные	0,8	0,18	0,6	0,01	1,4	0,02
Всего	452,3	100	5997,0	100	6449,3	100

Кроме того, из таблицы хорошо видно, что к концу XIX столетия большая часть населения Среднего Поволжья проживала в уездах, в сельской местности. В уездах преобладала численность духовенства, почетных граждан и крестьян. В городах было больше дворян потомственных и личных, купцов и мещан.

Данные, представленные в таблице 1, позволяют сгруппировать их по занятости населения Среднего Поволжья в 1897 г.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: т. XIV, Казанская губерния. – СПб., 1904; т. XXXIX, Симбирская губерния. – СПб., 1904; т. XXXVI, Самарская губерния. – СПб., 1904.

Структура населения Среднего Поволжья по занятиям в 1897 году⁴

Группы	Население	
	тыс.	%
а) Чиновники и войско	61,9	0,9
б) Духовенство и свободные профессии	65,8	1,0
в) Рантье и пенсионеры	77,1	1,2
г) Лишенные свободы, проститутки, неопределенные, неизвестные	42,6	0,7
Итого непроизводительное население	247,4	3,8
д) Торговля	133,0	2,1
е) Пути сообщения и сношений	59,5	0,9
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	166,3	2,6
Итого полупроизводительное население	358,8	5,6
з) Сельское хозяйство	5521,5	85,6
и) Промышленность	321,6	5,0
Итого производительное население	5843,1	90,6
Всего	6449,3	100

Как видно из таблицы 2, в группу непроизводительного населения вошло всего 247,4 тыс. человек или 3,8% всего населения региона, в группу полупроизводительного населения – 358,8 тыс. человек или 5,6% всего населения и в группу производительного населения вошло 5843,1 тыс. человек. Удельный вес группы производительного населения составлял 90,6% всех жителей региона. Таким образом, Среднее Поволжье к началу XX столетия имело высокий производительный потенциал в сфере людских ресурсов.

Уже первоначальные данные об удельном весе основных трех групп населения дают достаточно ясное представление о классовом, характере распределения населения по занятиям. Группа непроизводительного населения составляла всего 4% по отношению к группе производительного населения. Это меньшинство состояло из чиновников, в высший ранг которых входили исключительно дворяне-помещики. Но именно они, в лице местной губернской администрации, управляли всей губернией; из почти такого же удельного веса духовенства, которое являлось опорой дворянства и самодержавия.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: т. XIV, Казанская губерния. – СПб., 1904; т. XXXIX, Симбирская губерния. – СПб., 1904; т. XXXVI, Самарская губерния. – СПб., 1904.

Это незначительное богатое меньшинство являлось элитой региона. Причем, большая часть населения этой группы проживала в городах Среднего Поволжья. Однако и в уездах эта часть населения имела заметный удельный вес, как это видно из таблицы 3.

Таблица №3

**Структура городского и сельского населения
Среднего Поволжья по занятиям в 1897 году⁵**

Группы	Всего	В городах		В уездах		Итого
	тыс.	тыс.	%	тыс.	%	
а) Чиновники и войско	61,9	35,9	58,0	26,0	42,0	100
б) Духовенство и свободные профессии	65,8	22,9	34,8	42,9	65,2	100
г) Рантье и пенсионеры	77,1	37,9	49,2	39,2	50,8	100
д) Лишенные свободы, проститутки, неопределенные, неизвестные	42,6	10,2	23,9	32,4	76,1	100
Итого непроизводительное население	247,4	106,9	43,2	140,5	56,8	100
д) Торговля	133,0	75,8	57,0	57,2	43,0	100
е) Пути сообщения и сношений	59,5	30,3	50,9	29,2	49,1	100
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	166,3	69,6	41,9	96,7	58,1	100
Итого полупроизводительное население	358,8	175,7	49,0	183,1	51,0	100
з) Сельское хозяйство	5521,5	53,5	1,0	5468,0	99,0	100
и) Промышленность	321,6	116,2	36,1	205,4	63,9	100
Итого производительное население	5843,1	169,7	2,9	5673,4	97,1	100
Всего	6449,3	452,3	7,0	5997,0	93,0	100

В городах Среднего Поволжья строились новые и расширялись старые промышленные предприятия, возникали новые отрасли промышленности. Однако удельный вес промышленного населения в уездах (ко всему промышленному населению в регионе) был заметно выше, чем в городах. В уездах Среднего Поволжья размещалась не только мелкая промышленность, вырабатывавшая предметы широкого потребления для удовлетворения, прежде всего крестьянского спроса и потребностей массы городского населения, но и довольно

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: т. XIV, Казанская губерния. – СПб., 1904; т. XXXIX, Симбирская губерния. – СПб., 1904; т. XXXVI, Самарская губерния. – СПб., 1904.

крупные промышленные предприятия с числом рабочих от 100 до 1000 и более человек. Например, на суконной фабрике, принадлежавшей торговому дому под фирмою «Братья Акчурины», которая находилась в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии, в деревне Старо-Тимошкино в 1876 году работало 1700 человек, из них: 850 мужчин, 600 женщин, 250 малолетних. На фабрике имелись две паровые машины: одна в 24 силы, вторая в 36 сил и два привода⁶. Или суконная фабрика Н.Д. Селиверстова, находившаяся в Корсунском уезде той же губернии при селе Сергеевском. На фабрике Селиверстова имелось 9 паровых машин до 125 сил и 7 водяных колес до 130 сил. В 1876 году на ней работало 2400 рабочих из них: мужчин 600 человек, 400 женщин и 1400 малолетних и поденщиков⁷.

Значительный удельный вес городского населения, занятого в торговле, был обусловлен первостепенным значением городских ярмарок и базаров в пореформенный период. О преобладании удельного веса городского населения занятого в торговле свидетельствует количество торговых свидетельств. Так, например, в 1884 году Симбирская городская управа выдала купеческих и торговых свидетельств по городу 2399, по уезду 645; Корсунская городская управа выдала 1224 свидетельства по городу и 92 по уезду; Курмышская городская управа соответственно 356 и 64⁸.

Таблица 4 дает общее представление о распределении занятий среди населения Среднего Поволжья в 1857–1861 и 1897 гг. В работе Ю.И. Смыкова «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» представлены данные, характеризующие общественное разделение труда, как основы всего процесса развития капитализма.

Из таблицы 4 видно, что в пореформенные годы в разделении общественного труда в регионе произошли заметные сдвиги, свидетельствовавшие о неуклонном утверждении капиталистического способа производства в одном из крупных районов Европейской России. Рост городов и городского населения, постепенное развертывание сети железнодорожных дорог, появление крупных фабрик и заводов, развитие торговли и т.д. – все это оказывало серьезное влияние и на капиталистическую эволюцию сельского хозяйства пореформенной деревни региона. Здесь, как и в целом по стране, по мере развития капитализма, шел закономерный процесс отлива части

⁶ ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 36–37.

⁷ ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 135–135 об.

⁸ ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 4. – Д. 202. – Л. 37, 81об., 82, 104об., 105.

сельскохозяйственного населения в промышленно-торговую группу, удельный вес которой увеличился в три раза, с 3,7% до 11,4%.

Таблица №4

**Общественное разделение труда
в Среднем Поволжье в 60-х и 90-х гг. XIX в.⁹**

Группы населения	В целом по региону			
	1857–1861 гг.		1897 г.	
	тыс.	%	тыс.	%
Сельскохозяйственное	3919,3	93,3	5465,9	84,7
Промышленно-торговое	157,7	3,7	735,8	11,4
Непроизводительное	123,1	3,0	247,6	3,9
Итого	4200,1	100	6449,3	100

Вместе с тем, в 60–90-е гг. XIX в. Среднее Поволжье продолжало сохранять черты типично аграрного района с большой концентрацией людских производительных сил в области сельского хозяйства (84,7%).

Наряду с изменениями в структуре и динамике численности населения, капиталистическое развитие России привело к важным изменениям в классовом и профессиональном составе общества.

Картина общественного разделения труда в целом по региону дает возможность сделать расчеты по социально-классовой структуре населения Среднего Поволжья. Взяв за основу методику В.И. Ленина¹⁰, из группы торгово-промышленного населения отнесем 7% к крупной буржуазии, 10% – к зажиточной мелкой буржуазии, 22% – к беднейшим мелким хозяевам и 61% – к пролетариату. Из группы непроизводительного населения были выделены рантье, а остальное население разбито так: 10% отнесены к буржуазии, 25% – к зажиточным мелким хозяевам, 31,7% – к беднейшим мелким хозяевам, а остальные 33,3% – к пролетариям и полупролетариям. Что касается группы сельского населения, то здесь дело обстоит следующим образом. Как известно, В.И. Ленин предложил приблизительные доли

⁹ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю в 60–90-е годы XIX в. – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – С. 36.

¹⁰ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Т. 3 – С. 502–505.

по социально-классовому положению – 50%, 30%, 20%, которые соответствовали пролетариату и полупролетариату, беднейшим мелким хозяевам и зажиточным мелким хозяевам.

В силу того, что это распределение условно и относится ко всей Европейской России в целом, возникла необходимость выделить соответствующие доли из сельскохозяйственного населения с учетом социального расслоения крестьянства Среднего Поволжья.

Проведенное Ю.И. Смыковым исследование о расслоении крестьянства Среднего Поволжья в 80–90-х годах XIX в.¹¹ показало, что местное сельскохозяйственное население можно разбить с учетом особенностей региона следующим образом. Для Казанской губернии можно выделить следующие процентные доли: пролетариат и полупролетариат – 69,2%, беднейшие мелкие хозяева – 20,6% и зажиточные мелкие хозяева – 10,2%; для Симбирской губернии соответственно – 65,2%, 20,9%, 13,9%; для Самарской губернии – 43,0%, 31,9% и 25,1%. В целом по региону сельскохозяйственное население было разбито так: пролетариат и полупролетариат – 57,7%, беднейшие мелкие хозяева – 20,0%, зажиточные мелкие хозяева – 22,3%.

Эти доли были переведены в абсолютные цифры, которые затем выражены в процентах по отношению ко всему населению. При такой группировке мы получили картину классовой структуры населения региона в конце XIX века, представленную в таблице 5.

Как видно из этой таблицы, население региона, как и в целом по стране, под влиянием развития капитализма приняло отчетливо выраженный социально-классовый характер. На одном полюсе находилась буржуазия, ее удельный вес равен 2,3%, на другом – пролетариат и полупролетариат, составлявший 56,7%. Между этими полюсами расположены: группа зажиточных мелких хозяев, часть которых при благоприятной хозяйственной конъюнктуре могла перейти и переходила в буржуазию, и группа беднейших мелких хозяев, из которых определенная часть при неудовлетворительной хозяйственной конъюнктуре опускалась до уровня пролетариев и полупролетариев.

¹¹ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю в 60–90-е годы XIX в. – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – С. 58–61.

**Социально-классовый состав населения
Среднего Поволжья в 1897 году¹²**

Группы населения	Европейская Россия		Среднее Поволжье	
	млн. чел.	%	тыс. чел.	%
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и проч.	3,0	2,4	145,8	2,3
Зажиточные мелкие хозяева	23,1	18,4	1335,1	20,7
Беднейшие мелкие хозяева	35,8	28,5	1309,1	20,3
Пролетарии и полупролетарии	63,7	50,7	3659,3	56,7
Всего	125,6	100	6449,3	100

Полученное соотношение: 2,3%; 20,7%; 20,3%, 56,7% позволяет сделать вывод о том, что Среднее Поволжье второй половины XIX в. – это район с довольно четко выраженным полярным делением на классы.

Общественно-экономическая структура городов была более отчетливой, более капиталистической, здесь яснее складывались и классовые отношения. Трансформация сословий в классы буржуазного общества наиболее интенсивно шла именно в городах, и, прежде всего, в крупных. Город наиболее отчетливо представлял собой капиталистический путь страны.

Из таблицы 6 видно, что в городах на долю буржуазии приходилось 14,4% всего населения Среднего Поволжья, удельный вес пролетариев и полупролетариев равен 51,3%. В уездах – соответственно 1,3% и 57,2%. Две средние группы в городах также выглядят иначе, чем в уездах. В городах группа зажиточных мелких хозяев составляла 12,9%, беднейших – 21,4%. В уездах – соответственно 21,3% и 20,2%. То есть группа зажиточных мелких хозяев в городах по удельному весу менее значительна, чем в уездах. Группа беднейших мелких хозяев в городах наоборот несколько преобладала по своему удельному весу.

¹² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Т. 3. – С. 505; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: т. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904; т. XXXIX. Симбирская губерния. – СПб., 1904; т. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904.

**Классовый состав населения городов и уездов
Среднего Поволжья в 1897 году¹³**

Группа населения	В городах		В уездах	
	тыс.чел.	%	тыс.чел.	%
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и пр.	65,2	14,4	80,5	1,3
Зажиточные мелкие хозяева	58,4	12,9	1276,7	21,3
Беднейшие мелкие хозяева	96,8	21,4	1212,3	20,2
Пролетарии и полупролетарии	231,9	51,3	3427,5	57,2
Всего	452,3	100	5997,0	100

Некоторое преобладание удельного веса зажиточных мелких хозяйств в уездах объясняется тем, что в поуездных статистических данных в группу зажиточных мелких хозяйств вошли: деревенская буржуазия, кулачество, торговцы и ростовщики. В городах эти группы незначительны. Их место занимают мелкие предприниматели, часть служащих, администрации, буржуазной интеллигенции. В группу беднейших хозяев в уездах вошли средние и бедные крестьяне, а также мелкие деревенские промышленники-кустари и ремесленники. В городах крестьянские группы представлены незначительно. В основном, в эту группу вошли мелкие производители, не имеющие рабочих, мелкие торговцы и т.п.

В.И. Ленин подчеркивал, что особенностью России являлось наличие здесь многочисленной мелкой буржуазии. Как видно из таблицы 5, по данным переписи 1897 г. В.И. Ленин относил к беднейшим мелким хозяевам 35,8 млн. человек или 28,5% и к зажиточным мелким хозяевам 23,1 млн. человек или 18,4%. Преимущественно это было крестьянское население. Беднейшие и большая часть зажиточных мелких хозяев представляли собой класс мелкой буржуазии. Этот класс являлся весьма многочисленным, поэтому В.И. Ленин указывал, что «затушевывать многочисленность мелкобуржуазных

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года: т. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904; т. XXXIX. Симбирская губерния. – СПб., 1904; т. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904.

слоев в населении России значило бы прямо фальсифицировать картину нашей экономической действительности»¹⁴.

В заключение необходимо сказать следующее. Изучение данной проблемы показало, что процесс разрушения прежних сословно-социальных групп, присущих феодальному обществу и складывание новых классов и социальных групп буржуазного общества протекал на Средней Волге в целом идентично с Европейской Россией, что свидетельствует о том, что изучаемый регион прочно вошел в русло капитализации страны. В то же время в Среднем Поволжье этот процесс имел свои особенности, что требует более пристального исследования.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений. – Т. 39. – 29 с.
2. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Т. 3. – 609 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: т. XIV, Казанская губерния. – СПб., 1904. – 283 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: т. XXXVI, Самарская губерния. – СПб., 1904. – 201 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: т. XXXIX, Симбирская губерния. – СПб., 1904. – 177 с.
6. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю в 60–90-е годы XIX в. – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – 270 с.
7. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 106.
8. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 4. – Д. 202.

Н.С. Хамитбаева

XIX гасырның икенче яртысында Идел елгасының урта агымы төбәгендә яшәүчеләрнең социаль-сыйныфый структурасы

XIX гасырның икенче яртысы – XX йөз башы – жәмгыятьнең барлык өлкәләрендә, шул исәптән социаль өлкәдә дә, шактый зур үзгәрешләр чоры. Крепостной правоны юкка чыгару һәм аннан соң, 1860–1870 елларда, булган буржуаз реформалар яна сыйныфлар килеп чыгуга һәм булганнарының үзгәрүенә этәргеч бирә. Социаль процесслар бөтен Россия империясендә, шул исәптән Идел елгасының урта агымы төбәге губерналарында, жәелеш

¹⁴ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Т. 3. – С. 506.

ала. Мәкаләдә XIX гасыр азагында төбәктә яшәүчеләрнең сословиеләргә бүленеше, аларның һөнәрләре, жәмгыятьнең социаль-сыйнфый структурасы карала.

Ачыкч сүзләр: Идел елгасының урта агымы төбәге, XIX гасырның икенче яртысы, төбәктә яшәүчеләрнең сословиеләргә бүленеше, мәшгуллек, социаль-сыйнфый структура.

N.S. Khamitbaeva

Social-class structure of the population of Middle Volga Region in the second half of the XIX century

The second half of XIX – the beginning of the XX century were time of considerable changes in all spheres of life of society, including social. Cancellation of a serfdom and the subsequent bourgeois reforms of the 60th–70th years of the XIX century promoted emergence of new classes and evolution of the already existing. Social processes happened in the territory of all Russian Empire, including in provinces of Middle Volga Region. In article the class structure of the population of the region, its employment is considered, the social-class structure of society at the end of the XIX century is defined.

Keywords: Middle Volga Region, second half of the XIX century, class structure of the population, employment, social-class structure.

Хамитбаева Найла Сахабидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: hamit46@bk.ru

Хәмйтбаева Найлә Сәхәбетдин кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты җаңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Khamitbaeva Nayla Sakhabidinovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Особенности восприятия российскими сановниками понятий «панисламизм» и «пантюркизм» (по материалам Особого Совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.)

Изменения в жизни мусульманского общества Российской империи в начале 20 века, происходившие в результате деятельности татарских реформаторов (джадидов), были восприняты властями как составная часть обширной программы панисламистов и пантюркистов.

Для разработки мер противодействия данному движению в 1910 году было организовано «Особое совещания по мусульманским делам», которое проанализировало угрозу панисламизма и пантюркизма в стране. Документы Особого совещания раскрывают отношение власти к татаро-мусульманскому движению.

Ключевые слова: панисламизм, пантюркизм, Особые совещания.

Начало формирования парламентаризма в Российской империи в 1905–1907 гг. явилось катализатором возникновения многочисленных российских политических организаций и движений, стало импульсом развития новых правоотношений между государством и его подданными. Именно создание первого парламента страны открыло многонациональному населению империи новые законные возможности для защиты своих прав и интересов. Народы России пытались использовать новый элемент государственного механизма для проведения долгожданных реформ, формирования диалога между обществом и государством. Показательным является то, что еще в ходе Первой русской революции на территории империи оформилось более ста партий, из которых более 50 имели общероссийский характер, около 30 – региональный, а остальные – национальный¹. В этот же период существенные изменения произошли и в татаро-мусульманском общественно-политическом движении.

Лидеры движения хорошо осознавали, что для достижения каких-либо значимых результатов в защите прав мусульманского общества необходимо его объединение, что только при консолидации

¹ Фахрутдинов Р.Р. Политическое самосознание татар на рубеже веков (II половина XIX – начала XX века). – Казань: Магариф, 2006. – С. 74.

усилий мусульмане смогут обратить на себя должное внимание властей и достигнуть своих целей. Под идеей «объединения» предполагалась выработка общих политических требований к власти (в социальной, экономической, духовной сферах) для последующего их продвижения в государственной думе.

Идея «объединения» интересов многомиллионного мусульманского населения и их выступление перед властью в качестве единого целого была выдвинута мусульманскими лидерами по разным основаниям. Если для представителей буржуазной группы в основном это была возможность улучшить свои экономические позиции, то часть лидеров движения (И. Гаспринский и др.) видели в этом «объединении» новые возможности по развитию тюркского просвещения.

Согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, в Российской империи проживало 13,9 миллиона мусульман (не считая жителей Бухары и Хивы), что составляло 11,06% от общей численности подданных империи. Из них 3,5 миллиона проживало в Европейской части России, около 7 миллионов в Средней Азии, 3,2 миллиона на Кавказе и 122 тысячи в Сибири. Таковы были официальные данные на конец XIX столетия².

Одна из первых крупных попыток «согласования» общих политических требований мусульман состоялась в августе 1905 года, когда был проведен всероссийский мусульманский съезд, на котором приняло участие около 150 представителей мусульманской элиты (преимущественно капиталистов и интеллектуалов, главным образом поволжско-уральских татар и азербайджанцев)³.

По результатам съезда была принята резолюция, в первом же пункте которой определена «необходимость сближения мусульман всех областей России на почве общественно-культурных политических запросов и задач современной русской жизни»⁴. Кроме этого, согласно указанной Резолюции мусульмане находят необходимым «отмену всех изъятий и ограничений, которые установлены в отно-

² Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – С. 63.

³ Роберт П. Джераси. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. Авторизов. пер. с английского В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 326.

⁴ Фахрутдинов Р.Р. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.). – Казань: КГПИ, 1992. – С. 13.

шении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населением Русского Государства во всех правах политических, гражданских и религиозных»⁵. Второй пункт данной резолюции явился одним из важнейших в силу того, что он определил ориентир мусульманской элиты на «установление в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении Государством»⁶. В дальнейшем именно через Государственную думу, используя предоставленные правовые механизмы, мусульманская элита пыталась защитить интересы мусульманского населения империи.

Несмотря на то, что организаторы данного съезда всячески пытались добиться официального разрешения на его проведение (местным властям были направлены ряд прошений), разрешение на его проведение получено не было, в силу чего съезд прошел в полулегальных условиях.

Решение съезда о сближении мусульман еще больше насторожило царское правительство, которое посчитало данное решение прямым проявлением панисламизма и пантюркизма.

Под идеей объединения мусульман имперская власть понимала панисламизм или же пантюркизм, и, следовательно, воспринимала эту идею как угрозу для территориальной целостности страны, для существующего государственного строя. Обвинения мусульман (в большей степени татар) в желании образовать Халифат начались еще при развитии идей джадидизма. Изменения в жизни мусульманского населения, происходившие в результате деятельности джадитов (постепенное формирование мусульманской образованной интеллигенции, реформирование системы образования, развитие печати и др.), были восприняты властями как составная часть обширной программы панисламистов и пантюркистов. С началом политизации джадитского движения в 1905–1906 годах власти сменили свою позицию по отношению к реформированию татарской культуры с более-менее индифферентной на преимущественно враждебную⁷. Дальнейшие события на международной арене (революция в Иране 1906 г. и в Турции 1908 г.), а также внутренние потрясения в стране в совокуп-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. 2nd ed. – Cambridge, Mass., 1967. – P.37.

ности позволили властям обосновать «реальную угрозу» панисламизма и пантюркизма и вести против них целенаправленную борьбу. Главными организаторами данных движений в России власть считала татарскую элиту.

Наиболее ярким документом, подтверждающим указанную позицию правительства, является Представление министра внутренних дел П.А. Столыпина в Совет Министров «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрскому) влиянию среди мусульманского населения» (далее – Представление). В данном документе от 15 января 1911 года П.А. Столыпин излагает итоги деятельности Особого совещания 1910 года, которое проанализировало угрозу панисламизма и пантюркизма в стране и рассмотрело конкретные меры по противодействию данным явлениям. Отметим, что проведение межведомственных совещаний (в том числе и с приглашением ученых) стало новым явлением в разработке и реализации внутривластного курса самодержавия. Решения таких совещаний имели для властных структур рекомендательный характер, становились основой при подготовке положений, инструкций, предназначенных для чиновников⁸. Правительство широко использовало данный институт и при выработке национальной политики⁹. Так, всего в начале века для решения мусульманских вопросов было организовано 5 совещаний: 1) Особое Совещание по делам веры под председательством генерал-адъютанта графа А.П. Игнатьева 1905–1906 г. 2) Особое Совещание при МНП по вопросам образования восточных инородцев 1905 г. 3) Особое Совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г. 4) Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения 1910–1911 г. 5) Особое Совещание по мусульманским делам 1914 г.¹⁰

⁸ Загидуллин И.К. Предисловие // Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост. И.К. Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 6.

⁹ Махмутова А.Х. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С. 70.

¹⁰ Хасаншин Г.Р. Проблема «татаризации» нерусских народов Волго-Уральского региона в материалах Особого Совещания по мусульманским делам 1914 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. статей. –

В рамках рассматриваемого нами Совещания с 12 января по 29 января 1910 года состоялось 9 заседаний. Участниками же указанного Совещания стали чиновники из разных ведомств, а также православное духовенство: председатель – директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Харузин А.Н.; члены: преосвященный Алексей, епископ чистопольский, преосвященный Андрей, епископ Мамадышский, казанский губернатор Стрижевский М.В., вятский губернатор Камышевский П.К., директор Департамента народного просвещения Анцыфирев С.И., член совета Министерства народного просвещения Спешков С.Ф., член совета Министерства народного просвещения Бобровников Н.А., чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода Скворцов М.В., помощник попечителя Петербургского учебного округа Остроумов А.А.¹¹ и др.

В представлении, составленном по итогам Совещания, П.А.Столыпин выделяет основные явления, происходившие в мусульманском обществе страны, которые, по его мнению, были прямым последствием деятельности панисламистов и пантюркистов. К таким явлениям он относит: 1) совершившееся в 1905 году «отпадение» нескольких десятков тысяч крещеных инородцев в мусульманство и в интенсивно поставленной пропаганде мусульманства; 2) сосредоточение области духовного и культурного просвещения в руках прошедшего татарскую школу духовенства; 3) развитие общеобразовательных инородческих учебных заведений со специфически татарским оттенком; 4) создание целого ряда мусульманско-татарских благотворительных учреждений, книгоиздательств, периодической печати; 5) открыто враждебные выступления татарской интеллигенции и татарской печати против государственности и русской народности; 6) установление отношений с Турцией и Египтом, воспитание молодежи в заграничных учебных заведениях¹².

Как известно, Особое совещание организовало свою работу по трем направлениям: 1) по пути укрепления положения православной церкви в области ее государственно-культурной деятельности – меры духовно-просветительные, 2) по пути урегулирования школьно-образовательного дела в соответствии с интересами населения и го-

Вып.4 – Казань: из-во «Яз», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 217.

¹¹ Махмутова А.Х. Указ. соч. – С.73.

¹² РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 68.

сударственной пользой – меры культурно-просветительные и 3) по пути упорядочения государственно-правового положения мусульманства и усиления государственного контроля за его проявлениями – меры административные.

При этом, в Представлении подчеркивается, что движение в «русском мусульманстве» приняло особенно интенсивный, даже угрожающий историческим задачам русской государственности характер. В то же время, указанное совещание не отрицает лояльности широких масс мусульманского населения России. Правительственные меры, по мнению совещания, не должны быть направляемы ни к ограничению религиозной свободы, ни к стеснению племенной самобытности «инородцев», исповедующих ислам, поскольку ими не нарушаются права государства и интересы третьих лиц (немусульманских племен). Напротив, прямым назначением подлежащих разработке мер является противодействие разрушительной противогосударственной деятельности фанатично настроенных инородческих элементов и приобщение инородческого населения, независимо от религии и племени, к общей государственной культурной жизни¹³.

Не сложно понять, что под фанатично настроенными инородческими элементами Особое совещание имеет в виду, прежде всего, приверженцев джадидитского движения, т.к. результатами деятельности именно татарских реформаторов и произошли те изменения в мусульманском обществе, о которых впоследствии писал П.А.Столыпин. Только если само татаро-мусульманское общество (в большинстве своем) воспринимало данные изменения с воодушевлением, как пробуждение «заснувшего» общества, как новый этап в его развитии, отвергая при этом какую-либо связь с панисламизмом и пантюркизмом, то правительство, как мы видим, в данных изменениях увидело угрозу государственным интересам (опираясь при этом на позицию ДДДИИ, представителей церкви, кадимистов). Таким образом, одни и те же явления, происходившие в татаро-мусульманской среде, оценивались большинством мусульманским населением в одном ключе, а правительством – совершенно в ином.

О прямой угрозе панисламизма и пантюркизма, исходя из своих интересов, прежде всего, твердили представители Русской православной церкви. Известно, что отпадения ранее крещеных татар в ислам и популяризация этого движения среди немусульманских на-

¹³ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 70.

родов империи не соответствовало не только интересам церкви, но и в целом политике, проводимой правительством. Об этом констатирует и сам П.А.Столыпин. Одной из причин популяризации и укрепления позиций ислама среди нерусского населения империи Особое совещание определило то, что православная церковь, представляющая собой неотъемлемое начало национально-русской культуры, не вооружена достаточными силами и средствами для обороны приобщенных к православию мусульман против агрессивной деятельности ислама¹⁴. П.А. Столыпин также отмечает, что фактически поэтому до нашего времени весьма многие из крещеных «инородцев» Поволжья только номинально числились христианами и этим объясняется и многочисленное (около 50 000) «отпадение» их после 1905 года в ислам. Между тем, это «отпадение», пишет П.А. Столыпин, нанесшее столь значительный ущерб православной церкви, нанесло вместе с тем чувствительный удар достоинству национально-русского начала, склонив в Поволжье нравственный перевес в пользу татарско-мусульманской культуры¹⁵.

Как проявление заговора панисламистов культурное пробуждение татаро-мусульманского населения воспринимал и епископ, ректор Казанской духовной академии Алексей, который утверждал, что желание части татарской молодежи вернуться к истокам ислама, ее растущий интерес к светскому образованию, связи с представителями тюрко-язычных народов за пределами Российской империи и быстрое распространение благотворительных объединений для мусульман отражали их планы разжечь всемирную религиозную войну против христианства¹⁶.

Основными мерами, разработанными Особым совещанием для укрепления начал православной церкви явились следующие: 1) в целях предоставления православным средств для духовного противодействия исламу: а) ввести на уроках Закона Божия в церковно-учительских школах в местностях с мусульманским населением ознакомление с началами мусульманской религии с освещением и обличением их в духе христианских мира и любви; б) составить и издать краткий очерк мусульманства и обличительного катехизиса мусульманского учения с назначением премий за лучшие сочинения; 2) в видах поддержания и усиления культурно-религиозного труда в

¹⁴ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69.

¹⁵ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69.

¹⁶ Роберт П. Джераси. Указ. соч. – С. 347.

местностях с мусульманским населением: а) устроить [...] для взрослых и детей внешкольные собеседования и чтения на религиозные темы в духе учения православной церкви; б) учредить при школах библиотеки и читальни; в) улучшить материальное положение православного сельского духовенства в инородческих местностях с назначением ему определенного и достаточного содержания.

Однако, интересен тот факт, что на заседании совещания от 12 января 1910 г. председатель А.Н. Харузин указал, что главная масса отпадения от православия в ислам (90%) приходится на 1905–1906 г. (по Казанской губернии 38900 человек). Казанский же губернатор добавил, что в течение 1909 года отпавших в губернии было всего 19 мужчин и 29 женщин¹⁷. В целом же, отпадения коренного русского населения в ислам были очень редкими, единичными случаями. Большинство из «отпавших» составляли лица новокрещенные и последователи традиционных верований.

Известно, что указанное массовое отпадение связано, прежде всего, с изданием 17 апреля 1905 года Указа о веротерпимости. Данный Указ, пусть все еще и запрещал прямое обращение в ислам, однако формулировки документа оставляли лазейку, воспользовавшись которой человек мог отступить от православия, заявив, что никогда не был христианином¹⁸. Указанной возможностью и воспользовались те, предки которых были обращены в христианскую веру не по собственной воле.

Таким образом, несмотря на то, что после массового отпадения 1905 года в течение последующих 4 лет (с 1906 по 1910 год) отпадения православных в ислам не носили массового характера, министр внутренних дел считал, что это результат системной и продолжающейся деятельности панисламистов, ведущих активную пропаганду ислама. В то же время, продвижение идеи того, что вся эта деятельность имеет целью подрыв российской государственности, позволяло православному духовенству говорить о необходимости привлечении аппарат государства в защиту своих интересов.

В зону критики Совещания попало и Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС)¹⁹. П.А.Столыпин подчеркивает, что ОМДС, находясь фактически в руках татар, способствует неограниченному распространению «через фанатичного духовенства татар-

¹⁷ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.164.

¹⁸ Роберт П. Джераси. Указ. соч. – С. 326.

¹⁹ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69 об.

ского влияния среди всего мусульманства до Туркестана и Бухары включительно». На этом пространстве татарским влиянием захватываются не только поволжские, приуральские и среднеазиатские полуоседлые и кочевые малокультурные народы, подвергающиеся постепенной татаризации, но и все оседлое население²⁰.

Несмотря на признание за ОМДС источника распространения татарского влияния, какие-либо меры по его преобразованию в представлении П.А. Столыпина не были отражены. Особое совещание лишь рекомендовало Министерству внутренних дел обсудить вопрос о переустройстве Духовного управления мусульман на началах его децентрализации и предложило меры по изменению правил испытаний на звание мулл²¹.

Источником распространения идей панисламизма и пантюркизма Особое совещание определило и конфессиональные школы (мектебы и медресе), в которых активно преподавались и общеобразовательные предметы. Ряд специалистов по исламу, в частности, Ильминский Н.И. и вовсе предполагал, что ислам и образование западного образца являются взаимоисключающими, что мусульмане никогда не смогут достичь истинного просвещения или даже стремиться к нему. Желание мусульман приобрести внешние признаки европейской культуры рассматривалось как имеющий скрытый мотив: вооружиться для подрыва христианского мира²².

П.А.Столыпин в Представлении отмечает, что руководимые татарским и «отатаренным духовенством», а равно уже сформировавшимся кадром светских учителей, эти школы при крайне незначительном числе низших правительственных учебных заведений служат надежными проводниками мусульманской культуры и пантюранского духа²³. На заседании особого совещания от 18 января 1910 г. вятский губернатор П.К. Камышанский отметил, что «школьное эволюционное движение среди магометан явление не случайное, а управляется определенным центром»²⁴. Основываясь на том, что общеобразовательная школа может быть только государственной, участники совещания предложили преобразовать новометодные школы в частные учебные заведения на общих основаниях, а тради-

²⁰ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69 об.

²¹ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 77.

²² Роберт П. Джераси. Указ. соч. – С. 358.

²³ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69 об.

²⁴ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.181 об.

ционные учебные заведения ввести в узко конфессиональные рамки²⁵. Таким образом, Особое совещание определило конкретные границы светского и конфессионального образования. Председатель Харузин на заседании от 12 января 1910 года обратил внимание участников совещания на то, что борьба против устройства татарами общеобразовательных национальных школ возможна и необходима²⁶. Представитель учебного ведомства С.И. Анцыферов заявил, что Министерство народного просвещения признает возможность существования лишь государственной общеобразовательной школы, которая служит главнейшим залогом успешности проведения русской культуры²⁷. Также Особое совещание установило, что преподавание религиозных предметов и в конфессиональных учебных заведениях, и в частных должно было происходить на основании утвержденной правительством программы.

Следует отметить, что разрабатываемые правительством различные «Правила» по вопросам образования «инородцев», в частности, мусульманского населения, и ранее были направлены на борьбу с «татаризацией» населения и постоянно подвергались изменению. Так, например, 31 марта 1906 года министром народного просвещения были утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России». Данные правила, ужесточившие условия функционирования мектебов и медресе, вызвали массовые недовольства со стороны мусульман Поволжья и были немного пересмотрены правительством в 1907 году. В частности, «Правила» 1906 года вводили требования о том, что национальность преподавателей «инородческих» школ должна быть идентична национальности учащихся; для татарских книг вводилась русская транскрипция, параллельно с существовавшей арабской графикой; заграничные экземпляры учебников и книг допускались только с разрешения инспектора «инородческих» школ и др. Изменение Министерством народного просвещения в 1907 году ранее принятых «Правил» 1906 года можно объяснить, прежде всего, тем, что правительство в целом осознавало преждевременность принятия активных

²⁵ Саматова Ч.Х. Имперская власть и школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – С. 62.

²⁶ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.163 об.

²⁷ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.164, 170.

действий в отношении мектебе и медресе. Политически опасным считал данные действия и руководитель МВД П.А.Столыпин²⁸.

Необходимо отметить, что вопросы образования являлись одним из самых острых в отношениях между правительством и мусульманскими подданными. Имперское правительство стремилось различными путями приблизить мусульманское население к русскому, в том числе и через меры, предпринимаемые в сфере образования. Однако, любые меры властей, затрагивающие вопросы образования мусульман, воспринимались последними как попытки русификации. Мусульмане считали, что сохранить свою религию и культуру они смогут, если только подрастающее поколение будет воспитываться и получать образование в национальной школе. В силу этого, из-за боязни потерять контроль над национальным просвещением, мусульмане обращали особое внимание на меры, предпринимаемые правительством в указанной сфере, а правительство же было вынуждено действовать особо осторожно и учитывать возможные негативные последствия своих решений.

Необходимость проведения в отношении мусульман веротерпимой политики отмечал в 1900 году министр финансов Витте С.Ю., который писал, что «наша внутренняя политика по отношению к мусульманам – фактор нашей внешней политики. Поскольку Россия соперничает на Ближнем Востоке с Европой, не следует действовать таким образом, чтобы она воспринималась на востоке как враждебная сила. Нельзя принимать меры, которые могут дать повод к обвинению России в нетерпимости к исламу и породить неприязненное к ней настроение во всем мусульманском мире»²⁹. Однако, как мы видим, правительство после революционных событий 1905–1907 гг. в целом придерживалось немного иной позиции.

Признание правительством большинства достижений джадидского движения как программы панисламизма и пантюркизма активно поддерживали не только представили церкви, но и «старое» мусульманское духовенство в лице кадимистов. Основным методом борьбы с реформами кадимисты видели принуждение и репрессии властей. Причиной перехода кадимистов к тактике доносов была

²⁸ Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917). – Уфа: Гилем, 2000. – С.59.

²⁹ Из письма министра финансов С.Ю. Витте военному министру от 25 октября 1900 г. (Цит. по: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (конец XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998. – С.910–911).

практически полная победа джадидов в идеологической сфере по поводу развития татар при одновременной борьбе правительства П.А. Столыпина со всеми либеральными и национальными организациями³⁰. Молодые муллы и мугаллимы, получившие образование в новометодных медресе, представляли собой конкуренцию для старого поколения духовенства. Создание сети светских школ наносило серьезный удар не только по их материальному состоянию, но и по монополюющей функции духовных руководителей религиозной общины. Таким образом, кадимисты использовали репрессивный аппарат государства против джадидов лишь в попытке вернуть свое бывшее влияние, при этом нанося существенный вред всему мусульманскому населению страны. На заседании Особого совещания от 12 января 1910 года казанский губернатор и вовсе предложил «пользоваться существующей борьбой между старыми мусульманами и новометодистами»³¹. Епископ Андрей на заседании от 14 января 1910 года при обсуждении школьного вопроса заявил, что надеяться на поддержку мулл едва ли основательно, так как они борются не с новометодным направлением, а отстаивают свое положение от захвата его новометодистами³².

Весьма интересным в Представлении П.А. Столыпина является тезис о том, что корень создавшегося положения вещей лежит, в том числе, и в «недостаточной до последнего времени осведомленности правительства относительно внутренних эволюций русского мусульманского мира за последние десятилетия»³³. Одной из основных причин указанной неосведомленности являлось языковое различие, а именно, отсутствие квалифицированных специалистов со знанием местных языков, которые могли бы должным образом оценить настроения населения, их отношение к происходящим внутри страны и зарубежом явлениям. Как ни парадоксально, но проблема неосведомленности властей имела место быть и в отношении мусульманского населения Поволжья, которое проживало под юрисдикцией Российского государства более 300 лет.

³⁰ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань: ГУП ПИК «Идел-Пресс», 2001. – С. 178.

³¹ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800 – Л.163.

³² РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800 – Л.154.

³³ РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132. – Л. 69.

В связи с этим возникает вопрос о том, способно ли было в тот период правительство дать объективную оценку изменениям, происходившим в татаро-мусульманском обществе, насколько оно было осведомлено о внутренних процессах, происходивших в мусульманском обществе империи.

На неосведомленность местных властей Особое совещание уделило достаточно большое внимание: из 34 пунктов, содержащих меры по противодействию панисламизму и пантюркизму, к этой проблеме в той или иной степени имеют отношение 11.

Кроме указанных мер, разработанных Особым совещанием, П.А.Столыпин в Представлении выдвигает свое собственное предложение, излагая его следующим образом: «К изложенному я не могу не присовокупить еще одно мое предположение, осуществлению которого я придаю особо важное значение, а именно образование особых курсов для изучения мусульманства и преимущественно связанных с ним у нас языков, ради национальной, хотя бы и постепенной, подготовки местных административных деятелей, которым возникающие мусульманские дела были бы действительно доступны для всестороннего понимания их».

Таким образом, Особое совещание признало крайне слабую осведомленность местных и центральных властей о реальном положении дел в мусульманском мире страны. Вследствие этого возникает обоснованное сомнение в правильности оценки правительством процессов и событий, происходивших в мусульманском обществе империи и в определении их первопричин.

После государственного переворота 1907 г., после того, как началось наступление на татарскую периодику и школы, вынужденная эмиграция национальных лидеров, в татарском обществе усилились недовольство политикой государства и антироссийские настроения. За публичную критику правительства ряд мусульманских деятелей были обвинены в панисламизме и подвергнуты наказанию. При этом в настоящее время исследований, дающих полную картину о том, по каким критериям полиция причисляла то или иное явление к панисламизму и пантюркизму, сколько проверок было проведено полицией, сколько лиц, обвиняемых в панисламизме и пантюркизме, были оправданы или осуждены, кто из осужденных лиц имел д связи с пантюркистами и панисламистами зарубежных стран, а кто развивал отношения исключительно в культурно-просветительской сфере, к сожалению, не имеется. В силу этого, по нашему мнению, дать пра-

вильную оценку материалам полиции, усмотревшим в тех или иных социокультурных явлениях панисламизм или пантюркизм, будет возможно только после их глубокого и всестороннего объективного анализа.

Автор книги «Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России» Роберт Джераси на основании некоторых исследований утверждает, что архивы полиции демонстрируют, что попытки выявления панисламизма и пантюркизма обычно заканчивались неудачей и признанием того, что эти доктрины, хотя иногда и фигурировали в татарских газетах, но при этом не имели ни конкретной программы, ни определенной организации³⁴. Одновременно политика борьбы с пантюркизмом приводила к тому, что власти тормозили просветительскую и благотворительную деятельность рядовых тюрок³⁵. На заседании Особого Сопещения от 12 января 1910 года вятский губернатор П.К.Камышанский, излагая ситуацию в регионе, указал, что в политическом плане татары отличаются лояльностью. Так, отмечает губернатор, из общего числа производивших с 1906 г. по 1910 г. 270 дознаний по политическим делам на инородческое население приходится 20, из которых 6 – на татар. Из этих последних 5 прекращено, и лишь одно передано судебным властям. К событиям 1905 года татары остались совершенно спокойными³⁶. Во время того же заседания губернатор Стрижевский отметил, что в Казанской губернии «привлеченных по политическим дознаниям инородцев 98 человек»³⁷.

Интересен тот факт, что по выступлениям некоторых членов Особого Сопещения можно сделать вывод о том, что они и сами особо не верили в реальную угрозу панисламизма. Так, например, высказывания вятского губернатора о лояльности татар поддержал А.А.Остроумов, указывая, что в 1905–1906 гг., когда многие русские учителя подвергались аресту и высылке, мусульманские были очень редко замечаемы в противоправительственной деятельности. Охватившее в 1905 году русское население волнение, говорит А.А.Ост-

³⁴ Роберт П. Джераси. Указ. соч. – С. 343.

³⁵ Сеньюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. дом «Медина», 2007. – С. 276.

³⁶ Махмутова А.Х. Указ. соч. – С. 75.

³⁷ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.163.

роумов, отозвалось на татарском населении, но особенно тревожного настроения в Казани не наблюдалось. Что касается панисламистского движения, то им увлекалась лишь одна молодежь, и оно не коснулось всей массы населения. В заключение А.А. Остроумов высказал мысль, что политической важности это движение не имеет³⁸. Кроме того, участник совещания С.Ф. Спешков сообщил, что революционное движение, охватившее в 1905–1906 годах учащихся, не отозвалось на мусульманских учителях, среди которых не наблюдалось никаких революционных организаций, тогда как «крещенные инородцы» примыкали к русским организациям³⁹. Участник совещания Н.А. Бобровников признавал опасность лишь со стороны пантюркизма, так как панисламизм является лишь грубым средством влияния на мусульманскую массу для проведения в ее среде националистических тенденций. В подтверждении этого взгляда он приводит мнение Лорда Кремера, английского министра-резидента в Египте о том, что панисламистической опасности не существует⁴⁰. Между тем, епископ Алексей особой разницы в терминах панисламизма и пантюркизма не видел и считал, что первый выражает религиозную, а второй национальную сторону одного и того же явления⁴¹.

На сомнения некоторых членов совещания о наличии угрозы панисламизма председатель Особого совещания ответил, что спокойствие мусульман, проявленное в 1905 году, свидетельствует лишь о неподготовленности их к принятию активного участия в охватившем государство волнении⁴². Позицию Харузина поддержал и М.В.Скворцов.

В этой связи интересен взгляд самих лидеров джадидизма на обвинения татаро-мусульманского движения в панисламизме и пантюркизме. Приведем ряд высказываний лидеров мусульманского движения по данному вопросу. Например, татарский богослов, общественно-политический деятель Закир Кадыри отрицал существование панисламизма в России. По его мнению, эта политическая доктрина была вымыслом, придуманная врагами мусульман, чтобы затормозить начавшееся их национально-культурное движение. Кроме того, Закир Кадыри добавлял, что «если отречение от полити-

³⁸ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.166 об.

³⁹ Махмутова А.Х. Указ. соч. – С.77.

⁴⁰ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.168

⁴¹ РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800. – Л.168 об.

⁴² Махмутова А.Х. Указ. соч. – С.77.

ки, призывание мусульман жить согласно Корану и хадисам, проповедь необходимости изучения наук и просвещения, вообще западной культуры, наконец, приглашение мусульман к дружбе с иностранцами считать за панисламическое движение, как часто утверждает русская и западно-европейская печать, то такое у нас есть везде. Рассуждая так, мы должны причислить всех мусульман, кроме реакционеров, к панисламистам. Вот эту религиозную реформу, приглашение мусульман к науке и просвещению и общее стремление мусульман к культуре русские и европейские газеты и журналы называют панисламическим движением. Если во всем мусульманском мире 5–10 человек помешанных (дураков) пытаются распространить панисламические идеи, то это движение нельзя назвать панисламическим»⁴³.

Депутат Государственной думы Садри Максуди в своем выступлении на одном из ее заседаний указал, что «особенно у нас в России, незнание мусульманского Востока – нечто невероятное. Наши самозванные востоковеды выпускают книги и брошюры, где говорится о панисламизме, о фанатизме, о гареме, обо всем, кроме того важного вопроса, что совершается в умах мусульман и какие последствия могут быть для России от умственного переворота в мусульманском мире... Господа, мусульманский Восток преобразился, и согласно этому должно перемениться и наше отношение к Востоку»⁴⁴. В другом своем выступлении С. Максуди заявил, что все попытки найти единое панисламистское движение обречены на неудачу, потому что такое явление просто никогда не существовало⁴⁵.

Высказал свое мнение о панисламизме и крымский татарин депутат Государственной думы Решид Медиев, который на страницах газеты «Ватан Хадеми» («Слуга отечества») писал, что слово панисламизм толкуется совершенно превратно, его смысл издревле понятен мусульманам, суть истолкована Кораном и хадисами, но в продолжение нескольких веков первоначальное значение этого понятия исказилось в Западной Европе, откуда распространялась предвешение, что в 20 веке мусульмане, подобно крестоносцам, стремятся во имя религии завоевать мир. На самом деле, делал вывод Р. Медиев,

⁴³ Цит. по: Зорин Ю. Вопрос о панисламизме и национальном движении в мусульманской печати // ВОУО. – 1914. – №4. – Научный отдел. – С.185–186, 187, 190.

⁴⁴ Государственная Дума. III. Сессия 2. Зас.31 (12 декабря 1908 г.). – Стб. 2667–2769.

⁴⁵ Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. – С. 243.

панисламизм означал интеграцию всех мусульман лишь в интересах религии, а не для образования одного государства⁴⁶.

Таким образом, мусульманская элита (в том числе и в лице депутатов Государственной думы) публично отрицала причастность мусульманского общественного движения в России к идеям панисламизма и пантюркизма, считая, что данные обвинения не справедливы. Несмотря на то, что в протоколах Особого Совещания 1910 г. зафиксированы сомнения нескольких его участников по поводу наличия реальной угрозы панисламизма для Российского государства, Представление «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» таких сведений не содержит. Из Представления следует, что Особое совещание ни капли не сомневалось в существовании в пределах империи сил, активно и масштабно осуществляющих идеи панисламизма и пантюркизма, а также реально воспринимало возможность политического объединения мусульман империи (с помощью зарубежных стран) для создания независимого мусульманского государства. Главным идеологом, двигателем и распространителем данной угрозы внутри империи была признана татаро-мусульманская элита.

Как указывалось выше, джадиды организовывали всероссийские съезды мусульман, чтобы разработать общие политические требования мусульманского населения для последующей защиты их прав и интересов в рамках правового поля, а именно, через парламент страны. Разработать общие политические требования мусульмане стремились не только потому, что у них была единая вера в бога, а по причине того, что они находились в одном и том же правовом положении, имея в основном идентичные права и обязанности перед государством. Это было обусловлено тем, что российское имперское законодательство наделяло граждан правами и обязанностями исходя из религиозной или национальной принадлежности. Кроме того, у «Российских мусульман была общая в своей основе правовая культура». Из существующих в мусульманском мире многочисленных правовых доктрин в пределах Российской империи преобладали такие догматико-правовые школы, как ханафиты и шафииты»⁴⁷.

⁴⁶ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской Империи. – М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. – С.22.

⁴⁷ Усманова Д.М. Указ. соч. – С. 66.

Общими в основном были и ограничительные нормы российского права к мусульманам. Несмотря на то, что в отношении мусульман действовало общегражданское право, которое практически не содержало прямых ограничительных норм, в действительности же существовало множество подзаконных нормативно-правовых актов, устанавливающих те или иные ограничения по вероисповедному или национальному принципу. Так, например, запрещалось приобретать земли лицам нехристианского вероисповедания в Туркестанском крае, в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях, нехристианам запрещалась торговля в воскресные дни и дни христианских праздников, в 1880-х годах мусульмане были лишены права преподавать в казенных средних и высших учебных заведениях, а домашними учителями могли быть только у своих единоверцев, в 1884 году Комитет министров принял постановление, запрещавшее замещать должности по сельскому и волостному управлению «фанатикам-мусульманам», а «Городовое положение» 1892 года уменьшило квоту для гласных-мусульман максимум до одной пятой от общего числа гласных и др.⁴⁸

Таким образом, как справедливо отмечает Д.М.Усманова, «Российское право, базировавшееся на вероисповедных различиях, способствовало объединению мусульман в некую общность со сходными, а порой и едиными политическими, экономическими и культурными потребностями и устремлениями. Все это создавало почву для образования в стенах российского парламента фракции, призванной отражать и защищать интересы мусульманского населения страны»⁴⁹.

В то же время существовало ряд факторов, которые объективно разъединяли мусульманское сообщество империи. Среди них и различные природно-климатические условия местностей, где проживали мусульмане (Волго-Уральский регион (татары и башкиры), Средняя Азия и Казахстан (казахи, узбеки, туркмены и таджики), Крым и Кавказ (крымские татары, многочисленные горские народы Северного Кавказа и азербайджанцы)⁵⁰. Природно-климатические условия, в свою очередь, определяли особенности быта и хозяйственно-экономической деятельности. Различный уровень общественного развития, образованности мусульманских народностей империи, их степень урбанизации, неодинаковые интересы региональных элит,

⁴⁸ Там же. – С. 91.

⁴⁹ Там же. – С.93.

⁵⁰ Там же. – С.63.

различное видение будущего развития страны – все эти факторы, как показала история, оказались сильнее объединяющих.

Кроме этого, после разгона в 1907 году Государственной думы, в результате которого целый ряд видных мусульманских политических деятелей покинули Россию, мусульманская тюркская элита страны начинает распадаться по региональному признаку, а вместе этим постепенно происходит и распад общественного движения мусульман России на движения отдельных этносов. С 1908 года перестает функционировать главная объединяющая сила мусульманских лидеров России – партия «Иттифак аль-муслимин», программа которой была положена в основу деятельности мусульманской фракции в Государственной думе. Вместе с тем, сильно ослабла позиция мусульман и в третьей Думе, где мусульманскую фракцию составляли уже лишь 8 человек (вместо 29 человек во второй Думе), 7 из которых были татарами. Сторонниками же политического единства мусульман России, в соответствии с решениями всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 гг., среди татар остаются только ряд либеральных лидеров Казани, включая, прежде всего, братьев Максуди⁵¹.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что к 1910 году, при одновременном усилении обвинений МВД татаро-мусульманского движения в панисламизме и пантюркизме, в реальности же централизованных сил в стране, которые могли бы на самом деле осуществить в жизнь идеи панисламизма и пантюркизма не имелось. Представляется, что боязнь правительства исходила в большинстве своем под влиянием мировых событий, прежде всего, революции в Турции в 1908 году, в результате которой к власти пришли младотурки, поддерживающие идеи пантюркизма, а турецкие газеты, пропагандирующие данную идеологию, проникали и в Россию. Отъезд большинства лидеров татаро-мусульманского движения в Турцию, наличие развитых культурных связей между турецкими подданными и татаро-мусульманским населением страны (особенно в сфере образования) также заставляло правительство с подозрением относиться к последним. При этом уже сам факт какого-либо взаимодействия, так же как и высказывания отдельных мусульман в критику властей признавались проявлением панисламизма или же пантюркизма.

⁵¹ Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. – С. 252.

В силу этого, деятельность татаро-мусульманской элиты по масштабному реформированию всех сфер жизнедеятельности мусульманского общества и провозглашение в 1905 году «необходимости сближения мусульман всех областей России на почве общественно-культурных политических запросов и задач современной русской жизни» были восприняты правительством в качестве обширной программы панисламистов и пантюркистов, что позволяло легитимизировать принимаемые им меры по противодействию татаро-мусульманскому влиянию.

Подводя итог, необходимо отметить, что в силу ряда причин решения Особого совещания по мусульманским делам 1910 г. не были законодательно закреплены. Несмотря на разное отношение участников Особого совещания к татаро-мусульманскому движению, в целом, наличие панисламизма и пантюркизма П.А. Столыпина было признано неопровержимым фактом. В то же время, рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что оценка властями процессов и событий, происходивших в мусульманском обществе в начале XX века, не была в достаточной мере объективной и комплексной, что, в свою очередь, вызывает серьезные сомнения в обоснованности обвинения татаро-мусульманского движения в панисламизме и пантюркизме.

Источники и литература

1. Государственная Дума. III. Сессия 2. Зас.31 (12 декабря 1908 г.). – Стб. 2667–2769.
2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (конец XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998.
3. Загидуллин И.К. Предисловие // Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы./ Сост. И.К. Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 4–32.
4. Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. 2-d ed. – Cambridge, Mass., 1967.
5. Зорин Ю. Вопрос о панисламизме и национальном движении в мусульманской печати // ВОУО. – 1914. – №4. – Научный отдел.
6. Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской Империи. – М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. – 400 с.
7. Махмутова А.Х. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С. 68–87.
8. РГИА. – Ф.821. – Оп.138. – Д.132.

9. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.800.
10. Роберт П. Джераси. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. Авторизов. пер. с английского В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
11. Саматова Ч.Х. Имперская власть и школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 239 с.
12. Сеньюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905 – 1916 гг.): Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. дом «Медина», 2007. – 317 с.
13. Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – 584 с.
14. Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917). – Уфа: Гилем, 2000.
15. Фахрутдинов Р.Р. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.). / Казань: КГПИ, 1992. – 128 с.
16. Фахрутдинов Р.Р. Политическое самосознание татар на рубеже веков (II половина XIX – начала XX века). – Казань: Магариф, 2006. – 212 с.
17. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань: ГУП ПИК «Идел-Пресс», 2001. – 383 с.
18. Хасаншин Г.Р. Проблема «татаризации» нерусских народов Волго-Уральского региона в материалах Особого Совещания по мусульманским делам 1914 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. статей. – Вып.4 – Казань: из-во «Яз», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 240 с.

Г.Р. Хасаншин

**Рәсәй сановникларының «панисламизм»
һәм «пантюркизм» төшенчәләрен аңлау үзенчәлекләре
(Идел буге жирлегендә татар-мөселман йогынтысына каршы чаралар
булдыру бугенча 1910 елгы Махсус кинәшмә материаллары нигезендә)**

XX гасыр башында татар реформаторларының эшчәнлегенә нәтижәсендәге Россия империясендә мөселман жәмгыятендә булган үзгәрешләр хакимият тарафыннан панисламистларның һәм пантюркистларның программасы буларак кабул ителә.

Бу хәрәкәткә каршы чаралар булдыру өчен 1910 елда «Мөселманнар эшләре бугенча Махсус кинәшмә» уздырыла. Махсус кинәшмә документлар хакимиятнең татар-мөселман хәрәкәтенә булган мөнәсәбәтен күрсәтә.

Ачыкч сүзләр: панисламизм, пантюркизм, Махсус кинәшмәләр.

Features of perception of Russian dignitaries concepts of «pan-Islamism» and «pan-Turkism» (based on the materials of Special Meeting to develop measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910)

Changes in the life of the Muslim community of the Russian Empire in the early 20th century, which took place as a result of Tatar reformers (dzhadits) were perceived by the authorities as part of an extensive program of pan-Islamists and pan-Turkists.

In order to develop measures to counter this movement in 1910 it was organized by the «Special Meeting on Muslim Affairs», which analyzed the threat of pan-Islamism and pan-Turkism in the country. Special Meeting's Documents reveal the government's attitude to the Tatar-Muslim movement.

Keywords: pan-Islamism, pan-Turkism, Special Meeting.

Хасаншин Гадел Ринурович – аспирант отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ (г.Казань); e-mail: Gadel.khasanshin@gmail.com

Хэсэншин Гадел Ринур улы – Татарстан Фәннәр академиясенң Ш.Мәржәни исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлгегә аспиранты (Казан шәһәре).

Khasanshin Gadel Rinurovich – the graduate student of the Department of modern history of the Sh.Marjani Institute of history of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Ясак и ушр как основные виды государственных налогов в Казанском ханстве

В статье на основе анализа налоговой системы Золотой Орды исследуется процесс формирования земельных налогов в Казанском ханстве.

Ключевые слова: Казанское ханство, Золотая Орда, ярлык, яса, ясак, ушр, десятина, тамга.

Как традиционный центр земледелия, оседлого образа жизни населения, территория Среднего Поволжья была активно вовлечена в структуру налоговой системы Золотой Орды. Такие территории с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану-императору. Он правил ими через специально назначенных губернаторов¹, они же собирали с этих земель налоги.

Виды налоговых сборов и повинностей, существовавшие в Золотой Орде, так или иначе рассмотрены в работах И.Н. Березина², Г.А. Федорова-Давыдова³, Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского⁴, М.А. Усманова⁵, Р.Ю. Почекаева⁶ и др. Не смотря на это, организация налоговой системы в Золотой Орде до сих пор остается полемичным, и как говорят сами исследователи, ошибочно «...воспринимается как довольно беспорядочная совокупность сборов и повинностей, бесконтрольно взимавшихся ордынской аристократией...»⁷.

То же самое можно сказать и о системе налоговых сборов и податей в Казанском ханстве и других тюрко-татарских государствах средневековья. Жалованные, тарханные ярлыки, по которым изуча-

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934. – С. 100.

² Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). – СПб, 1850. – С. 17–24.

³ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 26–35, 39–40.

⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1950. – С.111–121.

⁵ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XV вв. – Казань, 1979. – С. 235–247.

⁶ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. – Казань, 2009. – С. 109–118.

⁷ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. – С. 110.

ются подати и налоги (в том числе Казанского ханства), не содержат сведений об их величине и способах взимания. Пользуясь этим обстоятельством и различной интерпретацией перечисленных в ярлыках налогов, некоторые исследователи пытаются доказать невыносимые условия населения, создаваемые налоговым гнетом ханской администрации. И именно данный факт, по мнению ряда историков, стал одной из причин добровольного присоединения Горной стороны Казанского ханства к Русскому государству. Кроме того, пользуясь недостаточной изученностью данного вопроса, продолжают попытки охарактеризовать Казанское ханство как феодально-крепостническое государство, с развитой рабовладельческой структурой. К примеру, в свое время Г.Н. Айплатов писал: «трудовая часть населения состояла из ясачных людей – «кшиляр», ... Их положение ничем не отличалось от положения рабов – «кулов»⁸.

Наиболее подробную характеристику налоговым сборам Казанского ханства, перечисленных в ярлыке Сахиб-Гирея⁹ 1523 г., дал Ш.Ф. Мухамедьяров¹⁰. Из татароязычного оригинала документа он установил наличие 19 видов налога, вкратце охарактеризовал их следующим образом:

Название налога	Краткое описание
Ясак	Основной налог Казанского ханства с феодально зависимого ясачного населения. Размеры ясачных выплат регистрировались в ясачных книгах. Выплата ясака означала выражение подданства.
Харадж	Поземельный налог, выплачивался от 1/5 до 1/3 доли валового урожая, обычно продуктами в пользу хана или в пользу феодала.
Сала-хараджи	Совокупность податных сборов с сельского хозяйства определенного имения.
Ушр	В переводе с арабского – десятина, согласно шариату составлял одну десятую часть урожая и должен был взиматься с каждого гектара.

⁸ Айплатов Г.Н. Навеки с тобой Россия. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 11.

⁹ Налоги и повинности, перечисленные в ярлыке Сахиб-Гирея, рассматриваются в следующем исследовании: Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханский ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. – М., 1967. – С. 104–109.

¹⁰ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства – Казань, 2012. – С. 153–162.

	маться в пользу мусульманского духовенства.
Калан	Подать с оседлого населения.
Зекат	1/40 часть стоимости облагаемого предмета.
Хараджат	В Монгольской империи и в Золотой Орде обозначал расходы на проезд должностных лиц и на содержание почтовых станций.
Глуфе (улуфа)	Корм, поставляемый для верховых животных ханского ополчения, продовольствие для войск.
Сусун	Поставка населением продовольствия и фуража для главных сил армии по мере необходимости.
Постоянная повинность	Обязанность населения предоставить место в своих домах послам, ханским чиновникам, военным и др.
Салигсмси	Подушная подать со взрослого мужского населения, известная в Золотой Орде и в Крыму.
Тутун саны	Подымная, подомовная, то есть налог со двора или с семейства.
Ир хблэси	Термин, который обозначал все подати и повинности в пользу казны.
Бадж	Налоговый сбор с торговли хлебом, плодами на базарах и рыночных площадях.
Тамга	Налоги, взимающиеся в городах с торгово-промышленных заведений.
Джизья	Подушная подать с немусульман.
Кульш-култка	Помощь и подарки, преподносимые феодалу его подданными.
Дорогильная пошлина	Возможно, была пошлиной в пользу даруги – представителя ханской власти на местах.
Подать, взимающаясяс жениха и невесты	Налог, взимающийся со свадеб.

Однако не все исследователи согласны с его мнением. Важные замечания в связи с этим содержатся в исследовании М.А. Усманова¹¹. По поводу налоговых сборов, имевших место в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах средневековья, исследователь, в частности, писал следующее: «Не следует увеличивать общее количество их за счет деления спаренных терминов на два самостоятельных. Искусственное увеличение общего количества, имеющее место в литературе, не способствует, а мешает осмыслению содержания и назна-

¹¹ Усманов М.А. Указ. соч. – С. 235–247.

чения» налоговых повинностей¹². При этом он акцентировал внимание на исследование Ш.Ф. Мухамедьярова, который на основе тарханного ярлыка казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. выделил 19 видов налоговых сборов, существовавших в Казанском ханстве. По квалификации М.А. Усманова, многие из них являются синонимами.

Изучая жалованные ярлыки Джучиева Улуса, он отмечал, что «общее количество поборов, включая синонимы и варианты, достигает 35»¹³. Так, к примеру, по мнению М.А. Усманова харадж-хараджат (подушная подать) и «сала хараджы – йирхабласы» (подать с обрабатываемой земли), упомянутые в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея, являются синонимичными понятиями, а не отдельными налоговыми сборами, как это считает Ш.Ф. Мухамедьяров. Причем, анализ сохранившихся ярлыков показывает, что одни и те же налоги, существовавшие в Золотой Орде, и в государствах, возникших после её распада, в зависимости от региона распространения действия ярлыка, названы по-разному. К примеру: «йисак-калан», «йаскдан-каландан», кабурйасагы калан; харадж-хараджат, борч-харадж, игин-хараджы, сала хараджы; улаг-илмак, улаг-сусун, сусун-улуфа, улуфа-сусун¹⁴ и т.д.

Во-первых, такая разница в социальной терминологии, прежде всего, связана с традиционностью названия некоторых налогов для различных регионов, и соответственно, этнополитической, социальной и географическими особенностями регионов Золотой Орды. Во-вторых, социально-политическая терминология в золотоордынских государствах на протяжении времени оставалась довольно архаичным, и, соответственно, сохранялась консервативность¹⁵, в том числе в отношении названий налоговых сборов. Например, в латинских и итальянских переводах ярлыков, данных ханами Золотой Орды генуэзцам и венецианцам, основные термины, связанные с налогами и повинностями, не заимствованы слово в слово, а переведены на латинский и итальянский языки. К примеру, термин «тамга», который означал один из главных налоговых сборов, переводится в виде «comerclo» или же «comercium». Несмотря на совершенно иное зву-

¹² Там же. – С. 237.

¹³ Там же. – С. 235.

¹⁴ Там же. – С. 238–239.

¹⁵ Усанов М.А. Указ. соч. – С 244–245; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. – С. 125–127.

чание, он («comerclo» или же «comerclum») означал тот же налоговый сбор тамга, взимаемый на всей территории Золотой Орды¹⁶.

Также, огромное влияние на налоговую терминологию Золотой Орды оказало распространение ислама во все сферы жизни общества. После чего «тюрко-татарские государи смогли найти определенные компромиссы, сохранив прежние налоги, но дав им названия в соответствии с их мусульманскими аналогами»¹⁷. В соответствии с мусульманским правом, ясаку соответствовал харадж, а ушр заменил другой налог, существовавший в Золотой Орде – тагар¹⁸. Таким образом, налоговая система Золотой Орды пополнилась новыми налоговыми терминами, заимствованными из мусульманского права – шариата.

Все вышеперечисленные обстоятельства способствовали терминологическому разнообразию налогов и податей, упоминаемых в ярлыках правителей Золотой Орды и государств, появившихся после ее распада. Разнообразию налогов и повинностей, перечисленных в ярлыке Сахиб-Гирея, говорит об относительной развитости правовой системы в Казанском ханстве. Казанские ханы составляли свои ярлыки в соответствии с политическими традициями Золотой Орды. Соответственно, все налоговые сборы, перечисленные в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея, учитывали историческую традицию, преемственность социально-правовых институтов Казанского ханства от Золотой Орды.

Необходимо отметить, что величина и способ взимания налогов в чингизидских государствах средневековья донныне неизвестны. Крайняя малочисленность источников не позволяет установить сам факт взимания всех налогов, перечисленных в ярлыках того времени. На основе же имеющихся сведений источников, в том числе литературно-повествовательного характера, можно подтвердить наличие на территории Казанского ханства четырех видов налога, упоминаемых в ярлыке Сахиб-Гирея. Остальные в других источниках,

¹⁶ Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи. – Казань, 2011. – С. 202–203.

¹⁷ Почекаев Р.Ю. Древнетюркские правовые традиции и мусульманское право в чингизидских государствах: конфликт и компромисс // Алтаистика и тюркология. – 2012. – №1. – С. 173.

¹⁸ Там же. – С. 173–174.

относящихся к периоду Казанского ханства, Среднего Поволжья второй половины XVI – XVII вв., не встречаются.

Что касается видов налоговых выплат, то практически все исследователи истории Казанского ханства, так или иначе затрагивавшие вопрос налогов и повинностей, отмечали, что основным видом налога в Казанском ханстве был ясак. В русских летописях ясак также фигурирует как основной вид налогообложения в Казанском ханстве¹⁹.

Сама история возникновения понятия «ясак» связана со сводом законов Чингисхана, во времена которого он имел совершенно другое значение. Яса – законодательный свод, который возник во времена правления Чингисхана (в более полной форме, по-монгольски, звучит как «ясак», «жасак» или «дзасак») ²⁰. Если «яса» представляла собою свод законов, то «ясак» – закон, правовую базу²¹. Следовательно, «ясак» («жасак») в Монгольской империи, позднее и в Улусе Джучи, олицетворял собой подчинение чингисидскому порядку, сосредоточение власти²².

В Хулагуидском Иране, во времена Газан-хана, ясак означал норму налоговых повинностей, четко регламентированных на основе свода законов. Сборщикам подорожной пошлины предписывалось в нужных местах построить из камня столбы, «... на которых написали бы число сборщиков подорожной пошлины в той местности и условия ясака, который по этому поводу установлен»²³, чтобы они не взымали больше установленного. Кроме того, начальники туманов, тысяч и сотен, и десятков должны были соблюдать «ясак и справедливость» по отношению всех людей, проживающих в подвластных им местностях, в том числе и в процессе сбора налогов²⁴.

¹⁹ ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 295; Т. XIII. – С. 150, 221–222.

²⁰ Мухаметов Ф. «Яса» Чингисхана и её роль в монгольской правовой системе // Вестник Челябинского государственного унив-та. – Челябинск, 2006. – № 3. – С. 64; Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934. – С. 60; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Кн. 2. – Л., 1952. – С. 71.

²¹ Садри М. А. Тюркская история и право. – Казань, 2002. – С. 403.

²² Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Аст-рахани. 1223 – 1556. – Казань, 2001. – С. 174.

²³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. III. – Л., 1946. – С. 270.

²⁴ Там же. – С. 285.

Кроме своего фискального значения, ясак в кочевых обществах Золотой Орды являлся «одним из выражений подданства»²⁵. В оседло-земледельческой среде (в том числе в Казанском ханстве), «где государственные власти собирали ясак и пошлину, там земля считалась территорией этого государства»²⁶.

В этой связи примечательным является тот факт, что в документах второй половины XVI – XVII вв. основная часть населения бывшего Казанского ханства значится ясачными людьми или же «ясачными чувашами». Не смотря на то, что вопрос о ясачных чувашах является полемичным, основная часть исследователей полагает, что термин «ясачные чувашаи» имел этносоциальное значение²⁷. По мнению Е.И. Чернышева, во второй половине XVI – XVII вв. служилые татары, подчеркивая свое привилегированное положение, выделяли себя из общей массы ясачных татар, которых они называли «чувашами»²⁸. Следовательно, основная масса населения Казанского ханства, платившая земельные налоги, называлась ясачными. Видимо, ясак в отношении данной категории населения не означал вид налога. По всей видимости, «ясачными людьми» (или же «ясачными чувашами») в Казанском ханстве обозначали подчиненное центральной власти феодально зависимое население, основной обязанностью которого было уплата налога. Данное утверждение вытекает из следующего наблюдения: различная хозяйственная деятельность ясачного населения ханства предполагала не только плату за пользование землей, но и различного рода другие земельно-налоговые сборы, перечисленные в ярлыке Сахиб-Гирея.

Основываясь на существующую структуру и данные источников, содержащих в себе информацию по рассматриваемому периоду,

²⁵ Чернова Т.А. К вопросу о формировании фискальной системы в Башкирии в середине XVI в. // Вестник ЧГУ. – № 30. – Вып. 57. – С. 19.

²⁶ Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 219.

²⁷ Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. – Казань, 1978. – С. 23; Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 218–220; Исаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. // Советская этнография. – 1988. – № 5. – С. 140–146.

²⁸ Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI – XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963. – С. 22.

о размерах налогов в Казанском ханстве, можно сказать, что из существовавших земельных налогов, перечисленных в ярлыке Сахиб-Гирея, другими источниками подтверждается наличие, по крайней мере, двух видов, а именно – ясака и ушра²⁹ (гушр). Следовательно, они же являлись основными земельными налогами в Казанском ханстве. Налоговый сбор ясак исследователями характеризуется как дань десятинная³⁰. «Десятина», в виде десятой части от дохода с населения, на Руси известна как основной вид налога после установления власти татар³¹. Что касается второго вида – ушр (гушр), то он также характеризуется как налог 1/10 части дохода. В Крымском ханстве ушр, как основной вид налога, составлял десятую часть дохода³². Все это говорит о том, что размер земельных налогов в Казанском ханстве, вне зависимости от названия, составлял, приблизительно, 1/10 часть дохода населения.

Таким образом, можно сказать, что земельно-налоговая структура Казанского ханства формировалась в рамках единой налоговой системы Золотой Орды, на основе законодательного свода – «яса» (ясак), которая постепенно стала восприниматься как вид налогового сбора. На основе имеющихся данных, нет оснований полагать о чрезмерном отягощении населения налоговыми поборами. Четкая систематизация налоговых видов в официальных документах в виде ярлыков Казанского ханства говорит о том, что государство следило за законностью сбора того или иного вида налога. Следовательно, осуществляло определенный контроль за деятельностью административно-чиновничьего аппарата. Размер же земельных налогов в Казанском ханстве, как показывают источники, вне зависимости от названия, составлял примерно 1/10 от части дохода.

²⁹ Из рукописи Каюма Насырова. Повествование об одном татарском феодале (XVI в.) // История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – С. 104.

³⁰ Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения императорского археологического общества. – СПб., 1884. – Ч. VIII. – С. 474.

³¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – М.-Л., 1940. – С. 15; Федоров Давыдов Г.А. Указ. соч. – С. 95.

³² Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. – Одесса, 1904. – С. 6.

Источники и литература

1. Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 201–223.
2. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (По ханским ярлыкам). – СПб.: Типография императорской АН, 1850.
3. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения императорского археологического общества. – СПб., 1864. – Ч. 8. – С. 387–494.
4. Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани – Казань, 2001. – С. 193–206.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.
6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 478 с.
7. Ермолаев И.П. Писцовая книга Болтина как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978. – С. 5–31.
8. Из рукописи Каюма Насырова. Повествование об одном татарском феодале (XVI в.) // История татарии в документах и материалах. – М., 1937. – С. 103–105.
9. Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. // Советская этнография. – 1988. – № 5. – С. 140–146.
10. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. – Одесса, 1904.
11. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 276 с.
12. Мухаметов Ф. «Яса» Чингисхана в монгольской правовой системе // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2006. – № 3. – С. 64–71.
13. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
14. Почекаев Р.Ю. Древнетюркские правовые традиции и мусульманское право в чингизидских государствах: конфликт и компромисс // Алтаистика и тюркология. – 2012. – № 5. – С. 172–181.
15. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 260 с.
16. ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. VIII.
17. ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. XIII.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 3.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, Кн. 2. – 281 с.

20. Садри М.А. Тюркская история и право. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 412 с.

21. Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символ законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани – Казань, 2001. – С. 146–187.

22. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – 319 с.

23. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 180 с.

24. Чернова Т.А. К вопросу о формировании фискальной системы в Башкирии в середине XVI в. // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2013 – № 30. – С.18–23.

25. Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI – XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963. – С. 174–183.

Б.Р. Хисматуллин

Ясак һәм гөшер – Казан ханлыгында төп дәүләт салымнары

Мәкаләдә Алтын Урданың салым системасын анализлау нигезендә Казан ханлыгында жир белән бәйлә салымнар формалашу бәян ителә.

Ачык сүзләр: Казан ханлыгын, Алтын Урда, ярлык, яса, ясак, гөшер, десәтинә, тамга.

B.R. Khismatullin

To the question about the formation of the land taxes in the Kazan khanate

In article on the basis of the analysis of the tax system of the Golden Horde investigated the process of formation of land taxes in the Kazan khanate.

Keywords: Kazan khanate, the Golden Horde, label, yasa, yasak, uhcr, titling, tamga.

Хисматуллин Булат Ринатович – аспирант отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ (г.Казань); e-mail: Bulatbayer@mail.ru

Хисмәтуллин Булат Ринат улы – Татарстан Фәннәр академиясенә Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлеге аспиранты (Казан шәһәре).

Khismatullin Bulat Rinatovich – the graduate student of the Department of modern history of the Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Примагистральные поселения Сибирского
почтового тракта участка Казань – Пермь
в путевых заметках А.Н. Радищева 1790 и 1797 гг.

В статье рассматривается роль Сибирского почтового тракта в истории России как основной транспортной и почтовой коммуникации, связывающей центр, другие города и села страны с Сибирью. Она посвящена описанию природы, хозяйствования, жизни и быта населения сел и городов при трактовой зоне на участке Казань – Пермь. Основой для написания статьи послужили путевые дневники А.Н. Радищева «Записки путешествия в Сибирь», а также «Записки путешествия из Сибири», составленные им во время его следования в сибирскую ссылку, в Илимский острог, и возвращения из ссылки в конце XVIII в.

Ключевые слова: История России, Сибирский почтовый тракт, А.Н. Радищев, Илимский острог, Казань – Пермь, «Записки путешествия в Сибирь», «Записки путешествия из Сибири».

В истории России коммуникации всегда имели важнейшее стратегическое значение¹. Со строительством дорог, одновременно шел процесс заселения, освоения и эксплуатации природных ресурсов придорожной зоны. Дороги содействовали взаимопроникновению торгового капитала и развитию внешних и внутренних экономических связей.

Актуальность изучения истории Сибирского (или Московского) почтового тракта, с давних времен пролежавшего через Среднее Поволжье и Приуралье из Москвы в Сибирь, заключается в том, что она является составной частью социально-экономической истории России. Узловой тракт способствовал освоению, заселению не только при трактовой зоны, но и Сибири и Дальнего Востока.

При изучении истории Сибирского тракта выявляются функции государства в строительстве и содержании путей. В хозяйственной

¹ Тематические статьи «Роль транспорта в экономике России» // URL: http://matrix.ru/news/interesting/rol-transporta-v-ehkonomike-rossii-chast-1_146.html.

деятельности притрактового населения важной являются социальные, экономические изменения².

Если рассматривать тракт с точки зрения основной транспортной коммуникации, ведущей в Сибирь в XVIII–XIX вв., то он оказывал огромное влияние на жизнь населения притрактовой зоны, на его социально-экономическое положение³.

Сибирский тракт, как «великий кандалный путь», сыграл немаловажную роль в жизни многих общественно-политических деятелей России XIX – начала XX вв. и революционеров-народников. В их числе А.И. Герцен, которого в 1835 году выслали сначала в Пермь, потом в Вятку. Отсюда же в кандалах провозили русского писателя Ф.И. Достоевского, писателей-народников А.Н. Плещеева, Н.Г. Чернышевского. Среди 52 декабристов, сосланных в Сибирь в период с 1826 по 1828 гг., были Е.П. Оболенский, В.Л. Давыдов, Н.М. Муравьев, А.И. Якубович, позже по тракту проследовали князь С.П. Трубецкой, С.Г. Волконский, М.П. Бестужев, М.С. Лунин, И.И. Пущин, В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, С.И. Муравьев-Апостол⁴.

История Сибирского тракта нашла определенное отражение в историографии. В ней основное внимание уделяется зауральскому участку дороги, пролежавшему по территории Сибири и Дальнего Востока⁵. В целом же, все сюжеты по прошлому тракта тесно взаимосвязаны.

² См.: Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: 30-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX вв.: дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – С.3–4.

³ Он же. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 4.

⁴ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракты его жители в XVII–XIX вв. ... – С. 4.

⁵ Почтовый дорожник Российской империи по высочайшему повелению изданный Почтовым Департаментом с приложением нумерной карты для отыскания дорог. – СПб., 1863. – 573 с.; Положение о губернских строительных и дорожных комиссиях. – СПб., 1849. – 304 с.; Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – Т. 14. – СПб., 1857. – С. 1–151 [разд. паг]; Палашенков А.Ф. Старый Московско-Сибирский тракт // Палашенков А.Ф. Памятники памятные места Омска и Омской обл. – Омск, 1967; он же. Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта // Известия Омского отд. Геогр. общества СССР. – Вып. 9(16). – Омск, 1968. – С. 156–177; Колесников А.Д. Сибирский тракт // Вопросы научно-методической работы над сводом

Что касается участка тракта Казань – Пермь, общей протяженностью около 700 км, то он остается практически неизученным и освещен лишь в свете обобщенных статистических данных по прошлому сухопутной магистрали, ее строительству и эксплуатации. Интересующий нас участок проходил через следующие губернии: Казанской (включал уезды: Козьмодемьянский, Казанский, Арский), Вятской (Малмыжский, Слободской, Глазовский, Яранский, Царево-санчурский, Котельничский, Вятский), Пермской (Оханский, Пермский).

Имеются определенные сведения о почтовых станциях и дорожных сооружениях на участке Пермь-Казань, наличии здесь почтовых лошадей, контроле за ними, исправности повозок и т.д.⁶

памятников истории и культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 95–108; он же. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1975. – С. 38–58; Миненко, Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск, 1986. – 117 с.; Пивень С.Н. Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2005. – 265 с.; Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. – Новосибирск, 2004. – 567 с.; он же. Картографирование Московско-Сибирского тракта в XVII–XIX вв. // Вестник Томского гос. ун-та/ Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». – 2005. – № 288. – Сентябрь. – С. 103–107; он же. Итоги изучения истории Московско-Сибирского тракта в XVII–XIX вв. // Там же. – С. 108–112; он же. Московско-Сибирский тракт на картах, чертежах и рисунках XVII–XIX вв. – Новосибирск, 2006. – 186 с.; он же. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: 30-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX вв.: дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 605 с.

⁶ Дорожник Казанского уезда: сост. в 1881 г. / Изд. Казан. уездн. земства. – Казань, 1882. – 45 с.: карта; Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. – Казань, 1885. – 217 с. (разд. паг.); Казанская губернская земская управа. Отчет о действиях Казанской Губернской Земской Управы: За 1910 год, с приложением краткого обзора за первые восемь месяцев 1911 года. – Казань, 1911. – 406 с.; Из истории почтовой связи. (К 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа): Сборник документов и материалов / Отв. сост. Л.В.Горохова; сост. О.В.Федотова, Н.А.Шарангина; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова и Н.А.Никифорова. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2010 – 272 с.; Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. – Пермь, 1913, – 204 с.; Спешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723 – 1917 / Е.А. Спешилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Пермь: Курсив, 2003. – 576 с.; Тархов С.А. Изменения административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. – 2001. – № 15. – С. 1–32.

Назвать точную дату начала строительства Сибирского тракта в XVIII в. затруднительно, т.к. как разные его участки строились в разное время. Но определенно можно сказать, что многие его участки существовали ещё в период позднесредневековых тюрко-татарских государств XIV – XVI вв.⁷

Любопытно, что во времена Казанского ханства (в XV – сер. XVI вв.) узловые сухопутные тракты служили основой для образования, так называемых, «даруг» – податно-административных единиц-областей ханства (отсюда происходит русскоязычное понятие «дорога»). Известны Арская, Алатская, Галитская, Зюрейская (или Чувашская), Ногайская и др. податно-административные даруги. Эти «дороги»-области сохранились в Среднем Поволжье вплоть до наместнической реформы 1781 г. Арский сухопутный тракт ханства, в свое время послуживший основой для образования из прилегающих («тянущих» к нему) территорий одноименной податно-административной области, вел из Казани в Сибирь, в северо-восточном направлении⁸. Он же впоследствии стал основой весьма протяженного участка Сибирского почтового тракта на отрезке Казань – Пермь – Тюмень – Тобольск.

Завоевание в 1552–57 гг. Казанского ханства позволило Московскому государству приступить к колонизации Сибири.

Купцов всегда привлекали несметные богатства Урала и Сибири. В стремлении не отставать от быстроразвивающейся Европы, в XVII–XVIII вв. началось интенсивное освоение Сибири. Для этого нужны были надежные сухопутные пути⁹.

По соображениям безопасности, в XVI – 1-й половине XVIII вв. Сибирский тракт проходил северным путем – по линии Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Яранск, Котельнич, Вятка (совр. г. Киров), далее через Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень и достигал Тобольска¹⁰. Таким образом, до второй половины XVIII в. Сибирский (Московский) тракт еще не пролегал через Ка-

⁷ Московско-Сибирский тракт (историко-этнографический очерк): «Маринская береста» // URL: <http://shia63.narod.ru/bolshayamoskovskaya1.html>

⁸ Галлямов Р.Г. (Галлям Р.Г.). Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во Фэн, 2002. – С.280–313; Татарская энциклопедия. – Т. II. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – С.228.

⁹ Зиятдинов Б.Ш. По Сибирскому тракту. История деревень Карадуган, Арбаш. – Казань, 2009. – С.24–25.

¹⁰ Историческая энциклопедия Сибири. – Т. III: С-Я. – Новосибирск, 2009. – С.86–87.

зань. Хотя само существование в средневековые дороги из Казани в Сибирь не вызывает сомнений.

При изучении проблемы тракта так же необходимо обратить внимание на появление почтовой службы в России. Ханы Золотой Орды вели дипломатическую переписку (отдельные знатные жители – и частную), что привело к возникновению особой ямской (почтовой) службы. В целом же считается, что возникновение первых почтовых служб на Руси восходит к X в.¹¹

Вышеотмеченная северная ветка Сибирского (Московского) тракта проходила через лесистые и болотистые местности, что затрудняло передвижение. В связи с этим, Сенату и императору направлялись жалобы. В частности, в их числе был и управляющий компаниями по добыче руд в Сибири, известный учёный-историк В.Н. Татищев, который предложил в 1735 г. Сенату проложить тракт через Казань – по причине того, что новая дорога сокращала путь на сотни верст. К тому же, проходила бы через более подходящие для прокладки дорог местности.

В 1754 г. Берг–Коллегия представила Сенату аналогичные рекомендации¹². Еще в апреле 1733 г. Сенат издал указ: «учредить от Москвы до Тобольска почту...»¹³. В 1763 г. с запада началось строительство тракта южнее по линии Москва – Казань – Пермь – Екатеринбург – Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Тюкалинск – Омск¹⁴.

Указом императрицы Екатерины II от 1 марта 1781 г. было предписано соединить почтовыми дорогами не только губернские, но и уездные города¹⁵. По пути следования существовали, так называемые, станционные дома. Императорским указом «устройство почтовых домов для спокойствия проезжающих возлагалось на особенно попечение начальников губерний»¹⁶.

В 1830 г., «желая дать лучшее устройство почтовой части... и облегчить почтовое делопроизводство»¹⁷, император Николай I осу-

¹¹ Татарская энциклопедия. – Т. IV. – Казань, 2008. – С.698.

¹² Зиятдинов Б.Ш. По Сибирскому тракту. – С.24–25.

¹³ ПСЗ–1. – Т. IX. –№ 6376. – С. 91.

¹⁴ Энциклопедия Сибири. «Сибирский (Московский) тракт» // URL: <http://russiasib.ru/sibirskij-moskovskij-trakt/>

¹⁵ ПСЗ–1. – Т. XXI. – № 15127. – С. 70.

¹⁶ НА РТ. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.37. – Л. 1.

¹⁷ Из истории почтовой связи...– 272 с.; НА РТ. – Ф.1. – Оп. 3. – Д.1501. – Л. 71.

ществил преобразование почтовой службы. Все почтовые учреждения России были разделены на 11 округов. Казанская губерния оказалась в 3-м округе, с центром в Нижнем Новгороде.

Определенный вклад в описание нового Сибирского тракта в конце XVIII в., земель и поселений вдоль него внёс великий российский мыслитель и писатель конца XVIII – начала XIX вв. Александр Николаевич Радищев (1749–1802).

Большинство биографов А.Н. Радищева называет Москву местом рождения писателя. Вместе с тем, имеются исследования, где его родиной названо село Верхнее Аблязово Саратовской губернии (ныне село Радищево Пензенской области)¹⁸.

Будущий писатель и мыслитель получил довольно редкое для того времени образование, т. к. после пажеского корпуса он в течение 5 лет обучался в Лейпцигском университете на юридическом факультете, где прослушал курс по юридическим наукам. В эти же годы он занимался изучением медицинских наук, а также интересовался сочинениями материалиста Гельвеция и демократа Мальби, Руссо и Монтескье. Он хорошо знал немецкий, французский и латинский языки, позднее изучил языки английский и итальянский¹⁹.

В своем произведении – «Путешествие из Петербурга в Москву», впервые изданном им в 1790 г. в домашней типографии, великий мыслитель правдиво изображает жизнь народа, резко обличает самодержавие и крепостничество. После слов императрицы Екатерины II о том, что А.Н. Радищев «бунтовщик, хуже Пугачева», книга была конфискована, сам писатель арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Впоследствии смертная казнь была заменена ссылкой. В том же 1790 г. он был сослан в Сибирь, в Илимский острог (тогда это наказание считалось едва ли не страшнее казни). Возвращен же был оттуда в Петербург лишь в 1797 г., после смерти Екатерины II.

Направляясь в ссылку, А.Н. Радищев проследовал в Сибирь по новому Сибирскому тракту. На обратном же пути следования из сибирской ссылки в 1797 г., он от г. Перми до Верхнего Услона ехал водным путем. Его впечатления от этих поездок отражены в двух пу-

¹⁸ Храбровицкий А.В. Где родился и где провел детство А.Н. Радищев? // Русская литература. – № 3. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – С. 180–181.

¹⁹ Макогоненко Г.П. Биография А.Н.Радищева / Пособие для учащихся. – Л., 1965. – С.3–25.

тевых заметках путешествия – «Записках путешествия в Сибирь» (впервые опубликованы в 1906 г.) и «Записках путешествия из Сибири» (опубликованы в 1907 г.)²⁰.

Любопытно отметить, что до А.Н. Радищева данные территории описывал и обследовал известный русский путешественник Николай Петрович Рычков. В экспедиции под руководством П.С. Палласа 1769 и 1770 гг., Н.П. Рычков объездил Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии²¹.

Что касается истории изданий вышеупомянутых «Записок» А.Н. Радищева, то их было несколько изданий²².

Если говорить о характере записей, то в основном это заметки о природе тех мест, перечисление городов и селений, через которые проезжал или мимо которых проплывал А.Н. Радищев, наблюдения жизни и быта, иногда личные впечатления или пересказ интересных подробностей с чужих слов. Записи представляли собой черновые и беглые пометки, заносимые в тетрадь во время долгого пути, – не для печати, а «для себя» и «на память». Следует отметить, что делая заметки в дорожном дневнике, А.Н. Радищев всё же воздерживался записывать размышления. Однако он по-прежнему внимательно присматривался к положению людей²³.

Очевидно, что спешный проезд в Сибирь и немного более продолжительное возвращение дали А.Н. Радищеву возможность описать лишь ту территорию, по которой он проезжал. Исходя из поставленной задачи, мы остановимся на отрезке сухопутной магистрали на участке Казань – Пермь.

²⁰ Татарская энциклопедия. – Том V. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – С. 13.

²¹ Рычков Н.П. Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб.: Императорская академия наук, 1770. – 190 с.

²² Радищев А.Н. Записки путешествия по Сибири // Избранные сочинения А.Н. Радищева / Ред. П. Сидоров. – М.-Л.: Гослитиздат, 1949. – 856 с.; Полное собрание сочинений А.Н. Радищева / Под ред. И.К. Луппола, Г.А. Гуковского и В.А. Весницкого. – Т. I–III. – М.: АН СССР, 1938–1952. – 1609 с.; Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Под ред. Н.К. Писанова, В.А. Десницкого, Д.С. Бабкина и Б.Б. Кафенгауза. – Т. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 676 с.

²³ Муратов М.В. Жизнь Радищева. – М.-Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1949. – 247 с.; Куклин А.Г. Елабуга в фотографиях: «Радищев и Елабуга» // URL: http://elabuga-foto.ru/homeland/_radishchev01.html.

По маршруту проезда А.Н. Радищева располагались ряд станций, в которых путники могли переночевать и сменить лошадей. В записках можно найти упоминание о таких станциях-селениях, как Янгулово, Мелеть, Порек, Кильмезь (ночлег с 13 по 14 ноября 1790 г.), Какси, Сюмси, Юбери (ночлег с 14 по 15 ноября), Селты, Зяльтыцы, Игра (ночлег с 15 по 16 ноября), Зура, Дебес, Чепца (ночлег с 16 по 17 ноября)²⁴.

Кроме того, в первой книге содержатся краткие сведения о Казани, татарах и других народах Поволжья.

«В Казани, – пишет А.Н. Радищев, – поднявшись на гору, ехали полями, лощинами, перелесками до Бирюли, село господское, где пьяных всех наехало для праздника Михайлы Архангела. Не скоро лошадой дали. Барыня была у попа в гостях [за] 30 верст»²⁵.

Далее упоминается г. Арск: «..стоит на Казанке, на высокой горе. Еще есть старинные деревянные башни, одна церковь деревянная»²⁶.

А.Н. Радищев даёт не только краткое описание природы окружающей местности, но и фиксирует занятия местного населения. Например, в Арске «..жители пашут и извозничают. 26 верст Арбаш, Татарское – 29 вер., Янгулова – 19 вер. Меду купили 6 р. пуд, вошина – 10 р., воск чистый – 20 р. По рекам много деревень татарских. Юрук за пять верст, на горе Высокая 19 верст. В Янгулове продавали одеяла, [за] двойное теплое из степных лисьих хвостов 6 р. просили. Татары, черемисы, чуваша селятся по увалам и долам, русские на горе... По лесам татары бьют медведей, волков, лисиц, зайцев, векшу и мало куниц». Около Игры «..зверей мало, хотя лесу много; белки почти нет уже пятый год, по 9 коп.шкурка»²⁷. Жители Зуры собирали серу из пихты: «...серу ее продают в трубках, из корки деревянной содранной, по 1 коп. в Казани»²⁸.

²⁴ Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Полное собрание сочинений А.Н.Радищева / Под ред. Н.К. Писанова и др. – Т. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 253–266.

²⁵ 1 верста – 1,0668 км (Грамм М.И. Занимательная энциклопедия мер, единиц и денег. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2000 – С. 187).

²⁶ Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь... – С. 253.

²⁷ Там же. – С. 253, 255.

²⁸ Там же. – С.255.

Невольный путник описывает курные и белые избы, повествует как медленно курная изба в русских и татарских поселениях вытесняется белой²⁹.

Так же имеются некоторые заметки об одежде жителей, их внешнем виде и благосостоянии. Например, в дер. Юбери, где жили удмурты, А.Н. Радищев заметил на женщинах высокие кички с бахромой, с шитьем и серебряными кончиками, а в селении Игра – «круглые скуфьи низанные»³⁰.

О селе Гоньба (совр. Малмыжский р-он Кировской обл.) А.Н. Радищев пишет: «жители бедные, избы худые». Он так описывает «черемисское» (марийское) население села Мелеты (варианты в русской транскрипции: Милеты, Мелеты, Мелята): «..Черемисы не столь богаты, больше на русских похожи, к пашне довольно ленивы, далеки, может быть, от хлебных базаров. Не столько мушны щеголеваты, как по ту сторону Волги». Он замечает распространение среди местных марийцев болезни глаз, «зыба всегдашнего (очевидно, чесотки – *И.Ш.*) и венерической болезни»³¹.

Далее А.Н. Радищев пишет: «...Порек, 15, черемисы, один двор русский. Кильмес Большой, 20 вер., черемисы, двор маркитантов русских, которые держат постоя; то же было и на той стороне Волги: на пустых там местах были базары, где стояли русские постоялые дворы»³².

Затем следует короткое описание села Какси: «Какси, тож Мука-Какси, 26 вер. Не доезжая оной деревни 5 верст, реку Вале переезжали. Летом на ней паром, шириною сажен 25. Иным годом разливается на дорогу. По реке лес черный, а немного далее ель и пр. 2 версты от реки – вотские деревни. Они овинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молоть, то сушат в печах. Народ боязливый и добрый. В Какси один овин. Живет отставной сержант с семьею, держит постоялый двор»³³.

Любопытно отметить заметку автора о решении спорных и судебных дел в татарской дер. Юрук: «..в Юруке ночевали у татарского начальника, который выбирается ежегодно во всякой деревне для

²⁹ Там же. – С.253.

³⁰ Радищев А.Н. «О Вятском крае» // URL: <http://regraf.info/a-n-radishhev-ov-yatskom-krae>.

³¹ Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь... – С. 253–254.

³² Там же. – С. 254.

³³ Там же.

разбору дел ниже 20-ти р., даже кражи, но свыше идут в суд. Уголовные надлежало бы отсылать в суд, но отсылают смертоубивствы только. Судят по корану»³⁴.

Далее он так описывает удмуртские поселения притрактовой зоны и их жителей: «..Сельта или Кожиль-Селты, 29 вер. Зятцы, 38. Игры, 37. Ночевали. Места почти ровные, гор мало, болоты, местами лес: сосняк строевой, ели, березы. Селения, опричь сих, по сю сторону Вятки редки, редки и по сторонам, может быть, для того, что мало речек. Вотяков много малобородых. Народ простой. В Зятцах писарь ученый по-русски. Собаки вороваты: влезли в повозку и съели гуся. Зверей мало, хотя лесу много; белки почти нет уже пятый год, по 9 коп.шкурка. Село Дебес или Николаевское, 25 вер. За 1/2 версты переехал реку Чепцу по живому мосту. По ней ходят суда от Глазова и ниже с хлебом в Астрахань, впадает в Вятку. В Дебесе похожи на русских. Есть писарь, который требует подорожной и принудил офицера заплатить прогоны за все три. Есть у иных овины и риги, но по полям колки. Сушат хлеб в снопах»³⁵.

В записках так же упоминается село Чепца, описывается местная округа: «...Чепца, 20, на реке того же имени. Вотяки почти как русские, женаты многие на русских бабах. Старосты недельные, как у черемис и чуваш, и должны отправлять и довольствовать проезжающих; у других вотяков они дневные. В Чепце ночевали, последняя вотская деревня. Рекруты в Вятку ставят до явки, стояние дорого: от 40 до 90 р. В Перми стоит очень мало. За Цепцой деревней более полей, что большое население доказывает. Везде малые русские деревни, которые называют починками. От Цепцы до Сосновой 38 верст, казенная деревня. Стоят по станциям ямщики верхотурские. У почтовой избы висит доска, на которой написано, сколько от стану в обе стороны верст, – дабы не было спору и обманов, прислана от казенной палаты»³⁶.

«..В селе Дуброва, 26 верст, графа Строганова, – далее пишет А.Н. Радищев, – в 25 верстах есть завод его же, железный. Строение: две избы и между их сени. Избы есть по крестьянскому состоянию очень хорошие»³⁷.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – С. 255.

³⁷ Там же. – С. 256.

Упоминаются населенные пункты, расположенные ближе к Перми: «Оханск город, 26 верст. От Сосновой к Оханску гористо, но горы невысокие. Подъезжая к Оханску, везде почти поля, и селения очень часты. Есть места положением прекрасные. Лес – ель по большей части и пихта. Подле речек чернолесье. Оханск имеет некоторые прямые улицы, одна церковь деревянная, стоит на Каме. Другой берег ее крутогорый и лесной. От Оханска до станции Охандворки, названной по одной избе, построенной для житья содержащих почту ямщиков, 20 верст. Место низкое, междубережья. От Охандворки, поднявшись на гору и проехав лесом верст 12, откроются во все стороны холмы и долины, от лесов обнаженные, многие деревни и деревушки или починки и изгороды. И чем ближе к Перми, тем больше населения. Аникеева 23 1/2, до Перми 23 1/2»³⁸.

Описывая губернский город Пермь, невольный путник записал в своих путевых дневниках: «Пермь лежит на правом берегу Камы, вверх. Было село Егачиха. Начат строить 9 лет назад. Улицы прямы, строение деревянное, ряды тоже. По воскресениям базар. Мастерских мало. Горшки в приказе делают, разваливаются. Кирпичи также. В Перми промыслов мало, держат однако же всякие заморские товары. Лавки давно уже построены. Базары по воскресеньям. Продают хлеб, мясо, рыбу, воск, мед, посуду деревянную, крашеную и рисованную, медную, чугунную, железную и жестяную с заводов. Плотничное искусство невелико. Доставлять бревна не умеют. Столярное выписывают из Казани. Печников мало»³⁹.

В других своих путевых заметках – «Записках путешествия из Сибири» – А.Н. Радищев описывает водный путь от Перми до устья Камы. В числе прочих, переданы впечатления от пребывания в Казани с 25 мая по 9 июня 1797 г.: «...ходил по городу почти в восхищении... На Арском поле было празднество целую неделю... Озеро Булак, на оном лодки... Адмиралтейство на Казанке... Пороховые. Кремль, пристань на Булаке... В правую сторону видны были извиляющиеся протоки Казанки, близ коих на холму из среды древесных развесистых вершин изсунувшия возвышались главы церковей Зилантова монастыря; позади него видна была Казань. Впереди всего белая стена кремля с бойницами; подле кремля простирались строения, дома...»⁴⁰.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. – С.291–294.

В целом, путевые дневники А.Н. Радищева (прежде всего, его «Записки путешествия в Сибирь») являются ценным источником для исторической реконструкции Сибирского сухопутного тракта, социально-экономической жизни и быта населения, губернских, уездных центров в районе тракта в конце XVIII в.

Источники и литература

1. Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. – Пермь: Электро-Тип. Губерн. зем., 1913. – 204 с.
2. Грамм М.И. Занимательная энциклопедия мер, единиц и денег. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2000 – 413 с.
3. Галлямов Р.Г. (Галлям Р.Г.). Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции.// Казанское ханство: актуальные проблемы исследования / Науч. ред. д.и.н. С.Х. Алишев, отв. ред. д.и.н. И.К. Загидуллин, к.и.н. Н.С. Хамитбаева. – Казань: ФЭн, 2002. – С. 280–313.
4. Зиятдинов Б.Ш. По Сибирскому тракту. История деревень Карадуган, Арбаш. – Казань: Идел-Пресс, 2009. – 440 с.
5. Из истории почтовой связи. (К 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Л.В.Горохова; сост. О.В.Федотова, Н.А. Шарангина; под общ.ред. Д.И. Ибрагимова и Н.А. Никифорова. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2010. – 272 с.
6. Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. – Казань: Тип. Губерн. правл., 1885. – 217 с.
7. Историческая энциклопедия Сибири. – Т. III: С-Я. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – 783 с.
8. Отчет о действиях Казанской Губернской Земской Управы: За 1910 год, с приложением краткого обзора за первые восемь месяцев 1911 года. – Казань, 1911. – 406 с.
9. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: 30-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX вв.: дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 605 с.
10. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII – XIX вв. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – 568 с.
11. Колесников А.Д. Сибирский тракт // Вопросы научно-методической работы над сводом памятников истории и культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 95–108.
12. Любомиров П.Г. Род Радищева/ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 291–351.
13. Макогоненко Г.П. Биография А.Н.Радищева / Пособ. для учащихся. – Л.: Просвещение, 1965. – 152 с.

14. Муратов М.В. Жизнь Радищева. – М.-Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1949. – 247 с.
15. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 37.
16. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 1501.
17. Пивень С. Н. Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2005. – 265 с.
18. ПСЗ–1. – Т. IX. – № 6376.
19. ПСЗ–1. – Т. XXI. – № 15.127.
20. Почтовый дорожник Российской империи по высочайшему повелению изданный Почтовым Департаментом с приложением нумерной карты для отыскивания дорог. – СПб., 1863. – 573 с.
21. Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Полное собрание сочинений А.Н.Радищева / Под ред. Н.К. Писанова, В.А.Десницкого, Д.С.Бабкина и Б.Б.Кафенгауза – Т. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.253–266.
22. Радищев А.Н. Записки путешествия из Сибири // Полное собрание сочинений А.Н.Радищева / Под ред. Н.К. Писанова, В.А.Десницкого, Д.С.Бабкина и Б.Б.Кафенгауза. – Т. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 267–304.
23. Рычков Н.П. Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб.: Императорская академия наук, 1770. – 190 с.
24. Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – Т. 14. – СПб., 1857. – С. 1–151.
25. Список населенных мест по почтовым трактам в Казанской губернии с обозначением № № дорожных сооружений и расстояний между селениями. – Казань: Тип. Губ. правления, 1899. – 26 с.
26. Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов; отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Т. II. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – 656 с.
27. Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов; отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Т. IV. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – 768 с.
28. Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов; отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Т. V. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – 736 с.
29. Храбровицкий А.В. Где родился и где провел детство А.Н. Радищев? // Русская литература. – № 3. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – С. 180–181.

30. Куклин А.Г. Елабуга в фотографиях: «Радищев и Елабуга» // URL: http://elabuga-foto.ru/homeland/_radishchev01.html (дата обращения 19.05.2015).

31. Московско-Сибирский тракт (историко-этнографический очерк): «Мариинская береста» // URL: <http://shia63.narod.ru/bolshayamoskovskaya1.html> (дата обращения 18.04.2015).

32. Радищев А.Н. «О Вятском крае» // URL: <http://regraf.info/a-n-radishhev-o-vyatskom-krae/> (дата обращения 12.04.2015).

33. Тематические статьи «Роль транспорта в экономике России» // URL: http://lmatrix.ru/news/interesting/rol-transporta-v-ehkonomike-rossii-chast-1_146.html (дата обращения 19.04.2015).

34. Энциклопедия Сибири. «Сибирский (Московский) тракт» // URL: <http://russiasib.ru/sibirskij-moskovskij-trakt/> (дата обращения 19.03.2015).

Приложение

**Поселения, почтовые станции и дорожные сооружения
по Сибирскому почтовому тракту в конце XIX в.
(на участке Казань – Янгулово)⁴¹**

Номера дорожных сооружений	Поселения и почтовые станции	Расстояние (в верстах)	
От 1 до 10 –	г. Казань (почт.ст.)	–	–
	д. Киндери	13	25 1/4
		–	
		6 1/4	
11–13	с. Высокая Гора (<i>Рождественское</i>)	–	
14–16	д. Собакино (<i>Янчурино</i>) (почт.ст.)	–	–
17–20		6	
21		–	
22–26		7 1/4	
27	с. Бирюли (<i>Благовещенское</i>)	–	

⁴¹ Табл. составлена по изд.: Список населенных мест по почтовым трактам в Казанской губернии с обозначением № № дорожных сооружений и расстояний между селениями. – Казань: Тип. Губ. правления, 1899. – С. 15–17.

28		2	
–	д. Бирюли (<i>Ильинка</i>)	–	
29		2 1/4	
30–31	с. Чепчуги (<i>Архангельское</i>)	–	25
32–34		6 1/4	
–	д. Куркачи	–	
35–37		3	
38	д. Стар. Урматы	–	
39–42		4 1/4	
43	с. Чурилино (<i>Никольское</i>) (почт.ст.)	–	–
44–47		3 1/4	
–	д. Кодрякова (<i>Урсяк</i>)	–	
48		1 1/4	
49	с. Чулпанова	–	
50–51		2 1/4	
52	с. Бужа	–	
53–59		5	18
60–61	г. Арск	–	
–			
–	сл. Пахатная	–	
62–69		6	–
70–71	д. Метески (почт.ст.)	–	

72–79		5	
–	д. Четыре Двора	–	26
80–95		21	
96	д. Карадуван (почт.ст.)	–	
97–99		3 1/4	
100	с. Лызы	–	
101–106		4 3/4	
107–110	д. Балтась (Ахматова)	–	
111–119		4	22
–	д. Б. и М. Нурмы	–	
120–122		2	
–	Гран. Казан.и Вятск. губ.	–	
		8	
	Ст. Янгуловская (почт.ст.)	–	–

И.М. Шәрәфиев

А.Н. Радищевның 1790 һәм 1797 елларга караган юльязмаларында Себер почта трактының Казан-Пермь өлешендәге торак пунктлары

Мәкаләдә Себер почта тракты үзәкне һәм башка шәһәр-авылларны Себер белән тоташтыручы Русия тарихында зур әһәмияткә ия булган почта юлы буларак бәяләнгән. А.Н. Радищевның XVIII гасыр азагында Себергә, андагы Илим кирмәненә сөргенгә барганда һәм, шулай ук, аннан кайтканда теркәлгән «Себергә сәяхәт», «Себердән сәяхәт» дип исемләнгән көндөлекләре нигезендә Себер почта трактының Казан-Пермь өлешендә урнашкан шәһәр һәм авыллар, төбәк икътисады, табигате, анда яшәүче кешеләрнең тормышы, көнкүреше тасвирлана.

Ачкыч сүзләр: Русия тарихы, Себер почта тракты, А.Н. Радищев, Илим костругы, Казан – Пермь, «Себергә сәяхәт», «Себердән сәяхәт» язмалары

I.M. Sharafeyev

**Roadside settlements of the Siberian Post Route
on the location of Kazan – Perm' on the basis of notes
of a journey by A.N. Radishchev in 1790 and 1797**

The article highlights the role of the Great Siberian Post Road in the history of Russia as the basic transport communication which connecting the central part, cities and villages of the country with Siberia. The article is devoted to description of villages, their social and economic life and daily life of the people, the provincial and district centers on the location of Kazan – Perm' of the Siberian post route on the basis of travelling diaries of A.N. Radishchev «Notes of a Journey to Siberia» and «Notes of a Journey from Siberia» which are noted by him during his journey to Siberia, when he was exiled to the Elim stockaded town, and during his coming back after the exile at the end of the XVIII century.

Keywords: the Great Siberian Post Road, history of Russia, post office, social-economic, Siberia, A.N. Radishchev, Elim stockaded town, Kazan–Perm', «Notes of a Journey to Siberia», «Notes of a Journey from Siberia».

Шарафеев Ильназ Мухаматович – соискатель отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ (г.Казань); e-mail: ilnaz519@yandex.ru

Шәрәфиев Илназ Мөхәммәт улы – Татарстан Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлегә аспиранты (Казан шәһәре).

Sharafeyev Inaz Mukhamatovich – postgraduate student of the Department of modern history of the Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Внутреннее устройство и быт монастырей
правобережной части Среднего Поволжья
во второй половине XVI – середине XVIII веков
(до секуляризации 1764 г.)*

Данная статья посвящена истории внутреннего устройства и быта православных монастырей в городах и уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – первой половине XVIII веков. Рассматриваются история возникновения монастырских церквей, внутреннего управления монастырями, социального происхождения монахов и монахинь, поддержка монастырей со стороны светских лиц и корпораций.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, православные монастыри и церкви, монашеские уставы

После вхождения Среднего Поволжья в состав Русского государства в 1551–1552 гг. в пределах названного региона стали возникать и функционировать православные монастыри.

Цель настоящей статьи заключается в подробном рассмотрении такого малоизученного вопроса, как история внутреннего устройства и быта монашеских обителей, действовавших в городах и уездах средневожского правобережья в десекуляризационный период. Это монастыри, возникшие: свияжские мужские: 1) Троицкий (между 1553 и 1554 гг.), 2) Успенско-Богородицкий (1555 г.), 3) Макарьевский (первая половина XVII в.), 4) Вячеславовский (между 1618 и 1661 гг.), женский: 5) Иоанно-Предтеченский (Рождественский) (до 1604 г.); чебоксарские мужские: 6) Троицкий (1566 г.), 7) Преображенский (Спасо-Геронтьевский) (1671/72 г.), 8) Сретенско-Владимирский (1716 или 1717 гг.), женские: 9) Николаевский (Иоанно-Предтеченский) (до 1601 г.), 10) Благовещенский (1680-е гг.); алатырские мужские: 11) Троицкий (до 1569/70 г.), 12) Свято-Духовский (начало XVIII в.), 13) Казанско-Богородицкий Пичерский (около 1642 г.), 14) Спасо-Преображенский Старцеугловский (между 1641 и 1645 гг.), 15) Николаевский Медянский (между 1613 и 1645 гг.), 16) Николаевский Борковский (1717 г.), 17) Преображен-

* Статья написана при финансовой поддержке РФНФ № 14-11-21009.

ский Гуляевский (до 1656 г.), 18) Покровский Иваньковский (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.), 19) Кирилло-Вознесенский (до 1685 г.), 20) Николаевский Городищенский (XVII – начало XVIII вв.), 21) Казанско-Богородицкий Ключевско-Четвертаковский (1707 г.), женские 22) Старо-Николаевский (Казанский) (конец XVI в.), 23) Киево-Николаевский новодевичий (1639 г.); тетюшские мужские: 24) Николаевско-Зосимовско-Савватиевский (около 1589 г.), 25) Покровский (первая четверть XVII в.); кокшайский мужской: 26) Троицкий Сундырский (начало XVII в.); козьмодемьянские мужские: 27) Николаевский (Покровский) (1606/07 г.), 28) Спасский Малоюнгинский (1625), 29) Богоявленский (около 1680-х гг.), 30) Ильинский (около 1719 г.), 31) женский Вознесенский (первая половина XVII в.); цивильский мужской: 32) Тихвинско-Богородицкий (Вознесенский) (1675 г.), женский: 33) Тихвинско-Богородицкий (Вознесенский) (1729 г.); ядринский мужской: 34) Казанско-Богородицкий (между 1620-ми и 1646 гг.), женский: 35) Михаило-Архангельский (середина – вторая половина XVII в.)¹.

Каждый монастырь обычно получал название по престолу своего соборного храма. Количество церквей в каждой обители было различным и зависело от его состоятельности, поддержки ктиторов.

В Свяжском Троицком монастыре, приписанном к Троице-Сергиевой лавре в период между 1553–1554 гг. и 1565–1567 гг., при поддержке последней были построены две деревянные церкви. Одна из них была холодная во имя Сергия Чудотворца, а вторая – теплая во имя живоначальной Троицы. В 1604 г. вместо деревянной Сергиевской церкви был построен каменный двухэтажный храм; в верхнем этаже располагались два придела: во имя св. Сергия Радонежского и во имя его сподвижника св. Никона. После упразднения монастыря в 1764 г. обе его церкви стали приходскими².

¹ Более подробно об истории возникновения 35-ти перечисленных монастырей см.: Чибис А.А. К вопросу о возникновении православных монастырей на правобережной части Казанской земли во второй половине XVI – XVIII веков // Марийский археографический вестник. – 2011. – № 21. – С. 39–60.

² Юдин П.Л. Свяжский Иоанно-Предтеченский девичь монастырь и его замечательные святыни. – Казань, 1892. – С. 12, 16; Яблоков А. Город Свяжск Казанской губернии и его святыни: историко-археологический очерк. – Казань, 1907. – С. 36–38; Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межеванья Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). – Казань, 1909. – С. 35.

Сразу же после основания Свяжского Успенско-Богородицкого монастыря, в июле 1555 г. в нем был заложен каменный соборный храм; к 1561 г. храм был полностью построен и 12 сентября того же года его освятили во имя Успения пресвятой Богородицы. Он периодически перестраивался, в XVII в. к нему был пристроен придел во имя св. Германа, Казанского Чудотворца; в описи 1764 г. Успенский храм значится как холодный, а Германовский придел – теплым. Одновременно с закладкой соборного храма в монастыре было начато строительство другой каменной церкви, которая была окончательно построена в 1556 г. и 6 декабря того же года освящена во имя св. Николая Чудотворца, в ней находилась монастырская трапеза. В начале XVII в. строится деревянная церковь с приделами: во имя св. Бориса и Глеба и св. Федора Стратилата. К 1613 г. было построено еще две деревянные церкви: первая во имя Иоанна Богослова, находившаяся рядом с колокольной при Никольской церкви; вторая – во имя св. Параскевы Пятницы, располагавшаяся за монастырской оградой. Однако в последующие десятилетия все деревянные храмы в монастыре были снесены, им на смену пришли новые каменные церкви. В конце XVII – начале XVIII вв. пришедшая в ветхость Борисо-Глебская церковь была разобрана, вместо нее был построен Вознесенский каменный храм; около 1746 г. к последнему был пристроен второй этаж, в котором планировалось основать еще один престол во имя Сошествия Святого Духа. Но полностью осуществить строительство не удалось из-за отсутствия в монастыре нужной на это мероприятие суммы в 400 руб. После сноса церкви во имя Иоанна Богослова ее престол был перенесен в каменную колокольню Николаевской церкви. В первой половине XVIII в. при монастырской больнице была построена небольшая Ильинская каменная церковь. В 1764 г. в монастыре числились только четыре названных каменных храма: соборный Успенско-Богородицкий с Германовским приделом, Николаевский, Ильинский и Вознесенский; на Николаевской колокольне, кроме Иоанновской церкви, находились 11 колоколов, самый большой из которых весил 200 пудов, «боевые» немецкие часы с шестью маленькими колоколами. После 1764 г., когда Свяжский Успенско-Богородицкий монастырь получил статус перво-классного, его главными храмами становятся Успенский собор, Ни-

кольская и построенная в первой четверти XIX в. Германо-Мирофановская церковь. Остальные храмы прекратили свое существование³.

По данным А.Яблокова, первым храмом в Свяжском Иоанно-Предтеченском женском монастыре была деревянная Христо-Рождественская церковь, которая первоначально была построена как приходская около 1567 г.⁴ В сентябре 1604 г. по приказу царя Б. Годунова в монастыре была сооружена каменная Иоанно-Предтеченская церковь⁵. О последующей судьбе монастырских церквей мнения исследователей разошлись. П.Л. Юдин писал о существовании в Иоанно-Предтеченском монастыре двух каменных храмов: Иоанно-Предтеченского и Христо-Рождественского, причем дата их основания не была указана. Первый из них был холодным, но имел колокольню, а второй являлся теплым⁶. А. Яблоков указывал, что в 1701 г. вместо деревянной Христо-Рождественской церкви в монастыре был построен один каменный храм с главным престолом во имя Рождества Христова и с приделом во имя Иоанна Предтечи. По ведомостям 1739–1741 гг. в этой обители было две каменные церкви с двумя престолами⁷. Следовательно, утверждение П.Л. Юдина является более достоверным. В 1753 г. монастырские церковные строения пострадали от пожара, были отстроены заново и простояли до 1795 г., когда во время нового пожара монастырь был сильно разрушен, затем перенесен на место упраздненного Свяжского Троицкого монастыря⁸.

³ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 67. – Л. 38–39 об.; НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1792. – Л. 19, 22–23, 29, 33, 37–39; Яблоков А. Указ. соч. – С. 51–82, 100.

⁴ Яблоков А.А. Указ. соч. – С. 33.

⁵ Амвросий. История Российской иерархии. – М., 1812. – Ч. IV. – С. 312–313; Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей, с показанием начала и построения оных, крестных ходов, храмовых праздников в Санкт-Петербурге и Москве, пасхалии на 50 лет и достопамятнейших в России происшествий хронологическим порядком. – СПб., 1825. – С. 82; Глаголева А. Извлечение из краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников // Журнал Министерства внутренних дел. – 1840. – № 2 (февраль). – Ч. XXXV. – С. 256; Юдин П. Л. Указ. соч. – С. 16.

⁶ Юдин П.Л. Указ. соч. – С. 19.

⁷ Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. – 1902. – Т. XVIII. – Вып. 1–3. – Приложение. – С. XXIII.

⁸ НА РТ. – Ф. 6. – Оп. 31. – Д. 1. – Л. 3; Яблоков А. Указ. соч. – С. 34–36; Юдин П.Л. Указ. соч. – С. 22–23.

В Свяжском Макарьевском монастыре (пустыни) первым храмом была Вознесенская церковь, по-видимому, основанная одновременно с обителью (т.е. не позднее декабря 1660 г.). Ее престол был назван в память освобождения из татарского плена в день Вознесения Господня св. Макария Желтоводского. До 1691 г. церковь была деревянной, в 1691 г. вместо нее был построен двухэтажный каменный храм с тем же престолом. По данным ведомостей 1720–1721 и 1730 гг. в пустыни также действовала надвратная деревянная церковь во имя св. Иоакима и Анны⁹. После упразднения Макарьевской пустыни в 1764 г. Вознесенский храм стал приходским¹⁰, а Иоакимовско-Аннинская церковь, по-видимому, прекратила свое существование.

В Чебоксарском Троицком монастыре в 1565/66 г. была построена первая деревянная соборная Троицкая церковь, которая затем, по-видимому, в XVII в. была перестроена в каменную. В 1669 г. в монастыре возводится еще одна Петро-Павловская каменная церковь. В 1713, 1748, 1749 гг. при поддержке чебоксарского купечества строятся новые каменные церкви: теплая во имя Толгской Богородицы; холодная во имя св. Феодора Стратилата, которая располагалась на монастырских воротах; заново перестраивается холодная Троицкая церковь¹¹. Эти четыре храма были зафиксированы в офицерской описи 1763 г., и продолжали действовать после секуляризации, когда монастырь стал сначала внештатным, а затем третьеклассным.

В Чебоксарском Николаевском монастыре до середины XVII в. действовала деревянная Николаевская церковь, построенная в конце XVI в. Во второй половине XVII в. церковь сгорела, и в 1690 г., а по некоторым данным даже ранее, вместо нее был построен каменный пятикупольный храм во имя Владимирской Богородицы и с приделами: правым во имя св. Николая и левым во имя усекновения главы св. Иоанна Предтечи. По названию последнего престола и храм, и монастырь стали именоваться Иоанно-Предтеченским. В 1753 г. храм подвергся капитальной перестройке, причем по преданиям

⁹ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 511. Л. 16.

¹⁰ Малов Е. Свяжская Погородная Макарьевская пустынь. – Казань, 1897. – С. 6–7; Верхний Услон: край родной, навек любимый. – Казань, 2001. – С. 43.

¹¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 614. Л. 1–1 об.; Амвросий. История Российской иерархии. – М., 1815. – Ч. VI. – С. 653; Справочная книга по Казанской епархии. – Казань, 1904. – С. 762; Чебоксарский Свято-Троицкий мужской монастырь. – Чебоксары, 2008. – С. 13–14.

большую поддержку этому мероприятию оказал Качалин, главный продавец Нижнетагильского железодельного завода, выделивший нужное количество железа для строительных работ¹². После упразднения монастыря в 1764 г. эта церковь стала приходской¹³.

В Чебоксарской Преображенском (Спасо-Геронтьевском) монастыре (пустыни) около 1671/72 г. была построена деревянная Преображенская церковь с приделом во имя Одегитрии пресвятой Богородицы¹⁴. 20 февраля 1683 г. деревянная церковь сгорела при пожаре¹⁵. В 1694 г. была построена новая каменная Преображенская церковь¹⁶. Автор исследования об упраздненных монастырях Казанской епархии, указывал, что в каменной Преображенской церкви был придел во имя Алексея, человека Божьего, а на монастырских воротах располагалась деревянная Тихвинско-Богородицкая церковь¹⁷. Эти данные подтверждаются ведомостями 1720–1721 и 1730 гг., в которых в пустыни названы такие же церкви¹⁸. Очевидно, Тихвинско-Богородицкая церковь играла в пустыни роль главного храма, когда в период между 1683 и 1694 отстраивался пострадавший от пожара Преображенский храм. По данным офицерской описи 1764 г., к моменту ее составления надвратная Тихвинско-Богородицкая церковь была уже каменной, на ней располагалась колокольня с 7-ю колоколами. Деньги на строительство церкви выделил чебоксарский купец Ф. Кочелин (по-видимому, он же – вышеупомянутый Качалин). Однако, из-за его смерти монастырские власти не смогли получить 200

¹² НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 9; Барсов И. Бывший Николаевский монастырь в г. Чебоксарах // ИОАИЭ. – 1898. – Т. XIV. – Вып. 5. – С. 521–525; Дмитриев В. Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. Чебоксары, 2003. – С. 38–39; Гусаров Ю.В., Чибис А.А. Памятная обитель: к 430-летию Чебоксарского Николаевского женского монастыря // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого монастыря. – 2014. – Август. – Вып. VII. – С. 16–17.

¹³ Гусаров Ю.В., Чибис А.А. Указ. соч. – С. 16–19.

¹⁴ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 7 об.; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII – первая четверть XVIII в.) / сост. А.А. Чибис, Б.М. Пудалов. – Чебоксары, 2006. – С. 235.

¹⁵ Дмитриев В. Д. Чебоксары. – С. 43.

¹⁶ ГИА ЧР. – Ф. 334. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 231 об.

¹⁷ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 7 об.; По данным офицерской описи 1764 г. указанный придел был пристроен к Покровской церкви по указу царя Петра I, т.к. святой Алексей, человек Божий, был ангелом царевича Алексея Петровича (РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 584. – Л. 15).

¹⁸ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 511. – Л. 16 об.

руб., необходимых на закупку утвари и установления иконостаса в надвратной церкви¹⁹. Оба каменных храма (Преображенский и Тихвинско-Богородицкий) действовали в монастыре и после 1764 г.²⁰

В Чебоксарском Благовещенском монастыре к моменту его упразднения в 1764 г. действовала одна Благовещенская холодная каменная церковь. Не исключено, что первоначально она была деревянной. Церковь имела колокольню и два придела – во имя Смоленской Богородицы (по-видимому, холодный) и во имя Иоанна Богослова, теплый, трехглавый. При церкви находилась каменная колокольня, на ней девять больших и малых колоколов²¹.

В Чебоксарской Владимирско-Сретенской пустыни в первой четверти XVIII в. была построена каменная церковь с двумя приделами. Автор исследования об упраздненных монастырях Казанской епархии писал о том, что ее главный престол был Сретенским, один придел имел престол во имя Владимирской Богородицы, а второй придел – во имя св. Феодора Стратилата²². Это опровергается офицерской описью и клировыми ведомостями Чебоксарского Троицкого монастыря, под управлением которого в это время находилась Сретенско-Владимирская пустынь. В них говорится о том, что главный престол церкви был назван в честь Владимирской Богородицы; теплый придел имел престол во имя Сретения Господня, а холодный придел – во имя св. Варлаама и Иоасафа²³. После упразднения пустыни в 1764 г. ее церковь стала приходской²⁴.

В Алатырском Троицком монастыре первым храмом была деревянная на каменном фундаменте Троицкая церковь. К моменту приписки монастыря к Троице-Сергиевой лавре в 1615 г. эта церковь находилась в ветхом состоянии²⁵. Писцовые книги 1623/24–1625/26 гг. зафиксировали в монастыре деревянный храм на камен-

¹⁹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 584. – Л. 15 об.

²⁰ ГИА ЧР. – Ф. 334. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 213 об.–214.

²¹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 46. – Л. 1; НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 9 об.; Покровский И. М. Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и приделы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. – Казань, 1897. – Т. I. – Приложение II. – С. XVI.

²² НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 8 об.

²³ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 614. – Л. 9–9 об.; НА РТ. – Ф. 4. – Оп. 92. – Д. 172. Л. непронумерован.

²⁴ Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2006. – Т. I. А-Е. – С. 324.

²⁵ Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск, 2015. – С. 29.

ном фундаменте с шестью куполами, главным Троицким престолом и с двумя другими престолами во имя Казанской Богородицы и преподобного Михаила Малеина. В той же церкви находились два придела: во имя Успения Богородицы и св. Сергия и Никона²⁶. Несомненно, после 1615 г. Троицкая церковь была либо перестроена, либо вместо нее был возведен новый храм. По данным описи 1641 г., ко времени ее составления в монастыре была построена новая деревянная Зосимо-Савватиевская церковь. Тогда же вблизи главной Троицкой церкви была возведена деревянная восьмистенная колокольня с девятью колоколами и «боевыми» часами. Но Троицкий храм вновь подвергся перестройке, в нем находился только один престол во имя Нерукотворенного образа Спаса²⁷.

В 1691 г. соборная Троицкая церковь, пришедшая в ветхость, по решению властей Троице-Сергиевой лавры была передана в Киево-Николаевский новодевичий монастырь²⁸, а вместо нее в мужской обители была возведена новая, деревянная же Троицкая церковь с приделом во имя Сергия Радонежского²⁹.

8 мая 1741 г. Зосимо-Савватиевская церковь и соборный Троицкий храм с ее названным приделом³⁰ сгорели. Уже на следующий год первая из названных церквей была вновь выстроена из дерева. В 1748 г. было начато строительство нового каменного двухэтажного храма. В 1754 г. он был полностью отстроен, его верхний этаж освятили во имя Троицы. В 1767 г. в нижнем этаже храма была устроен Божьявленский престол, но Зосимо-Савватиевская церковь была разобрана³¹.

В Алатырском Старо-Николаевском монастыре во второй половине XVI в. действовала церковь во имя св. Николая или Казанской Богородицы³². В годы Смуты монастырь был полностью разрушен. В

²⁶ Там же. – С. 151.

²⁷ Там же. – С. 140–142.

²⁸ Киево-Николаевский новодевичий монастырь в г. Алатырь: (сборник документов XVII – начала XVIII веков) / сост. А.А. Чибис. – Чебоксары, 2004. – С. 30–31.

²⁹ Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 321–327.

³⁰ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 97 за 1741 г. Л. 1; оп. 554. – Д. 38 за 1764 г. Л. 5.

³¹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 653. – Л. 1–1 об.; Алатырская старина: сборник исторических очерков В.Э. Красовского. – М., 1995. – С. 33–34.

³² Там же. – С. 8–9; Соловьев А. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. – Симбирск, 1909. – С. 1–3.

1622 г. при поддержке правительства в нем была построена новая деревянная холодная Николаевская церковь³³. В 1670 г. монастырь и его церковь сгорели во время взятия Алатыря разинцами, но в 1672 г. были отстроены заново за счет казны³⁴. Около 1700 г. в монастыре была построена вторая, уже теплая деревянная Знаменская церковь. 8 мая 1741 г. обе церкви сгорели. В 1743 г. на пожертвования прихожан была вновь отстроена и освящена Знаменская церковь; в 1753 г. за счет казны отстраивается, а в 1754 г. освящается Николаевская церковь с новым приделом во имя св. Макария Желтоводского³⁵. После упразднения монастыря в 1765 г. обе его церкви стали приходскими³⁶.

Сразу после основания в Алатыре Киево-Николевского монастыря в 1639 г. в нем была построена деревянная теплая Николаевская церковь. На следующий год была возведена деревянная холодная Покровская церковь. Позднее (до 1668 г.) к Покровской церкви были пристроены два придела: во имя св. Алексия митрополита Московского и во имя св. Михаила Малеина, в честь именин царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича³⁷. В 1668 г. монастырь со всеми его постройками и церквями переносится на более удобное место. В 1689 г. в Николаевской церкви строится новый, более обширный алтарь. 9 мая 1690 г. монастырь и его церкви полностью сгорели, но были отстроены заново за счет казны. В марте 1691 г. из Алатырского Троицкого монастыря в Киево-Николаевский монастырь была перенесена деревянная старая Троицкая церковь, которая на новом месте была освящена во имя Вознесения Господня³⁸. В первой половине XVIII в. все три церкви были перестроены в каменные. В офицерской описи монастыря указано, что каменная Покровская церковь была построена в 1709 г.; 700 руб. на строительство выделила казна, остальная сумма была собрана за счет «боголюбивых дателей», т.е. частных лиц. Вознесенская и Николаевская (холодная, надвратная) церкви были построены каменными, соответственно, в 1752 и 1756 гг. на средства названных «дателей»³⁹.

³³ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 3–5.

³⁴ Там же. – С. 5.

³⁵ Там же. – С. 5–6; ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 99 за 1741 г. – Л. 1–2.

³⁶ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 10.

³⁷ Алатырская старина. – С. 63.

³⁸ Киево-Николаевский новодевичий монастырь. – С. 12, 15–16, 28–31.

³⁹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 324. – Л. 2–2 об.

После основания Алатырского Свято-Духовского монастыря(пустыни) в 1714 г. в нем были заложены две церкви: во имя сошествия св. Духа и Иверской Богородицы, и во имя св. Иоанна Воина. Но, по причине отсутствия средств, в 1715 г. была построена и освящена только деревянная Иоанновская церковь. Лишь в 1731 г. при поддержке частных лиц была возведена и освящена деревянная Свято-Духовская церковь. Около 1748 г. Иоанновская церковь подверглась перестройке; ее главный престол был переосвящен во имя Иверской Богородицы, в ней был возведен придел во имя Иоанна Воина⁴⁰. После закрытия пустыни в 1764 г. ее церкви стали пустовать⁴¹.

О храмах Алатырского Казанско-Богородицкого Пичерского монастыря (пустыни) сохранилось достаточно мало сведений. По предположению А.И. Соловьева, в пустыни в XVII в. была церковь с престолом во имя Казанской Богородицы. В конце того же столетия церковь сгорела и вместо нее действовала часовня. Затем (до 1728 г.) в пустыни была построена новая деревянная холодная церковь с прежним престолом⁴². В 1752 или 1755 г. в монастыре была устроена теплая деревянная церковь во имя Иоанна Богослова. После упразднения обители в 1764 г. ее Казанско-Богородицкая церковь была перенесена в с. Промзино Городище, где стала приходской⁴³. Судьба Иоанновской церкви неизвестна.

В Алатырском Преображенском Старцеугловском монастыре(пустыни) ее основатель помещик Б.И. Топорнин в первой половине 1640-х гг. построил деревянную холодную Преображенскую церковь, а в 1652 г. – деревянный теплый храм с престолом во имя св. Спиридона Тримифунтского⁴⁴. В первой половине XVIII в. обе церкви неоднократно горели, но всякий раз отстраивались заново. Так, последний раз перед упразднением пустыни Преображенская церковь была вновь отстроена в 1722 г., а Спиридоньевская церковь

⁴⁰ Соловьев А.И. Алатырская Духовская пустынь: (составлено по архивным документам, собранным К.И. Невоструевым) // Симбирская церковная старина. – Симбирск, 1917. – Вып. 3. – С. 56, 58–63; ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 29 за 1757 г. – Л. 1; Д. 48 за 1764 г. Л. 2.

⁴¹ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 79 за 1764 г. Л. 1–2 об. и др.

⁴² Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 59–60.

⁴³ Там же. – С. 61–65; РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 446. – Л. 2.

⁴⁴ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 68–69, 75.

– в 1764 г.⁴⁵ После упразднения монастыря в 1764 г. его церкви стали погостными⁴⁶.

В Алатырском Николаевском Медянском монастыре (пустыни) была только одна деревянная Николаевская церковь. После упразднения обители в 1764 г. эту церковь перенесли в село Медяны, где она стала приходской⁴⁷.

В Алатырском Николаевском Борковском монастыре (пустыни) после ее основания в 1717 г. действовала только часовня; лишь в 1751 г. была построена деревянная Николаевская церковь. После упразднения монастыря в 1764 г. его церковь была закрыта⁴⁸.

В Алатырском Преображенском Гуляевском монастыре (пустыни) в XVII в. действовала Преображенская деревянная холодная церковь. В первой четверти XVIII в. была построена деревянная теплая церковь, в 1738 и 1742 гг. ее престол именовался во имя Владимирской Богородицы, в 1748 г. – во имя Успения Богородицы, в 1750–1755 г. – опять во имя Владимирской Богородицы, а около 1763 г. – снова во имя Успения⁴⁹. В 1763 г. обе церкви сгорели от пожара. Отстроить их не успели, т.к. в следующем году обитель была упразднена⁵⁰.

В Алатырском Покровском Иваньковском монастыре (пустыни) действовали две церкви: 1) Покровская деревянная теплая, с трапезой; 2) деревянная холодная надвратная, по данным 1727 г. в ней был престол во имя св. Василия Великого, а с 1731 г. – во имя Преображения Господня; в церкви было два придела: правый теплый во имя Владимирской Богородицы, левый холодный – во имя св. Петра Афонского и Ануфрия Великого⁵¹. А.И. Соловьев указывал, что в 1763 г. вместо деревянной Покровской церкви заложили каменную, но ее не достроили, т.к. в 1764 г. пустынь была упразднена. Однако, в офицерской описи 1764 г. говорилось, что во дворе обители находится ветхая, развалившаяся каменная Покровская церковь⁵². Такое указание может свидетельствовать о том, что названная каменная

⁴⁵ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 586. – Л. 2.

⁴⁶ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 75, 78.

⁴⁷ Там же. – С. 42–44.

⁴⁸ Там же. – С. 89–92; РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 397. – Л. 2.

⁴⁹ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 146–148.

⁵⁰ Там же. – С. 148–149; РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 585. – Л. 2.

⁵¹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 445. – Л. 2; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 81.

⁵² РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 445. – Л. 8 об.

церковь была построена задолго до 1763 г. После упразднения пустыни в 1764 г. Преображенскую церковь перенесли в село Кудеиху, судьба второго храма неизвестна, по-видимому, он так и не был достроен или восстановлен⁵³.

В Алатырском Вознесенском монастыре (пустыни) в начале XVIII в. действовали две деревянные церкви: 1) соборная холодная Вознесенская; 2) теплая Екатерининская⁵⁴. Затем, до 1764 г., когда пустынь была упразднена, вместо Екатерининской церкви была построена церковь во имя св. Кирилла, и по имени нового храма (или придела к старому храму) обитель стала именоваться Кирилло-Вознесенской⁵⁵.

В Алатырском Николаевском Городищенском монастыре (пустыни) была только одна холодная деревянная Николаевская церковь. Точное время ее построения неизвестно⁵⁶. В 1717 г. церковь сгорела, но при поддержке крестьян села Промзино Городище была отстроена заново. В 1755 г. Николаевский храм был отстроен еще раз. После упразднения пустыни в 1764 г. Николаевская церковь простояла вплоть до 1810 г., затем была закрыта⁵⁷.

В приписной к Алатырскому Троицкому монастырю Казанско-Богородицкой Ключевско-Четвертаковской пустыни действовала одна Казанская деревянная церковь. В литературе указывалось, что церковь была построена в 1708 г. вблизи села Четвертакова, на месте явления иконы Казанской Богородицы, по указу властей Троице-Сергиевой лавры⁵⁸. Но в описи Алатырского Троицкого монастыря 1764 г. говорится, что Казанская церковь была построена в 1707 г. по указу митрополита Муромского иРязанского Стефана⁵⁹. Эта же церковь была в пустыни и после 1764 г.⁶⁰

О церквях Тетюшского Николаевско-Зосимо-Савватиева монастыря до нас дошли весьма скудные сведения. В данной казанских воевод от 19 апреля 1589 г. на пустошь Отары говорится о том, что

⁵³ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 86.

⁵⁴ ЦАНО. – Ф. 998. – Оп. 588. – Д. 756. – Л. 1.

⁵⁵ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 984.

⁵⁶ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 48–49.

⁵⁷ Там же. – С. 51, 53; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 396. Л. 2.

⁵⁸ Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. – М., 1905. – С. 20–21.

⁵⁹ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 38 за 1764 г. – Л. 26.

⁶⁰ Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. – С. 21.

последняя передана «в монастырь, что стал ново Николы чудотворца, да Изосима, Савватия, Соловецких чудотворцев»⁶¹. Следовательно, в монастыре было либо две церкви с престолами: 1-я – во имя св. Николая Чудотворца, 2-я – во имя Зосима и Савватия, либо одна Николаевская церковь с Зосимо-Савватиевским приделом. Эти церкви (или церковь) погибли вместе с монастырем в первой половине XVII в.⁶²

Весьма мало сведений сохранилось о церквях Тетюшского Покровского монастыря. Автор исследования об упраздненных монастырях Казанской епархии без особых подробностей писал о том, что в названной обители действовала одна Покровская церковь, которая после упразднения стала приходской⁶³.

В Кокшайской Троицкой Сундырской пустыни была одна деревянная Троицкая церковь, прекратившая свое существование к 1613/14 г. по причине разорения обители участниками антимосковского движения⁶⁴.

Рассматривая историю Козьмодемьянского Спасского Малоюнгинского монастыря, К.С. Рябинский со ссылкой на предания писал о том, что первым его храмом предположительно была Преображенская церковь⁶⁵. Но, согласно документам, сразу после основания монастыря в 1624/25 г. в нем были построены две деревянные церкви: 1) соборная холодная во имя нерукотворенного образа Иисуса Христа (Спаса); 2) во имя Казанской Богородицы⁶⁶. В 1689 г. братия решила возвести в монастыре новую церковь, т.к. две названные церкви пришли в ветхость⁶⁷. К началу 1690-х гг. третья церковь была построена, ее название неизвестно, но, по-видимому, она имела престол во имя трех святых: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Именно такая церковь упоминается в описи мона-

⁶¹ Мельников С. Акты исторические и юридические и древние грамоты Казанской и других соседственных губерний. – Казань, 1859. – Т. I. – С. 6–7.

⁶² Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862. – С. 258.

⁶³ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 14–14 об.

⁶⁴ Там же. Д. 914. Л. 98.

⁶⁵ Рябинский К.С. Малоюнгинский монастырь (1627–1764) // ИОАЭИ. – 1895. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 4.

⁶⁶ Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг.: Исследование, тексты документов. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 241–243.

⁶⁷ Там же.

стыря 1764 г.⁶⁸ В 1693/94 и 1694/95 гг. все три деревянные церкви сгорели, но к началу XVIII в. были отстроены заново. В 1704 г. было начато строительство нового каменного двухэтажного храма. В его нижнем подземном этаже предполагалось поместить погребца и хлебню, а на верхнем этаже основать теплую соборную Спасскую церковь. Но в 1705 г. сгорела деревянная Казанская церковь, и поэтому на нижнем этаже разместился придел во имя Казанской Богородицы. В 1710 г. строительство каменной церкви было завершено и митрополит Тихон лично освятил ее⁶⁹. В описи 1764 г. в монастыре значились две церкви: 1) каменная соборная Спасская с приделом во имя Казанской Богородицы; 2) деревянная ветхая на воротах во имя Трех святителей⁷⁰. После упразднения монастыря в 1764 г. его соборная церковь стала приходской⁷¹.

В Козьмодемьянском Вознесенском женском монастыре действовали две церкви: 1) во имя Вознесения Господня; 2) во имя Смоленской Богородицы⁷². Первоначально обе церкви, по-видимому, были деревянными. В 1759 г. ранее сгоревшая Вознесенская церковь была отстроена как каменная теплая. С.М. Михайлов указывал, что при ней действовали два придела: Михаило-Архангельский и Введенский⁷³. После упразднения монастыря его церкви стали приходскими⁷⁴.

В Козьмодемьянском Ильинском монастыре (пустыни) была одна деревянная церковь с престолом во имя св. пророка Ильи, построенная около 1719 г. на месте часовни. По преданию, она была основана неким богатым купцом Ильей и освящена во имя ангела своего ктитора Ильи Пророка. После упразднения пустыни в 1764 г. эта церковь сгорела, и на ее месте была построена такая же каменная церковь⁷⁵.

⁶⁸ Там же. С. 281, 394.

⁶⁹ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1010. – Л. 18–21; Оп. 5. – Д. 513. – Л. 11–11 об.

⁷⁰ Айплатов Г.Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 281, 394.

⁷¹ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 11–11 об.

⁷² Там же. – Л. 13. об.

⁷³ Михайлов С.М. Собрание сочинений: автобиография, статьи и корреспонденции, публикации документов, очерки, рассказы, фольклорные записи, письма. – Чебоксары, 2004. – С. 130–131.

⁷⁴ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 13 об.

⁷⁵ Там же. – Л. 9 об.–10 об.; Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 399.

В Цивильском Тихвинско-Богородицком мужском монастыре около 1675 г. была построена деревянная церковь с престолом во имя Тихвинской Богородицы⁷⁶. К концу 1720-х гг. монастырь именовался Тихвинско-Богородицким и Вознесенским, по ведомостям 1739–1741 гг. в нем находилась церковь с двумя престолами⁷⁷. Речь идет о новой Вознесенской церкви с Тихвинско-Богородицким приделом, по имени которой монастырь получил второе название. По-видимому, она была построена в конце XVII – или начале XVIII вв. К 1764 г. в монастыре действовала каменная холодная Вознесенская церковь с двумя приделами – 1) теплым во имя Тихвинской Богородицы, 2) во имя мученика Харлампия; над воротами монастыря помещалась колокольня с 9 колоколами весом от 160 пудов до 0,5 пуда⁷⁸.

В 1723 г. Тихвинско-Богородицкий мужской монастырь был временно упразднен, его Вознесенский храм с приделами перешел к основанному вместо него одноименному женскому монастырю. Однако, в 1737 г. последний был также закрыт, а мужская обитель была вновь восстановлена на прежнем месте⁷⁹.

Ядринская переписная книга 1646 г. зафиксировала в Ядринском Казанско-Богородицком монастыре церковь с главным престолом во имя Казанской Богородицы и приделом во имя Алексия, человека Божия⁸⁰. Несомненно, эта церковь в то время была еще деревянной. В 1717 г. ядринский купец И.Т. Коротов построил каменную Воздвиженскую церковь с приделами во имя св. юродивого Семииона и усекновения главы св. Иоанна Предтечи. К середине XVIII в. деревянная церковь, по-видимому, была разобрана. Вместо них в 1753 г. другой ядринский купец А. Засыпкин построил в монастыре еще две каменные церкви: во имя Казанской Богородицы и Алексия человека

⁷⁶ Пономарев А.А. Орывок из Цивильской старины // Памятная книга Казанской губернии на 1861 и 1862 год. – Казань, 1862. – Отд. IV. – С. 63.

⁷⁷ Покровский И. М.К истории казанских монастырей. – Приложение. – С. VI; Его же. Русские епархии в XVI-XIX вв. – Т. – Приложение II. – С. XVII.

⁷⁸ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 108. – Л. 2; См. также: ГИА ЧР. – Ф. 206. – Оп. 4а. – Д. 6. – Л. 1. (Последний документ указан автору Ю. В. Гусаровым).

⁷⁹ Чибис А.А. К вопросу о возникновении православных монастырей. – С. 52.

⁸⁰ Димитриев В. Д. Посадские люди, помещики, монастыри и крепостные крестьяне Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Кокшайского уездов по переписным книгам 1646 года // Вестник Чувашского университета. – 2004. – №1. – Гуманитарные науки. – С. 22.

Божия, а также колокольню. После упразднения монастыря в 1764 г. его церкви стали приходскими⁸¹.

В Ядринском Михаило-Архангельском монастыре первоначально действовала только одна деревянная теплая церковь с одноименным престолом и с приделами во имя св. Ильи Пророка и св. Иоанна Воина.⁸² В 1701 г. при поддержке И.Т. Коротова в монастыре была возведена каменная холодная церковь во имя Владимирской Богородицы. После упразднения монастыря в 1764 г. обе его церкви стали приходскими.⁸³

К сожалению, не удалось выявить сведения о храмах трех правобережных монастырей: Свяжском Вячеславском, Козьмодемьянском Никольском (Покровском) и Богоявленском.

Как видно из Свяжской писцовой книги 1565–1567 гг. Успенско-Богородицкая и Николаевская церкви названного свяжского монастыря были покрыты немецким железом, к ним были пристроены каменные палатки, погреб, паперть и трапеза⁸⁴. В этих церквях находились: 1) 91 икона (многие из них имели богатые оклады); 2) церковная утварь (золотая, серебряная, медная, оловянная посуда, кресты, кадила); 3) богослужебная одежда – епатрахили (патрахели), ризы, стихари из дорогой ткани; 4) библиотека, состоящая из 152 религиозных книг⁸⁵. Кроме каменных церквей, на территории монастыря площадью 45×35 сажений располагались: каменная колокольня с большими часами «государева данья» и пятью колоколами; 20 деревянных братских келий; деревянная же казенная келья; многочисленные деревянные хозяйственные постройки⁸⁶. Монастырское подворье было обнесено оградой, по-видимому, деревянной. Рядом с монастырем был большой конюшенный двор размером 13×10 саже-

⁸¹ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 278. – Л. 2; НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 13 об.–14; Амвросий. История Российской иерархии. – Ч. VI. – С. 832; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. документов / под ред. В.А. Нестерова. – Чебоксары, 1972. – С. 37.

⁸² Архив Санкт-Петербургского института российской истории Российской академии наук. – Ф. 159. – Д. 81. – Л. 1.

⁸³ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 13 об.–14; Амвросий. История Российской иерархии. – Ч. VI. – С. 832; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. – С. 37.

⁸⁴ Список с писцовой и межевой книги города Свяжска. – Казань, 1909. – С. 25.

⁸⁵ Там же. – С. 25–33.

⁸⁶ Там же. – С. 33.

ней, на нем также располагались хозяйственные постройки (чуланы, сенницы и пр.) и помещения для слуг⁸⁷. Для сравнения отметим, что по данным той же писцовой книги, в Свяжском Троицком монастыре в двух деревянных церквах, построенных на средства лавры, начитывалось всего 27 икон; на монастырском дворе находились только 16 келий, погреб, ледник, две подземные поварни, конюшенный двор⁸⁸.

Приведенные примеры, являющиеся лишь несколькими из многих подобных, свидетельствуют о том, что по своему внутреннему устройству каждый монастырь представлял собой своеобразную усадьбу, устроенность которой во многом зависела от состоятельности ее владельца.

Расположенные в городах или непосредственно вблизи них монастыри (свяжские Успенско-Богородицкий, Троицкий, Иоанно-Предтеченский и им подобные) пользовались значительным вниманием и поддержкой местного населения. Но братия отдаленных от населенных пунктов небольших пустыней была более незащищенной. Известно, что разбойники грабили Тетюшскую Николаевско-Зосимо-Савватиеву и Кокшайскую Троицкую Сундырскую, Казанско-Богородицкую Пичерскую и Преображенскую Старцеугловскую пустыни⁸⁹. Поэтому отдаленные обители разорялись, численность их братии было очень небольшой по сравнению с городскими монастырями⁹⁰.

Первыми монахами в Казанской земле были представители центральных монастырей. П.Л. Юдин указывал, что первоначально в Троицкий Свяжский монастырь были назначены иноки из Троицко-Сергиевой лавры⁹¹. Архимандрит Герман ранее был монахом Иосифо-Волоколамского и игуменом Старицкого Успенского монастырей⁹². Возможно, что и другие их монахи стали первыми насельниками Успенско-Богородицкой обители. Однако, в последующие времена братия правобережных монастырей пополнялась за счет постриженников из числа проживающих в этой области различных представителей православного населения: дворяне или дети бояр-

⁸⁷ Там же. – С. 33–35.

⁸⁸ Там же. – С. 35.

⁸⁹ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 58–59, 70–71.

⁹⁰ Там же. – С. 49–51, 62, 72–73.

⁹¹ Юдин П. Л. Указ. соч. – С. 13.

⁹² Русский биографический словарь. – М., 1916. – Т. Герберский-Гогенлоз. – С. 32.

ские⁹³, казаки⁹⁴, пушкари⁹⁵, солдаты⁹⁶, белые священно – и церковно-служители или их дети⁹⁷, купцы⁹⁸, помещичьи крестьяне⁹⁹, посадские люди¹⁰⁰, ямщики¹⁰¹ и даже некоторые новокрещены¹⁰².

Такая же картина наблюдается и в женских обителях. В 1748 г. 25 монахинь Ядринского Михаило-Архангельского монастыря представляли следующие сословия: 1) крестьян и дворовых людей – 11 монахинь; 2) посадских людей – 5 монахинь; 3) служилых людей – 3 монахини; 4) дворян – 2 монахини; 5) подьячих – 2 монахини (в том числе игуменья Ираида); 7) церковнослужителей – 1 монахиня; 8) бобылей – 1 монахиня. Еще две монахини не указали своих сословий¹⁰³.

Лица, принимавшие монашество, мотивировали этот шаг стремлением получить «вечный покой». Они вносили в монастыри различные вклады (землю, деньги, книги, утварь), за что просили постричь их, молить за них Бога, после смерти погresti их тело на монастырском кладбище и вечно поминать¹⁰⁴. Вплоть до начала XVIII в. монастырях могли проживать так называемые бельцы и белицы, т.е. миряне – осиротевшие малолетние родственники или родственницы монахов и монахинь, лица, пожелавшие познакомиться с жизнью монастыря, белые священнослужители и др.¹⁰⁵

⁹³ Димитриев В.Д., Чибис А.А. Документы о помещичьем землевладении в национальных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII века // Марийский археографический вестник. – 2000 г. – № 10. – С. 159.

⁹⁴ Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 80–81, 118–119.

⁹⁵ Там же. – С. 125.

⁹⁶ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 29 за 1752. – Л. 2 об.

⁹⁷ Там же. – Оп. 552. – Д. 60 за 1736 г. – Л. 1–3; – Оп. 553. – Д. 39 за 1748 г. – Л. 1; – Оп. 554. – Д. 20 за 1753 г. – Л. 1–3.

⁹⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода. – СПб., 1897. – Т.V (1725). – Стб. 28.

⁹⁹ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 39 за 1748 г. – Л. 2; Оп. 554. – Д. 29 за 1754 г.; Д. 20 за 1753. – Л. 3 об.; Д. 19 за 1758 г. – Л. 1 об.

¹⁰⁰ Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 109; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. Д. 125 за 1744 г. Л. 1–4; Д. 39 за 1748 г. – Л. 1–3

¹⁰¹ Там же. – Оп. 554. – Д. 29 за 1757 г. – Л. 2.

¹⁰² Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 48–49, 55–56, 114–115.

¹⁰³ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 46 за 1749 г. – Л. 3–6.

¹⁰⁴ Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 48–49, 55–56, 114–115.

¹⁰⁵ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 74 за 1724 г. – Л. 2–4; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 41.

Управляли епархиальными и приписными обителями назначенные епархиальными архиереями или властями головных монастырей настоятели в сане архимандрита, игумена или строителя. Их главными помощниками были монахи-келари, ответственные за хозяйство монастыря, и монахи-казначей, ответственные за монастырскую казну¹⁰⁶. В случае отсутствия в монастыре настоятеля, его должность могли исполнять эти лица, а в некоторых случаях – иеромонахи, т.е. монахи, имеющие сан священника¹⁰⁷.

Известно, что в изучаемый период всеми восемью правобережными женскими монастырями управляли игуменьи¹⁰⁸. Иерархия настоятелей мужских монастырей была более сложной. Успенско-Богородицким монастырем с момента его основания управляли только архимандриты, некоторые из которых впоследствии становились архиереями Казанской или других епархий¹⁰⁹. Но Чебоксарский и Алатырский Троицкие монастыри сразу же стали управляться игуменами¹¹⁰. Большинство возникших позднее небольших монастырей – Макарьевская, Спасо-Геронтьевская (Преображенская), Сретенско-Владимирская, Николаевская Медянская, Казанская-Богородицкая Пичерская, Покровская Иваньковская пустыни, Спасо-Юнгинский, Казанско-Богородицкий, Тихвинско-Богородицкий находились в ведении строителей¹¹¹.

¹⁰⁶ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 186. – Л. 52 об.

¹⁰⁷ Строев П. Указ. соч. – Стб. 292; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 43, 77.

¹⁰⁸ См. например: НА РТ. – Ф. 6. – Оп. 31. – Д. 1. – Л. 3; ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 11; ЦАНО. – Ф. 570. Оп. 552. – Д. 2 за 1718 г. – Л. 2; оп. 553. – Д. 46 за 1749 г. – Л. 3; Строев П. Указ. соч. – Стб. 307–30; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 13–14; Киево-Николаевский новодевичий монастырь. – С. 6, 12 и след.

¹⁰⁹ Яблоков А. Указ. соч. – С. 137–147, 204–207.

¹¹⁰ Дмитриев В. Д., Чибис А. А. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI – XVII вв. (Исследование и документы). – Чебоксары, 2005. – С. 27 (под 1581/82 г. упоминается игумен Иоанний (Иоанникий)); Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 26 (под 1612 г. упоминается игумен Еуфимий).

¹¹¹ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513. – Л. 11 об.; Строев П. Указ. соч. – Стб. 299, 304–307; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 43, 57, 64, 87; Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 54, 63; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье. – С. 49–52, 235, 241, 245, 246–247, 250. По двум пустыням – алатырским Николаевской Городищенской и Преображенской Гуляевской –

Но по мере развития таких обителей их настоятели могли получить от архиерейских властей высший сан за заслуги перед руководством епархии и самим монастырем. В период между 1693 и 1694/95 г. игуменом стал строитель Спасо-Геронтьевой пустыни Семион, который ранее сумел закрепить за своей обителью 375 десятин ясачной земли¹¹². К 1652 г. сан архимандрита получил основатель Спасо-Юнгинского монастыря строитель Тимофей, который путем освоения пустынных и захвата марийских ясачных земель превратил свою обитель из бедной пустыни в монастырь-вотчинник¹¹³. 25 марта 1702 г. по челобитью жителей Чебоксар митрополит Тихон возвел в сан архимандрита игумена Чебоксарского Троицкого монастыря Иллариона¹¹⁴. Он являлся главой Чебоксарского заказа, и сделал немало для укрепления вотчинных владений своего монастыря¹¹⁵.

Первоначально приписной Свяжский Троицкий монастырь возглавляли игумены, под 1557 г. упоминается его игумен Мартирий¹¹⁶. Но, с конца XVI и до середины XVIII вв. этой обителью управляли только строители¹¹⁷. Строительское настоятельство вводилось в монастырях, которые выходили из епархиального подчинения и приписывались к более крупным обителям или архиерейским домам – Алатырском Троицком, Тетюшском Покровском и др.¹¹⁸ По сравнению с настоятелями епархиальных монастырей, власть строителей

известно, что они от с первых лет своей деятельности управлялись то игуменами, то строителями (Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 77, 91).

¹¹² Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье. – С. 244–251. После Семиона вплоть до 1764 г. настоятелями Преображенской пустыни были только игумены (Строев П. Указ. соч. – Стб. 299).

¹¹³ Строев П. Указ. соч. – Стб. 304; Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 15–28. После Тимофея настоятелями Спасо-Юнгинского монастыря вплоть до его упразднения были только архимандриты.

¹¹⁴ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 511. – Л. 11.

¹¹⁵ Строев П. Указ. соч. – Стб. 298; Димитриев В. Д., Чибис А. А. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря. – С. 12–13, 35–69; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье. – С. 244–245.

¹¹⁶ Строев П. Указ. соч. – Стб. 305.

¹¹⁷ Там же; Чибис А. А. Вотчина Троице-Свяжского монастыря в XVI–XVII веках: (документы из Государственного исторического архива Чувашской Республики) // Марийский археографический вестник. – 2008. – № 18. – С. 190–191.

¹¹⁸ Строев П. Указ. соч. – Стб. 306, 983–984; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 64–65.

приписных обителей была значительно ограничена. Все серьезные дела в своих приписных филиалах решали власти головных монастырей¹¹⁹.

Православные мужские и женские монастыри делились на два типа: общежительные (киновии) и особножительные (идиоритмы)¹²⁰. Наиболее приемлемым для монаха высшее церковное руководство считало общежитие, которое действовало в Троице-Сергиевой лавре, Иосифо-Волоколамском и других крупных монастырях¹²¹. Поэтому архимандрит Герман, который был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, ввел в Успенско-Богородицком монастыре общежительный устав¹²². Киновия была введена и в Чебоксарском Троицком монастыре, который был основан в 1565/66 г. по благословению Германа, тогда уже Казанского архиепископа¹²³. Несомненно, в приписных к лавре свияжских и алатырских монастырях, как и в головной обители, действовал общежительный устав¹²⁴. Общежительные правила официально действовали и в 15-ти других, возникших позднее, мужских монастырях (см. выше: №№ 3, 7, 8, 13, 14, 15, 18, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 30, 35). Известны следующие признаки общежития в них: 1) наличие вотчинных земель и угодий, выхлопотанных настоятелями у властей для совместного «пропитания» братии¹²⁵; 2) совместный труд монахов в своем хозяйстве¹²⁶; 3) при-

¹¹⁹ См. например: ЦАНО. – Ф. 998. – Оп. 588. – Д. 756. – Л. 1; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 58–59; Алатырский Троицкий мужской монастырь. – С. 98–99 и др.

¹²⁰ Подробнее см. например: Прошин. Г.Г. Черное воинство: (Русский православный монастырь. Легенда и быль). – М., 1988. – С. 13, 257–266, 272–274 и др.; Православная энциклопедия. Русская православная церковь. – М., 2000. – 316–317, 319.

¹²¹ Православная энциклопедия. – С. 317; Макарий (Булгаков). История русской церкви. – М., 1995. – Кн. III. История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности. – С. 136.

¹²² НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1792. Л. 7.

¹²³ Там же. Л. 8.

¹²⁴ Православная энциклопедия. – С. 311–312.

¹²⁵ Мельников С. Акты исторические и юридические. – С. 6–7; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 55, 67–69, 82–85, 173–175, 179; Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 56, 63 и др.; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье. – С. 49–51, 132–133, 246–251; Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города /сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 79.

писка к общежительному монастырю или архиерейскому дому¹²⁷;
4) основание монахами из других общежительных монастырей¹²⁸;
5) сообщения монастырских или епархиальных властей о наличии общежития¹²⁹.

Однако в некоторых таких обителях общежительные правила нередко нарушались. В Успенско-Богородицком, Чебоксарском Троицком монастырях был целый штат прислуги: плотников, конюхов и др.¹³⁰ Их наличие подрывало основное правило киновии, по которому монахи должны были сами трудиться для монастыря. Многие монахи могли иметь большое количество денег и личного имущества, что также нарушало общежительные уставы. В 1694 и 1702 г. игумен Преображенской Старцеугловской пустыни Иринарх подавал властям челобитные о том, что у него похитили личное имущество: 25 руб. денег, двух мерингов стоимостью в девять рублей, семь ведер меда, различную одежду и т.п.¹³¹ Еще больший перечень захваченных разбойниками личных вещей в 1706 г. подал другой игумен той же пустыни Карион¹³².

Не сохранилось точных сведений, о том какие внутренние правила действовали в следующих восьми мужских монастырях, представлявших собой весьма небольшие обители: Вячеславском, Свято-Духовом, Николаевском Борковском, Преображенском Гуляевском,

¹²⁶ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 41.

¹²⁷ ЦАНО. – Ф. 998. – Оп. 558. – Д. 756. – Л. 1; Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. – С. 20–21; Мельников С. Акты исторические и юридические. – С. 22; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиографическим указателем. – СПб., 1897. – Т. III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. – С. 128; Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Новый документ о монастырской колонизации в Среднем Поволжье в XVII веке // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 148; Их же. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 399.

¹²⁸ Малов Е. Указ. соч. – С. 4–7; Изоркин А.В. Ядрин. Исторический очерк. – Чебоксары, 2003. – С. 29.

¹²⁹ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 511. – Л. 11; Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 41.

¹³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской академии наук. – СПб., 1836. – Т. III. – С. 119; Димитриев В.Д., Чибис А.А. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря. – С. 42–43.

¹³¹ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 180–182.

¹³² Там же. – С. 182–183.

Троицком Сундырском, Тихвинско-Богородицком. Но косвенные данные свидетельствуют, что в некоторых из них общежитие было фактически невозможно. Так, про Вячеславский монастырь известно, что жившие в нем «убогие старцы кормяца Христовым именем а к тому монастырю крестьян и бобылей нет»¹³³. За Троицким Сундырским монастырем были закреплены какие-то владения, но в самом монастыре накануне его гибели проживал всего один старец Пимен, а с ним три мирских бобыля¹³⁴. Ни о каком монашеском общежитии в таких условиях не могло быть и речи. Каждый монах, несомненно, добывал себе на пропитание сам, своим трудом, сбором милостыни и т.п.

Женские правобережные монастыри не имели за собой никаких вотчин, их монахини были вынуждены питаться за счет руги или пожертвований частных лиц. Так, при основании в Алатыре Киево-Николаевского монастыря в 1638/39 г. его первые 52 насельницы добились для себя руги и, питаясь за счет последней, ввели у себя общежительные порядки¹³⁵. Но численность монахинь постоянно росла, а руга оставалась прежней. В декабре 1701 г. в монастыре, кроме игуменьи, насчитывалось 92 монахини, из которых ругу по-прежнему получали только 52 старицы¹³⁶. Остальные монахини, по-видимому, содержались за счет пожертвований в монастырь, собственного рукоделия или вкладов родственников. Несомненно, таким же образом дела обстояли в семи других женских монастырях Казанского правобережья, некоторые из которых вообще не получали никакой руги. Все это только способствовало развитию среди монахинь особножительств.

Вплоть до 1722 г. поступление в монастырь зависело только от настоятелей, которые, руководствуясь различными соображениями, принимали в свои обители многих желающих совершить постриг. Особенно часто желающие постригались в крупные, материально обеспеченные обители. В таком монастыре большая часть братии, за исключением тех, кто занимал какую-то должность, была не обреме-

¹³³ Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование: (в память 350-летия существования Казанской епархии 1555–1905 гг.). – Казань, 1906. – Приложение. – С. XX–XXI.

¹³⁴ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 914. – Л. 98.

¹³⁵ Киево-Николаевский новодевичий монастырь. – С. 6.

¹³⁶ Там же. – С. 52–52.

нена заботами ни о монастырских работах, ни о пропитании¹³⁷. Так, в 1616 г., т.е. сразу же после завершения Смуты, в Успенско-Богородицком монастыре численность братии составляла 94 человека, «опричь служек и всяких работников», и архимандрит Корнилий для их пропитания сумел добиться от правительства налоговых льгот¹³⁸.

Несомненно, среди монахов правобережных монастырей было немало людей, искренне решивших посвятить себя служению Богу. Своей праведной жизнью, строгим соблюдением монашеских уставов и обетов был известен архимандрит Герман, единственный представитель правобережного монашества, который был официально канонизирован. Его могила в Успенско-Богородицком монастыре была местом паломничества¹³⁹.

Но были и лица, которые, приняв постриг, по своему психологическому складу оставались прежними мирянами. Они не желали полностью подчинить себя всем правилам монастырского жития (смирение, постоянное пребывание в монастыре, соблюдение постов, послушание настоятелю и др.) и нередко нарушали монашескую дисциплину. Так, в начале XVIII в. иеромонах Чебоксарского Троицкого монастыря Иринарх, происходивший из купцов, без разрешения настоятеля то покидал свою обитель, то возвращался в нее; жил по нескольку лет в разных монастырях¹⁴⁰. 2 июня 1724 г. монах Покровский Ивановской пустыни Иона за свое «бесчестье» по приказу строителя Иоасафа был наказан плетью, после чего покинул пустынь и заночевал в селе Порецкое. Вернувшись, Иона прокричал «слово и дело» на своего строителя и его келейника монаха Вениамина, т.е. обвинил их в государственных преступлениях. Нижегородский митрополит Питирим отправил всех трех монахов в Москву, в Преображенский приказ. На допросе в нем Иона обвинил настоятеля и его помощника: 1) в краже 25 апреля того же года из монастырской церкви кружки с деньгами, о чем якобы ему, Ионе,

¹³⁷ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 914. – Л. 169.

¹³⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. – Т. III. – С. 119–120.

¹³⁹ НА РГ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1792. – Л. 158; Яблоков А. Указ. соч. – С. 105–106, 190–193, 204; Русский биографический словарь. Т. Герберский-Гогенлоэ. – С. 32–34. Список с писцовой и межевой книги города Свяязска. – С. 31.

¹⁴⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода. – Т. V. – Стб. 28–31.

сообщили по пьяному делу иеромонах той церкви Иосиф и пономарь Акакий; 2) в незаконной рубке заповедного леса; 3) в приеме в монастырь за взятку в три рубля и лошадь неких пришлых бурлаков. Но преображенские следователи не усмотрели в этих обвинениях ничего политического и предписали обвинения в краже церковных денег расследовать нижегородскому архиерею, а обвинения в рубке леса – казанскому вальдмейстеру¹⁴¹. Неизвестно, чем закончилось дело, но оно наглядно иллюстрирует нравы и натуру некоторых монахов.

Различные нарушения происходили и в женских монастырях. В 1721 г. в Нижегородском архиерейском приказе расследовалось дело о бегстве из Старо-Николаевского монастыря монахини М. Карповой. Выяснилось, что она не имела никакого монашеского сана. Вплоть до 1706 г. она, будучи белицей, проживала в монастыре у своей матери игуменьи Евдокии, затем была выдана замуж за дворянина П.С. Растригина, который через три года бросил ее. Тогда М.Карпова вновь пожила в монастыре у матери, затем уехала в город Гороховец, но через три года вернулась в Старо-Николаевский монастырь и ложно объявила себя монахиней. После смерти матери она опять покинула монастырь и вышла замуж за солдатского сына С.Иванова¹⁴².

Перечисленные здесь явления – присутствие особножительства, различные нарушения дисциплины были характерны для монастырей многих епархий, что беспокоило высшее духовное и светское руководство. В 1551, 1667, 1681 гг. освященные соборы при поддержке царской власти принимали постановления об укреплении монастырской дисциплины¹⁴³. В 1701 г. Петр I также принял указы о необходимости введения монашеского общежития, о выселении из монастырей всех бельцов, об оставлении в них лишь самого небольшого количества слуг¹⁴⁴. Но примеры деятельности игуменов Иринарха и Кариона, иеромонаха Иринарха же, монаха Ионы, лжемонахини М. Карповой свидетельствуют о том, что упомянутые соборные

¹⁴¹ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 14 за 1723 г. – Л. 16–31 об.

¹⁴² Там же. Д. 74 за 1724 г. – Л. 2–4.

¹⁴³ Российское законодательство X–XX веков в 9 томах. – М., 1985. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 321–324, 349–350 и др.; ПСЗ–1. Т. I. № 412; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1842. – Т. V. 1676–1700. – С. 112–113.

¹⁴⁴ ПСЗ–1. – Т. IV. – №№ 1834, 1856, 1886, 1948.

постановления и указы не имели должного действия, прежде всего, по причине отсутствия должного архиерейского контроля над монастырями.

В начале 1720-х гг., когда возможности архиереев значительно усилились, и они окончательно превратились в послушных исполнителей воли императора, Петр I предпринимает к монахам более решительные ограничительные меры. В принятом в мае 1722 г. Прибавлении к Духовному регламенту были кодифицированы меры по укреплению в монастырях дисциплины, обязательному введению общежития, ограничению пострига некоторых лиц. Запрещалось постригать мужчин моложе 30 лет, а женщин – моложе 50–60 лет. Сам постриг мог быть осуществлен настоятелем только после трехлетнего «искушения» (испытательного срока) желающего стать монахом и обязательно с разрешения епархиального архиерея, что было существенным новшеством. За самовольный постриг настоятель подлежал наказанию¹⁴⁵.

28 января 1723 г. Петр издал указ уже не об ограничении, а о полном запрете пострига в монахи¹⁴⁶. После смерти Петра Синод и императрица Анна Иоанновна своими указами от 3 марта 1725 г. и 10 июня 1734 г. подтвердили его запреты о постриге в монастыри кого бы то ни было, за исключением вдовых священников и дьяконов, отставных солдат и семинаристов, достигших тридцатилетнего возраста. За нарушение правил пострига для настоятелей и настоятельниц был введен пятисотрублевый штраф за каждого постриженника. Архиереи полностью исполняли предписания о наказании за незаконный постриг¹⁴⁷. В 1735 или начале 1736 г. Нижегородский архиепископ Питирим за незаконное пострижение и отпуск из монастырей монахов наложил штрафы на настоятелей: «Гуляевския пустыни на игумне Павле за двенатцать человек сто дватцатьрублев; Спаской Преображенской пустыни, что Старцов угол, на строителе Аврааме за пять человек пятьдесят рублев; города Алаторя Старо-Николаевского девичь монастыря на игуменье Александре за пятнатцать человек сто пятьдесят рублев; Киево-Николаевского девича ж монастыря на игуменье Марье (в других документах, по-видимому, Маргарите. – А. Ч.) за тринаццать человек сто тритцатьрублев»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ ПСЗ–I. – Т. VI. – № 4022.

¹⁴⁶ Там же. – Т. VII. – № 4151.

¹⁴⁷ Там же. – № 4672; т. IX. – № 6585.

¹⁴⁸ ГИА ЧР. – Ф. 244. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 43–44 об.

Историки отмечали, что политика Петра I и Анны Иоанновны по отношению к монашеству привела к сокращению на 40% численности монашествующих лиц в России в период с 1724 по 1738 г.¹⁴⁹ Данные, относящиеся к алатырским и ядринским монастырям, подтверждают справедливость этого вывода. В период с 1 января по 1 мая 1740 г. была зафиксирована следующая численность монахов в алатырских мужских пустынях: Преображенской Гуляевской – 9 чел., Свято-Духовской – 5 чел., Преображенской Старцеугловской – 6 чел., Казанско-Богородицкой Пичерской – 3 чел., Покровской Ивановской – 9 чел.¹⁵⁰ В тот же период в алатырских женских Киево-Николаевском и Старо-Николаевском монастырях проживало соответственно 43 и 18 монахинь, а в Ядринском Казанско-Богородицком монастыре – 5 монахов¹⁵¹. Несомненно, у Петра и Анны Иоанновны были объективные причины для ограничений монашеского пострига – стремление пресечь укрывательство за стенами монастырей лиц, нарушивших законы, поднять монашескую дисциплину. Но длительное и не всегда продуманное применение таких ограничений привело к угрозе фактического прекращения существования монашества как особого духовного сословия.

После смерти Анны Иоанновны 22 декабря 1740 г. Синод составил доклад о том, что в монахах остались, в основном, престарелые и увечные лица, «а из отставных солдат и вдовых священников и диаконов...к пострижению желателей почти никого не является». Поэтому в монастырях монахов «весьма недостаточно, а в некоторых и никого нет»¹⁵². Регентша малолетнего императора Иоанна Антоновича принцесса Анна Леопольдовна разрешила принимать в монахи не только священнослужителей и военных (см. выше), но разночинцев и помещичьих крестьян с отпускными от господ. Постриг надлежало, по-прежнему, производить только с разрешения архиереев, «без всякаго излишества»¹⁵³. 2 января 1741 г. было разрешено постригать в женские монастыри вдов и девиц, «без излишества... с довольным при том разморении»¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Православная энциклопедия. – С. 326.

¹⁵⁰ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 79 за 1740. – Л. 3 об.–4.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² ПСЗ–1. – Т. XI. – № 8303.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. – № 8309.

Принятые меры на некоторое время возымели положительное действие. В 1740-х гг. численность монашествующих лиц в правобережных монастырях, по сравнению с 1730-ми гг., увеличилась. Так, в 1748 г. в Ядринском Казанско-Богородицком мужском монастыре проживало уже 10 монахов, причем девять из них приняли постриг в 1742, 1744, 1745, 1746 гг.¹⁵⁵ В том же 1748 г. в Михаило-Архангельском монастыре находилось 27 монахинь, 18 из них были пострижены в 1743–1748 гг.¹⁵⁶

Но поступление в монашество было осложнено целым рядом процедур. В сентябре 1744 г. игуменья Киево-Николаевского монастыря М. Насакина с сестрами ходатайствовали перед епископом Иоанном о разрешении постричься в их обители вдове арзамасского посадского человека М. Игнатьевой, 70 лет. Игуменья писала, что М.Игнатьева поведения добропорядочного, достойна монашеского жития, и предоставила отпускное письмо из Арзамасской ратуши. Только тогда епископ удовлетворил просьбу игуменьи¹⁵⁷. В марте 1749 г. ядринский солдат «прежней службы» М.Д. Засыпкин подал епископу Вениамину прошение на разрешение пострига в Ядринский Казанско-Богородицкий монастырь, и отпускное письмо солдатских детей с их заявлением о том, что они отпускают М.Д. Засыпкина в монастырь и обязуются платить за него подушную подать. Только после этого, в сентябре 1749 г. Вениамин дал разрешение на постриг М.Д. Засыпкина, но после шестимесячного искуса¹⁵⁸. Неудивительно, что подобные порядки резко ограничили число будущих постриженников. Многих из них могли не отпустить в монахи члены их же общины, не желая платить лишние подати.

Среди монашествующих лиц в 1740-х гг., по-прежнему, преобладали люди, имевшие возраст, по меркам того времени, выше среднего или даже старческий. Так, 10 монахов, проживавших в 1748 г. в Ядринском Казанско-Богородицком монастыре, делились на следующие возрастные группы: 1) два человека – 27 лет каждый; 2) еще два человека – 47–48 лет; 3) четыре человека – 61–63 года; 4) один человек – 72 года; 5) еще один человек – 82 года¹⁵⁹. 27 монахинь Ядринского Михаило-Архангельского монастыря в 1748 г. имели воз-

¹⁵⁵ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 39 за 1748 г. – Л. 1–3 об.

¹⁵⁶ Там же. – Д. 46 за 1749 г. – Л. 3–6.

¹⁵⁷ Там же. – Оп. 552. – Д. 77 за 1741 г. – Л. 2–2 об.

¹⁵⁸ Там же. – Оп. 553. – Д. 279 за 1749 г. – Л. 1–5 об.

¹⁵⁹ Там же. – Д. 39 за 1748 г. – Л. 1–3 об.

раст: 1) одна монахиня – 91 год; 2) четыре монахини – 81–84 года; 3) пять монахинь – 70–78 лет; 4) еще пять монахинь – 60–67 лет; 5) восемь монахинь – 51–59 лет; 6) две монахини – 43 года и 47 лет; 7) еще две монахини – 36–37 лет¹⁶⁰.

В 1749 г. Елизавета Петровна вновь приостановила постриг в монастыри, чтобы не постригались «годные в службу» и супруги, пожелавшие уйти от своих жен и мужей¹⁶¹. В результате, в 1750-х – начале 1760-х гг. численность монахов вновь пошла на спад. В 1757 г. в Михаило-Архангельском монастыре было уже 19 монахинь в возрасте от 41 до 102 лет¹⁶². В 1764 г. в Старо-Николаевском женском монастыре проживало 20 монахинь, хотя только их штатная численность должна была составлять 27 человек¹⁶³. Еще меньше осталось монахов в мелких, отдаленных монастырях, которые даже в дореформенные времена не могли похвастаться большой численностью своей братии. По данным А. Соловьева, в 1763–1764 гг. в алатырских пустынях находилось монахов: в Николаевской Городищенской и Казанско-Богородицкой Пичерской – по три человека в каждой, в Преображенской Старцеугловской и Покровской Ивановской – по пять человек в каждой, в Николаевской Борковской – два человека, в Преображенской Гуляевской пустыни – шесть человек¹⁶⁴. В 1764 г. в Свято-Духовом монастыре проживало пять монахов¹⁶⁵, а в Козьмодемьянском Спасо-Юнгинском монастыре в 1764 г. – только три монаха¹⁶⁶. Немногим больше численность монахов была в городских или пригородных монастырях. В 1759 г. в Ядринском Казанском монастыре было шесть монахов в возрасте от 54 лет до 81 года¹⁶⁷. В 1764 г. в Чебоксарском Троицком монастыре насчитывалось 10 монахов¹⁶⁸.

Но в крупном и богатом Успенско-Богородицком монастыре численность монахов в первой половине XVIII в. была сравнительно высокой. В 1738 г. в нем было братии 44 человека, в 1750 г. – 70 че-

¹⁶⁰ Там же. – Д. 46 за 1749 г. – Л. 3–6.

¹⁶¹ ПСЗ–1. – Т. XV. – № 11332.

¹⁶² ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 99 за 1757 г. – Л. 1–3.

¹⁶³ Соловьев А. Упраздненные монастыри. – С. 8–10.

¹⁶⁴ Там же. – С. 51, 63, 78, 86, 91, 148.

¹⁶⁵ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 48 за 1764 г. – Л. 3.

¹⁶⁶ Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. – С. 397.

¹⁶⁷ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 3 за 1759 г. – Л. 2–4.

¹⁶⁸ РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 614. – Л. 4–5.

людей, в 1755 г. – 56 человек, в 1761 г. – 29 человек, в 1763 г. – 35 человек¹⁶⁹. Известно, что монахи этого монастыря и в 1750-х гг. продолжали нарушать монашескую дисциплину; пьянствовали, разгуливали по городу. Монах Синесия оскорблял настоятеля, избивал братию¹⁷⁰. Все это еще раз свидетельствует о том, что никакие ограничительные меры властей не могли пресечь появления в монастырях тех лиц, которые, внешне выразив желание служить Богу, внутренне не были готовы к строгой монашеской жизни.

Кроме фактической секуляризации доходов с вотчин духовных учреждений, произведенной в 1701 г.¹⁷¹, петровское правительство нередко изымало в пользу государства внутреннее имущество церквей и монастырей. В декабре 1700 г. и феврале 1704 г. в церквях и монастырях Казанской епархии были организованы переписи всех колоколов и железных решеток¹⁷². Несомненно, это было сделано для их возможной реквизиции на перевооружение русской армии. По указу от 23 мая 1707 г. Успенско-Богородицкий монастырь отправил в Москву свои серебряные и позолоченные вещи, серебряную посуду, «окроме освященных сосудов». В 1722 г. все изъятое у этого и других монастырей серебро, общим весом в 19 пудов 3 фунта 56 золотников, было отправлено на Монетный двор¹⁷³.

Но все государственные ограничения монастырей компенсировались их материальной поддержкой со стороны населения. В первой половине XVIII в., несмотря на ограничительную политику, во многих обителях при помощи светских лиц ремонтировались старые и строились новые, в том числе и каменные храмы и здания. Среди помогавших монастырям светских лиц были представители самых различных званий и сословий. В синодике Спасо-Юнгинского монастыря зафиксированы имена более 233 человек, которые предоставили 261 руб. 23 алтына денег, самые различные вещи, утварь на строительство и оснащение в монастыре двухэтажной церкви. Среди жертвователей были митрополиты Рязанский Стефан и Казанский

¹⁶⁹ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1792. – Л. 171 ; Яблоков А. Указ. соч. – С. 181.

¹⁷⁰ НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1792. – Л. 164–165.

¹⁷¹ ПСЗ–1. – Т. IV. – № 1886.

¹⁷² НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 1130. – Л. 49, 51.

¹⁷³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. – СПб., 1879. – Т. II. – Ч. II. – Стб. 117–125; Яблоков А. Указ. соч. – С. 185–186.

Тихон, грузинский царь Арчил, бояре М.Я Черкасский и П.М. Апраксин, князь М. Гагарин, купцы гостиной сотни И. и Я. Каменевы, Ф. Крюков, офицеры, приказные и посадские люди, крестьяне¹⁷⁴. Без внимания вкладчиков не оставались даже малолюдные отдаленные пустыни. К 1739 г. помещики села Промзино Городище построили и снабдили всей необходимой утварью церкви Казанско-Богородицкой Пичерской и Николаевской Городищенской пустыней¹⁷⁵. В 1764 г. шесть монахов Свято-Духовского монастыря подали в консисторию сказку о том, что монастырь «из давних лет» снабжался «добровольными дателями»¹⁷⁶.

Такая поддержка и явилась главным фактором, обеспечившим существование на исторической сцене монастырской системы Среднего Поволжья до 1764 г., когда она, и аналогичные системы в других областях России подверглись полной реорганизации.

Источники и литература

1. Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. – 464 с.

2. Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Новый документ о монастырской колонизации в Среднем Поволжье в XVII веке // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 145–158.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1842. Т. V. 1676–1700. – III + 539 + 21 с.

4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т. III. – 496 + 24 с.

5. Акуновский Вл. Село Промзино в 1739 году по отказным книгам Алатырского уезда и сравнение его с нынешним // Симбирский сборник. – Симбирск, 1870. – Т. II. – Отд. I. – С. 21–40.

6. Алатырская старина: сб. исторических очерков В.Э. Красовского. – М.: ГП «КНИСС», 1995. – 72 с.

7. Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. – М., 1905. – 39 с.

¹⁷⁴ Иванов И.Г. Новый документ о Спасо-Юнгинском монастыре начала XVIII века // Марийский археографический вестник. – 2010. – № 20. – С. 150–157.

¹⁷⁵ Акуновский Вл. Село Промзино в 1739 году по отказным книгам Алатырского уезда и сравнение его с нынешним // Симбирский сборник. – Симбирск, 1870. – Т. II. – Отд. I. – С. 30–31.

¹⁷⁶ ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 48 за 1764 г. – Л. 3.

8. Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612 – 1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2015. – 512 с.
9. Амвросий. История Российской иерархии. – М., 1812. – Ч. IV. – 887 + V с.
10. Амвросий. История Российской иерархии. – М., 1815. – Ч. VI. – 1148+III с.
11. Архив Санкт-Петербургского института российской истории Российской академии наук. Ф. 159. Д. 81.
12. Барсов И. Бывший Николаевский монастырь в г. Чебоксарах // ИОАИЭ. – 1898. – Т. XIV. – Вып. 5. – С. 519–535.
13. Верхний Услон: край родной, навек любимый. – Казань: Изд-во «По городам и весям», 2001. – 368 с.
14. Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862. – 415 с.
15. ГИА ЧР. – Ф. 206. – Оп. 4а. – Д. 6.
16. ГИА ЧР. – Ф. 244. – Оп. 1. – Д. 2.
17. ГИА ЧР. – Ф. 334. – Оп. 1. – Д. 19.
18. Глаголева А. Извлечение из краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников // Журнал Министерства внутренних дел. – 1840. – № 2 (февраль). – Ч. XXXV. – С. 255–268.
19. Гусаров Ю.В., Чибис А.А. Памятная обитель: к 430-летию Чебоксарского Николаевского женского монастыря // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого монастыря. – 2014. – Август. – Вып. VII. – С. 15–19.
20. Димитриев В. Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 178 с.
21. Димитриев В. Д. Посадские люди, помещики, монастыри и крепостные крестьяне Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Кокшайского уездов по переписным книгам 1646 года // Вестник Чувашского университета. – 2004. – № 1. – Гуманитарные науки. – С. 10–28.
22. Димитриев В. Д., Чибис А. А. Документы о помещицьем землевладении в национальных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII века // Марийский археографический вестник. – 2000 г. – № 10. – С. 151–159.
23. Димитриев В. Д., Чибис А. А. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI – XVII вв. (Исследование и документы). – Чебоксары: [Б.и.], 2005. – 76 с.
24. Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII – первая четверть XVIII в.) / сост. А.А. Чибис, Б.М. Пудалов. – Чебоксары, 2006. – 348 с.
25. Иванов И.Г. Новый документ о Спасо-Юнгинском монастыре начала XVIII века // Марийский археографический вестник. – 2010. – № 20. – С. 150–157.
26. Изоркин А.В. Ядрин. Исторический очерк. – Чебоксары: Изд-во «Калем», 2003. – 232 с.

27. Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей, с показанием начала и построения оных, крестных ходов, храмовых праздников в Санкт-Петербурге и Москве, пасхалии на 50 лет и достопамятнейших в России происшествий хронологическим порядком. – СПб., 1825. – 228+ XV с.

28. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиографическим указателем. – СПб., 1897. – Т. III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. – 259 с.

29. Киево-Николаевский новодевичий монастырь в г. Алатырь: (сборник документов XVII – начала XVIII веков) / сост. А.А. Чибис. – Чебоксары: [Б.и.], 2004. – 76 с.

30. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. – Йошкар-Ола: [Б.и.], 2008. – 616 с.

31. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. документов / под ред. В.А. Нестерова. – Чебоксары, 1972. – 528 с.

32. Макарий (Булгаков). История русской церкви. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Кн. III. История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности. – 703 с.

33. Малов Е. Свяжская Погородная Макарьевская пустынь. – Казань, 1897. – 42 с.

34. Мельников С. Акты исторические и юридические и древние грамоты Казанской и других соседственных губерний. – Казань, 1859. – Т. I. – 231 с.

35. Михайлов С.М. Собрание сочинений: автобиография, статьи и корреспонденции, публикации документов, очерки, рассказы, фольклорные записи, письма. – Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 2004. – 510 с.

36. НА РТ. – Ф. 4. – Оп. 92. – Д. 172.

37. НА РТ. – Ф. 6. – Оп. 31. – Д. 1.

38. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 186.

39. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1010.

40. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1792.

41. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 511.

42. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 513.

43. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 914.

44. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 1130.

45. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. – СПб., 1879. – Т. II. – Ч. II. – 652+XCI стб.+61+ II с.

46. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода. – СПб., 1897. – Т.V (1725). – 672+DLXXXIV стб.+84+II с.

47. Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. – 1902. – Т. XVIII. – Вып. 1–3. – С. 1–80+ XXV.

48. Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование: (в память 350-летия существования Казанской епархии 1555–1905 гг.). – Казань, 1906. – XII+482+XXX+264+XVI с.
49. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. – Казань, 1897. – Т. I. – 534+XLVIII с.
50. Пономарев А. А. Отрывок из Цивильской старины // Памятная книга Казанской губернии на 1861 и 1862 год. – Казань, 1862. – Отд. IV. – С.59–64.
51. Православная энциклопедия. Русская православная церковь. – М., 2000. – 655 с.
52. Прошин. Г.Г. Черное воинство: (Русский православный монастырь. Легенда и быль). – М.: Политиздат, 1988. – 350.
53. ПСЗ–1. – Т. I. – № 421.
54. ПСЗ–1. – Т. IV. – №№ 1834, 1856, 1886, 1948.
55. ПСЗ–1. – Т. VI. – № 4022.
56. ПСЗ–1. – Т. VII. – №№ 4151, 4672.
57. ПСЗ–1. – Т. IX. – № 6585.
58. ПСЗ–1. – Т. XI. – №№ 8308, 8309.
59. ПСЗ–1. – Т. XV. – № 11332.
60. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 46.
61. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 67.
62. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 278.
63. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 324.
64. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 396.
65. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 397.
66. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 445.
67. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 446.
68. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 584.
69. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 585.
70. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 586.
71. РГАДА. – Ф. 280. – Оп. 3. – Д. 653.
72. Российское законодательство X–XX веков в 9 томах. – М., 1985. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
73. Русский биографический словарь. – М., 1916. – Т. Герберский-Гогенлоэ. – 442 с.
74. Рябинский К.С. Малоюнгинский монастырь (1627–1764) // ИОАЭИ. – 1895. – Т. XIII. – Вып. I. – С. 1–9.
75. Соловьев А.И. Алатырская Духовская пустынь: (составлено по архивным документам, собранным К.И. Невоструевым) // Симбирская церковная старина. – Симбирск, 1917. – Вып. 3. – С. 56–70.

76. Соловьев А. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. – Симбирск, 1909. – XVI + 193 с.

77. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межеванья Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). – Казань, 1909. – 143 с.

78. Справочная книга по Казанской епархии. – Казань, 1904. – 798 + XXIX с.

79. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – 1055 + 67 стб.

80. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 2. за 1718 г.

81. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 14 за 1723 г.

82. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 74 за 1724 г.

83. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 60 за 1736 г.

84. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 79 за 1740 г.

85. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 77 за 1741 г.

86. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 97 за 1741 г.

87. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 552. – Д. 99 за 1741 г.

88. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 125 за 1744 г.

89. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 39 за 1748 г.

90. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 553. – Д. 46 за 1749 г.

91. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 29 за 1752 г.

92. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 20 за 1753 г.

93. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 29 за 1757 г.

94. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 99 за 1757 г.

95. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 19 за 1758 г.

96. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 3 за 1759 г.

97. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 38 за 1764 г.

98. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 48 за 1764 г.

99. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 554. – Д. 79 за 1764 г.

100. ЦАНО. – Ф. 998. – Оп. 588. – Д. 756.

101. Чебоксарский Свято-Троицкий мужской монастырь. – Чебоксары: Изд-во Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря, 2008. – 19 с.

102. Чибис А. А. Вотчина Троице-Свияжского монастыря в XVI – XVII веках: (документы из Государственного исторического архива Чувашской Республики) // Марийский археографический вестник. – 2008. – № 18. – С. 184–197.

103. Чибис А. А. К вопросу о возникновении православных монастырей на правобережной части Казанской земли во второй половине XVI – XVIII веков // Марийский археографический вестник. – 2011. – № 21. – С. 39–60.

104. Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2006. – Т. I. А-Е. – 587 с.

105. Юдин П. Л. Свияжский Иоанно-Предтеченский девичь монастырь и его замечательные святыни. – Казань, 1892. – 40 с.

106. Яблоков А. Город Свияжск Казанской губернии и его святыни: историко-археологический очерк. – Казань, 1907. – 211 + XLVI с.

А.А. Чибис

XVI гасырның икенче яртысында – XVIII йөзгә урталарында (1764 елга секуляризациягә кадәр) Идел урта агымының уң як яры ягынлагы монастырьларның эчке идарәсе һәм көнкүреше

Мәкалә XVI гасырның икенче яртысында – XVIII йөзгә урталарында Идел урта агымының уң як яры ягындагы монастырьларның эчке идарәсе һәм көнкүреше тарихына багышлана. Монастырь чиркәүләренең барлыкка килү тарихы, монастырьларның эчке идарәсе, монахларның социаль килеп чыгышы, дөньяви затлар һәм корпорацияләр тарафыннан монастырьларга ярдәм күрсәтүе баян ителә.

Ачкыч сүзләр: Урта Идел буе, православ монастырьлар һәм чиркәүләр, монахларның уставлары.

А.А. Chibis

Internal structure and life of the monasteries right bank of the Middle Volga Region in the second half of XVI – middle of XVIII centuries (up to the secularization of 1764)

This article is devoted to the history and life of the internal structure of the Orthodox monasteries in the cities and counties of the Middle Volga region in the second half of XVI – first half of the XVIII centuries. We consider the history of the rise of monastic churches, monasteries internal management, social origin monks and nuns from monasteries support the secular individuals and corporations.

Keywords: Middle Volga Region, Orthodox churches and monasteries, monastic charters.

Чибис Александр Алексеевич – доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары); e-mail:chib0701@yandex.ru

Чибис Александр Алексей улы – И.Н. Ульянов исемдәге Чуваш дәүләт университетының документлаштыру, мәгълүмати ресурслар һәм ярдәмче тарих дисциплиналары кафедрасы доценты (Чебоксар шәһәре).

Chibis Aleksandr Alekseevich – Associate Professor, Department of documentation, information resources and auxiliary historical disciplines, I.N.Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary).

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Гарзавина

Золотые страницы: история Казани в документах и материалах. XIX век

Многотомный труд «История Казани в документах и материалах. XIX век» вошел в число самых значительных изданий по истории города. В конце 2014 года опубликована его пятая книга*. Работа выполнена в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ. Авторы-составители И.К. Загидуллин, Л.М. Свердлова, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова. Научный редактор И.К. Загидуллин.

В томе на документальных источниках рассмотрена общественная жизнь Казани в её многообразии, включая развитие городского хозяйства, работу органов городского управления, деятельность учебных заведений и т.д. Пятый том посвящен культурной жизни города, он состоит из разделов: театральная Казань; литература и периодическая печать; книжная торговля, библиотеки, типографии, цензура; музеи, художественные выставки и вернисажи; общественные развлечения, народные гуляния, празднества. Хорошо написано предисловие, в целом оно дает представление о содержании тома и принципах отбора документов и материалов.

История казанского театра – самый большой раздел в книге. Театр в Казани внёс существенный вклад в культуру России, вписав в неё великие имена и запоминающиеся события. Размещенные в начале раздела о театре статьи Н.Ф. Юшкова из Казанского биржевого листка «К столетию казанского театра», Г.М. Кантора о театре первой половины XIX века из его книги «Музыкальный театр в Казани XIX – начала XX века», «Из театрально-музыкальной жизни» из «Спутника по Казани» под редакцией Н.П. Загоскина и воспоминаний С.Т. Аксакова – всё это дает хорошее представление о истории театра в Казани, о спектаклях, работе антрепренёров и актеров. Театральные и музыкальные постановки полюбили зрители и стали неотъемлемой частью культурной жизни города. Н.Ф. Юшков называет началом сценических представлений в Казани 1723 год, когда в Федоровском монастыре, учениками славяно-латинской школы давались «комедийные действия». Однако можно от-

* История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга V: Культурная жизнь города / Авт.-сост.: И.К. Загидуллин, Л.М. Свердлова, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова. Под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Татарское книжное издательство, 2014. – 671 с.

метить, что ещё в XVII веке театрализованные представления ставились в Кафедральном Благовещенском соборе. В «Пещном действе» показывалась история благочестивого отрока, которого Навуходоносор намеревался сжечь в печи, но прилетевший ангел спасал юношу. Для представления устраивались декорации, оно сопровождалось пением архиерейского хора.

До середины XVIII века церкви были не только религиозными, но и культурными центрами, а духовенство выполняло тогда роль просветителей народа, оно воспитывало любовь к духовной музыке и хоровому пению. На протяжении веков они успешно развивались в Казани и в XIX веке ярко проявились в деятельности хорового дирижера и педагога, позже профессора Московской консерватории, управляющего Придворной певческой капеллой в Петербурге, С.В. Смоленского. Его очень интересные воспоминания о Казани можно было бы включить в сборник при его переиздании, тем более, что в материалах о концертной жизни Казани упоминается о хорах и концертах духовной музыки (с. 507, 510, 523, 525, 526).

Многие казанские помещики имели замечательные хоры и оркестры из крепостных (например, Толстые, родственники Л.Н. Толстого) и домашние театры. В воспоминаниях С.Т. Аксакова, помещенных в сборнике говорится о студенческом спектакле в университете, но есть у него в мемуарах сведения об одном из спектаклей в доме Панаевых. На импровизированной сцене там стреляли из пушек, метали стрелы, всё двигалось и шумело – зрелище было захватывающим из-за применения разных механизмов. Домашние спектакли были одной из сторон театральной жизни города в начале XIX века.

Хорошо раскрыта роль П.П. Есипова, подлинного поборника театрального дела. В его имении также был домашний крепостной театр, многие артисты позже играли в его казанском городском театре. Значение есиповского театра в Казани заключается ещё и в привлечении в театр татар, которые начали весьма часто посещать театр. Материалы об участии татарского населения в культурной жизни города и о начале работы над представлениями на татарском языке и причинах задержки практического осуществления этого дела – невозможность найти исполнителей женских ролей, отсутствие репертуара и др. обогащают наши знания о распространении татарской культуры в Казани. Разрешение на устройство татарских спектаклей было получено только в 1899 году.

В конце XIX века активно обсуждался вопрос о создании народных (общедоступных) театров. Эта тема не часто освещалась в исторической литературе и поэтому сведения о народных театрах привлекают особое внимание. Такие театры были открыты в Адмиралтейской слободе в

саду «Тиволи», в Пороховой слободе, при фабрике Алафузова и в других местах. Для рабочих цены на билеты устанавливались невысокими.

О нашем знаменитом певце Ф.И. Шляпине написано немало, но составители сборника нашли хороший выход – поместили отрывок из почти неизвестной читателям книги И.П. Пеняева «Первые шаги Ф.И. Шляпина на артистическом поприще (из воспоминаний провинциального актера)» изданной в Москве в 1903 году. О деятельности В.И. Качалова казанцам тоже достаточно известно, поэтому в сборник включены сведения о нём из книги «Русский провинциальный театр. Воспоминания», изданной в Москве в 1937 году и знакомой главным образом специалистам.

Жаль, что не вошли в сборник материалы о гастролях в Казани М.С. Щепкина с дочерью, также артисткой. Они имели оглушительный успех у казанской публики, их игра оказала заметное влияние на мастерство актеров, занятых в драматических спектаклях. Сведения об этих гастролях можно использовать при переиздании сборника.

Культурная жизнь Казани в XIX веке отличалась многообразием и громкими именами исполнителей. Музыкальные вечера проводил композитор В.Н. Пасхалов. Он создал оркестр, открыл бесплатную музыкальную школу, сочинял песни и сам с успехом исполнял их. Роль Пасхалова в жизни Казани весьма значительна, о нём издана книга, из которой можно было бы использовать сведения о нем как о музыканте и композиторе. Давал концерты студент университета Милий Балакирев, знаменитый позже композитор, в Казани началась его музыкальная деятельность. Тексты о концертной жизни Казани, любительских спектаклях и концертах из раздела «Развлечения» (он внесен туда неудачно) стоит перенести в раздел «Театральная Казань» и назвать его «Театрально-музыкальной Казанью» или сделать их отдельным разделом.

«Литературная Казань» начинается с большой статьи из «Казанских губернских ведомостей» «Обзор развития литературы в Казани первой половины XIX века». Дается хороший анализ развития казанской журналистики, характеризуются печатные издания, приводятся воспоминания о создании общества любителей словесности под руководством Н.М. Ибрагимова. Тщательно подобраны материалы о литературных вечерах. Выше всяческих похвал отобраны документы и материалы о мусульманских изданиях, о развитии печатного дела на татарском языке, приводятся сведения из «Очерков литературной деятельности казанских татар-мусульман за 1880–1899 гг.» Н. Ашмарина.

Подборка документов о казанской периодической печати с характеристиками неблагонадежности журналистов Н.Я. Агафонова, Н.Ф. Юшкова и других, дает представление об особенностях становления казан-

ской журналистики. Очень интересной является статья о Д.Н. Зиновьеве, первом редакторе-издателе «Казанских известий» и литературные воспоминания П.П. Перцова о казанских газетах и их сотрудниках. «Литературную жизнь Казани» хорошо бы дополнить материалами о других казанских литераторах – Анне Наумовой, Федоре Рындовском, о приезде А.С. Пушкина и Е.А. Боратынского, их участии в литературных вечерах (справки об их приезде в Казань лучше извлечь из приложения в раздел «Литературная жизнь Казани»). В приложении необходимо также устранить ошибку (с. 631), связанную с местом рождения Г.Р. Державина. Он родился в Казани (смотри его «Записки»).

Сведения о публичных библиотеках и музеях удачно дополнены архивными ведомостями книжным лавкам и библиотекам для чтения, отчетами о состоянии казанской городской библиотеки, бесплатных народных библиотек-читален, о работе городского музея, типографий и цензоров – что также заслуживает положительной оценки.

С особым интересом читается раздел «Общественные развлечения, народные гуляния, празднества». В других изданиях об этом практически не писали, ценность этих материалов в их новизне и разнообразии. Труд составителей этого раздела нужно отметить особо.

Для написания истории театральной Казани было привлечено огромное количество источников, перечислить которые невозможно, читатели сборника сами убедятся в этом. Театральная Казань раскрыта во многих её проявлениях, в неудачах и достижениях, поэтому раздел получился содержательным и очень интересным. На примере анализа документов и материалов о театральной Казани виден принцип создания сборника, отбора документов, их размещения. Таким же образом работа велась с материалами о библиотечной и музейной жизни. Деятельность этих учреждений, в общем то знакома казанцам, но в сборнике использованы новые документы, так что содержание этих разделов также заслуживает высокой оценки.

В приложении приводятся сведения о казанских художниках, однако отсутствует раздел «Художественная жизнь Казани», в котором можно было бы описать работу художественных школ, мастеров-резчиков по дереву, по металлу (было развито искусство скани, зерни, гравировки и т.д.), искусство миниатюры, шитьё жемчугом, бисером. С успехом работали иконописцы, мастера живописи и графики и др. В сборнике упомянуто только лишь творчество художников книги, а статьи о художниках В. Турине, Л. Крюкове, А. Раковиче и каллиграфе А. Махмудове помещены почему-то в разделе о музеях.

В приложении приводится список казанских архитекторов из компилятивной работы Л.М. Муртазиной, но отсутствует раздел об архи-

текстурной Казани – включение этого списка необоснованно. Если еще раз посмотреть приложение, то, на наш взгляд, не было необходимости использовать перечень знаменательных культурных событий из книги М. Пинегина «Казань в её прошлом и настоящем» 1890 года издания, он устарел, лучше бы для пятого тома авторы составили новый список.

Отмеченные замечания не уменьшают большого положительного значения изданного Институтом истории тома о культурной жизни города в документах и материалах. Он позволяет читателям открыть многие неизвестные ранее факты о людях и событиях. Хочется пожелать продолжить работу над новыми книгами и в ближайшее время подготовить переиздание вышедшего тома.

Гарзавина Алла Викторовна – историк, автор документально-художественных книг, член Союза писателей РТ и Союза российских писателей, Заслуженный деятель культуры РТ (г.Казань).

И.К. Загидуллин

Новый сборник документов по истории и культуре татар-кряшен*

«Табу», наложенное Коммунистической партией СССР на изучение места и роли религии в духовной и социальной жизни народов страны, самым пагубным образом отразилось на становлении и развитии этнографической науки о крещеных татарах. Стало нормой игнорирование ценнейшего пласта источников – материалов современников, которые являлись не только свидетелями, но и активными участниками конструирования и наполнения реальным содержанием и символами новой этноконфессиональной общности крещеных татар – миссионеров, учителей братских школ, церковнослужителей. Если при описании жизни и быта мусульман конфессиональный фактор в целом усиливал субъективное отношение автора-миссионера, и они оценивались как «чужие», то в текстах священнослужителей коренные народы Среднего Поволжья, принявшие православие, описывались как «свои». Широкое использование

* Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.). Сборник материалов и документов / Сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р.Исхаков, Г.А.Николаев. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. – 316 с.

накопленных знаний о народах региона в учебном процессе, в стенах различных православных духовных образовательных учреждений, в миссионерской деятельности, в разработке методических пособий обусловило их стремление к сбору достоверной и подробной информации.

Приметой современных научных изысканий по культуре крещеных татар дооктябрьского периода стало обращение ученых именно на эти пласты источников – на публикации православных миссионеров, приходских священников и на архивные материалы на русском языке и активное введение их в научный оборот.

В этой связи явлением в научной жизни Татарстана стал итог совместного проекта двух научных центров – Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) и Института истории им. Ш.Марджани АН РТ – сборник материалов и документов «Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.)».

О существовании уникальных материалов по этнографии крещеных татар сообщил заместитель директора по науке ЧГИГН Геннадий Алексеевич Николаев. Талантливый организатор науки и известный ученый-аграрник сумел за короткий срок проложить мост сотрудничества между историками Татарстана и Чувашстана.

Именно он стал автором идеи, главным вдохновителем и одним из участников данного проекта. Г.А. Николаев, специалист по истории полиэтнической деревни Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX вв., основательно изучил материалы фонда Н.В.Никольского в ходе подготовки 2-го тома четырехтомника избранных трудов известного чувашского просветителя, посвященного вопросам истории христианизации и христианского просвещения чувашей*. Во время Межрегионального научного семинара «Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие» (г.Чебоксары, 13 апреля 2011 г.), также организованного по его инициативе, в архиве института он ознакомил меня с фондом Н.В.Никольского.

Со стороны Института истории им.Ш.Марджани к реализации проекта был привлечен молодой историк Р.Р.Исхаков, успешно защитивший в 2008 г. кандидатскую диссертацию по теме «Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917 гг.)».

* Никольский Н.В. Избранные труды. Том II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 447 с.

По своему научному оформлению книга претендует на академическое издание сборника материалов и документов. Составители сборника трепетно обращаются с источниками, которые сопровождаются подробными и многочисленными научными комментариями к зафиксированным в тексте событиям, понятиям, а также уточнениями, переводами татарских слов, терминов и т.д. Отдельно представлены анкетные сведения о 63 из 64 слушателях Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума), авторов курсовых сочинений.

Именной и географический указатели, список сокращений существенно облегчают работу с источниками. В конце книги размещены фотографии крещеных татар начала XX в., извлеченные из фонда Н.В.Никольского.

Издание открывается содержательным «Предисловием», которое структурно состоит из нескольких частей: экскурс в историю изучения этнографии крещеных татар, краткий анализ творческого пути и научно-педагогической деятельности специалиста по истории народов Среднего Поволжья и их христианизации Н.В.Никольского (1878–1961) и языковеда-тюрколога С.Е.Малова (1880–1957), из фондов которых извлечены публикуемые материалы (до отъезда в конце 1922 г. в Петроградский университет, он преподавал в Казанском кряшенском техникуме татарский язык и собирал образцы народного творчества кряшен. Его фонд находится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ). Представленные характеристика публикуемых источников и пояснительная записка о принципах оформления текстов в издании выполняют функцию подготовки читателя к чтению текстов.

Нужно сказать, что в научный оборот вводится первичные материалы, собранные представителем Казанской миссионерской школы Николаем Васильевичем Никольским, выпускником Чебоксарского духовного училища (1893 г.), Казанской духовной семинарии, он в имперский период преподавал на миссионерских курсах при Казанской духовной академии (1903–1917 гг.) и в Казанской духовной семинарии (1906–1910 гг.).

Курсовые сочинения, исходя из излагаемых сюжетов, составителями разделены на шесть тематических разделов, что, безусловно, облегчает поиск необходимой информации. Разделы эти следующие: «Религиозно-мифологические представления и бытовая культура», «Устное народное творчество», «Хозяйственные занятия и материальная культура», «Семья, община и обычное право», «История и этнография поселений», «Детство и социализация личности».

В 135 публикуемых документах – текстах курсовых сочинений по учебной дисциплине «История и этнографии народов Среднего Повол-

жья», которую разработал и вел в стенах Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) в 1921–1922 гг. Н.В.Никольский и сам же составил план написания таких квалификационных работ, отражаются практически все аспекты производственной и духовной жизни и социального поведения крещеных татар: народные знания, мифологические представления, религиозные верования и суеверия, церковные ритуалы, устное народное творчество, историческая география поселений, крестьянское хозяйство, жилище, пища и утварь, повседневная и праздничная культура, общинные традиции и нормы обычного права, экзистимы деревенской жизни, семейные и имущественные, межэтнические и межконфессиональные отношения и т.д.

Среди публикуемых материалов большую ценность представляют тексты на татарском языке, прежде всего образцы устного народного творчества, как справедливо отмечают составители, они «являются не только важными историко-этнографическими источниками, но и ценными источниками письменного народного творчества кряшен начала XX в., дают представление об особенностях их языка, знакомят с их фольклором, богатым культурным достоянием» (с.13).

Тексты представителей интеллигенции татар-кряшен зафиксировали тот срез переходного периода в национальной деревне, когда на основании знаменитого декрета «О земле» 1917 г. их родители – крестьяне – получили землю, жили с надежной на светлое будущее и сытную жизнь, пользовались огромными полномочиями, делегированными советской властью сельской общине, автономно решающей многие административно-судебные вопросы местного значения. Хотя курсовые сочинения написаны в голодном 1921 г., это трагическое событие в текстах не прослеживается.

Ценность источников заключается в том, что авторами курсовых сочинений являются лица, воспитанные в миссионерских школах, выросшие в бикультурной религиозной ситуации, в которой институты Русской православной церкви играли важную роль и стали неотъемлемой частью общественной и семейной жизни крещеных татар. В этнокультурном плане они являются продуктом миссионерской системы обучения и религиозного воспитания, разработанной Н.И.Ильминским и принятой имперской властью в 1870 г. в качестве официальной идеологии, и внутривластного курса самодержавия в сфере школьного образования в отношении этноконфессиональных меньшинств, исповедующих православие.

Авторами записок являются представители третьего поколения крещеных татар, подвернувшиеся христианскому просвещению по системе Н.И.Ильминского. Привлекает внимание их высокая грамотность

по-русски, правильное выстраивание предложений, что следует признать великим достижением кряшенской национальной школы начала XX в. При освещении межэтнических и межконфессиональных отношений с соседними народами авторы отмечают отсутствие браков и контактов с татарами и тенденцию формирования межэтнических браков с русскими. Тексты передают чувство самодостаточности при оценке места кряшен в межкультурном пространстве местности, гордость за своих односельчан.

Курсовые сочинения иллюстрируют процесс основательного проникновения в семейный быт и мировоззрение населения православных ценностей. Такой вывод можно сделать на основании сообщений о посещении служб в храме и прилежном выполнении предписаний церкви женщинами – хранительницами домашнего очага и воспитателями своих детей в духе религиозно-нравственных традиций. Все это свидетельствует о торжестве системы Ильминского в начале 1920-х гг. Видимо, в общественном сознании последующих поколений жителей крещено-татарских селений, выросших в условиях советского атеистического общества, стали доминировать традиционные верования, над искоренением которых из религиозной практики крещеных татар ранее трудилась Русская православная церковь.

В этой связи курсовые сочинения являются бесценным источником по этноконфессиональной идентификации кряшенской молодежи в первые годы советской власти. На этот аспект обратили свое внимание составители сборника. Основополагающий вывод, который сделали авторы «Предисловия», заключается в том, что «В анкетах и сочинениях свою национальную принадлежность они обозначили как кряшены, соответственно, язык общения – «как «кряшенский», подчеркивая тем самым, что они имеют, отличительную, от татар-мусульман этническую идентичность» (с.14).

Записи слушателей зафиксировали контуры трансформации взглядов нового поколения татар-кряшен. В рассматриваемый период школа была выведена из ведения Русской православной церкви и служила инструментом формирования новой, советской идентичности. Некоторые авторы квалификационных работ выражают обеспокоенность с усилением русификации, другие называют церковные ритуалы и традиционные верования элементом отсталости. Авторы еще не знают, что очень скоро под воздействием политики воинствующего атеизма конца 1920-х гг. религиозная ситуация в кряшенских селениях кардинально изменится, священнослужители станут изгоем советского общества, церкви будут использоваться под хозяйственные нужды, а сами они – представители советской сельской интеллигенции – будут служить претворению в жизнь новой

идеологии страны Советов. Нельзя исключить, что некоторые из них, прошедшие тяжелые и суровые испытания, выпавшие на долю этого поколения (коллективизация, военное и послевоенное лихолетье и т.д.) и дожившие до брежневской эпохи, уже в качестве сторожил деревни могли выступать в 1970-е гг. в качестве респондентов этнографов, интересовавшихся культурой и народными обычаями кряшен.

Составители сборника материалов и документов предупреждают о необходимости критического отношения к публикуемым источникам, которые выполняли письменную работу для получения искомого документа об окончании курсов (техникума), и могли допускать легковесные заключения и спорные обобщения. В этом плане на абсолютную подлинность претендуют образцы народного творчества – если слушатели и сочинили сами некоторые четырехстишья, то они своим творчеством лишь дополняли фольклорный материал.

В то же время имеется пожелание к тексту «Предисловия» сборника. В части освещения истории изучения этнографии кряшен он получился немного абстрактным, не привязанным к публикуемым материалам, с одной стороны – неполным – он не учитывает вклад отдельных исследователей отечественной академической науки в изучение быта и повседневной культуры крещеных татар. У читателя может сложиться мнение, что исключительно представителям Казанской миссионерской школы и Н.В.Никольскому принадлежит заслуга изучения ранее указанных тем и сюжетов.

Между тем, Н.В.Никольский, помимо разработанного им самим «плана» курсовой квалификационной работы, раздавал слушателям курсов для заполнения готовые разработки, относящиеся к имперскому периоду, а именно:

– анкету, составленную секретарем отдела этнографии при Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, известным этнографом М.Н.Харузиным (СПб., 1887) и содержащую более 200 пунктов о границах применения норм обычного права в семейных, имущественных отношениях, взаимоотношениях между членами крестьянской поземельной общины, принципах использования общественных земель (пастбищ, сенокосов, лесных угодий) и т.д.

– «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины» совместного издания Императорского Вольного экономического общества и Русского географического общества (СПб., 1880);

– «Программы для собирания народных юридических обычаев (Издание Комиссии собирания народных юридических обычаев, состоящей при отделении этнографии Русского географического общества (СПб., 1889).

По сути, 4-й раздел издания «Семья, община и обычное право» состоит, главным образом, из ответов слушателей (студентов) на вышеназванные анкеты (документы под №№ 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64), информация о них в сборнике ограничивается приведением в примечаниях сведений выходных данных.

Анкетные разработки этнографов позволили Н.В.Никольскому собрать уникальный материал о производственных, имущественных отношениях в сельском обществе. Краткая информация об этих анкетах и их составителях позволила бы приоткрыть завесу творческой лаборатории Н.В.Никольского, который, безусловно, учел, с одной стороны, накопленный опыт в области сбора информации путем заполнения письменных анкет, с другой – возрастные особенности и интеллектуальные возможности авторов курсовых сочинений, с третьей – свои научные интересы. Примечательно, что эти анкеты Н.В.Никольский раздавал некоторым своим подопечным в первый учебный год преподавания курса, в 1921 г. Полученные ответы чем-то не устроили Н.В.Никольского, или он посчитал достаточным собранный материал. В результате во второй учебный год ученый ограничился своими разработками.

В целом, сборник презентует современным историкам, этнографам, языковедам, исследователям устного народного творчества новый, неизвестный пласт источников и является важным шагом на пути возвращения наследия крупнейшего чувашского ученого Николая Васильевича Никольского.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

И.Р. Валиуллин

Новая монография по истории мануфактурной промышленности Казанского края*

История промышленности традиционно привлекала внимание российских исследователей. Этот интерес обусловлен, с одной стороны, осознанием значимости промышленности в экономическом развитии страны, а с другой стороны, необходимостью осмысления историческо-

* Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 208 с.

го опыта её развития. В научном осмыслении темы важное место занимает исследование российской мануфактурной промышленности XVIII в. – предтечи фабричного производства.

В центре внимания казанского историка И.З.Файзрахманова история развития мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Структурно работа состоит из двух глав. В первой главе освещены условия возникновения и развития мануфактурной промышленности. Прежде всего, автор рассматривает политические и правовые аспекты. Отдав должное внимание периодам правления российских правителей Петра I, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, автор обозначил основные черты торгово-промышленной политики государства в XVIII в. Наибольшее внимание уделено законодательству императрицы Екатерины II, которую автор характеризует как сторонницу свободного рынка и минимального государственного регулирования промышленности. Затрагивается и национальный аспект политики Екатерины II, поскольку с именем императрицы были связаны положительные перемены в жизни нерусских народов Казанского края, в т.ч. и в экономической области.

Немаловажное значение для мануфактурного производства играли природно-климатические условия, наличие природных и людских ресурсов, материал о которых автор выделил в отдельный параграф. Он отмечает как благоприятные, так и неблагоприятные факторы, оказавшие влияние на развитие промышленности. К первым отнесены удобное географическое положение, умеренный климат, наличие лесных и водных ресурсов и некоторых полезных ископаемых (медные руды, известняк, доломит, кварцевые пески, серные месторождения), ко вторым – отсутствие или недостаток многих полезных ископаемых, нерентабельное использование имевшихся ресурсов (например, непомерные вырубki лесов, нерасчетливая эксплуатация медных рудников). Опираясь на материалы 3-й, 4-й и 5-й ревизий, автор делает вывод о росте численности населения Казанского края, а в итоге и об обеспеченности края «необходимыми людскими ресурсами для занятия промышленной и торговой деятельностью» (с. 43). Касаясь людских ресурсов, автор также отмечает ограниченные возможности населения, пассивность большей его части в торгово-промышленной области из-за крепостнических отношений.

На развитие промышленности оказывало влияние и состояние товарно-денежных отношений в крае. На основе имеющихся материалов автор раскрывает масштабы торговой деятельности в крае; выделяет особенности процесса первоначального накопления капитала, такие как оптовая торговля, подряды на поставку товаров, кредитные операции и др. В ра-

боте отмечается значимость торгового капитала для мануфактурной промышленности края; что часть накопленного капитала вкладывалась в суконные, кумачные, кожевенные и мыловаренные предприятия.

В структуру первой главы, придавая ей определенную завершенность, логично вписывается параграф, в котором освещается развитие ремесел и промыслов населения Казанского края. И.З.Файзрахманов показал, что в регионе имелись традиции разнообразных ремесел и промыслов, их территориальную распространенность и национальную специфику. Он справедливо заключает, что мануфактура «...в лице ремесла и промыслов уже имела некоторую материальную базу, основу в виде орудий труда и навыков ремесленников и промысловиков» (с. 77).

Вторая глава является основной в воссоздании целостной картины истории мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Здесь автором рассмотрены вопросы развития медеплавильной, судостроительной, текстильной, кожевенной и других отраслей промышленности. В первом параграфе И.З.Файзрахманов, анализируя состояние медеплавильной промышленности в крае, отметил среди её особенностей преобладание средних по мощности предприятий, а также их слабую конкурентоспособность по сравнению с уральскими заводами. Как указывает автор, доля медеплавильных заводов региона в общем производстве страны была незначительной – всего лишь 3,75% от общероссийского производства.

В промышленной жизни края более значимая роль была у судостроения, функционирование которой рассматривается во втором параграфе. Ключевой сюжет параграфа связан с Казанским адмиралтейством. И.З.Файзрахманов справедливо отметил зависимость адмиралтейства от политической активности России на Каспийском море, которая, в конечном счете, через систему казенных заказов сказывалась на интенсивности казанского судостроения. К примеру, такая зависимость нашла отражение в 1749–1777 гг., когда для нужд Каспийского флота было построено всего 5 судов. Автором выделена также важная сторона функционирования адмиралтейства, связанная с заготовкой корабельного леса.

В третьем параграфе, посвященном текстильному производству, освещается работа суконной и кумачной промышленности. И.З.Файзрахманов подробно остановился на работе Казанской суконной мануфактуры. Здесь также представлена информация о суконной фабрике А.И.Сахарова, Теньковской полотняной фабрике, фабрике Молоствова. В центре внимания автора объем производства, состав рабочих, производственный процесс, условия труда рабочих и др. Как следует из материалов параграфа, большинство кумачных мануфактур располагалось в татарских селах. Кроме того, автор акцентирует внимание читателей на

исключительном применении вольнонаемного труда на татарских мануфактурах.

В четвертом параграфе, посвященном промышленности по обработке сельскохозяйственной продукции, затрагивается работа предприятий кожевенного и мыловаренного производств. Представленные материалы свидетельствуют: признанным центром этих производств была Казань; что кожевенными и мыловаренными предприятиями владели как русские, так и татары; что татарские кожевенные «заводы» в Казани занимали меньшую площадь по сравнению с русскими «заводами», крупными были предприятия М.Габбасова, И.Галеева, А.Галанского и т.д. Вызывают также интерес сведения о салотопном и мукомольном, солодовенном и пивоваренном производствах. Рассмотрев состояние винокурного производства, автор не без основания утверждает, что в общероссийском масштабе оно было представлено незначительно.

В пятом параграфе автором подчеркивается общероссийское значение порохового производства в Казани. Он также представил свои наблюдения о других производствах, имевшими место в Казанском крае: стекольном, писчебумажном, кирпичном и др. Анализируя состояние поташного производства, И.З.Файзрахманов связывает это в основном с увеличением численности предприятий (с. 140). Однако здесь надо иметь в виду, что эта связь не столь однозначна, поскольку, по словам самого же автора, «... было довольно много мелких «заводов» с ничтожной выработкой» (с. 139).

В заключение стоит отметить приложение (состоящее большей частью из таблиц), которое удачно дополняет основной текст книги. Например, таблицы №№ 3–6 (с. 181–183) дают представление о владельцах и местонахождении медеплавильных заводов, численности рабочих, динамике производства меди, об объемах её выплавки в России и в Казанском крае в сравнении.

В целом книга И.З.Файзрахманова, восполняя определенный пробел в изучении мануфактурной промышленности Казанского края, даёт возможность более глубоко осмыслить закономерности и специфику её развития, представить вклад нашего региона в формирование экономического облика страны.

Валиуллин Ильдар Рауфович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г.Казань).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ВОУО – Вестник Оренбургского учебного округа
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГИА ЧР – Государственный исторический архив
Чувашской Республики
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
дер. – деревня
ж.п. – женского пола
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
КОРС – Казанский отдел Русского собрания
м.п. – мужского пола
МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
об. пола – обоего пола
ОАИЭ – Общество истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОЦСПП – Общество церковных старост и приходских попечительств
ПМО – Партия мирного обновления
пос. – поселок
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е

ПСЗ–3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е.
ПСР – Партия социалистов-революционеров
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РФ ГУ НИИГН – Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при
 Правительстве Республики Мордовия
с. – село
совр. – современное
СГУАК – Симбирская губернская ученая архивная комиссия
СПМНП – Сборник постановлений Министерства народного
 просвещения
СПЦС – Союз пастырей и церковных старост
СРН – Союз Русского Народа
ТПП – Торгово-промышленная партия
ТР ФА – Татарстан Республикасы Фәннәр Академиясе
ТУОСГ – Татарское училищное отделение при Симферопольской гим-
 назии
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦГА РМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан
ЦКУО – Циркуляры по Казанскому учебному округу
ЦНРО – Царско-народное русское общество
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

СОДЕРЖАНИЕ

Загидуллин И.К. Предисловие	3
--	---

Статьи

Аминов Р.Р. Формирование и расширение поселенческой структуры оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840 гг.)	6
Ахметзянов И.З. Из истории появления Владимиро-Суздальских князей в Казанском Поволжье (на примере большого воеводы Свяжска 1565–1567 гг. Андрея Ивановича Катырева-Ростовского)	34
Ахтямова А.В. Из истории становления политических партий в Казанской губернии (1905–1907 гг.)	43
Галлям Р.Г. Первые «новокрещенские» поселения в Среднем Поволжье и основы генезиса татар-кряшен (по документам второй половины XVI – начала XVII вв.)	57
Загидуллин И.К., Хамитбаева Н.С. «Татарские социалисты» в петиционной кампании мусульман России 1905 года	72
Зеленский Ю.В. К вопросу о наследовании власти у донских кипчаков	96
Кореева Н.А. Деятельность словесных судов Казанской губернии (конец XVIII – первая половина XIX века)	102
Корнишина Г.А. Этнокультурные параллели в обрядах детского цикла татар-мишарей и мордвы Республики Мордовия	128
Моисеева А.П. История города Свяжска на страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете»	143
Мустакимов И.А. «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» Шарифа Хаджи-Тархани: некоторые итоги и перспективы изучения	155
Назарова И.В. К вопросу генезиса Симбирской засечной черты середины XVII столетия	163
Осипян А.Л. Армянская диаспора в Золотой Орде	172
Пашина Е.В. Служилые люди «пушкарского чина» и казенные мастеровые крепости Тетюши в XVII – начале XVIII вв.	188

Саматова Ч.Х. Организация татарских учительских школ в законодательной практике российского государства в пореформенный период	204
Свердлова Л.М. Практика реализации Вексельного устава 16 мая 1729 г. в условиях российской провинции (По материалам Казанского городского магистрата конца XVIII – начала XIX вв.)	216
Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в борьбе с казацкими разбоями на Волге и Яике накануне восстания Степана Разина	227
Хамитбаева Н.С. Социально-классовая структура населения Среднего Поволжья во второй половине XIX века	237
Хасаншин Г.Р. Особенности восприятия российскими сановниками понятий «панисламизм» и «пантюркизм» (по материалам Особого Совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.)	249
Хисматуллин Б.Р. Ясак и ушр как основные виды государственных налогов в Казанском ханстве	271
Шарафеев И.М. Примагистральные поселения Сибирского почтового тракта участка Казань – Пермь в путевых заметках А.Н. Радищева 1790 и 1797 гг.	281
Чибис А.А. Внутреннее устройство и быт монастырей правобережной части Среднего Поволжья во второй половине XVI – середине XVIII веков (до секуляризации 1764 г.).....	298

Рецензии

Гарзавина А.В. Золотые страницы: история Казани в документах и материалах. XIX век	334
Загидуллин И.К. Новый сборник документов по истории и культуре татар-кряшен	338
Валиуллин И.Р. Новая монография по истории мануфактурной промышленности Казанского края	344
Список сокращений	348

**Из истории и культуры
народов Среднего Поволжья**
**From History and Culture
of Peoples of the Middle Volga Region**
№ 5. 2015

Научный ежегодник

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева, А.Р.Тухватуллина*

Подписано в печать 28.10.2015 г. Формат 60×84^{1/16}

Усл. печ.л. 22,0 Тираж 100 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru